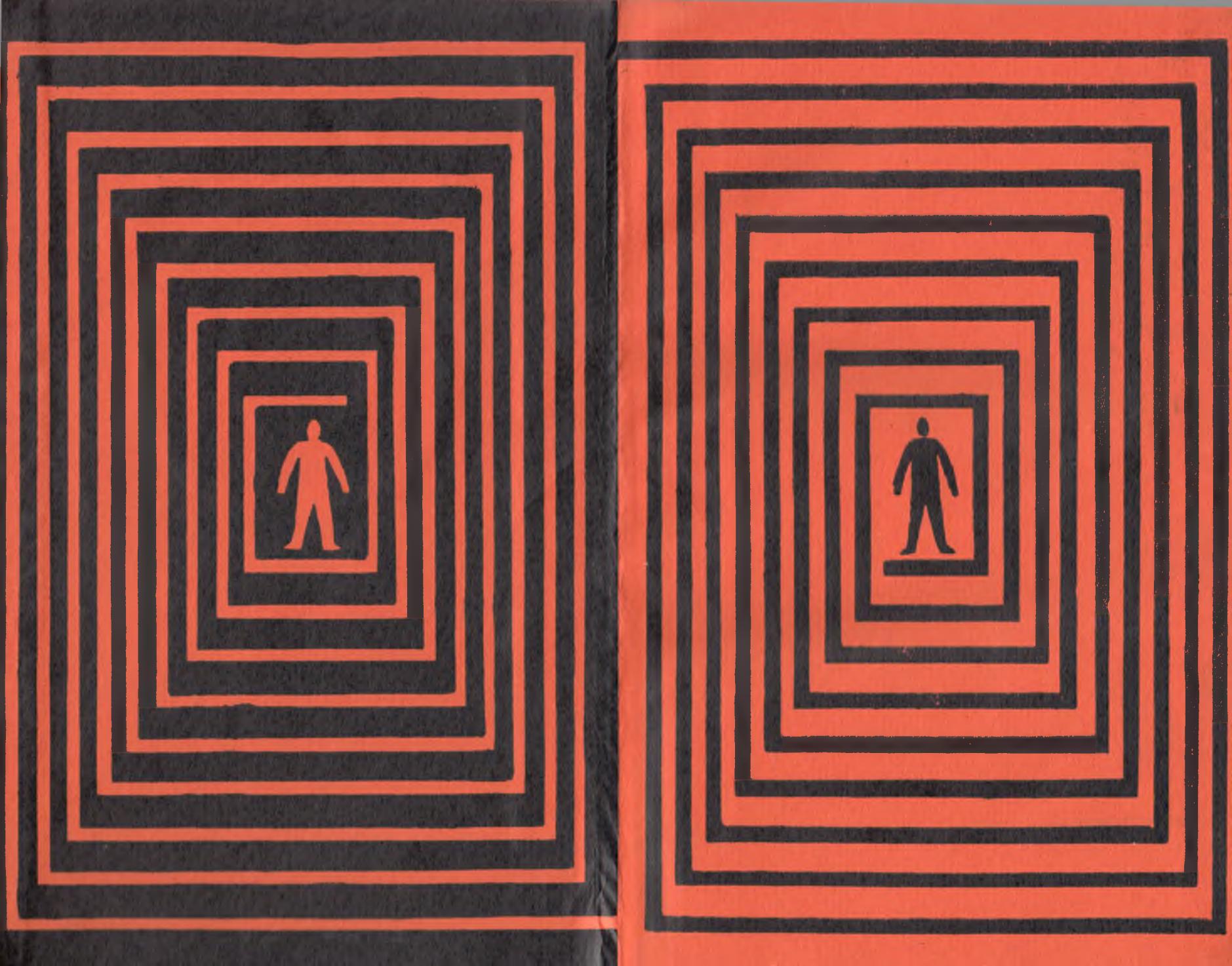

Георгий Мартынов

СТИРАТЬ ВРЕМЕНИ

ГЕОРГИЙ МАРТЫНОВ

Сpiralь
Времени

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН
В ДВУХ КНИГАХ

ЛЕНИЗДАТ 1966

Случайно в руки ученых попадает древняя рукопись, в которой говорится о странных «голубых» людях, появившихся на Земле много столетий назад.

Вскоре ученые находят камеру, явно неземного происхождения, из неизвестного на Земле металла, в которой, как предполагают, находятся либо документы, оставленные пришельцами, либо сами пришельцы, «путешествующие» по времени.

Разгадке тайны пришельцев, установлению контакта с разумными обитателями других планет и посвящен роман Георгия Мартынова.

Георгий Сергеевич Мартынов Сpirаль ВРЕМЕНИ

Редактор И. Н. Трофимкин

Художник В. И. Гусев

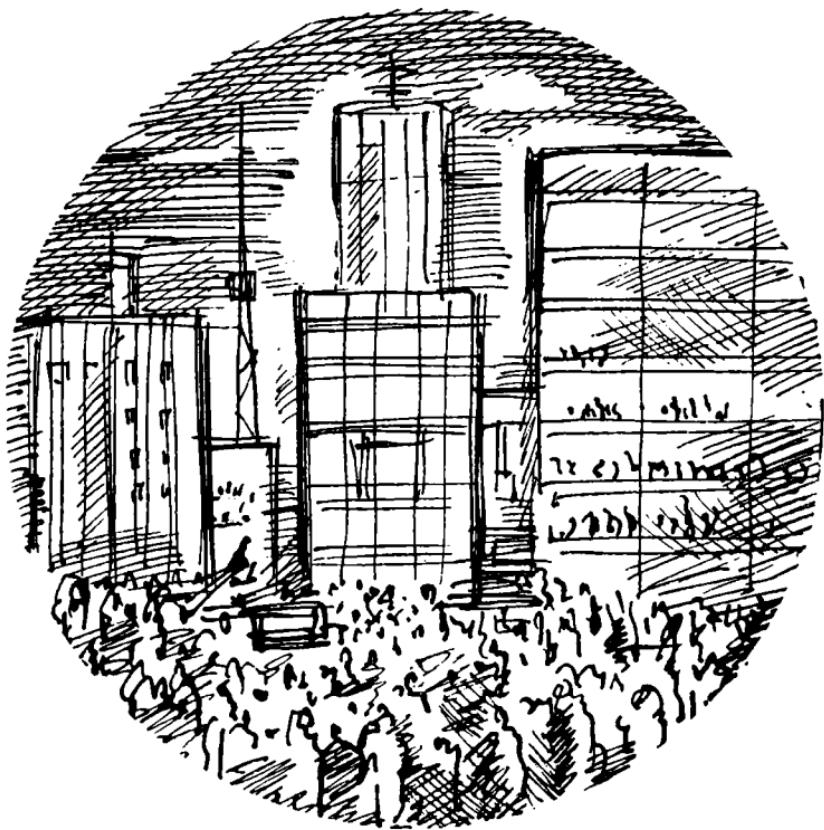
Художник-редактор О. И. Маслаков

Технический редактор Э. И. Панова

Корректор Е. Н. Куренкова

Сдано в набор 21/VII 1966 г. Подписано к печати 25/X 1966 г.
Формат бумаги 84×108^{1/4}. Физ. печ. л. 14,75. Усл. печ. л. 24,78.
Уч.-изд. л. 25,98. Иллюстраций 65 000. М-11965. Заказ № 1129
Работа объявлена в Т. п. 1966 г., № 152

Лениздат, Ленинград, Фонтанка, 59
Типография им. Володарского Лениздата, Фонтанка, 57
Цена 95 коп.

КНИГА ПЕРВАЯ

МАШИНА ВРЕМЕНИ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

„ФАНТАСТ“

— Не могу понять, — сказала она, — почему ты так волнуешься. Можно подумать, что выступить с докладом перед ученым советом для тебя в новинку.

Он ничего не ответил, встал, с подчеркнутой аккуратностью подвинул стул обратно, точно на то же место, где он стоял раньше, повернулся и подошел к окну.

Она наблюдала за ним улыбаясь. Все это было ей давно знакомо и привычно. Перед каждым публичным выступлением он вел себя точно так же.

Они жили на восьмом этаже огромного здания в районе новостроек, там, где несколько лет назад находился аэропорт. Город приблизился вплотную, и бетонные дорожки аэродрома перенесли к югу, в сторону Гатчины.

День выдался морозный, ясный и солнечный.

Он пристально всматривался вдали, где далеко-далеко, казалось на самом краю горизонта, едва угадывалась тонкая игла Петропавловской крепости.

Через полтора часа ему надо было быть там, в районе Невы, в хорошо знакомом доме на набережной, прямо напротив древней крепости.

Что его ждет?

Ему казалось, что работа, которой он посвятил столько лет жизни, не может вызвать никаких споров и разногласий. Результат убедителен и бесспорен. Вывод может быть только один, тоже ясный и бесспорный.

Но он хорошо знал свою тайную слабость — считать выводы бесспорными, до тех пор пока беспощадная логика не развеет иллюзий. Знал — и все-таки каждый раз поддавался самообману. Так было уже несколько раз, — горькие разочарования перемежались с победами. Но победы как-то не запоминались, а горечь поражения оставалась на годы.

Он знал это и считал свой характер трудным и неудобным в жизни.

Так и сейчас.

Он верил в свой труд, но понимал, что все выглядит бесспорно только в его глазах.

Многое, очень многое зависело от результата сегодняшнего обсуждения. Пожалуй, никогда еще этот результат не был так важен для него.

Важен потому, что он сам слишком глубоко верил.

«Неужели она этого не понимает?» — подумал он о жене.

— Дело не в самом докладе, — сказал он, вспомнив, что так и не ответил ей. — Наука терпима и принимает любую гипотезу, если она не чересчур фантастична. Дело в выводе. Ты знаешь, о чем я говорю. Они могут не согласиться со мной.

Она встала и тоже подошла к окну.

— Пусть даже так, — сказала она. — Они не могут не оценить твоей работы. А ведь это и есть самое главное.

Он вздохнул. Нет, это уже перестало быть для него самым главным.

Вывод, вывод!..

— Не хочешь ты меня понять, — с досадой сказал он. — Работа, я имею в виду ее математическую часть, конечно будет оценена, даже если она окажется впоследствии ошибочной. Мало ли бывало в науке ошибочных теорий и гипотез. Они тоже нужны и полезны. Какое-то зерно истины всегда бывает. Не в том дело! — Он повернулся и положил руки на ее плечи. — Поймите вы, — сказал он с силой, — надо искать! Искать! Не жалея труда и затрат! Дело того стоит. Неужели вам так трудно это постигнуть?!

Она поняла, что он говорит не ей, а воображаемым оппонентам и что именно этим объясняется неожиданное местоимение «вы».

Ее нисколько не удивила странная реплика. Недаром она часто называла его одержимым. Мысленно он уже переживал неудачу и страдал от неудовлетворенности, хотя доклад еще не состоялся и было совершенно неизвестно, будут возражения или нет, согласятся с ним или отвергнут его идею.

— Все равно нет никаких причин так волноваться. Не согласятся сегодня, согласятся завтра. Ученый совет не последняя инстанция.

— В этом ты, пожалуй, права, — сказал он. — Ну что ж! Пора отправляться на галгофу.

— Рано! Садись и ешь! Голод плохой советчик! Тебе нужны силы.

Он сам знал, что силы ему нужны. Доклад будет длинным, а прения еще длиннее.

— Ты поедешь со мной? — спросил он робко.

Она весело рассмеялась. Каждый раз он задавал этот вопрос и каждый раз получал один и тот же ответ. Она знала, что ему гораздо спокойнее, если в зале находится хоть один безусловно сочувствующий ему человек.

— Так и быть, на этот раз поеду.

Теперь рассмеялся уже он...

Николай Тихонович Карелин принадлежал к типу ученых, для которых первым и главным достоинством науки являлась возможность пролагать в ней новые пути. Он не мог, подобно многим другим, ограничиться изучением и детализацией уже открытого и признанного. Его влекла неизвестность.

Несмотря на молодость (Карелину было сейчас всего тридцать два года), он был уже хорошо известен в научных кругах. Его доклады всегда пользовались успехом, но и укрепили за ним кличку «фантаст», которую произносили не с насмешкой, а уважительно, настолько неожиданны и парадоксальны были всегда его исследования и выводы.

В устах Карелина математика никогда не была сухой, он говорил о ней почти как о поэзии.

Он и был поэтом — цифр и выкладок. И, как любой поэт, отличался впечатительностью. Не волноваться перед докладом он не мог...

Со стороны виднее, — говорит пословица. Зоркий глаз искушенного специалиста мог заметить едва различимую неточность — и тогда стройная цепь умозаключений рухнет, как карточный домик. Карелин слишком хорошо знал, что подобные казусы подстерегают любого. Он сам однажды выступил в роли такого «разрушителя», сведя на нет длительную работу одного из своих товарищей, испытывая при этом одновременно жалость к человеку и торжество ученого.

С математической стороны его гипотеза неуязвима. Но опасность угрожала с физической и особенно с философской сторон. Атака могла последовать с любого из этих направлений.

Но даже и это не смущало бы и не заставляло так му-
чительно волноваться Николая Тихоновича, давно при-
выкшего к штормам и ураганам своей нелегкой профес-
сии «открывателя новых земель». Буря критики — обыч-
ное и закономерное явление. Она неизбежна и нужна:
истина рождается в столкновении мнений.

И будь его работа только математической, физической
и философской, Карелин был бы совершенно спокоен.
Все просто и обычно. Он выскажет новую гипотезу, ее об-
судят, проверят и перепроверят, а затем либо примут,
либо отвергнут. Так было всегда.

Но в логику умозаключений и формул вмешалось не-
предвиденное, не имеющее никакого отношения к мате-
матике, физике и философии. Вмешалось и властно по-
требовало внимания.

Здесь таилась четвертая опасность. И в глазах Каре-
лина эта опасность была самой страшной. Три первые
были присущи его науке, одинаково угрожали как ему,
так и всем другим, идущим по тому же пути. Никто не
осудит, если гипотеза окажется неверной.

А здесь, в «непредвиденном», не имеющем отношения
к строгой науке, явившемся случайно, было основание
для насмешки.

Он боялся, что с его выводом не согласятся, что заду-
мданное им не встретит поддержки. А может случиться
так, что не будет никакого несогласия, а просто... смех.

Смех и больше ничего!

Тогда настанет конец мечте.

Тот, кого называют «ученым-фантастом», хотя бы и
в шутку, должен быть очень осторожен и не давать по-
вода зачислить себя в фантасты без кавычек.

Четвертая опасность грозила подорвать его авторитет.

И все же Карелин не хотел и думать о том, чтобы
отделить «непредвиденное» от доклада, гарантировать
себя от четвертой опасности. Он видел в «непредвиден-
ном» доказательство своей гипотезы и твердо решил
включить его в конечный вывод.

Будь что будет! Отступать было не в его характере.

— Может быть, и посмеются на первых порах, — ска-
зал он.

— Совершенно верно! — подхватила Вера Павловна,
для которой течение мыслей мужа никогда не было тай-
ной. — А потом подумают и согласятся.

Она знала о его намерении. Нужно быть смелым. Тем более если уверен в своей правоте.

Карелин посмотрел на часы.

— Ну, кажется, самое время, — сказал он.

— Да, поехали!

Они посмотрели друг на друга, и оба улыбнулись — он принужденно, она — открыто и весело.

— Интересно, — сказал Николай Тихонович, — как я вернусь оттуда: со щитом или на щите?

— Только со щитом!

НАХОДКА

Люди напряженного умственного труда редко ограничиваются своей основной работой. Почти как правило, у них появляется какое-нибудь увлечение, не имеющее ничего общего с их специальностью. Мозг требует отдыха, отвлечения, перемены деятельности. И если ученый пренебрегает физическим трудом или спортом, то чаще всего увлечением становится также умственная работа, но только совсем иного характера, при которой вводятся в действие другие участки мозга, не принимающие участия в основной работе.

Такой отдых достигает цели, но, конечно, в меньшей степени, чем отдых «физический».

Николай Тихонович Карелин, к большому огорчению своей жены, заслуженного мастера спорта, не испытывал никакой склонности к физкультуре. И его отдыхом служила... другая наука.

Карелин увлекался археологией.

В его кабинете целый шкаф был наполнен всевозможными черепками, кусочками костей, каменными и железными обломками, извлеченными при раскопках. Большинство из них было подарено ему другом детства и юности Василием Васильевичем Кичёвым — историком и археологом. Но были тут и предметы, найденные лично Карелиным. Изредка он принимал участие в экспедициях Кичёва, всегда в качестве подсобного рабочего.

Вера Павловна весьма одобрительно относилась к таким поездкам. Муж не хочет заниматься спортом, пусть хоть иногда просто поработает лопатой.

Но участвовать в археологических раскопках приходилось редко.

Последний раз это случилось два года назад.

Карелин тогда был сильно утомлен, закончив сложное математическое исследование, и неожиданно полученное письмо Кичёва оказалось как нельзя более своеобразным.

Василий Васильевич приглашал друга отправиться вместе с ним ни более ни менее как в... Египет.

В первый момент Николай Тихонович просто рассмеялся. Показалось смешным, что его, простого любителя, приглашают в столь серьезную экспедицию. Какую пользу он может принести? Но потом он задумался, а на следующий день ответил согласием.

Заслуга этого решения целиком принадлежала Вере Павловне.

Через неделю Карелин получил официальное уведомление о зачислении в состав археологической группы Кичёва в качестве лаборанта. Видимо, был учтен его опыт, приобретенный в нескольких прежних раскопках.

Воздушный лайнер доставил экспедицию, без промежуточных посадок, на сравнительно недавно оборудованный аэродром в Вади-Халфе, расположенный почти на пятьсот километров южнее Асуанской плотины.

Кичёв, начальник и научный руководитель экспедиции, с утра до вечера был очень занят, и за двое суток пребывания в Вади-Халфе Карелин редко видел его. Другие четверо членов их маленького коллектива неоднократно бывали уже в Египте, и их мало интересовало то, что всецело захватило Николая Тихоновича. Ему пришлось в одиночестве знакомиться с городом и древним Нилом.

Овеянная легендами, пропитанная «ароматом истории», могучая река приводила Карелина в поэтическое настроение. Моторные катера и речные трамваи казались ему ладьями фараонов или утлыми лодками феллахов. Увы! Фараоны давно исчезли, а феллахи, хотя и существовали, но пользовались вполне современными «моторками».

Оставалось пернатое население берегов, но и здесь Карелина постигло разочарование. Подавляющее большинство составляли хорошо знакомые ему гуси и утки, прилетевшие сюда на «зимний период». Коренного населения — пеликанов и фламинго — было почему-то совсем мало. И ни разу не видел он ни одного крокодила.

Но, несмотря на явное отсутствие «владык Нила», Ка-релин все же не рискнул выкупаться.

Кичёв торопился. Не за горами был период весенних ливней. И утром третьего дня экспедиция на двух вертолетах вылетела к месту назначения — древнему оазису Гальфага.

Советские египтологи пришли к выводу, что во времена двенадцатой династии, в частности при фараоне Аменемхете Первом, оазис Гальфага, вернее населенный пункт, находящийся в нем, уже существовал, и задачей Кичёва было проверить это предположение.

Карелина вновь ожидало разочарование. Он увидел не оазис, каким всегда представлял его себе, а город, правда небольшой, но вполне благоустроенный. Поселились не в палатах, а в уютном отеле, и на работу ездили в автомобилях.

— Куда ты меня завез? — шутил Николай Тихонович. — Знал бы, не поехал. Где же Египет, дорогой Вася? Где пески и пальмы?

— Будут тебе пески, — отвечал Кичёв. — В достаточном количестве. Еще надоест!

Песку действительно хватало на месте работы.

Археологи волей-неволей должны обходиться без современной техники. Землеройные машины, не говоря уже о мощных экскаваторах, никуда не годятся при раскопках. Их слепая, нерассуждающая сила может повредить бесценные экспонаты, таящиеся в каждом метре древней египетской земли. Простая лопата является в этом случае единственным и верным орудием.

Кичёв выбрал место, где еще никогда ничего не искали. Его опытный глаз определил, что если населенный пункт действительно существовал здесь в интересующую ученых эпоху, то именно в этом месте должен был находиться абидос, или некрополь, а также жилища хаотитов, без которых не могло обходиться ни одно древнее египетское поселение.

Началась тяжелая, кропотливая и неблагодарная работа. Усилия, которыми добывались редко попадающиеся экспонаты, казались всем чрезмерными, но другого пути не было.

Люди копали с утра до вечера, всё более погружаясь в песчаные пласти, с каждым метром становившиеся плотнее и тверже.

Раскопки производились одновременно в трех местах.

Одной из групп непосредственно руководил сам Кичёв, при котором в качестве лаборанта состоял Карелин.

Их группе не повезло. В то время как другие время от времени находили более или менее ценные предметы, относящиеся к различным эпохам, Кичёв с Карелиным не нашли ничего, выкапывая только песок.

Становилось ясным, что попали на бесплодный участок.

Но конец венчает дело. И именно группа Кичёва обнаружила если и не искомое, то все же нечто имеющее огромный интерес.

Это были остатки гробницы, видимо баснословной древности.

Определить, что перед ними именно гробница, мог только очень опытный археолог, — так мало от нее осталось. Несколько каменных обломков, в которых с трудом узнавались черепки сосудов, небольшая, сплошь истрескавшаяся, плита из мрамора и что-то напоминавшее лоскутья не то материи, не то пергамента. Не было ничего похожего на мумию, но Кичёв без колебаний заявил:

— Здесь был захоронен человек простой и небогатый. Парасхиты работали небрежно, и от мумии ничего не осталось. Третьего, мраморного, гроба не было, и, видимо, не было и второго — кипарисового.

— Аменемхет Первый? — спросил Карелин.

— Нет, — ответил Василий Васильевич. — Этот человек жил и умер значительно раньше. Определить точно можно будет только после лабораторного исследования. Надо тщательно собрать все. Осторожнее!

Видимо, Кичёв придавал большое значение находке, так как приказал другому лаборанту помочь Карелину.

— Я могу взять на память какой-нибудь маленький обломок? — спросил Николай Тихонович, когда долгая и кропотливая работа была закончена и все найденное заботливо упаковано.

— К сожалению, нет, — ответил Кичёв. — Их очень мало.

Но Карелину все же хотелось пополнить свою коллекцию и хоть что-нибудь привезти с собой. Василий Васильевич и два других археолога уже сейчас, до лабораторного исследования, пришли к выводу, что гробница относится никак не ближе чем к пятому, шестому тысячел-

летию до нашей эры. Столь древних экспонатов у Карелина еще не было.

— Но вот, например, этот камень, — сказал он.

— Пожалуйста! — равнодушно ответил Кичёв. — Это не имеет никакого отношения к гробнице. И вполне вероятно, — улыбнулся он, — камень лежал в земле еще до того, как была вырыта яма для гробницы. Он еще более древний. Можешь быть довольным. Правда, это уже относится не к археологии, а к геологии.

— Все равно, — сказал Карелин. — Раз ничего другого нельзя...

Камень имел известняковое происхождение. Он был довольно велик, удлиненной формы и очень крепок. Во всяком случае Карелину не удалось расколоть его, а пришлось взять с собой целиком.

— Я снабжу его этикеткой, что это кусок гробницы, — сказал он. — Ведь камень найден на ее месте.

— Твоя коллекция не официальная, — сойдет! — рассмеялся Кичёв.

Больше на этом месте не нашли ничего.

Работы продолжались еще недели две. Доказательств, что во времена двенадцатой династии на этом месте был населенный пункт, не обнаружили. Зато стало известно, что гораздо раньше здесь жили древние египтяне.

— Во всяком случае они здесь бывали, — резюмировал Кичёв.

Экспедиция вернулась в СССР.

Камень занял свое место в шкафу, и Карелин вскоре забыл о нем.

Как-то при встрече Кичёв сообщил ему, что лабораторное исследование установило еще более древнее происхождение гробницы, чем они предполагали.

— Ей не меньше двенадцати тысяч лет, — сказал Василий Васильевич. — Это очень интересно и доказывает, что даже так давно обычай мумификации трупов уже существовал. Впрочем, это не новость.

Карелин приписал на этикетке: «Возраст — двенадцать тысяч лет», — и снова забыл о камне.

Вспомнить пришлось год спустя, и не только вспомнить...

Очень часто открытия делаются благодаря случайности. И тайна старого камня также открылась совершенно случайно.

Карелины переезжали на другую квартиру. Николай Тихонович лично упаковал в корзину свои археологические сокровища. Опасаясь, что тяжелый камень может повредить хрупкие черепки, он уложил его в самом низу.

И вот когда тяжелую корзину втаскивали на восьмой этаж, завернутый в кусок материи камень прорвал дно и упал на ступени лестницы. Покатившись, он достиг края и рухнул в пролет с высоты седьмого этажа.

Перепуганный Николай Тихонович помчался вниз. Камень мог задеть кого-нибудь при падении, а весил он не меньше четырех килограммов.

К счастью, все обошлось благополучно, камень никого не задел.

Ругая себя, Николай Тихонович внес злополучный экспонат в квартиру и положил его в углу.

— Разве можно быть таким неосторожным, — заметила Вера Павловна.

— А я знал? — огрызнулся Карелин. — Корзина казалась крепкой.

Он не мог даже заподозрить ожидавшего его сюрприза.

Падение с высоты двадцати метров сделало то, что не удалось Карелину в Египте с помощью геологического молотка, — камень раскололся.

Вернее, откололись и отделились верхние напластования, отложившиеся на камне за тысячелетия. Перед Карелиным, когда он развернул свой экспонат, чтобы положить его в шкаф, оказался правильной формы прямоугольный бруск.

Николаю Тихоновичу стало ясно, что извлеченный из древнейшей гробницы камень имеет все следы обработки человеческой рукой и, следовательно, не случайно оказался рядом с другими остатками захоронения, как говорил Кичёв.

Он понял, что не имеет права оставлять у себя подобную находку, и тотчас послал телеграмму Василию Васильевичу. До его приезда каменный бруск лежал на письменном столе, и Карелин боялся даже дотронуться до него.

Кичёв не сразу поверил своему другу и позвонил ему по телефону. И только после подробного рассказа и после того, как Карелин показал ему, во что превратился камень, Василий Васильевич примчался в Ленинград.

— Кто бы мог подумать! — сказал он взволнованно, рассмотрев бруск и держа его в руках так осторожно, словно он был хрустальным. — Какая счастливая случайность!

— Пропал мой экспонат, — шутливо сказал Карелин.

— Да уж конечно! Ему место в музее, а не в частной коллекции.

— Что он из себя представляет?

— Трудно сказать. До сих пор таких вещей в египетских гробницах никогда не находили. Исключительно интересно!

Камень казался сплошным. Кичёву, так же как и Карелину, но пришло в голову, что в нем может что-то находится.

О том, что произошло дальше, Николай Тихонович узнал через две недели, увидевшись с Кичёвым в Москве.

— Сначала, — рассказал Василий Васильевич, — был обнаружен шов. Бруск оказался состоящим из двух половинок, чем-то склеенных друг с другом. Чем именно — так и не удалось узнать. Пока не удалось — попривился он. — Этим вопросом занимаются. А внутри лежала туга свернутая рукопись на столь древнем языке, что ее с трудом удалось расшифровать. Ведь рукописи двенадцать тысяч лет! Самого Египта, в нашем понимании, еще не существовало!

— Ее перевели?

— Да, конечно! Это что-то вроде сказки о посещении Атлантиды. Зачем ее так тщательно упаковали и положили рядом с мумией — неизвестно. Скорее всего, при чуда того человека, останки которого мы нашли. В более поздние времена на грудь мумий обычно клади изречения из «Книги мертвых».

— А эта рукопись не может служить доказательством существования Атлантиды?

Кичёв рассмеялся.

— Не более, чем любая сказка, — ответил он. — Содержание рукописи лишено интереса, но на чем она написана? Это не папирус, и, конечно, не пергамент.

— А что же?

— Еще не выяснено.

— Любопытно, — сказал Карелин, — откуда могла явиться двенадцать тысяч лет назад мысль об Атлантиде?

— Эта легенда очень древняя. Кстати, автор рукописи не говорит об Атлантиде. Он называет ее «Страна Моора».

— Что это такое — Моор?

— Такого слова нет. Видимо, оно придумано автором рукописи.

— Почему же ты говоришь, что речь идет об Атлантиде?

— Прочти и увидишь сам.

— У тебя есть копия? — обрадовался Карелин.

— Я подготовил ее для тебя, подумав, что тебе будет интересно познакомиться с фантастикой древнего Египта.

— Признателен за внимание.

— Эта рукопись попала в наши руки благодаря тебе.

— Вернее сказать, благодаря плохой корзине.

Карелин прочел перевод. Он был сделан явно «технически», и с литературной точки зрения его нельзя было назвать даже подстрочником. Это было изложение содержания, никак не больше. Видимо, тот, кому была поручена эта работа, отнесся к ней несерьезно, считая древнюю «сказку» не заслуживающей внимания.

По Николай Тихонович придерживался иного взгляда.

— Типично для ученого с предвзятым мнением, — сказал он жене. — Придется сделать вторичный перевод.

— Вряд ли кто-нибудь захочет этим заниматься, — заметила Вера Павловна.

— Я знаю человека, который это сделает, если я попрошу.

Получить подлинник рукописи Карелину не удалось. После лабораторного исследования его отдали в музей. Но Василий Васильевич был хорошим другом, и с его помощью Николай Тихонович получил отличную фотокопию.

Школьный товарищ Карелина, известный египтолог и знаток древнейших наречий Египта, Сафьянов согласился сделать новый перевод.

— Я очень рад, — сказал он, — такие древние письмена попадаются крайне редко.

„СПИРАЛЬ ВРЕМЕНИ“

— Ты был прав, — сказал Сафьянов, передавая Карелину свою работу. — В первом переводе действительно пропущены многие детали, и, по-моему, весьма суще-

ственные. Я сделал точный перевод. Но только подстрочный. Сохранить язык автора мне не удалось. Да вряд ли это и нужно. В древнейшем Египте говорили и писали так, что теперь никто ничего не поймет. Пришлось бы к каждому слову давать пояснения. Слишком велика разница во времени. Все было тогда совсем другим: язык, попытия, верования. Мне даже пришлось заменить имена богов на знакомые нам из более поздней истории Египта. Но за точность смысла каждой фразы я ручаюсь.

— Что и требуется, — сказал Карелин. — Большое спасибо!

— Благодарить не стоит. Я работал с удовольствием. Рукопись проливает свет на кое-какие детали истории «доисторического» Египта и его связей с Атлантидой. В том, что речь идет именно об Атлантиде, сомневаться нельзя. Что касается самой фабулы рассказа, то она любопытна, хотя и неправдоподобна. Что ты собираешься делать с этой сказкой?

— Я еще и сам не знаю, — ответил Карелин.

Но, говоря так, Николай Тихонович кривил душой. Он уже знал, зачем нужна ему «сказка» древнего Египта, но не считал нужным прежде времени говорить об этом.

Содержание рукописи удивительным образом сходилось с выводами гипотезы, над которой он работал. Это и было тем «непредвиденным», что вмешалось в его чисто математическую работу и неожиданно превратило Карелина в историка.

Отделанный белым пластиком зал, где происходило сегодня заседание ученого совета, не имел окон и освещался мягким голубоватым светом люминесцентных ламп, скрытых за карнизом высокого потолка.

В воздухе, подогреваемом кондиционными установками, едва заметно пахло хвойей.

Большинство публики составляла молодежь. Студенты-математики и молодые ученые заполнили все кресла амфитеатра, как всегда привлеченные именем Карелина и необычным, обещавшим что-то новое, названием его доклада.

Возле кафедры сидели члены ученого совета, девять человек известных физиков и математиков.

Они казались спокойными и невозмутимыми, хотя

каждый из них был заинтересован гипотезой не меньше любого студента. Николай Тихонович Карелин всегда преподносил что-нибудь необычное и парадоксальное.

Никто еще не подозревал, что сегодняшний доклад по «фантастичности» оставит далеко позади все предыдущие, что вслед за строгой наукой им поднесут нечто такое, чего они никак не могли ожидать даже от Карелина.

Вначале никакой фантастики не было, только неожиданность.

Пока продолжалась вводная речь докладчика, занявшая около часа, в зале царила внимательная тишина.

Но вот Карелин положил мел.

Огромная черная доска сверху донизу оказалась заполненной уравнениями и формулами. В самом низу, дважды подчеркнутая, обособленно стояла конечная функция.

Все взгляды были прикованы к ней.

Только теперь, когда из-под руки докладчика белой вязью легла на доску знакомая всем присутствующим строчка цифр и символов, слушатели поняли, что означает удивившее их название доклада — «спираль времени».

Это было большой неожиданностью.

И все, что им предстояло услышать дальше, внезапно приобретало волнующее значение неведомого.

Карелин вытер руки и вернулся на кафедру.

— Итак, — спокойно сказал он, — вы все видели, как получилось у меня уравнение спирали. Вы могли следить за моими выводами и проверять все выкладки, которые я писал на этой доске. Тех, кто этого не делал, могу заверить, что математических ошибок здесь нет. Если начальная предпосылка верна, то мы неизбежно приходим к этому уравнению. Но, как вы, конечно, давно заметили, в получившемся уравнении есть лишний член, что и отличает его от обычного уравнения спирали. Это множитель c , стоящий в конце. О чём же говорит нам множитель c ? О том, что в математическом смысле время течет не прямолинейно, а спирально: оно как бы развертывается в будущее бесконечными витками материально не существующей спирали. Известные гипотезы о расширяющейся, или пульсирующей, Вселенной могут помочь вам понять мою мысль. Спираль времени — неотделимая часть пространства и материи. И если я говорю о ней,

то только в том смысле, в каком мы говорим о времени вообще.

Карелин замолчал и, точно решившись, продолжал другим тоном:

— Теперь я перехожу к самому трудному для меня разделу доклада. То, что вы слышали до сих пор, это обычная математика, примененная к необычной гипотезе. Сейчас я попрошу вас переключиться на философию и понимать мои слова именно в философском смысле. Все дальнейшее надо понимать умозрительно. Человек живет во времени. Нашему сознанию оно кажется прямолинейным. Вчера — сегодня — завтра! Прямая линия. Вижу, что некоторые хотят возразить. Правильно, линия «вчера — сегодня — завтра» может быть и криволинейной, в частности витком спирали. Но будем рассматривать время жизни отдельного человека и всего человечества в целом, как линию прямую; подчеркиваю: в том же смысле, в каком я только что говорил о времени вообще. Подобное допущение приводит к интересным выводам. Прямая линия, идущая от того же центра, где началась спираль, пересекает ее витки...

Шум в зале заставил Карелина прервать свою речь. Шумели, конечно, студенты. Но не только они. Даже члены совета о чем-то заговорили между собой. О чем именно, Карелин не мог расслышать среди гула других голосов.

Шум постепенно смолк.

— Я очень рад, — сказал Николай Тихонович, — что моя мысль дошла до вас раньше, чем я успел ее закончить. Меня иногда называют «фантастом». Мы с вами занимались строгой наукой больше часа. Не будет ничего плохого в том, что сейчас мы немного пофантазируем, в виде отдыха. Тем более что в конце доклада я намерен познакомить вас с документом, который заставляет думать, что здесь даже и нет никакой фантазии, а только неизвестная еще нам реальность. Да, вы поняли меня правильно. Прямая линия времени, пересекающая витки спирали того же времени, приводит к выводу, что может существовать «машина времени»! (Снова, на короткое время, возник шум и смолк.) Ведь мы можем рассматривать расстояние между витками спирали как нечто, где времени вообще не существует. Витки спирали, как легко заметить из написанных мною формул, находятся беско-

нечно далеко друг от друга и вплотную друг к другу, одновременно. Коэффициент, обуславливающий эту особенность, — величина переменная, и не будет слишком смелым сказать, что она не только переменная, но и зависимая. Связь между временем, как я его понимаю, и пространством очевидна, но я сейчас об этом говорить не буду. Скажу только, что если современная наука признаёт существование, пусть умозрительное, нулевого пространства, где нет никакого пространства, то у нее нет никаких оснований не признавать тех же свойств и за временным. А вывод может быть только один. Когда человечество найдет способ передвижения в нулевом пространстве, оно неизбежно окажется и в нулевом времени. Иначе говоря, исчезает не только пространство, которое надо преодолеть, но и время, которое надо затратить на путь, скажем, до соседней галактики. Космические корабли, субсветовые скорости и тому подобное перестанут занимать человеческий ум. Человек сможет достичь любой точки Вселенной, не затрачивая на это никакого времени. Подождите, я еще не кончил. Есть основания полагать, что такая, сугубо теоретическая для нас с вами, машина «пространство—время» где-то уже создана и применена для путешествия из этой, неизвестной нам, точки сюда, к нам на Землю. Это и есть то, с чем я обещал вас познакомить. И если вы разрешите...

Карелин достал из портфеля несколько листков бумаги и вопросительно посмотрел на членов совета. В согласии публики он не сомневался, настолько красноречивы были напряженно-взволнованные лица молодежи.

Председатель совета вежливо ответил:

— Если вы считаете это нужным, мы не можем возражать. Ваша гипотеза — я говорю только о спирали времени — интересна, хотя и спорна. Мы благодарим вас за ваш доклад и готовы слушать до конца.

Студенты встретили эти слова дружными аплодисментами.

— Благодарю, — сказал Карелин. — Да, я считаю это нужным и даже необходимым. Но прежде чем прочесть вам перевод древней рукописи, — обратился он снова к публике, — я должен познакомить вас с историей этого документа. Он был найден два года назад... — Карелин коротко рассказал о экспедиции Кичёва в Египет и находке каменного футляра. — Человек, останки которого

мы нашли, считал эту рукопись очень важной и завещал положить ее с собой в гробницу. Кто знает, может быть, он сделал это именно для того, чтобы мы, отдаленные потомки, могли ознакомиться с ней. Перевод сделан известным египтологом Сафьяновым по моей просьбе. В целях лучшего понимания, древние египетские названия и обороты речи изложены языком более близким к нашему времени. Суть не в форме, а в содержании. Должен предупредить: значительная часть рукописи отсутствует; несмотря на герметическую упаковку, время стерло очень многие фразы. Вторая половина стала, вследствие этого, совершенно непонятной. Но я прочту вам всё...

РУКОПИСЬ ДАИРА

«Пришло время!

Для каждого человека приходит великий час, для одного раньше, для другого позже.

Теперь он пришел для меня.

Мне — Даиру, сыну хаохита Рамсуна, верного слуги Хонсу, ушедшего в дни моего отсутствия на поля Осириса, — пришло время следовать за отцом.

Я готов!

Сердце мое следует дремоте и усталое тело жаждет отдыха в спокойствии гробницы своей.

Много видели мои глаза и много испытал я за долгие годы.

Дважды милость Осириса сохраняла мне жизнь чудесным образом. Будь благословен великий Осирис и лучезарный Ра, указавший мне путь на родину на закате дней моих!

В чужой, далекой стране видел я бесчисленное количество раз, как восходит над миром светозарный бог, и понимал, что своим появлением говорит он сыну Рамсуна: «Вернись в страну своих предков! В страну Та-Кем!»

Безумец! Долгие годы не внимал я голосу бога и едва не погиб. Бессмертная Ка едва не лишилась пищи на полях Осириса!

Но так не случилось.

Видимо, отец мой Рамсун умолил Хонсу, которому верно служил всю свою жизнь, и Хонсу свидетельствовал перед Осирисом, и Осирис спас сына Рамсуна от такой участи.

И вот пришло время!

В стране Моора, среди красных людей, видел я то, что родственники и друзья мои сочли за безумие старика и о чем не захотели слушать.

А видел я великое и чудесное, чему нет названия на человеческом языке.

Я должен записать все, чтобы Рамсун, отец мой, мог узнать о том, что видел его сын.

Рамсун знает, почему покинул страну Та-Кем сын его Даир. Он знает и то, что заставило Даира пребывать в стране Моора столь долгое время, пока не изгладилось из памяти людей прошлое и не забылось совершённое.

Но довольно об этом!

• •

У них были лица столь белые, что походили на чистейшее облако. А одежда их была голубая, как небо.

Весь город Воана, вся страна Моора боялись их. Они не были людьми, и сила богов исходила от них часто и чудесно. Они могли говорить с каждым человеком на его языке, как будто знали все языки земли.

И со мной говорил один из них на языке Та-Кем.

Впервые они появились в саду верховного жреца страны Моора. Они появились, выйдя из-под земли, — как я потом узнал, из подземного убежища, о котором никто никогда не слышал, о котором никто не знал, ни сейчас, ни в далеком прошлом страны Моора.

И туда же они ушли, когда настало время. И убежище снова было скрыто в земле, по их велению.

Слухи просачиваются подобно воде, и народ в городе Воана вскоре заговорил о том, что они ушли не для того, чтобы умереть под землей, а для того, чтобы жить в другом месте и с другими людьми.

Так говорили они сами.

Конечно, они были боги!

Странны были их лица и странна одежда. Никто на Земле не был похож на них.

Они могли убить человека, не пользуясь никаким оружием, не подходя к нему близко. Так убили они женщину, которую жрецы должны были сжечь в священном огне, так как она стала безумной.

Это рассказывал жрец, и, значит, это действительно было так. Жрец сам видел, как это случилось.

Они принесли с собой непонятный и пугающий чер-

ный шар. И шар вспыхивал на крыше дома верховного жреца и светил, как солнце.

А когда они ушли, шар остался, и его бросили в великое море, омывающее берега страны Моора.

Там он и лежит теперь...

Белый бог увидел и остановил меня.

— Ты кто? — спросил он на языке Та-Кем. — Твое лицо не похоже на лица людей страны Моора. И кожа твоя не красная, как у них.

— Господин! — ответил я, потому что так обращались в стране Моора к тем, кто выше тебя. — Я действительно из другой страны.

— Далеко твоя страна? — спросил бог.

— Много дней надо плыть до нее, господин.

— Не называй меня господином, — сказал бог. — Я такой же человек, как и ты. Все люди равны. Все они братья, потому что все дети одного отца — Солнца.

Я не осмелился ослушаться бога.

— Я рад, — ответил я, — что ты называешь себя сыном солнца. В стране Моора Ра не считают богом.

— Ты неправильно понял меня, — сказал он. — Солнце не бог. Но люди, где бы они ни жили на Земле, обязаны Солнцу своей жизнью, и потому они — дети Солнца.

Туманы были его слова.

Ра дал жизнь и Ра не бог, — так он сказал.

— Мой разум не в силах постичь твои слова, — сказал я.

Странные у них были глаза. Прикрыты веками, они походили на глаза всех людей, а иногда становились огромными и совсем круглыми. И тогда уже не походили на глаза людей.

— Иди! — сказал бог. — Запомни то, что слышал от меня, и передай другим. Не ты, так дети и внуки твои поймут мои слова.

И я ушел от него с радостью. Не может человек долго говорить с богом и не умереть тут же.

Но он был богом — сыном Ра и сохранил мне жизнь.

И удалившись от него, я сказал самому себе: «Почему же он заговорил со мной на языке Та-Кем, когда еще не знал, что я прибыл из этой страны?»

Тот, кто обладает большей мудростью, чем я, пусть тот и решит эту загадку.

Они ушли, и я думал, что никогда уже не увижу ничего столь же чудесного.

Но пришлось увидеть!

Я увидел такое, что мне самому кажется иногда спо-видением, посещающим человека ночью.

А другие люди, даже те, лоб которых покрыт морщинами мудрости, считают слова об этом лишенными смысла. И многие говорят открыто, что я безумен.

Они жили в доме верховного жреца.

В стране Моора время считают лунами. Они жили три луны.

А потом ушли. Ушли туда, откуда явились к людям, под землю. И потому многие считали их богами зла. Боги зла живут под землей, — это всем известно.

Я говорил с богом недолго и остался жив только благодаря его милости ко мне.

Верховный жрец говорил с четырьмя богами часто и много...

Чудесно и необъяснимо!

Нельзя много говорить с богами и нельзя жить с ними в одном доме!..

Я, Даир, был сыном хаохита и знал все тайны бальзамирования. Эти знания давали мне средства к жизни в стране Моора, где жил я, против воли, много лет.

Я был лучшим мастером в городе Воана.

И я был безумцем и согласился.

Разве мог я знать...

Никто не хочет верить моим словам.

Друзья и родственники сочли меня безумным. Пусть же мой правдивый рассказ идет со мной на поля Осириса, и пусть прочтут его мой отец и предки мои...

Люди отвергли правду, но правда осталась.

Я видел богов и видел, что случилось с человеком, который жил с богами в одном доме и много говорил с ними...

Все знают, что страна Моора и другие страны, пасе-

ленные теми же красными людьми, властвуют над всем миром. Но не все знают, что обычай красных людей и их боги иные, чем у других народов Земли. А это так!

В стране Моора не почитают богов страны Та-Кем и не поклоняются им. У них такой же, как у нас, обычай бальзамировать умерших. Но нет наших обрядов...

Не может быть безумным человек, переживший то, что пережил я, и сохранивший разум в то время.

Так было!

Мой нож был острий и рука тверда!..

Если в тот день сохранился у меня разум, то как мог я потерять его потом?..

Давно решил я вернуться на родину. То, что заставило меня бежать из страны Та-Кем, забыто людьми, и позор изгнания уже не угрожал мне, — так сказал мне парусный мастер Нефрес, прибывший в страну Моора и встретивший меня на улице. Я знал его отца и знал, что его отец был дружен с моим отцом.

И тогда решил я, что время настало.

Слишком много видел я в стране Моора. И говорить о том, что я видел, можно было только вдали от храмов Моора.

Сет помутил мой разум. Желание сказать верховному жрецу о том, что я знаю тайну его брата, оказалось сильнее...

Бегом кинулся я на корабль Нефреса. Я знал, что смерть следует за мной по пятам.

Не помню, что сказал я Нефресу. Но он спрятал меня, и я не выходил, пока берег страны Моора не скрылся...

Вот что случилось со мной, Даиром, сыном Рамсона. И людям надо знать. Я так думал. Долг путь на восток! И пока не прошли мы узкие врата в море, омывающее берега Та-Кем, я верил.

Но люди Та-Кем отказались принять мои слова. Меня сочли безумным.

Я отдаю правду предкам!»

Николай Тихонович Карелин аккуратно сложил листки перевода и посмотрел на слушателей с тайным опасением.

Но никто не улыбался. Было видно, что рассказ произвел впечатление.

— Фотокопия рукописи находится у меня в портфеле, — сказал Карелин. — Я могу показать ее желающим, но только после того, как закончу свое выступление. Итак, вот что было написано египтянином десятого тысячелетия до нашей эры и что было нами найдено среди останков его гробницы. Этот рассказ считают сказкой, фантазией, чем угодно, но только не правдой. Для такого взгляда, конечно, много оснований. И я сам отнесся бы к нему так же скептически, если бы не работал над своей гипотезой. Но странные совпадения заставили меня задуматься и в конце концов прийти к убеждению, что рукопись Даира правдива от начала до конца. Я постараюсь и вас убедить в этом. К величайшему сожалению, сохранилась не вся рукопись. Остается неизвестным что-то, видимо, очень интересное. Но и то, что есть, дает основания для выводов.

Обратим внимание на бросающиеся в глаза детали, о которых пишет Даир. И при этом не будем забывать, что рукопись написана двенадцать тысяч лет назад, факт, установленный точно.

Я спрашиваю вас, мог ли Даир придумать слова «бога» о том, что люди обязаны жизнью Солнцу, то есть центральному светилу данной планетной системы? Даже тысячу лет назад никому не могла прийти в голову подобная мысль. Это очень высокая ступень знания.

Вторая деталь. «Боги» убили женщину, которую жрецы собирались скечь живой, убили, не подходя к ней и не пользуясь никаким оружием. О чем свидетельствует этот факт? Во-первых, о том, что у «богов» было сильно развито человеколюбие и гуманность. Во-вторых, что они знали могущество биотоков и умели пользоваться ими настолько хорошо, что смогли парализовать жизненные центры, вызвав смерть.

Третья деталь, тесно связанная со второй, — это способность «богов» говорить с любым человеком на его языке. Совершенно ясно, что дело идет о передаче мысленных образов и представлений непосредственно в мозг собеседника. Именно этим объясняется, что «бог» заго-

ворил с Даиром якобы на его языке еще до того, как узнал, что Даир египтянин. Для «бога» было совершенно безразлично, на каком языке привык говорить тот или иной человек, — его понял бы любой, любой «услышал» бы, что говорит ему «бог» на своем родном языке. Это телепатия, передача мыслей на расстояние! Мог ли Даир придумать что-либо подобное? Конечно, не мог!

Вывод ясен. Даир пишет о таких вещах, о которых ни он, ни его современники ничего знать не могли. А это означает, что он пишет правду!

Ну, а если мы примем, что рукопись правдива, то неизбежно придем к выводу, единственно возможному. На земле Атлантиды, двенадцать тысяч лет назад, люди Земли встретились с обитателями иного мира!

Дружные аплодисменты показали Карелину, что его вывод принял всеми. Даже пятеро из членов совета присоединились к публике.

— Рад, что мы пришли к единому мнению, — продолжал Николай Тихонович. — Теперь посмотрим, что нам дает факт появления пришельцев. Космический корабль — такое явление, которое не могло остаться незамеченным. Даир не упоминает о космическом корабле. Он пишет, что пришельцы явились из-под земли, вышли из подземного убежища, иначе говоря — из камеры, о которой никто в стране Моора не подозревал. Разве это не наводит на мысль о машине пространства — времени? Подтверждает это и тот факт, что, проведя на поверхности земли три луны, пришельцы снова ушли под землю, для того чтобы «жить в другом месте с другими людьми». И они несли закопать машину, как бы похоронить себя заживо. А в действительности просто отправились обратно, потому что убедились: люди Земли еще не готовы к контакту двух миров.

Возникает вопрос — зачем пришельцы оставили после себя «черный шар», имевший способность светиться, как электрическая лампа? Для того, чтобы у людей осталась память о их посещении! Видимо, черный шар — не только лампа, но и что-то еще. Если бы сохранились материалы об Атлантиде, мы, несомненно, нашли бы в них упоминание о пришельцах. Но Атлантида погибла, а с нею и все ее архивы. Остался черный шар!

Нет, я не оговорился! Черный шар существует и сейчас. Ничто не могло уничтожить его, даже катастрофа

с Атлантидой. Черный шар — весть, адресованная не жителям Атлантиды, а далеким поколениям, которые смогли бы понять, что он собой представляет, и потому он должен быть неуязвим для стихийных сил. Эта весть адресована нам!

Снова аплодисменты и одобрительный гул в зале.

— Заканчиваю! Если мы хотим убедиться, что на Земле были пришельцы иного мира, если мы хотим узнать, когда они думают явиться вторично, мы должны отыскать шар на дне Атлантического океана. Очень трудно, но я убежден — возможно! — Карелин помолчал, а затем сказал другим тоном: — Моя гипотеза получила иллюстрацию. Это неожиданно и приятно. Но лично для меня гораздо важнее, что установлен факт посещения Земли жителями иного мира и что ими оставлено для нас послание, заключенное в черном шаре.

Теперь я готов отвечать на вопросы.

НЕОЖИДАННОСТЬ

Карелины возвращались домой пешком. Вечер был так хорош, что не хотелось спускаться в метро. По щекам вал мороз, но не было даже слабого ветра.

Идти было далековато, но Вера Павловна не боялась расстояний и часто заставляла мужа совершать подобные прогулки. Для кабинетного работника, по ее мнению, это было полезно.

Сегодня Николая Тихоновича не пришлось даже уговаривать. Он шел машинально, не замечая, что они давно уже прошли несколько станций метро.

Карелин мучительно переживал неудачу.

Нет, над ним никто не смеялся. «Фантастическая» часть его доклада была встречена так же, как и основная, сочувственно и серьезно. Один из членов совета, как раз тот, кто председательствовал сегодня, сказал даже в своем выступлении, что древняя рукопись заслуживает пристального внимания, и именно потому, что в ней много «совпадений», которые трудно объяснить, учитывая возраст документа.

Но мечта Карелина о поисках черного шара рухнула, и, по-видимому, окончательно. Мнение всех собравшихся, членов совета и публики, что искать шар дело абсолютно

безнадежное, было настолько единодушным, что Карелин вынужден был согласиться.

Согласиться скрепя сердце.

Ему стало ясно, что «приговор» окончательный и, как говорили юристы былых времен, «обжалованию не подлежит». Вряд ли нашлись бы любители искать даже не иголку в сене, а маленький шар, брошенный в океан двадцать тысяч лет назад неизвестно в каком месте.

И то, что он вполне серьезно предложил эту идею, мутило теперь Николая Тихоновича.

Вера Павловна молчала. Она знала, что думает и что переживает ее муж, но считала ненужным бесполезный разговор. И, так же как Карелину, ей было досадно, что она поддалась на внешнюю привлекательность идеи поисков, легко и просто разрушенную обыкновенной логикой, до которой они могли бы додуматься сами.

Но вот — не додумались!

Они была рада, что в принципе с Николаем Тихоновичем согласились все. Связь древней легенды с изложенной им гипотезой была всеми признана и, безусловно, послужит поводом к длительной и полезной дискуссии.

— В общем все хорошо! — сказала она, когда через три часа они подошли наконец к дому.

Он не ответил...

Телефон зазвонил сразу, как только они вошли в квартиру. И невольно казалось, что он звонит не в первый раз, что кто-то настойчиво добивается связи.

Карелин нажал кнопку машинально. Немного погодя он не сделал бы этого, потому что у него не было ни малейшего желания говорить с кем бы то ни было.

Он увидел совершенно незнакомого пожилого человека, с головой голой, как колено. Полные губы, маленькие, словно прищуренные, глаза придавали его лицу добродушное и чуточку насмешливое выражение. Почему-то казалось, что обладатель такого лица должен говорить высоким тенором.

Но раздался густой бас:

— Наконец-то! Я звоню вам уже в четвертый раз.

— Да, знаю, — не подумав ответил Карелин.

Глаза незнакомца сощурились еще больше.

— Не хотели отвечать? — лукаво спросил он. — Так не стесняйтесь, я могу позвонить завтра.

— Нет, не то, — сказал Карелин. — Я только что вошел. Но звонок раздался сразу, и я подумал почему-то, что звонят не в первый раз.

— Интуиция! — изрек незнакомец. — Впрочем, я вижу, что вы говорите правду. Знаете что? Разденьтесь! Чего стоять у телефона в шубе и шапке. То, что я намерен вам сказать, очень и очень вас заинтересует. Можете мне поверить. Здравствуйте, Вера Павловна!

Последние слова относились к Карелиной, которая успела снять пальто и подошла к телефону.

— Откуда вы знаете, как меня зовут? — спросила она, улыбаясь.

— Я старый болельщик. Как не знать красоту и гордость ленинградского баскетбола. Любовался вами еще пять лет назад.

Карелин вернулся.

— Итак? — сказал он вопросительно.

— Давайте сядем, — предложил незнакомец. — Я сижу в кресле, и мне как-то неуютно оттого, что вы оба стоите.

Вера Павловна подумала, что этот веселый человек явился как нельзя более кстати. Может быть, разговор с ним отвлечет Николая Тихоновича от невеселых мыслей, развеет его дурное настроение. Так случалось часто. Карелин легко поддавался унынию, но так же легко приходил в норму. Чужое хорошее настроение заражало его всегда и быстро.

Они оба сели, пододвинув стулья.

— Ну вот, так лучше, — сказал незнакомец. — Давайте знакомиться. Я вас знаю, а вы меня нет. Фамилия — Котов. Имя — Константин Константинович. Три «к». Близкие друзья меня так и называют — «Трика». Иногда — «Трике». Как в опере «Евгений Онегин», помните? Я литераторовед. Занимаюсь изучением фольклора разных народов. В этом деле я великий знаток!

Он засмеялся, и мембрана телефона загудела на самой низкой ноте.

Карелины невольно засмеялись тоже. Очень заразителен был смех Котова. Хотя они видели на маленьком круглом экране только лицо, им казалось, что этот человек обязательно должен быть небольшого роста и толстенький.

Впоследствии так и оказалось. Когда они познакомились с Котовым лично, он произвел на них впечатление

жилого шарика. В отношении внешности они не ошиблись. Но обманулись в характере. Котов не был веселым человеком. Смеялся он редко и как-то неохотно. Часто задумывался и терял нить разговора, немножко напоминая этим самого Николая Тихоновича.

Им показалось, что веселый тон, в котором Котов вел первый их разговор, свойствен ему вообще. Но много позже Вера Павловна узнала от самого Котова, что он намеренно взял такой тон, понимая подавленное состояние Карелина. Чуткость была отличительной чертой характера Константина Константиновича. И безошибочная тактичность.

Но сейчас они еще не знали Котова.

Карелин заметно оживился.

— И что же хочет нам сказать великий знаток фольклора? — спросил он.

— Во-первых, — ответил Котов, — он хочет сказать, что был на вашей сегодняшней лекции. И, ровно ничего не понимая в математике, аплодировал ее концу. А во-вторых, он хочет сказать, что может сообщить нечто, имеющее прямое отношение к этому концу.

Карелин подумал, что имеет дело с человеком, которому не терпится высказать свое мнение о древней легенде. Ему совсем не хотелось продолжать прения в домашней обстановке. Он нахмурился и уже открыл рот, чтобы сказать непрошенному рецензенту, что устал, хочет отдохнуть, а выслушать мнение Котова готов как-нибудь в другой раз. Но «непрошеный рецензент» опередил его.

— Не хмурьте брови, уважаемый товарищ, — сказал он. — Я не собираюсь критиковать ваши выводы. Понимаю, что вы утомлены, но уверен, что вы будете мнё только благодарны, когда выслушаете.

Такая проницательность смущила Карелина.

— Я готов слушать, — сказал он.

— Тогда начинаю. Несколько лет тому назад я работал с древними рукописями в архивах самаркандской городской библиотеки. Надо вам сказать, что Самарканд сейчас не более как областной город Узбекской ССР, но в древние времена он был даже столицей Согдианы и назывался Маркандом. В четвертом веке до нашей эры он был взят Александром Македонским, в седьмом веке завоеван арабами, в десятом веке это был один из крупнейших центров государства саманидов. В тринадцатом

веке его разрушил Чингисхан, в четырнадцатом он был столицей Тимура. А к России был присоединен в тысяча восемьсот шестьдесят восьмом году. Прошу вас извинить меня за эту историческую справку, но я хотел освежить в вашей памяти историю Самарканда, чтобы вы лучше поняли, почему я так сильно интересовался его архивами.

— Этих подробностей мы не знали, — сказала Вера Павловна.

— Тем лучше, значит я оправдан. В сокровищнице библиотеки я нашел много материалов, собранных из различных мест — из подвалов медресе Шир-Дор, из-под развалин обсерватории Улуг-бека и даже найденных среди развалин Афросиаба, кстати сказать, разрушенного тем же Чингисханом. В общем, там было много интересного для меня. Конечно, я интересовался исключительно преданиями, легендами, сказками. Искал в них связи с фольклором других народов и часто находил их. Не буду утомлять вас подробностями, которые интересны только литератороведам. Я исписал множество тетрадей и вот уже несколько лет занимаюсь исследованием того, что тогда было записано. Поверьте, мне очень трудно быть кратким, говоря о самом любимом.

— А вы не стесняйтесь, — сказал Карелин. — Мы вас с удовольствием слушаем.

— Несколько минут назад вы совсем не хотели меня слушать, — заметил Котов. — Я это помню и потому буду краток. Я еще не сказал ничего действительно интересного для вас. Но сейчас скажу. На вашу лекцию я попал совершенно случайно, меня затащил один друг. Будь благословенно его имя, как говорят на востоке. Прочитанный вами рассказ древнего египтянина возводил во мне смутное воспоминание. Мне казалось, что я его знаю, вернее, слышал о чем-то очень похожем. Эта мысль не давала мне покоя, и, придя к себе домой, я стал вспоминать. Собиратель фольклора обязан иметь хорошую память. И я вспомнил. А когда разыскал в одной из тетрадей, относящейся как раз к Самарканду, очень древнюю легенду, меня едва не хватил удар...

— Эта легенда имеет отношение к Атлантиде? — взволнованно спросил Карелин.

— Никакого отношения, вернее, почти никакого. Я понимаю, о чем вы подумали. Нет, это совсем другое. Легенда относится к тринацатому веку нашей эры.

— А! — разочарованно произнес Карелин.

Ему на мгновение показалось, что Котов нашел что-нибудь вроде подтверждения рассказа Даира.

— Подождите вы с вашим «а», — сердито сказал Котов. — Дело еще интереснее. В вашей рукописи, которую вы прочли, упоминается о четырех странных людях, появившихся в Атлантиде двенадцать тысяч лет назад. Этот Даир (так кажется?) писал, что они были чудесно могущественны и имели кожу белого цвета, «как облако». Верно?

— Да, верно. Неужели и в вашей легенде...

— Совершенно верно. В ней упоминаются четверо «джиннов». Вы знаете, что такое «джинны»?

— Знаю.

— Так вот в легенде — это скорее даже не легенда, а предание — говорится о четырех джиннах, тела которых были голубыми, как небо, а лица и руки белы, как самаркандская бумага. Видимо, речь идет о голубой одежде, плотно облегающей тело.

— К какому времени относится легенда?

— К концу царствования Чингисхана, то есть началу тринадцатого века. Но это еще не все...

— Не более как совпадение! — сказал Карелин, перебивая Котова.

— Зря вас называют фантастом, — еще более сердито сказал Котов. — У вас нет ни грана воображения. Почему вы так нетерпеливы? Выслушайте до конца.

— Простите!

— Вы же сами говорили о машине пространства — времени. Не только пространства, но и вре-ме-ни! Неужели вы успели уже забыть? Почему вы не допускаете, что четверо пришельцев, ушедших из Атлантиды, могли уйти не на свою планету, а в будущее Земли? Разве это, по вашему, невозможно?

Карелин ничего не ответил. Ему стало как-то неловко. Действительно, то, что говорил Котов, логически вытекало из гипотезы самого Николая Тихоновича.

— Слушайте дальше! — Казалось, что Котов не заметил смущения своего собеседника, но впоследствии, когда он лучше узнал своего нового знакомого, Карелин понял, что в тот момент Котов все заметил, а промолчал из деликатности. — Предание выглядит очень правдоподобно. В нем упоминаются имена и подробности событий,

исторически достоверные. Когда я впервые познакомился с ним, я решил, что это хорошо написанная сказка, но теперь я думаю, что это правда. И в этом виновата рукопись, которую вы прочли. Многое совпадает.

— Пока не вижу.

— Вера Павловна! — взмолился Котов. — Уймите своего супруга! Так я никогда не кончу.

— Простите! — еще раз извинился Карелин. — Больше перебивать не буду.

— Там говорилось, — продолжал Котов, на этот раз даже не улыбнувшись, — о том, что джинны могли говорить с любым человеком на его языке...

— Поразительно! — не удержался Николай Тихонович.

— ...а это совпадает с египетской рукописью. Но самое удивительное другое. С четырьмя джиннами был пятый. Именно о нем говорится в предании, кстати сказать записанном со слов некоего улема по имени Тохучар-Рашид. Пятый джинн был не белый, а красный, и автор предания утверждает, что он был... атлантом!

— Вот что! — решительно сказал Карелин. — Давайте ваш адрес. Я немедленно еду к вам. Этот разговор нельзя продолжать по телефону.

— А не поздно?

— Сами виноваты! Надо было позвонить завтра. Я не могу вытерпеть до утра.

— Тогда лучше я приеду к вам, — сказал Котов.

ИДЕЯ

Они проговорили до трех часов ночи. Оба увлеклись неожиданно возникшей идеей. Даже Вера Павловна не ушла спать, настолько интересно было то, что говорил Котов.

— В этом предании, назовите его легендой, или как хотите, обращает на себя внимание достоверность деталей, — рассказывал он. — И если бы речь шла не о джиннах, я вряд ли заинтересовался бы: ведь я искал именно предания и сказки. А джинны — типичные персонажи восточных сказок. Но и тогда меня поразила историческая достоверность. Подумал даже — странная сказка! Ну, а теперь у меня нет никаких сомнений, что это имен-

но предание, дошедшие до нас отголоски действительно происходивших событий. И джинны тут ни при чем. Дело идет о пяти необычных людях, которых встретили на территории будущей России воины Чингисхана.

— Вот это и смущает меня больше всего, — сказал Карелин.

— Что именно?

— Место. Если допустить, что четверо белолицых «джиннов» те же самые «пришельцы», о которых пишет Даир, то как они могли оказаться в России? Как видите, я принимаю вашу гипотезу о том, что пришельцы другого мира отправились не на родину, а в будущее Земли. Машина времени и пространства, с помощью которой они оказались в Атлантиде, находилась там. Как же она могла перенестись в Европу?

— Может быть, это другая? — предположила Вера Павловна. — Они могли вернуться на родину и через одиннадцать тысяч лет предпринять вторичную экспедицию на Землю. И оказались в России.

— Твое объяснение можно было бы принять, если бы не одно обстоятельство. Их снова четверо, одеты они так же, и с ними находится атлант. Так кажется? — спросил Карелин.

— Да, — подтвердил Котов.

— Конечно, мы не можем судить о технике, которой не знаем, — продолжал Николай Тихонович, — по нам достоверно известно, что между появлением пришельцев в Атлантиде и вторичным появлением — на Руси — прошло одиннадцать тысяч лет. Допустим, что одежды за это время на планете пришельцев не изменились, допустим, не изменились внешне и они сами. Допустим наконец, что, уходя с Земли, четверо пришельцев захватили с собой земного человека. Но ведь этот человек никак не мог оказаться на Земле вместе с потомками первых пришельцев через тысячелетия.

— К тому же, — добавила Вера Павловна, — в рукописи Даира ясно сказано, что они ушли, как и были, четвером.

— Тем более! Нет, — убежденно сказал Николай Тихонович, — если мы хотим верить рукописи Даира и монгольскому преданию, то нам не остается ничего другого, кроме как принять гипотезу Константина Константиновича. Четверо «богов» ушли не одни, а взяли с собой

атланта, видимо, ученого из страны Моора, который вы-
звался сопровождать их. И ушли они не на свою родину,
а в будущее Земли. Только так!

— К этому можно добавить, — заметил Котов, — что никак нельзя допустить, чтобы двум людям, отделенным друг от друга одиннадцатью тысячелетиями, Даиру и автору предания, пришла в голову одна и та же мысль о белолицых людях в голубой одежде. Такое совпадение — невероятно!

— Согласна! — сказала Вера Павловна. — Но ведь Даир все-таки писал, что «боги» ушли вчетвером.

— Он мог не знать подробностей. Даже наверное не знал. Все происходило в доме верховного жреца, а жрецы всегда окутывали тайной все свои действия. Чужеземец, каким был Даир в стране Моора, не мог быть посвящен в тайны храмов. Это безусловно! Итак, продолжаем! Почему машина времени оказалась в Европе, а не в Атлантиде, догадаться нельзя. Мне кажется, что такой вопрос и обсуждать не стоит. Вы правильно заметили, Николай Тихонович, что это техника иного мира и мы ее не знаем. Примем как факт, и только. Все дело в том, что машину времени, — Котов на секунду сделал паузу, точно желая усилить эффект, — можно найти.

Это прозвучало очень неожиданно.

— То есть как найти?

— Очень просто. В предании, я же говорил вам, много деталей. Есть достаточно ясные указания, где видели четырех белых «джиннов» и одного красного. Место можно указать на карте.

— Точно?

— Не совсем, но, по-моему, достаточно точно. Во всяком случае, это место легче найти, чем ваш черный шар, брошенный в Атлантический океан.

— Расскажите подробнее!

— Я все время пытаюсь, но вы мешаете. В предании речь идет об отряде монголов, посланных Чингисханом с целью разведки. Есть даже имя того, кто возглавлял этот отряд. Начальника звали Субудай-нойон. Слово «нойон» значит то же, что и «князь». Князь Субудай — так звучит это по-русски. Отряд раскинул курень — так называлось у монголов становище войск на берегу Волги, в сорока днях пути от Хорезма. Был город Хорезм, а была и страна Хорезм, — пояснил Котов. — Там они пробыли

примерно около года, совершая разведывательные рейды. И вот во время одного такого рейда увидели джиннов. Есть указание, что это произошло в лесу, на расстоянии четырех конных переходов от куреня, на запад от него. По дороге отряд переправлялся через реку, ширина которой «тысяча локтей». Как видите, место указано довольно точно, упоминается даже о том, что эта река находится на расстоянии одного дня перехода от куреня. Джинны были встречены возле их «жилища», похожего на пень гигантского дерева. Этот «пень» был давно известен тем, кто жил возле леса. Его считали чем-то вроде идола, как можно понять из предания. Дальше сказано, что воины закопали пень вместе с красным джинном, насыпав над ним курган. Зачем это было сделано — понять нельзя. И неизвестно, были ли там белые джинны. О них вообще упоминается мельком, все предание посвящено красному. О судьбе белых джиннов нет ни слова. Любопытно, что красного человека считали джинном и в то же время, закапывая его, думали, что он умрет в могиле. Так может быть в жизни, но не может в сказках, где джинны всегда бессмертны. На это противоречие я обратил внимание еще в Самарканде. Сказок про джиннов очень много, и всюду они бессмертны. Только здесь написано иначе. Странно, не правда ли? Но если это правда, — все становится на свои места. В то время плохо владели логикой. В одном месте: «джинна нельзя было убить», а в другом: «закопали, чтобы он умер».

— Любопытно! — сказала Вера Павловна.

— Вот я и хочу предложить вам заняться поисками этого «пня», — заключил Котов.

— Увы! — Карелин вздохнул. — Несмотря на всю сомнительность вашей идеи, она неосуществима. Мы можем найти место и курган. Но самой машины не найдем. Она невидима и неощутима, потому что движется во времени вместе с теми людьми, которые в ней находятся.

— Понимаю, что вы хотите сказать, но имею возражения. В предании говорится, что «железный пень» был много лет известен жителям той местности. Они поклонялись «пню» как идолу. Это было задолго до появления самих пришельцев. Выходит, они еще не «прибыли», а их машина была видна и вполне «ощутима». Не могли же пришельцы сидеть в машине, не выходя, долгие годы. Даир рассказывает, что четверо белых «богов» просили

закопать их машину. Если вы правы, Николай Тихонович, эта просьба не имеет никакого смысла.

— Значит, вы предполагаете...

— Я ничего не предполагаю. Это область, где предполагать должны вы, а не я.

— Что ж, — задумчиво сказал Карелин, — может быть, вы и правы. Для нас машина времени — сугубая теория. Строить предположения о ее конструкции нелепо.

— И вообще нельзя делать никаких предположений. Вопрос в том, существует ли «железный пень»?

— Вряд ли найдутся желающие искать его.

— А мы сделаем это сами. Я и вы двое.

— Сила! — засмеялся Карелин.

— Да! — серьезно сказал Котов. — Три убежденных человека — это сила! И я не верю, что не найдется других желающих. Взять хотя бы ваших сегодняшних, вернее вчераших, слушателей. Скоро лето. Пять-шесть студентов наверняка согласятся принять участие.

— Расскажи об этом Кичёву, — предложила Вера Павловна. — Он согласится.

— Кто этот Кичёв?

— Друг Николая Тихоновича. Он историк и археолог.

— Вряд ли, — Карелин с сомнением покачал головой. — У Василия слишком практичный и трезвый ум. Он не склонен к фантазии.

— Вы можете увлечь его идеей раскопок древнего кургана...

— Вот это верно, — перебил Карелин. — Удачная мысль. Я познакомлю его с легендой, не упоминая о «железном пне». Пусть он думает, что там зарыт только человек с красной кожей. Это его заинтересует. Курганы часто раскапывают.

— Видите, — сказал Котов, — как все складывается удачно. Если ваш друг согласится, мы с вами примем участие в обычной археологической экспедиции. А о том, что там должны найти, будем знать только сами. Для остальных это окажется неожиданностью.

— Я ему сейчас позвоню, — сказал Карелин и встал.

Вера Павловна рассмеялась.

— Вот так всегда, — сказала она, обращаясь к Котову. — Загорится и забывает обо всем на свете. Куда ты собираешься звонить среди ночи?

— Верно, забыл. Позвоню утром.

— Подождите, — сказал Котов. — Я подготовлю почву. Надо познакомить вашего друга с преданием, но в таком виде, чтобы он поверил, что курган заключает в себе что-то ценное. Ведь этот курган надо долго и упорно искать. Упомянуть о железном пне совершенно необходимо. Ведь может случиться, что найдем не один курган. Нужно, чтобы ваш друг искал именно железный пень.

— Как же это сделать?

— Очень просто. Выбросить из предания все, что касается джиннов. О красном человеке упоминать не надо. За почти что тысячу лет от него все равно ничего бы не осталось, если он просто зарыт. Предание говорит о странном предмете, над которым воздвигнут курган. Этого достаточно. Я уже говорил несколько раз, что предание поражает достоверностью деталей. Ваш друг историк. Он поймет, что искать «пень» нужно.

— Сколько вам надо времени?

— Два дня. А затем вы позвоните своему другу, представите ему меня, и все будет в порядке.

— Договорились! — сказал Карелин.

Николай Тихонович с нетерпением ожидал окончания работы Котова.

Константин Константинович не обманул. Ровно через два дня он приехал к Карелиным.

— Ну вот и всё! — сказал он. — Теперь можно вызывать вашего товарища.

Котов блестяще справился со своей задачей. Обработанный им перевод старого предания выглядел настолько убедительно, что его можно было без всяких опасений показать любому историку, каким бы недоверчивым человеком тот ни был.

Николай Тихонович остался очень доволен.

— На это Вася клюнет, — сказал он.

— И мы его не обманываем, — добавил Котов. — Здесь все точно, кроме «джиннов». Но ведь ваш друг интересуется историей, а не сказками. О том, что курган насыпали над человеком, которого считали джинном, ему знать совсем необязательно.

— А если он захочет познакомиться с подлинником? — спросила Вера Павловна.

Котов пожал плечами:

— Пусть знакомится. Упоминание о джиннах он воспримет так же, как воспринял я в свое время. Важно заинтересовать вашего друга с самого начала.

— Звоню, — сказал Карелин.

Но только он подошел к телефону, тот зазвонил сам.

— Вот это номер! — сказал Николай Тихонович, когда маленький экран засветился. — А я только что собирался звонить тебе в Москву. Приезжай скорей! Имею для тебя приятный сюрприз. Жду! — Он выключил аппарат. — Вася сейчас приедет. Он в Ленинграде.

— Так это и есть Кичёв? — спросил Котов. — Действительно, судя по лицу очень серьезный мужчина.

Ждать пришлось около часа.

Василий Васильевич вошел в комнату обычной для него стремительной походкой, высокий, худощавый, полная противоположность Котову, который едва достигал головой его плеча.

Поцеловавшись по привычке с Карелиным и его женой, он первый протянул руку Котову и отрывисто бросил:

— Кичёв!

— Знаю, — невозмутимо ответил толстяк. — А я Котов Константин Константинович.

— Простите! Кичёв Василий Васильевич.

— И это мне известно. Я здесь специально для разговора с вами. Думали — по телефону. А лично — чего же лучше!

— Это и есть твой сюрприз? — улыбнулся археолог.

— Именно. Константин Константинович познакомил меня с любопытным документом. Я убежден, что ты заинтересуешься.

— Посмотрим! А я приехал выругать тебя. Прочел о твоем докладе и возмутился.

— Для того и приехал?

— Приехал по делу. А это так, попутно.

— Что тебя возмутило в моем докладе?

— Предложение искать шар в океане. Несолидно!

Карелин рассмеялся.

— Было, сплыло, мохом поросло и забыто! — сказал он. — Мало ли что бывает! Послушай-ка лучше, что тебе расскажет сей муж.

Кичёв повернулся к Котову:

— Слушаю вас, Константин Константинович!

„ЖЕЛЕЗНЫЙ ПЕНЬ“

Котов начал так же, как два дня назад в разговоре с Карелиным. Он рассказал о своей работе в Самаркандской городской библиотеке и о находке предания, относящегося к началу тринаццатого века.

Потом он прочел перевод.

Кичёв слушал очень внимательно. Его лицо было серьезно и невозмутимо, но Карелин, хорошо знавший друга, заметил, как в его глазах несколько раз мелькнул насмешливый огонек.

«В чем дело? — тревожно подумал Николай Тихонович. — Неужели ему кажется, что все это просто сказка? Тогда нечего и надеяться на его помощь. А без нее трудно обойтись».

Котов прочел последнее слово и замолчал.

Можно было ожидать, что Василий Васильевич спросит о подлиннике, но, видимо, Котов внушал ему полное доверие, и опасного вопроса не последовало.

— Получилось очень любопытное совпадение, — задумчиво сказал Кичёв. — Я приехал в Ленинград как раз по вопросу о курганах. Ты ведь знаешь, — обратился он к Карелину, — что я специалист по археологии азиатских и африканских стран. Там сейчас нет работы и не предвидится в ближайшее время. Я решил заняться раскопками курганов, когда-то оставленных именно монголами. И вот вы обращаете мое внимание на курган, который мне и нужен. Очень любопытно! Видимо, ваш курган находится где-то в нижнем течении Волги, скорее всего в Волгоградской области. Но это можно уточнить.

— Значит, ты согласен искать курган? — обрадованно спросил Карелин.

Кичёв кивнул головой.

— Искать его нужно, — сказал он. — Что вы сами думаете о железном пне? — обратился он к Котову. — Что это такое, по вашему мнению?

— Очевидно, какой-то металлический цилиндр, — нерешительно ответил Котов.

— Так-то так! Но откуда мог взяться металлический цилиндр в Древней Руси?

— Вот этого не знаю.

— А ты, Коля?

— А я еще меньше.

— Так ли?

Что-то в голосе археолога заставило Николая Тихоновича насторожиться. Он вспомнил насмешливые огоньки в глазах у Кичёва и почувствовал, что их ждет какой-то сюрприз. Характер друга Карелину был хорошо знаком. Все же он ответил, как мог спокойнее:

— Откуда же я могу знать?

— Вот именно, откуда? — Кичёв помолчал, барабаня пальцами по ручке кресла. — Знать и предполагать — вещи, конечно, разные. Знать ты не можешь, как не может и Константин Константинович или кто-либо другой. Но предполагать ты можешь. Значит, — неожиданно сказал он, — ты оставил мысль о поисках шара на дне Атлантического океана и переключился на поиски железного цилиндра? И притом всего через два дня после того, как призывал к поискам шара. Вполне соответствует твоему характеру...

На этот раз не «что-то», а откровенная насмешка звучала в голосе археолога.

— С чего бы, — продолжал он, — математик и литературовед так заинтересовались раскопками курганов? Почему вы собирались вместе, обратите внимание, звонить мне в Москву? Скажите-ка откровенно, дорогой Константин Константинович, были вы на докладе Николая Тихоновича о «спирали времени» или не были? Не по его ли рекомендации вы подготовили этот вариант монгольского предания, выбросив из него малейшее упоминание о джиннах?

Вера Павловна расхохоталась.

— Хватит играть в прятки, — сказала она. — Все ясно!

Василий Васильевич тоже засмеялся.

— И как только тебе не стыдно, — сказал он Карелину, — выставлять меня перед людьми ученым сухарем? Почему ты решил, что я не могу заинтересоваться именно так, как заинтересовался ты сам? Видимо, плохо ты меня знаешь! Дело в том, друзья мои, что это предание мне давно известно. И как раз из вашей же статьи, уважаемый товарищ. Вы забыли о ней. Когда вы читали, я сразу вспомнил и заметил явно намеренные изменения. Догадаться об остальном — элементарная логика!

— Убил! — весело сказал Карелин. — Одним выстрелом обоих.

— Что ж, тем лучше! — Котов не улыбался. — Тогда

я задаю вам прямой вопрос — можете ли и хотите ли вы помочь нам найти машину времени?

— Помочь вам? Не лучше ли сказать, что вы поможете мне искать загадочный цилиндр? Не «машину времени», а именно цилиндр. Говорить о машине времени тем, от кого зависит организация археологической (он подчеркнул это слово) экспедиции, никак нельзя.

Теперь рассмеялись не только Карелины, но и Котов.

— Ладно, поквитались! — сказал Кичёв. — Вы имели право думать обо мне так, как я сам думаю о других. Перейдем к делу!

Местом для базы экспедиции был выбран город Волгоградской области Михайловка. По мнению Кичёва, именно здесь должен находиться центр будущих поисков.

Рекой в «тысячу локтей», о которой упоминалось в предании, Василий Васильевич считал приток Дона — Иловлю.

— Пусть вас не смущает, что Иловля гораздо уже, — говорил он Карелину и Котову. — Восемьсот лет назад она могла быть и шире и глубже, чем сейчас. По указаниям, имеющимся в предании, отряд монголов достиг Волги именно здесь, севернее Волгограда, примерно в районе Камышина. Там говорится о степях. Михайловка в степной полосе. От Волги до Иловли приблизительно один день конного пути.

— Леса? — спросил Котов.

— Они тоже есть, правда, небольшие. Но опять-таки не будем забывать о времени. Ведь прошло восемьсот лет. Во всяком случае, искать можно только здесь.

— А есть тут курганы?

— Всегда были. Наша задача облегчается тем, что мы ищем курган с железным цилиндром внутри. Это даст возможность производить внешний осмотр каждого подозрительного холмика, не разрывая всех подряд.

— А если цилиндр не железный, а медный, или из другого немагнитного материала?

— Не имеет значения. У нас четыре «искателя», которые обнаружат любой металл. Разобьемся на четыре партии и обследуем местность в радиусе пятидесяти километров от Михайловки.

— Только пятидесяти?

— Я думаю, что это предел. Но, если ничего не найдем, увеличим радиус.

Организация экспедиции встретила большие трудности. Предание все же больше походило на сказку, чем на исторический документ. Первоначальное намерение — не говорить о джиннах — осуществить не удалось. Пришлось выписать из Самарканда самый подлинник предания. Проявился свойственный историкам скептицизм и осторожный подход к историческим материалам. И если Кичёву все же удалось добиться разрешения, то только потому, что он упирал не на предание, а на свои собственные соображения о необходимости пролить свет на некоторые неясные детали подготовки Чингисхана к нападению на Русь. О разведке Субудай-нойона до сих пор ничего не было известно, историки впервые услышали об этом из предания, и Кичёву удалось доказать, что раскопки, на которых он настаивает, могут уточнить — была ли такая разведка или нет, независимо от того, существовал ли «железный пень» или не существовал.

Василий Васильевич пользовался авторитетом и умел добиваться своего.

Экспедиция была небольшой, в нее кроме самого Кичёва входил еще только один археолог Никитин. И не составило труда зачислить в нее Карелина и Котова.

Вера Павловна, хотя и очень интересовалась задуманными поисками, от участия отказалась.

Выехали в мае.

Уже в пути Кичёв познакомил Никитина с идеей Карелина и подлинными целями их экспедиции. Против ожиданий, серьезный и вдумчивый ученый, каким был Никитин, сразу «загорелся» нисколько не меньше их троих...

Гудение зуммера — вызов по радио — прозвучал, когда Карелин только что расположился на отдых под случайно попавшимся на пути одиноким деревом. Его помощник, молодой студент Волгоградского университета, Анвер, который с тремя товарищами, тоже студентами, присоединился к экспедиции Кичёва, готовил в этот момент завтрак, притащив из машины мешок с продуктами.

— Вызывают! — сказал он.

Карелин неохотно поднялся.

Уже третий день они с Анвером находились в «свободном поиске» в отведенном им секторе, севернее Михайловки. Местность была равнинная, и холмы попадались редко.

Котову был поручен восточный сектор, а южный и западный Кичёв назначил себе и Никитину.

Дважды «искатель» вводил Карелина в заблуждение. В первый раз он указал на кусок стальной балки, неизвестно когда и как оказавшейся в земле, а во второй раз они открыли обломки орудия, лежавшие здесь, очевидно, с времен войны. Николай Тихонович был достаточно осторожен и оба раза не сообщал ничего, желая сначала убедиться. Видимо, так же поступали и остальные трое, потому что ни разу не возникла ложная тревога. А крупные металлические предметы попадались и Кичёву, и Никитину, и Котову, о чем они рассказывали друг другу по вечерам, когда съезжались на своей базе — гостинице в городе.

Каждая из четырех поисковых групп была снабжена рацией, и разговоры происходили довольно часто, так что вызов стал уже привычным.

Портативная радиостанция, внешне похожая на дамскую сумочку, висела на дверце вездехода-амфибии. Эти машины, предоставленные Кичёву в Волгограде по его просьбе, оказались очень полезными в поисках. На них можно было легко преодолевать часто попадавшиеся ручьи и речки, небольшие озера и заболоченные места.

Карелин раскрыл «сумочку», и тотчас же раздался голос Никитина:

— Коля?

— А кто же еще!

— Немедленно ко мне! Другие уже в пути.

— Неужели нашел?

Против воли Николай Тихонович произнес эту фразу тоном глубокого разочарования. Очень хотелось самому найти «железный пень».

Никитин рассмеялся.

— Выходит так, — сказал он. — Бери карту!

— Есть, взял.

— Мои координаты...

— Далековато, — сказал Карелин, отметив место, где находился Никитин. — Будем примерно через два часа.

— Давай не задерживайся!

— Вот, оказывается, кому повезло, — сказал Карелин стоявшему за его спиной Анверу.

— Значит, все-таки...

Анвер и его товарищи никак не хотели поверить в существование «железного пня».

— Все-таки! — сказал Карелин. — Садись, поехали!

Управление амфибией лежало на Анвере. Впрочем, управлять почти и не приходилось. Как все современные автомашины, амфибии были оборудованы автошоферами.

— А как же наш завтрак? — спросил Анвер. — Я уже все приготовил.

— Поедим в дороге.

Им предстоял путь почти в сто километров, так как в этот день они осматривали северную часть своего сектора, а Никитин находился на южной границе своего. На карте в этом месте был показан лес.

— Вот видишь, — сказал Карелин своему молодому спутнику, указывая на карту. — Предание говорило правду. Цилиндр найден именно в лесу.

— Это лес молодой, — ответил Анвер. — Посажен после войны.

Ехали ровно два часа.

Лес оказался действительно молодым, но достаточно густым, и найти Никитина удалось только с помощью переклички гудками машин.

Кичёв и Котов со своими напарниками были уже здесь.

— Вот он наконец! — сказал Никитин указывая на небольшое возвышение, на котором росли молодые березы.

Холмик выглядел обыкновенным, часто встречающимся в лесах, пригорком. Ничто не указывало, что это древний курган. Карелин подумал, что ни он сам, ни Котов никогда не заподозрили бы ничего и могли пройти мимо. Угадать в пригорке курган мог только опытный археолог.

— Здесь был очень старый лес, — сказал Кичёв. — Несколько раз он горел. Последние пожары произошли в конце девятнадцатого века и во время сталинградских боев, когда он и сгорел целиком. Думаю, что товарищу Никитину удалось найти искомое.

— Мне тоже так кажется, — скромно сказал Никитин, но его глаза радостно блестели. Видимо, он был убежден в успехе. — Вот, смотрите!

Он показал на свежую яму. В ее глубине виднелось что-то гладкое и блестящее.

— «Искатель» почуял металл, но не смог определить его. Это и заставило меня вызвать вас всех, раньше чем мы вырыли яму. Неизвестный металл не может быть не чем иным, кроме как цилиндром пришельцев.

— Да, вы правы, — сказал Кичёв, и его всегда невозмутимо спокойный голос дрогнул от волнения.

Взволнованы были все восемь человек.

Они знали, что новейшие искатели, бывшие в их распоряжении, точно определяли любой металл, известный науке.

А ЧТО ДАЛЬШЕ?

Нетерпеливо любопытство было столь велико, что они никого не позвали на помощь, а сами, используя вездеходы, выкорчевали деревья и разрыли весь курган, работая как одержимые.

Опустив наконец лопаты, они переглянулись, недоумевая, как удалось им столь быстро, ввосьмером, произвести такую трудоемкую операцию.

Лучи заходящего солнца, пробиваясь через листву, окрасили «машину времени» в розовый цвет. Она стояла перед ними, загадочная, непонятная, непостижимая и безмолвная.

Что там внутри?..

Карелин неожиданно рассмеялся.

— Словно дети, — сказал он, пожимая плечами. — Как будто нельзя было сделать это завтра и без всякой спешки.

— Замечание верное, но немного запоздало, — отозвался Василий Васильевич, опускаясь на траву и тяжело дыша. — Кто из вас способен отправиться сейчас в город?

— Я, — выозвался Котов. — Но разве мы все не вернемся сегодня в город?

— Если вы спрашиваете меня, — ответил Кичёв, — то я предпочитаю остаться здесь. — Он помолчал и прибавил: — Кто знает...

И хотя фраза осталась неоконченной, все сразу поняли, что он хочет сказать.

— Я тоже останусь, — сказал Никитин.

— И я, — присоединился Карелин.

— В таком случае, я съезжу и вернусь, — сказал Котов.

— Нет! — Кичёв достал блокнот и перо. — Вы отправите телеграммы, а утром встретите на аэродроме тех, кого я вызываю. И покажете им дорогу.

— Значит, мне ехать в Волгоград?

— Конечно!

Котов и его напарник уехали.

— Мы отлично отдохнем в машинах, — сказал Василий Васильевич. — Но спать придется по очереди. Нас шестеро.

— Сомнительно все же, — заметил Карелин.

— Да, разумеется. Но я никогда не прощу себе, если мы проспим их выход. Это может случиться в любую минуту. И никто нам этого не простит. С сегодняшнего дня цилиндр всегда будет находиться под наблюдением.

— Годами? — спросил Анвер.

— Годами, десятилетиями, столетиями. Столько, сколько потребуется.

— Ну что ж, — весело сказал Никитин. — Давайте ужинать. Не знаю, как вы, а я голоден.

— Забавно получилось бы, — сказал Карелин, когда недалеко от цилиндра запыпал костер и все шестеро уселись у огня, — если бы пришельцы именно сейчас вышли из цилиндра. Сидят люди у костра, как в доисторические времена. В первую минуту они могут подумать, что попали к дикарям. — Никто не поддержал его шутку. — Мне одно непонятно, — продолжал Николай Тихонович, — как могла эта машина очутиться в России?

— Разгадку следует искать, исходя из твоей же гипотезы, — отозвался Кичёв. — Этот цилиндр не только машина времени, но и пространства.

— Моя гипотеза пока не может дать объяснения.

— А ты считаешь ее законченной?

— Нет, конечно.

— В том-то и дело!

— Николай Тихонович, — попросил Анвер, — расскажите нам о вашей гипотезе. Я и мои товарищи слышали о ней, но пока нам не все понятно.

— Верно, рассказывайте! — сказал Никитин. — Мне тоже интересно.

Карелин не заставил себя упрашивать. Когда он закончил, Анвер сказал задумчиво:

— Если этот цилиндр тот же, который был в Атлантиде, и перенесся сюда потому, что Атлантида погибла, то можно допустить, что это место также не окончательное. Сами пришельцы, или управляющие цилиндром автоматы, могут перенести его куда-нибудь еще. Что произойдет, если именно сейчас заработает машина пространства?

— Для нас? — спросил Карелин. — Ничего, кроме того, что цилиндр внезапно исчезнет. Если еще можно допустить, что он, двигаясь во времени, виден нам, то, перейдя в нулевое пространство, мгновенно станет невидимым.

— Так-так, — сказал Никитин. — Приедут завтра вызванные нами ученые, а цилиндра нет. В хорошенъком положении мы окажемся.

Все рассмеялись.

— Мы напрасно не взяли с собой фотоаппарата, — серьезно продолжал Никитин. — А вдруг и в самом деле он исчезнет. Какие приборы и автоматы охраняют машину, мы не знаем. Может быть, мы, отрыв цилиндр из земли, сами привели в действие эти приборы. Может быть, выйти из него пришельцы могут только тогда, когда кругом никого нет?

— Будем надеяться, что этого не случится.

— Я могу съездить за аппаратом, — предложил Анвер.

— Теперь уже поздно, — сказал Кичёв. — Чему быть, того не миновать. Кто дежурит первым?

— Дежурить будем мы, — сказал Анвер от имени двух своих товарищес. — А вы спите до утра. И не спорьте, товарищ Кичёв. Завтра вам нужна будет свежая голова.

Находка вызвала огромный интерес у историков и произвела настоящую сенсацию.

Цилиндр из никому не известного металла, найденный внутри кургана, относящегося к тринадцатому веку, — это не могло не заинтересовать всех. А когда были опубликованы рукопись Даира, монгольское предание и гипотеза Карелина, мир охватило волнение. Впервые люди Земли столкнулись с тем, что можно было считать доказательством посещения планеты пришельцами из иного

мира. Машина времени из абстрактного понятия внезапно превратилась в реальность.

Впрочем, в том, что это именно машина времени, многие сильно сомневались. Слишком живучи были представления о такой машине как о конструкции невидимой и неощущимой, когда она находится «в движении». Начало этому представлению было положено еще фантазией Уэллса. Но и ученые, работавшие в области теории «нулевых» измерений, не могли себе представить, чтобы одна и та же конструкция была неподвижна снаружи и в то же время двигалась по времени внутри.

— Никакой машины времени там нет, — говорили сомневающиеся. — Это просто капсула с материалами о пришельцах.

Те, кто придерживался такого мнения, не верили ни рукописи Даира, ни монгольскому преданию, считая их случайно совпавшими по содержанию сказками.

Но в том, что цилиндр имеет не земное происхождение, не сомневался никто. В этом невозможно было сомневаться. Такого металла на Земле не существовало сейчас и, конечно, не могло существовать в прошлом.

Попытка получить хоть крупицу этого металла для лабораторного исследования окончилась неудачей. Анализ на месте также ни к чему не привел. Стало только ясно, что никакие вещества не действуют на загадочный материал и не вступают с ним в химическую реакцию. Сильнейшие кислоты не оставляли следов на гладкой поверхности.

Чуть заметный овальный контур двери был обнаружен почти сразу, так же как и маленький выступ, служивший, по всеобщему мнению, кнопкой, с помощью которой дверь могла быть открыта.

Открывать или не открывать?..

Представляли себе теоретики нулевых измерений возможности движения и неподвижности одновременно или не представляли, верили в то, что внутри цилиндра находятся люди, или не верили, — все это отходило на второй план в сравнении с основным вопросом: как отразится на пришельцах, если они всё же находятся там, попытка открыть дверь?

Пришельцы, люди иного мира, гости Земли, могли оказаться в цилиндре. А раз так, их нельзя было увидеть, потому что они находились вне пространства и времени,

воспринимаемого людьми, двигаясь по времени. Значит, открыть дверь и заглянуть внутрь представляет собой акт простого любопытства, какими бы соображениями «пользы науки» этот акт ни прикрывали.

Такого взгляда придерживались очень многие.

— Позвольте! — возражали другие. — Здесь вопиющее противоречие. Неужели можно предположить, что создатели машины не предусмотрели, что дверь можно открыть снаружи? Ведь они могли применить технику биотоков. Дверь могла открываться без всякой кнопки. Да мало ли способов скрыть от постороннего глаза механизм замка? Ясно видная кнопка — это прямое указание, что дверь открыть можно, а может быть и нужно.

Такой взгляд также имел веские основания.

В конце концов было решено открыть дверь и, не входя в цилиндр, осмотреть его внутреннее устройство.

Но решить — это еще не значит получить возможность выполнить решение...

За короткое время вид места, где стоял цилиндр, изменился до неузнаваемости. В радиусе ста метров все деревья были удалены, получившаяся площадка выровнена и покрыта каменными плитами.

После бурного обсуждения решились тронуть самый цилиндр, и теперь он стоял на пебольшом постаменте в центре площадки, напоминая собой памятник.

Настал день, назначенный для попытки открыть дверь. Чтобы избежать наплыва любопытных, об этом событии заранее не сообщали, и на «торжестве» присутствовало только несколько ученых и один корреспондент.

Николаю Тихоновичу Карелину была предоставлена честь самому нажать на кнопку. Его имя стало известно всему миру. Редко случалось, чтобы какая-нибудь гипотеза так быстро и убедительно получала практическое подтверждение. «Сpirаль времени» как бы перестала быть гипотезой. В нее поверили все, кроме узкого круга специалистов и... самого Карелина.

Николая Тихоновича смущал цилиндр. Никак не укладывалось в голове, что машина времени может быть видима и ощутима. Обдумывая это странное обстоятельство, он начал сомневаться в том, что цилиндр действительно машина времени. Может быть, старый египтянин ошибся и пришельцы появились на космическом корабле. И на чем же улетели обратно. Может быть, Даир что-то спу-

тал, не разобрал, грубо ошибся? И тогда не было никакого доказательства гипотезы «спирали».

Монгольское предание? Бывают и не такие совпадения!

Тот, кто, казалось бы, должен был верить больше всех, превратился в заядлого скептика. Но Карелин держал свои сомнения при себе, и о них никто не знал.

Его поздравляли, и он принимал поздравления с видом человека, убежденного в своей правоте.

Все должен был решить день, когда откроется дверь.

Если внутри окажутся материалы, оставленные пришельцами человечеству Земли, это будет доказательством — пришельцы были и улетели на родину, цилиндр не машина времена, а просто капсула, оставленная ими, доказательств нет, и гипотеза остается гипотезой. Если же там не увидят ничего — останется почва для размышлений, потому что оставлять пустой цилиндр не имело никакого смысла.

Нетерпеливо ожидаемый день настал, и... дверь не открылась.

Разочарование было полное.

— Это можно было предвидеть, — спокойно сказал Карелин после нескольких неудачных попыток.

— Может быть, — высказал кто-то догадку, — на кнопку надо нажимать не просто, а в определенной последовательности, несколько раз.

— Вполне возможно, но бесполезно. И пробовать не стоит. Таких комбинаций — бесконечность!

Всем было ясно, что означает неудача. Капсула, оставленная специально для будущего человечества, должна была легко открываться, иначе быть не могло. А раз открыть ее нельзя — значит, это не капсула, а что-то другое.

Что? Ответ напрашивался сам собой. Рукопись Даира правдива, монгольское предание тоже, и перед ними машина времени, откуда выйдут, когда пройдет назначенный ими срок, «боги Атлантиды», «джинны» монголов, пришельцы иного мира, по представлению современных людей.

Когда это произойдет? Ответа не было и не могло быть. Оставалось только надеяться, что это произойдет скоро.

«Хотелось бы увидеть их своими глазами», — так мог сказать буквально каждый человек на Земле.

Но всем увидеть их было не суждено, разве что пришельцы выйдут сегодня или завтра.

Для Карелина неудачная попытка открыть дверь означала очень многое. Мучившие его сомнения теперь рассеялись. Машина времени была налицо, и нужно было попытаться понять, как она может быть сконструирована, иначе говоря — устраниТЬ противоречие, заключающееся в том, что машина видима. Простую мысль подсказал ему Котов.

— Машина движется по времени, — сказал он. — Значит, в своем движении, она неизбежно проходит и через наше время.

— Я понимаю, что вы хотите сказать, — ответил Карелин, — но дело в том, что тогда она должна двигаться с одинаковой с нами «скоростью». Иначе говоря, время для тех, кто находится внутри, идет точно так же, как для нас. В таком случае это вообще не машина времени, а что-то вроде апабиозной ванны.

— Внутри нет времени. Я помню, в своей лекции вы высказали мысль, что в будущем люди смогут совершать космические перелеты, не затрачивая на это никакого времени. Такой космический корабль ничем не отличается от цилиндра пришельцев.

Карелин внимательно посмотрел на Котова.

— Возможно, — сказал он нерешительно, — что вы и правы. И разгадку надо искать в этом направлении.

У Николая Тихоновича было ощущение, что разгадка находится где-то совсем рядом, что нужна одна-единственная недостающая мысль, чтобы все стало ясно. Но такая мысль не приходила. В цепи умозаключений не хватало решающего звена. И чем больше он думал, тем больше крепло в нем убеждение, что это недостающее звено таится именно в наивных словах Котова. Цилиндр пришельцев — это космический корабль для путешествий по пространству и времени, в нулевом пространстве и в нулевом времени. Но научно сформулировать принцип такого движения никак не удавалось. Было только расплывчатое и смутное представление о чем-то, чего еще не знает современная наука.

— Ну, хорошо! — говорил Карелин жене. — Мы нашли машину времени. Она перед нами. А что дальше?

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

БАЗА № 16

Посередине салона, почти во всю его длину, стоял овальной формы стол, покрытый ворсистой скатертью, на ощупь и по внешнему виду похожей на бархатную. Вокруг него — удобные мягкие кресла, все занятые пассажирами. Под длинными окнами, вдоль бортов, такие же кресла, диваны, шахматные столики и буфетные автоматы были расставлены в хорошо продуманном беспорядке, создававшем уютную обстановку.

Стол был завален журналами.

У одного из окон двое играли в шахматы.

Юноша — высокого роста, широкоплечий, с фигурой и правкой спортсмена. Девушка — на голову ниже, тощенькая и, казалось, хрупкая. Оба одеты одинаково, в костюмы белого цвета, плотно облегающие тело. На ногах шнурованные ботинки с очень толстой подошвой. У нее — коротко остриженные волнистые волосы каштанового оттенка, у него голова наголо обрита. Каждому из них было не больше двадцати двух — двадцати трех лет.

— Пожалуй, уже скоро, — сказал юноша.

— Не терпится? — чуть насмешливо отозвалась девушка, продолжая смотреть на доску, обдумывая ход.

— Уже десять.

— Шах! — с торжеством сказала девушка. — Объявляю мат в три хода.

Он посмотрел на доску и смешал фигуры.

— Три — ноль! — Девушка рассмеялась.

— Ничего! — сказал он. — На базе возьму реванш.

— Если удастся.

Он хотел ответить, но в этот момент из пилотской кабины вышел штурман.

— Горелик и Козлова, — объявил он, — приготовиться к высадке!

Молодые люди поднялись.

— Предупредили? — спросил Горелик.

— А как вы думаете? — Штурман улыбнулся. (Как будто экипаж корабля мог забыть о своих обязанностях!) — Предупредили и получили ответ. Через три минуты база вышлет на поверхность ПЛ.

Он ушел обратно в кабину.

Молодые люди прошли в конец салона и достали из сеток по одинаковому дорожному мешку, так же как и их одежда, белого цвета. На мешках красной краской было написано: «ЭПРА».

Козлова посмотрела в окно.

Планелет снижался, приближаясь к водной поверхности.

Беспрецедентная ширь Атлантического океана переливалась широкой зыбью под лучами высоко стоявшего солнца. Ни облачка не было на густо-синем небе тропиков.

Снова появился штурман.

— Пошли! — сказал он коротко.

Идти пришлось долго. Планелет был гигантских размеров. Из салона они попали в коридор с длинным рядом дверей, затем во второй салон и снова в коридор. Наконец дошли до камеры вертикального выхода.

В ней не было окон, но можно было предположить, что корабль уже у самой поверхности океана.

Вспыхнула лампочка — сигнал из кабины пилотов.

Что-то зашипело, и в полу образовалось круглое отверстие.

Планелет висел неподвижно, метрах в шести от воды. Прямо под ними покачивался на волнах небольшой плоский диск. Это и был ПЛ, иначе говоря — подводный лифт, на котором им предстояло совершить спуск.

— Счастливо! — сказал штурман.

Металлическая лестница уже опустилась на диск. Она выглядела очень тонкой, и странно было думать, что полукруглые ступеньки способны выдержать тяжесть двух человек.

— Давай, Шура! — сказал Горелик. — Я за тобой.

Она приветливо кивнула головой штурману и быстро начала спуск. Уверенные и ловкие движения показывали, что такой способ выходить из корабля для нее не впервые. Горелик последовал за ней, но менее уверенно.

Она удержалась на ногах, ступив на диск, а ее спутник поскользнулся и едва не упал в воду. Так, по край-

ней мере, казалось со стороны. В действительности он не мог упасть за пределы диска.

Лестница была убрана, люк закрылся, и гигантский корабль пронесся над ними, круто поднимаясь. Диск задрожал под напором обрушившихся на него реактивных струй, но оба недавних пассажира планеты ничего не ощутили.

Чей-то голос прозвучал неизвестно откуда:

— Высадились?

Горелик недоуменно огляделся, не понимая, кто и каким образом говорит с ними.

Александра Козлова спокойно ответила:

— Высадились. Можно опускать.

Она сказала это не меняя позы и не поворачивая головы.

Диск внезапно обрел полную неподвижность и быстро погрузился.

Игорь Горелик невольно вскрикнул. Плоский диск, на котором они стояли, казалось, ничем не был защищен с боков и сверху. Вода должна была мгновенно залить его, но этого не случилось. Они по-прежнему находились на сухом «полу». Только теперь, когда кругом была вода, стало видно то, что при ярком свете дня трудно было заметить, — прозрачный сферический купол.

— Чего ты кричишь? — насмешливо спросила Козлова.

— Еще бы не вскрикнуть, — смеясь ответил он. — Я думал, мы окажемся в воде.

— Мы и есть в воде.

— ПЛ, а не мы. Я не знал об этом, — он указал на купол.

Она пожала плечами:

— Нетрудно было и догадаться. Не собирались же нас утопить.

Подводный лифт снижался с большой скоростью. Дневной свет стремительно тускнел.

— Как же мы спустились из планеты сквозь этот купол? — спросил Игорь.

— Очень просто, его тогда не было.

— Откуда же он взялся?

Игорь опустил глаза, намереваясь внимательно осмотреть диск «пола», но из этого ничего не вышло: было уже почти совсем темно.

— Откуда же он взялся? — повторил Игорь.

— Если так интересно, спроси кого-нибудь другого. Я терпеть не могу давать пояснения.

— Вот ты всегда так, — недовольно сказал он.

Она действительно всегда была такой, с самого первого дня их знакомства. Горелик, только что окончивший курс и прошедший тщательный и придирчивый отбор, безмерно счастливый, что оказался годным и долголетия мечта стала действительностью, явился за назначением в состоянии, весьма напоминавшем опьянение. Он был «пьян» от счастья. И не мудрено, если учесть, что десятки тысяч юношей и девушек стремились попасть на подводные работы «ЭПРА». В большой приемной он увидел девушку примерно своих лет и сразу решил, что она здесь с той же целью, что и он. Это была Козлова. Они познакомились, и Горелик засыпал ее вопросами, куда она хочет попасть и давно ли прошла отбор. С радостью, к которой примешалась изрядная доля зависти, он узнал, что Шура, как она ему представилась, уже год работает в «ЭПРА», отдыхала и пришла сюда не за назначением.

— Целый год? — с удивлением спросил он.

— А что? Разве трудно поверить?

— Я думал, вы только что кончили, как и я.

— Что кончила?

— Университет.

— А я не археолог, — сказала Шура. — Я инженер-океанограф.

Тогда он засыпал ее другими интересующими его вопросами. И получил холодный, как ему тогда показалось, ответ, что он «все узнает в свое время». Но потом он понял, что это была не холодность, а свойственная ей манера отвечать на расспросы.

— Где именно вы работаете? — спросил он.

— На базе номер шестнадцать.

— Я попрошусь туда.

— Любовь с первого взгляда, — нараспев сказала она и встала, так как из кабинета кто-то вышел.

Когда она скрылась за дверью, Горелик решил, что ни в коем случае не попросится на базу номер шестнадцать. Куда угодно, но только не с этой насмешливой девушкой!

Но его не спросили. Хмурый, словно чем-то очень недовольный, пожилой инженер прочел направление, про-

тянутое ему Гореликом, и, ни слова не говоря, написал сбоку: «На базу № 16».

«Уж не Шура ли постаралась?» — подумал Горелик.

Козлова ждала его в приемной.

— Удалось? — спросила она.

— К сожалению, — ответил Игорь. — Хотя я и не просился.

Она весело рассмеялась.

— Обиделся? — Она перешла на «ты». — Не стоит! Летим вместе?

— Это вы попросили за меня? — спросил он.

— И не думала. Но я знала, что на шестнадцатой несколько вакансий.

На следующий день, в планелете, он снова пытался ее расспрашивать, но вскоре понял, что это совершенно бесполезно. Опа действительно терпеть не могла давать пояснения...

Последние проблески солнечного дня исчезли. Они находились в полной темноте и не видели даже силуэтов друг друга. Лифт продолжал стремительно опускаться.

— Большая здесь глубина? — спросил Игорь.

— Немного больше двух километров. Смотри, — прибавила Козлова, — это наша база.

Он не мог видеть, куда она указывала, но и так все стало ясно. Еще довольно далеко, внизу, прямо под ними, разлилось по дну океана «море» света.

Через несколько секунд можно было различить, что этот свет дают многочисленные прожекторы, установленные на высоких решетчатых мачтах. Прожекторов было не меньше двадцати.

— А где же здания базы? — спросил Горелик, не видя ничего похожего на постройки.

— Зданий там вообще нет, — ответила Козлова. — Есть павильон. Один-единственный. Но он очень низок, и сверху его трудно заметить. Он прямо под нами. Мы опустимся на его крышу.

Дно было уже совсем близко, когда ПЛ резко увеличил скорость снижения. Это было хорошо заметно по тому, как «ринулись» навстречу мачты прожекторов. Казалось, что тот, кто, невидимый им, управлял движением лифта, решил разбить его о дно океана.

И вдруг... лифт остановился. Как это произошло, Горелик не успел заметить. Он почувствовал только сильное

давление со стороны пола и понял, что скорость была погашена на очень коротком отрезке пути.

«Интересно, зачем это?» — подумал он.

Они оказались в помещении, закрытом со всех сторон. Их окружали синевато-зеленые стены, как будто стеклянные, но, возможно, сделанные и из прозрачной пластмассы. Такими же были пол и потолок. Последний выглядел сплошным, и, упустив момент, когда лифт прошел через этот потолок, Горелик уже не мог понять, как это произошло.

— Какая же это крыша? — сказал он, переступив вслед за своей спутницей край диска. Купола уже не было и, как раньше на поверхности океана нельзя было понять, откуда он взялся, так теперь невозможно было понять, куда он делся. — Это комната.

— Над нами не небо, а вода, — ответила Козлова. — Отсюда и особенности архитектуры. Все-таки это крыша.

Они подошли к небольшой двери, за которой снова оказался лифт, но уже обычного наземного типа.

— Неужели здание так велико? — удивился Горелик.

— Не здание, а павильон. Привыкай к нашему языку. Да, здесь шесть этажей. Четыре из них под поверхностью дна.

Они опустились на второй этаж, то есть метров на двенадцать ниже дна Атлантического океана.

Выйдя из кабины лифта, Горелик увидел коридор, ничем не отличавшийся от обычных коридоров любого дома. Такой же пол, такие же двери по сторонам и обычное освещение. Ничто не говорило о необычайном местоположении этого дома.

Козлова отворила одну из дверей. За ней был опять-таки самый обычный кабинет с обычной мебелью.

Из-за письменного стола поднялся им навстречу человек лет тридцати, небольшого роста, худощавый, одетый в такой же белый костюм, какие были на них. Черты его лица показались Игорю Горелику знакомыми. Он напряг память и узнал этого человека. Владимир Суханов! Стажировал «ЭПРА», работавший в ней с первого дня ее основания, инженер-оceanограф, года три назад приезжавший в гости к студентам университета. Именно встреча с этим человеком и его рассказы заронили в душу Горелика мечту о работе в подводной экспедиции. Очевидно, он и является начальником базы № 16.

— Привет, Шурочка! — сказал Суханов. — Кого это ты нам привезла? Хорошо ли ты отдохнула? Как долетели? Твой муж отбился от рук, ничего не может делать. Тоскует по жене. Рад, что ты приехала.

Все это он выпалил единым духом, без пауз, и опустился обратно в кресло, всем своим видом показывая, что готов слушать ответы.

— Долетели нормально, — сказала Козлова. — Отдохнула хорошо, по мужу соскучиться не успела. Привезла нового сотрудника. Горелик Игорь — археолог.

Случайно или намеренно (Игорь подумал, что она сделала это намеренно), но ее ответ прозвучал в таком же темпе и в той же манере, как и вопросы Суханова.

Он бросил на нее лукавый взгляд и повернулся к Игорю.

— Вот так всегда, — сказал он. — Имей в виду: инженер Козлова великая насмешница. Не советую тебе попадаться ей на язык.

— Это мне уже хорошо известно, — улыбнулся Горелик.

Суханов рассмеялся.

— Уже успела? — Он протянул руку. — Извини, забыл представиться. Начальник базы Владимир Суханов.

— Я вас знаю. Видел три года назад.

— И не забыл? Кстати, у нас не принято называть друг друга на «вы». Мы все свои люди. Поступиши под начало Козлова. Это ее муж. Надолго к нам? — неожиданно спросил Суханов.

Игорь опешил:

— То есть как «надолго»? До конца!

— Все говорят так. Но многие не выдерживают и удирают. Работа у нас тяжелая, имей в виду. И продлится она еще лет десять.

— Нет, я не удеру, — твердо ответил Игорь.

„ЭПРА“

Осуществлению проекта, предложенного инженером-океанографом Владимиром Дмитревским, предшествовала длительная дискуссия.

Как часто случается с тем, что ново и непривычно, идея сперва подверглась «уничтожающей» критике,

потом была признана «заслуживающей внимания», а еще немного спустя превратилась в задачу «будущих поколений».

Будущих потому, что требовала огромных затрат. Экономический совет планеты считал, что необходимых средств в распоряжении человечества сейчас нет.

Таков был первый приговор.

«Будущие поколения» не устраивали Дмитревского. Он хотел сам осуществить свою идею, своими руками выполнить свой проект.

И он боролся и доказывал до тех пор, пока «задача будущих поколений» не сменилась «задачей ближайшего времени».

Таков был второй приговор, вынесенный через год после первого.

Но и такая формулировка не удовлетворила Дмитревского.

— Не в ближайшее время, а сейчас! — сказал он.

И эти слова сделались его девизом в борьбе с сомневающимися, чрезмерно бережливыми и чересчур осторожными.

Дмитревский любил и умел бороться.

Подавляющее большинство населения земного шара, а молодежь вся без исключения, было на его стороне, — настолько заманчиво выглядело это предложение, настолько много оно обещало.

А для молодежи, кроме всего прочего, особой притягательной силой служило то, что осуществление проекта Дмитревского было овеяно романтикой трудностей и даже опасностей, к чему всегда стремятся молодые сердца.

Совет экономики испытывал огромное давление со стороны молодежи.

И все же долгое время вопрос не мог получить положительного решения.

Чуждый эмоциям, совет экономики стоял на страже интересов всего человечества в целом. Время было такое, что приходилось тщательно взвешивать все «за» и «против».

Польза проекта Дмитревского ни в ком сомнений не вызывала, кое-кто сомневался только в его осуществимости. Но таких было очень мало. Дело заключалось только в затратах энергии, потому что материальные ре-

сурсы можно было найти, а исполнителей и подавно. Последних, несомненно, окажется во много раз больше, чем потребуется.

Энергия!

Она была нужна во все возрастающем количестве. Огромные работы производились повсюду, на всех континентах, и планетная энергетическая сеть с трудомправлялась с растущими, неудержимо и стремительно, потребностями строителей. Даже давно устаревшие и маломощные источники энергии — вроде небольших гидростанций и приливных установок — были на строгом учете и работали полным ходом, по мере сил помогая могучим атомным и солнечным станциям.

Энергии не хватало. Это был самый волнующий и острый вопрос современности.

А проект Дмитревского потребовал бы огромную долю драгоценного запаса энергии. Неудивительно, что совет экономики колебался, несмотря на всю соблазнительность и колоссальную пользу, которую даст осуществление этого проекта.

Напрашивался выход — построить новые станции и целиком передать их Дмитревскому. Но, во-первых, новые станции и так строились непрерывно, а во-вторых, было ясно, что потребность в энергии опережает любое мыслимое строительство. К моменту, когда специальные станции будут закончены, они окажутся необходимыми для других целей.

Получался заколдованный круг.

Вот если бы открыли новый мощный источник и энергетический баланс планеты сразу возрос бы в два или хотя бы в полтора раза! Тогда было бы совсем другое дело!

— Надейтесь на это, — шутливо сказал как-то Дмитревскому один из экспертов совета экономики Анвер Неримбеков.

Но «счастье помогает сильным».

На помощь Дмитревскому пришла... Луна!

Гигантские солнечные батареи, установленные на спутнике Земли для обеспечения энергией строящихся « заводов воздуха » (так как давно уже было решено окружить Луну атмосферой и сделать ее обитаемой), были, казалось, совершенно бесполезны для земных целей. В самом деле, как передать эту огромную энергию на пла-

нету? Не возить же ее на космических кораблях, как во-
зили добываемые на Луне урановую руду и платину! Ка-
залось, выхода не было.

Но давно известно: то, что кажется невозможным
сегодня, становится возможным завтра.

И это «завтра», принесшее Владимиру Дмитревскому
радость победы, наступило, и, как всегда это случается,
наступило внезапно.

Передача энергии без проводов, в частности передача
через космическое пространство, давно занимала умы
энергетиков. Проблема эта была так стара, что все, кро-
ме работавших над ней, просто забыли о ее существова-
нии. А работа шла своим чередом в тиши кабинетов и
лабораторий и пришла к победному концу.

Казалось трудно — получилось легко, казалось слож-
но — получилось просто.

Энергия Солнца, добываемая на Луне, могла теперь
в любую минуту хлынуть на Землю могучим потоком.

Вопрос был решен! То, что предлагал Дмитревский,
было важнее заводов воздуха. Они могли и подождать,
до тех пор пока не будут установлены на Луне новые ба-
тареи.

Совет экономики утвердил проект, и родилась «ЭПРА».

Дмитревский приступил к осуществлению заветной
цели. Как и ожидалось, к нему ринулись миллионы лю-
дей, и осталось только выбрать. Лучшие инженерные
силы планеты составили ядро «Экспедиции подводных
работ в Атлантике» — так назывался проект.

Дело шло о коренном изменении климата Северной
Америки и Европы, что должно было неизбежно отра-
зиться на всех других континентах, на климате всей
Земли.

Сущность идеи была проста и могла быть выражена
в четырех словах: повысить температуру Антильского
течения.

И только!

Идея, конечно, была не нова. Об этом думали еще
в двадцатом веке. Заслуга Дмитревского состояла в том,
что он сумел объединить старую мысль с новейшими ис-
следованиями дна Атлантического океана и его недр, свя-
зать их между собой в одно целое и предложить закон-
ченный проект.

Немало!

В чем же состояла идея Дмитревского, что она сулила человечеству Земли?

Общеизвестно, что климат Северной Америки и Европы в большой степени зависит от Гольфстрима. На широте Нью-Йорка его температура достигает двадцати трех градусов на поверхности и семи градусов на глубине четырехсот метров. Огромные массы теплой воды пересекают Атлантический океан и, обойдя Европу, достигают Шпицбергена. Но решающее значение имеет не сам Гольфстрим, а северное экваториальное течение, называемое Антильским, с которым Гольфстрим соединяется по выходе из Мексиканского залива. До этого соединения Гольфстрим несет около девяноста кубических километров воды в час, а после соединения с Антильским это количество увеличивается еще на шестьсот двадцать кубических километров, то есть больше чем в семь раз. Глубина Антильского течения — тысяча метров, при ширине шестьсот семьдесят километров, и ясно, что без этого течения один только Гольфстрим не мог бы оказывать такого большого влияния на климат Европы.

Повысить температуру Антильского течения — запчило повысить температуру Гольфстрима. По расчетам Дмитревского, ее можно было довести до тридцати пяти — сорока градусов на широте Нью-Йорка. Чем это означало, нетрудно было себе представить. Все северное побережье Европы превратится в субтропики.

Геологоразведочные работы, производимые на дне Атлантического океана уже много лет, установили, что как раз вдоль линии Антильского течения, на глубине всего пятнадцати километров, считая от поверхности океана, проходит мощная ветвь расплавленной магмы. В семи километрах под дном Атлантики недра уже нагреты до двухсот градусов, и буквально с каждым метром глубины температура стремительно возрастает.

По мнению геологов, магмовая ветвь была не случайна и не временна, а существовала очень давно, являясь, так сказать, стационарной, и не было оснований считать, что она может уйти в глубину или куда-нибудь в сторону.

Критики проекта Дмитревского высказывали и такое опасение, но он отвечал им, что в течение ближайших веков этого опасаться не приходится. Ну, а если через несколько сот лет появятся признаки истощения ветви, то это совсем не страшно. Человечество Земли становится

сильнее и могущественнее с каждым годом, и будущая техника сумеет найти способ заменить тепло магмы чем-либо другим.

Трудности задачи не пугали как самого Дмитревского, так и миллионы почитателей и сторонников его идеи. Современная техника легко справится с ними.

В чем состояла техническая сторона проекта? В том, чтобы с помощью глубоко заложенных труб подвести тепло магмы к нижней границе Антильского течения и таким образом непрерывно подогревать его.

Это была чрезвычайно простая мысль, и, если бы все происходило на поверхности земли, осуществление этой мысли было бы так же просто. Но работать предстояло на дне океана! Под давлением километровых слоев воды!

Наука и техника ответили: «Да, это возможно!» — и предоставили в распоряжение «ЭПРА» все необходимое.

Чего не сделает объединенное человечество!

«ЭПРА» приступила к работе за несколько лет до описываемого времени. Сперва в ее составе находились только геологи, океанографы и, конечно, инженеры. Машинный парк давал возможность обойтись без подсобной рабочей силы, почти все было автоматизировано. Дмитревский рассчитывал полностью закончить установку труб через пятнадцать лет. Учитывая количество желающих принять участие в работе «ЭПРА», можно было уложиться в меньшие сроки, но совет экономики считал поспешность в данном случае не только не нужной, но и вредной. Резко повышать температуру Антильского течения было опасно: это могло вызвать хаос в службе погоды, могло привести к атмосферным катаклизмам. Было решено устанавливать не более ста труб одновременно, чтобы повышение температуры Гольфстрима происходило постепенно и плавно.

С этой же целью работы велись в пятидесяти точках вдоль течения, чтобы одновременно воздействовать на всю его длину. Каждые две из этих точек обслуживались одной базой, которых, таким образом, было двадцать пять. Установив четыре трубы и пустив их в ход, база приступала к установке следующих четырех. Персонал каждой базы состоял из людей одной национальности, что было, во-первых, удобнее, а во-вторых, давало возможность принять участие в «работе века» всему населению Земли. Трубы доставлялись на базу той из бывших «стран», представители которой работали на этой базе. Русских и

американских баз было несколько. Общее руководство всеми базами осуществлял штаб, помещавшийся на подводном крейсере, возглавляемый Владимиром Дмитревским.

На дне Атлантического океана одновременно находилось более трех тысяч человек.

Никто не предполагал, что в работе «ЭПРА» могут принять участие историки и археологи, которым, казалось бы, нечего было тут делать. Случилось иное.

Первой наткнулась на следы Атлантиды база номер двенадцать. Найденные ее работниками обломки разрушенного здания произвели сенсацию. А затем всё чаще и чаще стали находить такие обломки все базы, расположенные вдали от африканских и американских берегов. Стало ясно, что именно здесь находились когда-то острова легендарной Атлантиды.

И тогда на базах появились археологи. Получились как бы две экспедиции, каждая из которых занималась своим делом, не мешая друг другу: одна — прокладкой труб, другая — поисками. Но название — «Экспедиция подводных работ в Атлантике» — соответствовало целям обеих групп и осталось неизменным.

Музеи всей планеты пополнились новыми экспонатами, проливавшими свет на историю Атлантиды, которой усиленно стали заниматься историки. И постепенно многие из них так же спустились под воду, чтобы производить исследования на месте. Численный состав историко-археологической группы вскоре почти сравнялся со строительной.

С каждым годом условия жизни на дне океана становились удобнее. Те, кто работал в кабинетах и лабораториях баз, подчас забывали, что они находятся под водой.

Но совсем забыть об этом было нельзя, и нельзя было не учитывать специфики подводных работ. Административно и технически персонал археологических групп каждой базы подчинялся ее начальнику. И инженеры «ЭПРА» привыкли считать своих новых подчиненных «техниками», хотя и не обычной для них специальности. И не раздумывая, в случае необходимости, направляли ученых на помочь строителям, или наоборот.

Обе группы сработались и считали себя единым коллективом с единой целью — добить со дна Атлантического океана тепло и знания.

ЗАКЛАДКА ТРУБЫ

— Послушай, Игорь, — сказала Шура Козлова. — Ты уже три дня на базе. Неужели тебе не хочется увидеть работу «ЭПРА»?

— Более чем хочется, — ответил Горелик. — Но здесь все так заняты...

Действительно, напряженная деятельность ни днем, ни ночью не стихала на дне океана. Правда, здесь не было ни «дня», ни «ночи», — люди просто работали двадцать четыре часа, работали в три смены — система давно забытая на поверхности земли.

Горелик мог давно увидеть все, что его интересовало, отправившись к месту работ в одиночку, но ему обязательно нужен был спутник, которого можно расспросить и получить объяснения. И он откладывал знакомство с технической половиной «ЭПРА» до какого-нибудь удобного случая.

Такой случай неожиданно представился сегодня.

— У нас очередной торжественный момент, — сказала Козлова. — Закладка новой трубы. Если хочешь увидеть, идем со мной.

— Хочу ли я?..

Она провела его к выходной камере. Там было еще человек десять, готовящихся к выходу.

Игорь надел на себя скафандр. Он показался ему слишком тонким, учитывая глубину, на которой они находились, но он знал, что современные скафандры ничем не напоминают прежние. Кроме шлема, представлявшего собой прозрачный и твердый шар, все остальное было гибким и совершенно не стесняло движений. Баллонов со сжатым кислородом не было, а аппарат для добывания воздуха непосредственно из воды оказался таким небольшим, что Горелик сперва не смог его найти на своем скафандре. Потом он понял, что этот аппарат, называемый «жабрами», находится в укрепленном на пояске футляре вместе с рацией и источниками тока для головного фонаря.

Одевшись, Игорь неожиданно почувствовал, что не может сделать ни одного шага. Ноги словно прилипли к полу, и никакими силами невозможно было оторвать их. И тогда он понял назначение показавшихся ему очень странными металлических колец, внутрь которых встал

каждый, прежде чем надеть скафандр. Эти кольца защищали людей от случайного падения. Упасть, когда ступни «прикованы» к полу, — означало верный перелом щиколоток.

— Готовы? — спросил кто-то.

— Я готов, — первым ответил Игорь.

Он слышал, один за другим, ответы всех. Голоса звучали негромко, но ему было известно, что радиус действия рации скафандра до трехсот метров.

— Пошли!

Камера наполнилась водой. Потом открылся выход, и в глаза ударил ослепительный свет ближайшего прожектора.

Горелик нагнулся и выбрался из кольца. Ноги двигались свободно, шаг был легок, сила магнитов, заключенных в подошвах, точно соответствовала весу столба воды над головой. Идти можно было так же, как на поверхности земли.

— Можно ли в одном и том же скафандре опускаться ниже или подниматься выше этого уровня дна? — спросил Игорь.

— Ты имеешь в виду магниты?

— Да.

— Вполне можно, их сила автоматически регулируется, — пояснила Козлова.

Дно оказалось очень ровным и уныло однообразным. Ни одного растения. Не было видно и рыб: обитатели глубин боялись света. Горелик читал, что «ЭПРА» на всем протяжении своих работ выравнивает дно и удаляет подводные заросли. Зачем это было нужно, он не знал, но, очевидно, существовали какие-то причины.

Они шли от одного прожектора к другому, шли уже несколько километров, и Горелик невольно подумал: почему не воспользовались каким-нибудь вездеходом или подводной лодкой, которых на базе было много?

От вопроса он удержался.

Впереди показалось что-то черное, прямое и узкое. Игорь понял, что перед ним готовая труба. Она выходила из дна и поднималась вверх подобно колонне, верхняя часть которой была отсюда неразличима.

Вблизи оказалось, что труба не так уж и узка, как показалось издали. Ее диаметр был не менее шести метров. Никаких оттяжек или упоров Игорь не увидел.

— Она не может упасть? — спросил он. — Или сломаться?

— Вопрос следует понимать в смысле — где крепления? — ответила Козлова. — Обычных креплений нет потому, что они не нужны. Каждые четыре трубы соединены друг с другом коллекторной плитой там, наверху. Именно она и является греющей поверхностью. Трубы стоят на расстоянии трехсот метров и расположены по углам квадрата. Все в целом обладает избыточной прочностью.

— Выходит, что эта плита имеет площадь девяносто тысяч квадратных метров, — сказал Игорь. — Плохо себе представляю, как трубы выдерживают ее тяжесть.

Она ничего не ответила. Горелик мог бы поклясться, что Шура пожала плечами, хотя он и не мог этого увидеть.

— Когда будешь ходить один, — сказала она, немногого погодя, — не вздумай касаться трубы.

— До скольких она нагрета?

— Почти до трех тысяч градусов.

— Что же это за металл?

— Милый, — неожиданно ласково сказала Козлова, — умоляю, избавь меня от подобных вопросов. Возьми в библиотеке базы книги и прочти.

— Хорошо, — сердито ответил он. — Но можешь ты мне сказать, когда мы наконец придем на место?

— Устал, бедненький?

— Не устал, а не понимаю, почему мы идем пешком.

— Типичное рассуждение наземника. И притом домоседа. Работники «ЭПРА» всегда ходят пешком, если не надо спешить.

— Физкультура? — догадался Игорь.

— Ну конечно! Надо же двигаться.

Его рассмешило столь простое объяснение загадки. Обыкновенная прогулка!

Они миновали еще одну трубу. Горелик подумал о коллекторе. Над его поверхностью воды вообще не могло быть, — там сжатый пар, сверхсухой. Такой же пар, вероятно, окружает всю трубу, на всем ее протяжении. Видимо, именно потому и обходили его спутники эти трубы на почтительном расстоянии. Но на вид никакого пара не было.

Он спросил об этом Козлову.

— Его хорошо видно, когда погашены прожекторы, — ответила она. — Очень красиво! Труба светится в темноте вишнево-красным, и этот цвет проступает словно через молочное стекло.

— По трубе течет магма?

— Какая магма? Никакой металл не выдержал бы. По трубам течет вода, вернее сверхперегретый пар. Ну вот мы и пришли, — прибавила Шура. — О! — воскликнула она вдруг. — Дмитревский уже здесь! Мы опоздали к началу.

Горелик увидел большую толпу, человек в двести, а может и больше. Люди стояли кольцом, окружая что-то большое и темное. Это «что-то» показалось Игорю длинной подводной лодкой, повисшей над дном вертикально. Немного в стороне лежал исполнинский подводный крейсер штаба «ЭПРА», внешний вид которого был хорошо известен буквально всем людям на Земле по бесчисленным снимкам в журналах.

Их группа смешалась с толпой, и Горелик на время потерял из виду Козлову. Он остановился возле какого-то человека, ниже его ростом, которого принял было за Суханова, потому что человек этот повелительным голосом отдавал распоряжения. Но, взглянувшись, понял, что ошибся. Это был не Суханов.

Неужели?.. Да, сомнений быть не могло. Эти черты были Игорю хорошо знакомы.

Рядом с ним находился начальник «ЭПРА».

— Ниже! — скомандовал кому-то Дмитревский.

Горелик увидел, как то, что он принял за вертикально висящую лодку, опустилось и передняя его часть погрузилась в почву.

— Еще ниже!

«Лодка» слегка дрогнула и снова погрузилась. Было непонятно, как и чем она преодолевала сопротивление дна.

— Так, хорошо! Выравнивайте!

К «лодке» никто не подходил, возле нее вообще никого не было. Кому отдавалось это распоряжение? Горелик осмотрелся, но нигде не увидел своего «года». Козлова куда-то исчезла.

Окликнуть ее? Неудобно как-то, все услышат. И Дмитревский, стоящий совсем рядом. Впрочем, если бы он был и далеко, то все равно бы услышал.

— Вы что-то потеряли, молодой человек? — услышал он неожиданный вопрос, обращенный явно к нему, потому что только он один не стоял неподвижно, как другие, а вертел головой, точно ища что-то.

Кто, с какой стороны задал этот вопрос — определить по звуку было невозможно, — слова достигали его слуха по радио. Горелик увидел, что Владимир Дмитревский смотрит прямо на него, и понял, что вопрос задан именно Дмитревским.

Надо отвечать!

— Я потерял свою спутницу, товарищ Дмитревский, — сказал Игорь. — Я новичок, прибыл сюда три дня назад, и она обещала давать мне пояснения, да вот пропала куда-то.

— А что именно вас интересует?

Игорь хорошо знал, что этот разговор слышен всем. Ему даже показалось, что кто-то рассмеялся едва слышно. Кто? Конечно, эта противная Шура. Ее забавляет положение, в которое он попал из-за своего любопытства. Э, будь что будет! Не отступать же!

— Я хотел бы знать, что здесь происходит, — ответил он. — Что это за штука? — Он указал рукой на странную «лодку». — Кто ею управляет и как?

— Происходит закладка очередной трубы. — Игорь видел губы Дмитревского и убедился, что действительно разговаривает с всемирно известным человеком. — «Штука», как вы сказали, — это ПК, иначе говоря — подводный крот, который пророет шахту и потянет за собой трубу на глубину десяти километров. В трехстах метрах отсюда, параллельно, пойдет второй крот. В настоящий момент им управляют люди, а потом он пойдет самостоятельно. Вас удовлетворяет это объяснение?

— Вполне. Спасибо, товарищ Дмитревский.

— Ну и напрасно, — совершенно уже неожиданно услышал Игорь. — Вы могли бы понтересоваться еще многим. Например, как совершается подземный поворот крота? Как он изгибает трубу?

— Я боюсь злоупотребить вашим временем.

— Как ваше имя?

Горелик назвал, прибавив, что он археолог.

— Об этом я и сам догадался, — ответил Дмитревский. — Инженеры таких вопросов не задают. Они сами это знают.

Снова кто-то рассмеялся, и Игорь узнал Козлову.

«Вот тебе! — подумал он. — Не хотела объяснять мне, так я получил пояснения от самого Дмитревского».

Между тем подводный крот погрузился больше чем на половину своей длины. Хотелось спросить, откуда поступает энергия к его двигателям, но обращаться самому к начальнику «ЭПРА» для Игоря было уж слишком смело.

Он увидел, как в корпусе крота открылся люк и оттуда вышли три человека. Очевидно, именно они управляли машиной до сих пор, а теперь она пойдет дальше самостоятельно.

ПК погружался на глазах. Потом машина остановилась. Теперь над поверхностью дна оставалась только ее корма, возвышавшаяся не больше чем на метр. Все остальное скрылось.

Над головами зрителей проплыла гигантская труба, метров двести длиной. Над ней можно было различить контур подводной лодки, которая ее несла на тросах. Приблизился огромный и неуклюжий с виду самодвижущийся механизм, размером с небольшой дом. Из него протянулись четыре механические руки и взялись за конец трубы. Медленно, плавно труба встала вертикально и точно легла торцом на корму ПК.

Горелик следил за происходящим затаив дыхание. Внешняя легкость движений механических рук таила в себе чудовищную силу. Интересно, управляет кто-нибудь «руками» или это автомат?

Появились еще четыре «руки», иной формы. Они обвили конец трубы, словно обняв ее. Горелик понял, что сейчас труба будет приварена к корме ПК, или как-то иначе наглухо скреплена с ней. И ПК потащил трубу за собой в глубину, а за ней и все остальные трубы, которые одна за другой будут присоединены к первой. Было ясно без пояснений, что возрастающий вес этих труб поможет ПК идти вниз. Но вот как он поднимется?

«Видимо, он вообще не будет подниматься, а останется там, соединившись со вторым ПК, о котором сказал Дмитревский», — подумал Игорь.

Между тем «сварка» была окончена. Все восемь рук одновременно ушли внутрь самохода. И ПК двинулся вперед.

Труба пошла за ним.

Движение это было очень медленным, и его даже

трудно было заметить. Без трубы крот погружался гораздо быстрее.

Кто-то тронул Игоря за рукав скафандря. Он обернулся и увидел Козлову.

— Явилась все-таки, — сказал он. — Совесть проснулась?

— Ты сам куда-то пропал, — ответила она. — А потом я услышала, что ты разговариваешь с Дмитревским. Как он тебе понравился?

Игорь смущенно оглянулся, но Дмитревского уже не было возле него. Больше того, не было видно и крейсера штаба. Видимо, начальник «ЭПРА» успел уехать, пока он был поглощен зреющим.

— Дмитревский отправился к месту закладки второй трубы, — пояснила Шура. — Он всегда лично присутствует при каждой закладке, на всех двадцати пяти базах.

— Сколько времени будет погружаться крот? — спросил Игорь.

— Сорок дней. Возможны задержки из-за особенностей грунта. Иногда приходится вытаскивать все обратно. Но, к счастью, эти случаи редки.

— Катастроф не было?

— Пока не было.

По тону ответа Игорь понял, что работники «ЭПРА» каждую минуту ожидают возможной катастрофы и готовы к ней.

— Опасная штука! — сказал он. — Кстати, куда девается грунт?

— Он выбрасывается на поверхность через эти же трубы. Через двадцать часов, или немного позже, здесь начнется непрерывное извержение глубинных пород. Тогда надо будет внимательно следить и производить непрерывный анализ. Мало ли что может оказаться. К тому же температура недр все время повышается.

— ПК останавливается?

— Да, через каждые двести метров. Последние трубы очень трудно присоединять. Приходится предварительно раскалять их торцы. Ты прав, — работа опасна. Но в этом есть и своя прелесть.

— Прелесть?

— Слишком мало осталось у нас, на Земле, таких работ, где нужна смелость.

— Разве не все автоматизировано?

— Почти всё. Я возвращаюсь на базу, — прибавила Шура. — Идешь со мной?

— Да, пошли!

Он бросил прощальный взгляд на трубу (она не укоротилась заметно) и пошел за Козловой.

По дороге им встретилось несколько громоздких машин, медленно ползших по дну.

— Это подвижные лаборатории и вспомогательные агрегаты, — сказала Козлова. — Они переходят на новое место. От недавно законченных труб, где уже делать нечего.

— Место работ все время удаляется от базы?

— Да, в обе стороны. А потом и сама база будет перенесена на другое место.

В ПЛЕНУ

Время шло однообразно, но не скучно. Интересная работа всецело захватила Игоря Горелика.

День был строго регламентирован. Работа, сон, развлечения — все имело свое, раз навсегда установленное, время. И это так же помогало не замечать отсутствия новых впечатлений.

Раз в три дня, в течение получаса, Игорь имел возможность поговорить с матерью по радиотелефону. Он не пропускал своей очереди, главным образом потому, что знал — мать беспокоится о его здоровье и ее собственная работа идет лучше, после того как она увидит сына.

На свое здоровье Игорь никогда не жаловался. И в условиях «заключения» под водой выглядел так, что даже мать не находила повода поволноваться за него.

В подводном павильоне были гимнастический зал и бассейн для плавания. В верхнем этаже помещался «зимний сад», где рекомендовалось проводить не менее часа в день. За этим строго следил врач базы. Народ был крепкий, не склонный к заболеваниям, и врачу делать было почти нечего. Александр Пугачев помимо медицинских обязанностей выполнял еще и работу ученого-ихтиолога. Суханов редко отпускал его на дно, и материал для работы доставляли поисковые группы. Лаборатории базы были прекрасно оборудованы.

Как-то под вечер Дмитрий Козлов подошел к Игорю, игравшему в шахматы с Шурой, и сказал ему:

— Завтра в длительный поиск отправляется группа Анатолия Купцова. Ты отправишься с ней.

— Наконец-то! — облегченно вздохнул Горелик.

Купцова он хорошо знал. Тот был всего на год старше, и они часто встречались в университете. В свое время Игорь остро завидовал Анатолию, когда узнавал, что Купцова приняли на работу в «ЭПРА».

— Ты не обижайся, — сказал Дмитрий. — У нас так принято. Всех новых сотрудников подвергают испытанию на терпение. Ведь нам часто приходится безвыходно сидеть в таком «заключении». За три месяца можно увидеть, годен человек для работы в «ЭПРА» или не годен.

— Значит, я годен?

— По-видимому, да.

— Все-таки «по-видимому».

— Дно покажет, — неопределенно ответил Козлов.

— Пойдем пешком?

Шура рассмеялась:

— Такой здоровый парень, а шага сделать боится.

— Я не боюсь. Просто спрашиваю.

— Ходить придется много, — ответил Дмитрий. — А на место отправитесь в лодке.

— Место уже разведано?

— Да, там была одна группа. Кажется, что-то есть.

— А почему не на вездеходе?

— На них можно ездить только по расчищенной полосе. А в том месте хаос скал.

В противоположность своей жене Дмитрий всегда и охотно отвечал на любой вопрос.

— Надолго? — спросил Игорь.

— Дело покажет. Но не менее как на десять дней.

— Как же я переживу разлуку с тобой, любовь моя? — сказал Горелик Шуре.

Он в последнее время убедился, что лучшим оружием против насмешек Шуры является контрнасмешка. Средство это действовало безотказно.

— Как-нибудь, — сухо ответила Козлова.

Дмитрий понимающе подмигнул Игорю.

— Будь готов к восьми часам, — сказал он и ушел.

— Сыграем еще? — спросила Шура.

— Нет, чтобы уж с тобой играть. Пойду поищу Анатолия. Спрошу, что брать с собой. Я же в первый раз.

Головной фонарь осветил узкий проход между скал. Горелик в нерешительности остановился. Он был один, а инструкцией запрещалось залезать в трещины, и вообще в сомнительные места, одному.

— Анатолий! — позвал он.

— Слышаю тебя, — ответил голос Купцова. Выслушав Игоря, он вынес решение: — Жди! Приду к тебе сам. Я недалеко, вижу свет твоего фонаря.

— Хорошо, жду!

Шел восьмой день поисков. Группа, состоявшая из пяти человек, обследовала участок площадью не менее десяти квадратных километров, но не нашла ничего. Создавалось впечатление, что первая группа, побывавшая на этом месте, ошиблась и никаких следов Атлантиды здесь нет. Но Дмитрий Козлов не разрешал Купцову прекратить поиски.

— Ищите хотя бы тот портик, о котором говорил Долин. Они его ясно видели. Как он выглядит, вам известно. Когда найдете и убедитесь, что это просто причудливая скала, тогда возвращайтесь.

Но «портик» никак не находился.

Группа Долина видела его только из окна лодки. Выйти на дно помешало присутствие осьминогов. В распоряжении группы не оказалось средств разогнать опасных моллюсков. Пришлось ограничиться фотографией через иллюминатор, при свете прожектора.

Группа Купцова, разумеется, захватила с собой все необходимое. На поясе Горелика висела небольшая черная трубка. Ее содержимого было достаточно, чтобы разогнать и частично уничтожить хоть сотню спрутов. Такие же трубки были и у остальных четырех.

Игорь стоял и терпеливо ждал Анатолия — тот что-то задерживался. В свете фонаря он видел, что проход все же достаточно широк, чтобы в него могла пройти лодка. Может быть, там в глубине видел Долин свой портик? Уйти, не обследовав прохода, было никак нельзя.

Время от времени Игорь гасил фонарь и всматривался, не виден ли свет от фонаря приближающегося Купцова. Но кругом было темно. Они находились довольно далеко от ближайшей полосы «ЭПРА», и лучи прожекторов сюда не достигали.

Куда запропастился Анатолий?

Вокруг беспорядочно громоздились скалы. Игорю

казалось, что они лежат так, словно упали сверху друг на друга.

— Да, действительно, — сказал он. — Очень похоже.

— Что и на что похоже? — раздался голос Купцова.

— Скалы лежат так, точно они свалились откуда-то.

Очень похоже на результат катастрофы, — ответил Игорь.

— Сейчас посмотрим!

— Ты где?

— Близко.

— Почему же не видно света твоего фонаря?

— А я его погасил, — хладнокровно ответил Купцов.

Как же иначе я увижу свет твоего?

— Смотри не провались куда-нибудь.

— Периодически зажигаю.

И тотчас же, метрах в ста пятидесяти, вспыхнул свет.

— Ровное место, — сказал Купцов, и его фонарь снова погас.

Горелик стоял спиной к проходу. Внезапно что-то с силой толкнуло его в спину. Игорь полетел кубарем. Фонарь на его шлеме погас.

Стекло было крепко и не могло разбиться. Почему же погас фонарь? Игорь не успел об этом подумать. Что-то схватило и подняло его.

Сквозь металлическую «ткань» скафандра он чувствовал, вернее ему казалось, что он чувствует, как гибкие щупальцы обвивают его тело. Ни рукой, ни ногой он пошевелить не мог. Спрут?.. Кто же еще, конечно спрут!

— Меня схватил осьминог, — сказал он.

— Бегу! — коротко ответил Анатолий.

И сразу же загорелся его фонарь, совсем уже близко.

То, что держало Игоря, находилось за его спиной. Повернуть голову было нельзя, так же как и пошевелить рукой.

Игорь нисколько не беспокоился за себя. Сейчас подбежит Анатолий и освободит его. Спрут, даже гигантских размеров, ничего с ним не сделает.

Он подумал, что инструкция о подводных поисках составлена умно. Хорош он был бы, зайдя в проход один. Ведь именно оттуда выскочил его враг.

«Надо будет сказать Дмитрию, что и ходить по дну в одиночку нельзя», — решил Игорь.

Свет фонаря быстро приближался. Еще несколько секунд!

Горелик почувствовал, что его куда-то потащили. Медленно проплыли мимо скалы.

— Он тащит меня в проход, — сказал Игорь.

Купцов ничего не ответил, но его фонарь стал приближаться заметно быстрее.

Еще две-три секунды Игорь видел свет друга. Потом фонарь скрылся, видимо заслоненный выступом скалы. Стало абсолютно темно. Неведомый враг продолжал отступление.

Игорь напряг мускулы и рванулся. Только бы освободить руку, хотя бы на мгновение. Прежде чем его снова схватят, можно успеть нажать на кнопку фонаря. Видимо, он погас потому, что щупальце спрута случайно задело эту кнопку, помещенную на футляре у пояса.

Но из попытки ничего не вышло. Его держали крепко.

Игорь ощутил легкое беспокойство. Свет фонаря Купцова не появлялся.

— Где ты? — раздался голос Анатолия.

— Разве я знаю, — ответил Игорь. — Он тащит меня в глубину прохода. Твоего фонаря я не вижу. А свой не могу зажечь, рукой не пошевелить.

— Буду искать. Сюда бежит еще Коля. Я его вызвал. Ты не бойся!

— А я и не думаю бояться. С чего ты взял?

«Странно, — подумал Игорь, — почему я не слышал, как он вызывал Николая!»

Гибкий и мягкий материал скафандра был настолько крепок, что Игорь даже не мог определить, остановился ли его похититель или все еще движется куда-то. Давление воды совершенно не ощущалось.

— Здесь уйма проходов, — услышал он голос Анатолия. — Куда именно его затащили?

Игорь понял, что Николай Кузьминых уже присоединился к Купцову и они ищут вдвоем. Но яркий свет фонарей нигде не мелькал.

— Если бы он мог зажечь свой фонарь! — Это сказал Николай.

Да, конечно, свет фонаря сразу указал бы направление. Во всяком случае сильно облегчил бы поиски. Но как зажечь фонарь? По-прежнему невозможно пошевелиться.

Горелик начал биться, напрягая всю силу. Тщетно!

Его враг, видимо, был чудовищно силен.

Хотя бы увидеть, с кем он имеет дело!

— Вот недостаток наших скафандров, — сказал Купцов. — Невозможно по голосу определить направление, откуда доходит звук. Как дела, Игорь? — спросил он.

— По-прежнему.

— В каком ты положении?

— Он держит меня прямо, — ответил Горелик, догадавшись, о чем его спрашивают, — или под небольшим углом. Но, наверное, в любую минуту может и перевернуть головой вниз. Я абсолютно беспомощен. Не могу даже слегка пошевелиться.

— Лучше не шевелись совсем. Не раздражай его. Сиди спокойно!

Горелика рассмешило слово «сиди».

— Что ты смеешься? — спросил Купцов. — Нашел время!

— Ты сказал, как говорят детям, «сиди спокойно».

— А! Я работал одно время в детском городке. Видишь ты свет наших фонарей?

— Ничего не вижу. Это меня немного беспокоит. Не ушли ли вы далеко в сторону?

— Сейчас мы вернулись к выходу. И начнем поиски с самого начала.

— Скоро здесь будет еще и Костя, — сказал Кузьминых.

— Значит, в полном составе.

Игорь знал, что из пяти человек группы один обязательно должен был оставаться в лодке.

— Знаешь что, — сказал Купцов, — лучше не разговаривай. Может быть, он слышит твой голос и это его раздражает.

— Даже наверное так. Я не могу утверждать, но мне кажется, он сжимает меня сильнее, когда я говорю или когда говорите вы. Но ведь он не может причинить вред, скафандр ему не по силам.

— Так-то так, но лучше помолчи.

— Молчу!

Время тянулось с каждой минутой медленнее. Игорю казалось, что он уже несколько часов находится в плену у неведомого зверя...

Константин Басков с трудом нашел товарищай. В этом месте действительно был невероятный хаос нагроможденных друг на друга обломков скал.

Они уже не сомневались, что высказанное Гореликом предположение правильно. Не скалы, а именно их обломки. Что могло так разломать их? Конечно, катастрофа. Скалы когда-то находились на одном из островов и рухнули с ним вместе на дно океана.

Анатолий Купцов сообщил обо всем на лодку. Оставшийся там Валерий Софронов передал тревожный сигнал на базу, и оттуда с минуты на минуту должна выйти на помощь вторая лодка.

Но когда она подойдет?

Против воли все трое начали беспокоиться. Они хорошо знали несокрушимую крепость скафандра, но все же... В такое положение, как Горелик, никто еще никогда не попадал. Не было ни одного случая нападения обитателя глубин на работника «ЭПРА». А что, если неизвестный зверь (спрут — по мнению самого Игоря) начнет гнуть скафандр, пытаясь его сломать? Выдержит ли гибкий металл? Не согнется ли он больше, чем допустимо для безопасности человека, находящегося в скафандре? Теоретически этого не должно было случиться, но на практике... В таких условиях скафандры не испытывались. Кто может знать, какова сила животного, схватившего Горелика!

Друзья молчали, скрывая друг от друга свои опасения, и производили поиски внешне спокойно, вынужденно не торопясь. В таком лабиринте очень легко было пропустить какую-нибудь небольшую пещеру или грот. Сирот мог забраться со своей добычей в любую расщелину.

Софронов сообщил, что вспомогательная лодка вышла и будет здесь через сорок минут.

Сорок минут! Это было долго, очень долго!

Купцов наконец не выдержал растущего беспокойства и спросил как могтише:

— Как дела, Игорь?

— Без перемен, — последовал также очень тихий ответ. — Почему он не пытается сломать скафандр, понять не могу. Всё же поторопитесь.

— А что такое?

— Ничего, просто мне очень неприятно это беспомощное положение.

— Потерпи еще немногого.

Прошло минут десять.

Теперь трое друзей волновались уже открыто, часто забывая об осторожности и переговариваясь. Правда, говорить старались как можно тише. Ведь каждое слово звучит в шлеме Горелика, и было неизвестно, как воспринимает звуки его похититель. Обладает зверь тонким слухом или не обладает?

Купцов хотел было посоветовать Игорю выключить радио, но вспомнил, что Горелик не может пошевелиться. А если бы и мог, такой совет было трудно выполнить. Голоса товарищей — единственная моральная поддержка пленника.

— Помощь близка, — сообщил Софронов. — Они мчатся полным ходом.

И вдруг раздался громкий, взволнованный голос Игоря:

— Товарищи, поторопитесь! Он начал меня гнуть. Впечатление, что скафандр трещит!

В этот момент все трое случайно сошлись в одном месте. Они переглянулись тревожно и беспомощно. Что предпринять? Кажется, обыскали каждую пядь каменного лабиринта.

«Если бы Горелик мог каким-нибудь образом зажечь свой фонарь», — одновременно подумали все трое.

И... яркий свет вспыхнул внезапно, где-то совсем близко, казалось — во многих местах сразу.

Нет, это не фонарь Горелика!

Сквозь щели между скалами пробились сильные лучи белого, странно белого света. Осветились все закоулки, каждый камень, каждый поворот.

И тотчас же они заметили блеск скафандра пропавшего товарища. Совсем рядом.

Узкая щель, хорошо замаскированная обломками, вела во что-то вроде грота. Несколько раз они проходили мимо, не замечая щели.

Бот он где!

Они кинулись в щель.

Фонари были не нужны в ослепительном свете. Они увидели Игоря, обвитого кольцами длинного, похожего на змею, животного. Это был не спрут! О таком обитателе глубин никто из них никогда не слышал.

Купцов поднял трубку и нажал на кнопку.

Мгновение — и освобожденный Горелик мягко упал на дно. Рассеченное в нескольких местах тело «змеи», в красном тумане крови, медленно опустилось рядом.

И в тот же момент, точно кто-то невидимый повернул выключатель, свет, исходивший неизвестно откуда, погас...

СТАРАЯ ЗАГАДКА

ЧП!

Чрезвычайное происшествие!

Это выражение бытовало на Земле сто лет назад и, сохранившись до настоящего времени, приобрело еще более острое и волнующее значение, чем в прошлом, потому что «чрезвычайные происшествия» случались теперь исключительно редко.

ЧП прозвучало в экстренных выпусках радиогазет, прозвучало на весь мир спустя какой-нибудь час после того, как ударом лучевого пистолета Игорь Горелик был освобожден из объятий неизвестного науке подводного животного.

Неизвестного! Здесь, на Земле!

Давно уже исчезли с карты планеты «белые пятна». Земной шар был исследован вдоль и поперек. Когда-то труднодоступные, таинственные области южноамериканского континента, Центральной Африки и глубинных слоев мирового океана открыли все свои тайны, и казалось, не могло оставаться ничего неизвестного или загадочного. Романтика открытий перекочевала в космос.

И вот!

Неизвестное животное на Земле!

Одно только это было чрезвычайным, из ряда вои выходящим событием.

А тут еще удивительная история с появлением белого света!

Можно было предположить, что источник этого света был забыт на дне океана какой-нибудь из прошлых экспедиций. Такой случай мог произойти, хотя и был почти невероятным. Но почему же тогда он вспыхнул и погас? Почему он оказался как бы запрятанным в лабиринте скал? Невольно создавалось впечатление, что за тремя подводными разведчиками группы Купцова кто-то, или может быть что-то, внимательно следило и пришло им на помощь в самый нужный момент.

Светильники, вплоть до мощных прожекторов, управляемые на расстоянии с помощью биотоков, были слож-

ными механизмами, и никакая экспедиция не могла просто забыть их в океане.

Тогда что же?!

Сообщение «ЭПРА» со дна Атлантического океана взволновало все население Земли. Люди уже привыкли жить единым коллективом, и все, что происходило на планете, касалось одинаково всех.

Игорю Горелику, как только он вернулся на базу, была предоставлена возможность, вне всякой очереди, поговорить с матерью, чтобы, встревоженная газетным сообщением, она могла лично убедиться, что ее сын никак не пострадал от встречи с неизвестной «змеей».

Но на этот раз его увидела не только мать...

Владимиру Дмитревскому первому сообщили о происшествии. Он ответил коротко:

— Ничего не предпринимать до моего прибытия!

Уже готовые отправиться на поиски таинственного светильника, люди Суханова остались на базе ждать начальника «ЭПРА».

Подводный крейсер штаба направился на базу номер шестнадцать.

Дмитревский был широко образованным человеком. Работавшие с ним знали, что он одинаково интересуется как технической, так и историко-археологической частями «ЭПРА». Занятый «выше головы» осуществлением своего подводного проекта, он находил время принимать косвенное участие в работах, очень далеких по своему профилю от его прямой специальности.

Дмитревский прожил большую и интересную жизнь. Будучи инженером-океанографом, он принимал личное участие в исследовательских экспедициях на Венеру, много раз погружался в батискафах и просто в скафандре в глубины океанов этой, все еще остающейся во многом загадочной, планеты. О его приключениях на спутниках Юпитера рассказывали легенды. В качестве навигатора он участвовал в полетах чуть ли не на все планеты Солнечной системы. И всегда, всюду он оставался человеком, приносящим большую пользу, спокойным, волевым, настойчивым в достижении целей, независимо от того, были ли они поставлены им самим или кем-нибудь другим.

Авторитет Дмитревского давно уже стал непререкаемым.

Его советами пользовались строители лунных заводов, спутников-лабораторий, земных солнечных станций, конструкторы космических кораблей.

Таких людей в старину называли энциклопедистами.

Интерес, проявленный им к странному происшествию с поисковой группой Купцова, никого не удивил.

Не удивил в первый момент. Но уже на следующий день создалась почва не только для удивления, но и для загадки.

Жизнь работников «ЭПРА» текла, вообще говоря, довольно однообразно, хотя и очень напряженно. Все, что выходило из рамок привычного, невольно возбуждало пристальное внимание.

Инженеры штаба заметили, что Дмитревский непривычно долго разговаривал с кем-то по радиотелефону. Имя собеседника начальника «ЭПРА» ничего им не сказали. Правда, фамилии они не слышали, или она вообще не была произнесена в разговоре, который касался именно того, о чем говорили сейчас все, — происшествия на базе номер шестнадцать.

Дмитревский говорил из своей каюты, и до других долетали только отдельные слова и фразы, произнесенные достаточно громко.

Отчетливо были слышны слова, сказанные Дмитревским:

— Все это чрезвычайно подозрительно и заставляет думать, что вы были правы.

Инженеры переглянулись. Они, конечно, не подслушивали разговор своего начальника, а находились рядом с его каютой только потому, что было время обеда, а кают-компания крейсера поменялась непосредственно рядом с каютой Дмитревского.

— «Вы были правы!» Это может означать, что кто-то как бы предвидел случившееся, — тихо сказал один из штабных инженеров. — Интересно, что именно — змю или загадочный свет?

А дальше случилось еще более странное...

Сообщение Суханова было принято на крейсере, когда он находился очень далеко от базы номер шестнадцать. Предстояло более суток пути полным ходом. Дмитревский даже не остановился на базе номер двадцать три, где в этот день должна была состояться закладка очередной трубы. Это был первый случай в истории «ЭПРА», —

традиционное «торжество» состоялось без начальника. Видимо, происшествие с Игорем Гореликом заинтересовало Дмитревского не на шутку.

А на следующее утро, уже находясь близко к цели, Дмитревский приказал остановить крейсер и поднять его на поверхность океана.

Зачем? Вопреки всем обычаям и своему собственному правилу — держать штаб в курсе всех дел, Дмитревский никому не сообщил причины.

Это также вызвало удивление.

Работники штаба давно уже не видели солнца и с удовольствием выполнили приказ.

Океан оказался неспокойным, по нему ходила сильная зыбь, но небо было безоблачно, и дневное светило, по которому все так соскучились, ярко сияло почти в зените. Несмотря на сильную качку, все бывшие на крейсере вышли наверх.

Дмитревский стоял на мостице и, не отрываясь от бинокля, осматривал северо-восточный горизонт.

Ждали долго, и никто не мог понять, чего они ждут.

Дмитревский всегда был простым и общительным. Но сегодня его словно подменили. Он упорно молчал, и его лицо было столь хмуро и озабоченно, что никто не решился обратиться к нему с вопросом.

Наконец появился небольшой планетен планетен скоростного типа. Быстро приблизившись, он снизился и повис над крейсером. По опознавательным знакам на фюзеляже можно было заключить, что воздушный корабль прибыл из Ленинграда.

По сброшенней лестнице на палубу крейсера спустился пожилой, скорее даже старый, человек, в обычном городском костюме, странно выглядевшем для людей, привыкших к форме «ЭПРА», с короткими, совершенно седыми волосами.

Кто он такой, этот человек, никто догадаться не мог.

Приняв незнакомца, крейсер сразу же ушел на глубину, и прерванный путь возобновился.

Дмитревский увел гостя в свою каюту, так и не познакомив его ни с кем из работников штаба. Их разговор наедине продолжался до самого прибытия на базу и, видимо, был настолько интересен или важен, что ни тот, ни другой ни разу не вышли.

Был ли этот человек тем самым «тайным» собе-

седником, с которым начальник «ЭПРА» так долго говорил накануне, или кем-нибудь другим?

Все на крейсере были сильно заинтригованы.

Загадка раскрылась только на базе.

И как только была названа фамилия, как только люди вспомнили, с чем связано это имя, всем сразу стала ясна мысль, явившаяся Дмитревскому, и его фраза: «Похоже, что вы были правы». И, как всегда случается, все подумали одно и то же: «Как странно, что такая простая и естественная мысль не пришла мне самому».

Фамилия прибывшего была Карелин...

Николай Тихонович был уже стар. Недавно ему исполнилось девяносто семь лет. Но он был еще крепок и так же работоспособен, как и в то время, когда был найден «железный пень» — таинственная машина времени пришельцев.

Много воды утекло с тех пор, а загадка цилиндра так и осталась загадкой. Не удавалось даже приблизиться к пониманию. Любимое детище Карелина — теория «спиралей времени», окончательно разработанная им, но все еще не ставшая общепризнанной, была бессильна объяснить появление цилиндра в России, хоть как-то обосновать непонятное перемещение его из Атлантиды. Не удавалось это сделать самому Карелину, не удавалось и многочисленным его последователям.

Николай Тихонович уже примирился с мыслью, что ему не дожить до времени, когда тайна откроется или... откроется сам цилиндр, не увидеть того, что находится в цилиндре, не встретить выходящих из него пришельцев. Но все же он ждал этого, ждал каждый день в течение вот уже шестидесяти пяти лет.

За эти годы ученые предпринимали бесчисленные попытки проникнуть взглядом сквозь все еще остававшийся загадочным металл цилиндра. Невиданно выросла техника, в распоряжении людей находились аппараты и приборы, о которых прежде не смели и мечтать. Взор ученика или инженера мог проникнуть сквозь свинцовую плиту толщиной до полуметра. Но все попытки заглянуть в цилиндр неизменно оканчивались неудачей. Станный металл не пропускал никаких лучей. Само слово «металл» в применении к цилинду стали заключать в кавычки, потому что многие сомневались в том, что этот материал можно относить к группе металлов вообще.

Попытка открыть овальную дверь больше не предпринималось. Раз неведомые конструкторы посчитали нужным засекретить механизм запора — значит, открывать дверь нельзя. Люди Земли боялись причинить вред неизвестным братьям...

Жена Карелина Вера Павловна была еще жива, но из восьми человек, первыми увидевших цилиндр пришельцев, осталось только двое: сам Карелин и Анвер Керимбеков, когда-то его напарник, ставший теперь известным ученым и экспертом Совета экономики по энергетическим вопросам.

На Земле привыкли к мысли о существовании цилиндра, и он уже не возбуждал прежнего любопытства. Его появление привело, казалось, только к тому, что небольшой районный центр Михайловка быстро превратился в огромный город и был переименован в «Пришельцев». Сперва говорили «Город пришельцев», потом просто «Пришельцев», и постепенно это слово утратило первоначальный смысл, превратившись во что-то вроде «Куйбышев» или «Пушкин».

Время и события шли над преображенной Землей бурным, стремительным потоком, ошеломляющие открытия были так часты, что даже самому Николаю Тихоновичу начинало казаться, что проблема цилиндра не так уж и важна для человечества. Она потускнела в его глазах, стала второстепенной.

Всеобщее мнение было таково: «Вряд ли существа, которые могли так грубо ошибиться в оценке развития планеты Земля, могут дать ее человечеству что-нибудь особо ценное. Скорее всего, они окажутся менее развитыми, менее сведущими в науке, несмотря на свою машину пространства — времени, чем обитатели Земли».

Их выхода из цилиндра ждали, но это было уже скорее любопытство, чем ожидание неизвестных тайн природы, которых еще не знали земляне.

В правдивости рассказа Даира и монгольского предания почти никто не сомневался. И огромный интерес возбуждал тот факт, что вместе с пришельцами к людям идет человек из легендарной Атлантиды.

Кто он? Скорее всего, какой-нибудь жрец, потому что в древние времена, даже через много тысячелетий после атлантов, учеными были только служители храмов...

Сообщение «ЭПРА» сперва николько не заинтересо-

вало Карелина. Только после разговора с Дмитревским он внезапно понял, что не исключена возможность найти наконец знаменитый «черный шар», к поискам которого он сам призывал более полувека тому назад.

Николай Тихонович вспомнил дискуссию в Доме ученых, вспомнил, как ему вежливо указали на невозможность найти маленький шар в просторах Атлантического океана, как они с женой уныло возвращались домой после этого «урока».

А получилось, что он был прав тогда!

Было более чем вероятно, что именно этот шар пришел на помощь товарищам Игоря Горелика, что именно он вспыхнул так своевременно. В том, что шар подчиняется биотокам мозга, не было ничего удивительного. Более того, это предположение даже полвека назад считалось вполне вероятным, хотя тогда еще почти не было механизмов, управляемых биотоками.

По рукописи Даира, шар бросили в океан. В то время, когда Карелин впервые читал эту рукопись, Атлантиду еще не нашли и о ее местоположении существовало множество мнений. Теперь было точно установлено, что Атлантида представляла собой группу островов. Но если шар бросили в океан даже на крупнейшем из них, в так называемой Посейдонии, то его могло принести в район базы номер шестнадцать «ЭПРА» Канарским, а затем Северным экваториальным течением.

Старая загадка воскресла с новой силой. Карелин поспешил на зов Дмитревского...

На базе сразу поняли, почему начальник «ЭПРА» приказал не приступать к поискам шара до его приезда. Дело оказалось не в самом Дмитревском, а в Карелине. Старому ученому принадлежало бесспорное право руководить этими поисками. Ведь он стремился к ним еще тогда, когда никого из теперешнего персонала «ЭПРА» не было на свете.

Николая Тихоновича встретили с радостью. Было приятно увидеть у себя на базе человека, имя которого все люди на Земле знали со школьных лет.

Четверо из группы Купцова были тотчас же позваны в кабинет Суханова.

Кроме самого начальника базы там находились Карелин и Дмитревский.

Николай Тихонович задал им вопрос, который сперва

показался всем четвертым очень странным и не имеющим никакого отношения к делу поисков шара.

— Вспомните, — сказал он, — о чем вы думали в последний момент, перед тем как в лабиринте камней загорелся свет.

— Подумайте сначала, — добавил Дмитревский.

Анатолий Купцов ответил первым:

— Я думал о том, что теперь, когда змея начала ломать скафандр нашего товарища, особенно необходимо, чтобы Горелик как-то умудрился зажечь свой фонарь.

Двое его товарищей ответили то же самое.

— Нет, — неожиданно для них сказал Карелин. — Это совсем не то. Ну, а вы о чем думали? — обратился он к Игорю.

— Честно говоря, я ни о чем не думал, — ответил Горелик. — Когда змея начала меня гнуть, я испугался, а вдруг скафандр согнется больше, чем сможет выдержать мой позвоночник.

— Значит, вы все же о чем-то думали, — улыбнулся Карелин. — Постарайтесь вспомнить, не было ли у вас какого-нибудь желания?

— Только чтобы змея перестала меня гнуть.

— Не может быть. Вы должны были думать о товарищах, которые вас ищут. Вы их ждали!

— Да, конечно!

— Напрягите память!

Игорь задумался.

— Право не могу вспомнить, — сказал он наконец. — По моему, я не думал ни о чем другом. Я ждал помощи, верно. Это была не мысль, а скорее подсознательное желание.

— Но вы же знали, что, появившись свет, вас скорее найдут.

— Вы правы. Мне очень хотелось, чтобы змея случайно нажала на кнопку моего фонаря.

— Или чтобы вас осветили фонари товарищей?

— Конечно.

— Не думали ли вы о свете вообще, не о фонарях товарищей или вашем, а вообще о свете?

— Верно! — воскликнул Игорь. — Вы совершенно правы. У меня, когда я понял опасность, явилось желание, чтобы вспыхнул свет, свет во что бы то ни стало, все равно откуда и как!

— Вот именно! — удовлетворенно сказал Николай Тихонович. — Горячее стремление к тому, чтобы появился свет. Вы думали о свете, а не о фонарях.

— Да, да! Именно так! Но как вы могли догадаться?

— Потому что именно вы и зажгли этот свет, — ответил Карелин.

НАКОНЕЦ-ТО!

Желание Николая Тихоновича лично выйти на дно и принять непосредственное участие в поисках шара беспокоило Дмитревского. Для девяностосемилетнего человека это было даже не совсем безопасно. Но Карелин и слышать не хотел о том, чтобы руководить поисками из помещения пульта крейсера.

— Тогда, — сказал он, — я мог бы и не вылетать из Ленинграда. Ваши экраны можно соединить с экранами ленинградского филиала управления «ЭПРА». Незачем было и вызывать меня.

Он был прав, и на это нечего было возразить.

На поиски черного шара Суханов выделил, кроме историков и археологов, еще и шестерых техников, и даже согласился отпустить с базы врача, главным образом из-за Карелина.

Александр Пугачев был очень обрадован этим решением. Ихтиолога интересовала змея, труп которой остался лежать в пещере. Хотелось выяснить, действительно ли это животное, еще неизвестное науке, или просто представитель какой-нибудь редкой разновидности морских змей.

Поисковая группа отправилась на место в крейсере штаба, так как Дмитревский решил сам принять участие в экспедиции. Кроме того, присутствие крейсера облегчало задачу: его мощные прожекторы освещают скалы, как днем.

Место действия недавней драмы было найдено без труда. Крейсер остановился в непосредственной близости от прохода, куда «змея» затащила Горелика.

Восемнадцать человек приготовились к выходу.

— Ищите черный шар, — сказал им Карелин. — Вероятно, он невелик по размерам. Тот, кто его увидит, должен немедленно сообщить об этом и ждать на месте,

не прикасаясь к шару. Подчеркиваю, не прикасаться ни в коем случае! Если снова вспыхнет свет, прекратить поиски и ждать меня. Лучше бы он не вспыхивал. Постарайтесь не думать о свете. Шар подчиняется биотокам, и желание, чтобы появился свет, может как раз и заставить шар вспыхнуть.

— Постараемся, Николай Тихонович, — хором ответили участники группы.

— Напрасно вы упомянули об этом, — сказал Дмитревский, отведя Карелина в сторону. — Они могли и не подумать о свете, а теперь подумают наверняка. Разве вы не знаете, что запрещение думать о чем-нибудь как раз и заставляет об этом думать.

— Пожалуй, вы правы, — ответил Карелин. — Но теперь уже не исправишь.

И Дмитревский оказался прав.

Как только поисковая группа вышла из крейсера на дно, шар вспыхнул. Луч света вырвался из прохода и был настолько ярок, что его сразу заметили, несмотря на еще более яркий свет прожекторов.

Карелин попросил Дмитревского, оставшегося на крейсере, погасить прожекторы корабля.

Откуда-то изнутри скал, через бесчисленные щелепы и промежутки между ними, били лучи белого света. Даже крейсер, стоявший в тридцати-сорока метрах, был освещен весь.

Очевидно, все восемнадцать человек одновременно подумали о том, о чем им запретили думать. И сам Николай Тихонович вынужден был признаться самому себе, что и у него явилась та же мысль.

И, сознавая это, он ничего не сказал, хотя каждый из его спутников ожидал сердитого замечания.

«Раз уж так случилось, — подумал Карелин, — то пусть он и продолжает гореть, этот свет. Но можно ли подходить к нему? Не опасно ли?»

Он вспомнил все, что было сказано в рукописи Даира, и отверг мысль об опасности. Шар вспыхивал в доме верховного жреца Атлантиды. Возле него, несомненно, были люди. Шар бросили в океан, — значит, прикасались к нему, брали его в руки. Да и не могли пришельцы оставить полудиким людям предмет, приближение к которому опасно для них. Никак не могли!

— Ну что ж! — сказал Николай Тихонович. — При-

ступим к поискам. Без меня шар не трогать и даже не подходить близко!

— А если он погаснет? — спросил Купцов.

— Тогда будем искать, как наметили раньше. Но я думаю, что он не погаснет.

— Почему? Тогда он погас сам собой.

— Видите ли, — сказал Карелин. — Я думаю, что вы сами его погасили. Найдя Горелика и осветив его своими фонарями, вы могли бессознательно подумать, что постоянный свет вам больше не нужен. Этого оказалось достаточно, и шар погас. А теперь мы будем искать, ориентируясь на свет, и не подумаем о том, что этот же свет нам не нужен. Никто не может так подумать.

— Вы правы, — услышали они голос Дмитревского.

— Пошли! — сказал Карелин.

Пугачев сразу же отстал, свернув в пещеру, где нашли Игоря и где лежала убитая «змея». Она интересовала его значительно больше, чем черный шар. С большой неохотой один из техников направился за ним. Категорический приказ начальника «ЭПРА» запрещал оставлять кого-нибудь одного. Здесь могли оказаться другие «змеи» или спруты.

Шестнадцать человек продвигались вперед сомкнутой группой. Незачем было разделяться, — направление безошибочно указывала усиливающаяся яркость света.

В сущности, никаких поисков и не было. Они прямо пришли к нужному месту. Шар сам привел их к себе.

Маленькое «солнце» висело в воде среди беспорядочной кучи нагроможденных друг на друга камней. Висело неподвижно в полуметре от дна. Почему оно не опускалось на дно? Это трудно было понять.

Группа остановилась.

— Несомненно, это он! — сказал Карелин.

— Кто?

— Черный шар, о котором сказано в египетской рукописи.

— Он мало похож на «черный», — заметил кто-то.

Смотреть прямо на шар было невозможно, его свет слепил глаза, и Карелин невольно вспомнил, как шестьдесят пять лет тому назад назвал шар «электрической лампой». Скорее уж, это небольшой прожектор, а не лампа.

Раздался голос Дмитревского:

— Если это тот самый шар, то сколько же лет лежит он на дне океана?

— М-да! — только и смог ответить Карелин.

Атланты бросили подарок пришельцев в океан двенадцать тысяч лет тому назад, по меньшей мере. А механизм шара, источник света в нем все еще находились в исправности!

«Что бы ни говорили о пришельцах, — подумал Николай Тихонович, — а их техника может кое-чему научить нас».

— Это не может быть ничем другим, — ответил он Дмитревскому.

— Что будем делать? — спросил Купцов.

— Честно говоря, не знаю и сам. При таком ярком свете поверхность шара должна быть раскалена.

— Самое время ему погаснуть, — заметил Купцов.

Карелин тоже подумал об этом.

И... шар тут же погас.

Николай Тихонович вздрогнул от неожиданности, которая, казалось бы, не должна была удивить его. Случившееся только окончательно подтверждало правильность его предположения, что шар управляемся биотоками.

Наступившую темноту рассеивали теперь только фонари на шлемах. Но их свет был настолько слаб, что в первый момент все подумали, что они не зажжены вообще. Некоторые нажали на кнопки, тем самым погасив свои фонари. И только тогда поняли, что темнота кружящаяся, по контрасту с только что бывшим светом.

— Потушите-ка, друзья, ваши фонари. Все сразу, — сказал Карелин.

Он ожидал, что поверхность шара, которая не могла остывть так быстро, будет светиться в темноте, но, когда эта темнота наступила, не увидел ничего, ни малейшего намека на светимость.

— М-да! — сказал он еще раз. — Ну что ж, зажгите!

Теперь, после полной мглы, света фонарей было достаточно, чтобы хорошо рассмотреть находку.

Шар был действительно черным, матово-черным, и на его гладкой поверхности не было бликов от фонарей, направленных на него с трех сторон.

— Почти абсолютная чернота, — сказал один из техников базы.

— Почему «почти»?

— Потому, что если бы он был абсолютно черным, мы его не могли бы увидеть.

Карелин подошел к шару.

Казалось совершенно непонятным, почему давление воды не выбросило шар на поверхность океана. Видимо, он не полый и очень тяжел. Но тогда почему он висит над дном, а не лежит на нем? Что держит его в этом положении?

— Странно! — произнес кто-то возле Карелина.

Он обернулся и узнал Дмитревского. Начальник «ЭПРА» не выдержал и пришел сюда.

— Да, действительно очень странно.

— Надо определить, горячий он или холодный.

— А как это сделать? Сквозь металлическую перчатку ничего не почувствуешь.

— Это просто, — сказал Дмитревский.

Он держал в руке небольшой прибор, от которого отходил тонкий гибкий шланг с шариком па конце.

— Сейчас узнаем, — сказал он, прикасаясь шариком к поверхности шара. — Вот! Его температура точно такая же, как и окружающей воды.

— Странно, что он так быстро остыл, — сказал Карелин.

— Почему «остыл»? Вполне возможно, что он и не был нагрет. Свет мог быть холодным.

И только он успел это сказать, шар снова вспыхнул.

Дмитревский и Карелин отшатнулись. Яркость света подействовала на них, как внезапный физический удар.

Николай Тихонович рассердился.

— Неужели у нас не хватает силы воли? — сказал он. — Кто зажег свет?

— Похоже, что я, — смущенно ответил Горелик.

— Думайте о чем-нибудь другом.

— Будет, пожалуй, лучше всего, — сказал Дмитревский, — если все вернутся на крейсер. Пусть останутся двое или трое, чтобы взять шар и перенести к нам.

— Да, вы правы. Останусь я.

— Обещаю, что не буду думать ни о чем, — сказал Купцов, — кроме вашей защиты от нападения какой-нибудь «змеи». Оставьте меня, как охраняющего.

— Третьим буду я, — решил Дмитревский. — Остальным вернуться на крейсер!

Приказание было выполнено.

— Необходимо, чтобы он погас, — сказал Карелин, когда они остались втроем.

И только сказал — шар погас!

— Какая поразительная чувствительность! — воскликнул Дмитревский. — Правда, когда вы это сказали, мне захотелось, чтобы он погас.

— И мне тоже, — после секундного колебания сказал Купцов.

Карелин засмеялся.

— Первое нарушение обещания, — насмешливо заметил он.

— И последнее!

Анатолий тут же отвернулся от шара, показывая этим, что приступил к обязанностям охраняющего.

— Попробую его взять, — сказал Николай Тихонович.

— Лучше я. — Дмитревский отстранил Карелина. — Кто его знает, вдруг он рванется вверх. Я сильнее вас.

— Тогда возьмем его вместе.

Но шар не устремился вверх и не проявил намерения опуститься; им показалось, что он невесом.

— Вода уравновешивает, — сказал Дмитревский.

— Скорей всего так, но все же странно!

— Согласен с вами. Отпустите! Одному удобнее нести.

Николай Тихонович с неудовольствием повиновался. Ему хотелось самому нести шар, но спорить казалось речицтвом.

— Пошли!

Карелин пошел впереди, за ним Дмитревский, замыкал «торжественное» шествие Анатолий Купцов, часто оборачивавшийся назад.

Но ни «змеи», ни спруты не показывались.

Больше всего Дмитревский опасался, что кто-нибудь из его спутников вызовет вспышку шара. Сам старался думать только о темноте, но чувствовал, что в любую секунду может, против воли, пожелать света, особенно когда приходилось преодолевать неровности дна. Он понимал, что шар никуда не денется; даже если выпустить его из рук, он не улетит и не упадет. И все же боялся, что шар вспыхнет. Он нес его, как носят люди хрупкую стеклянную вазу.

«Интересно, — думал он, — может ли вызвать вспышку шара кто-нибудь из тех, кто находится на крейсере и наблюдает за нами по экрану? Металлические стенки

корабля должны как будто экранировать биотоки. Но было бы крайне важно проверить».

Он мог сказать об этом вслух, и его услышали бы на крейсере. Но Дмитревский не решился на такой опыт. Успеется! Самое главное — благополучно доставить шар на базу, а оттуда на континент. Всяческие опыты — дело ученых.

В выходную камеру крейсера вошли без происшествий.

Прежде чем отдать приказ — выкачивать воду, Дмитревский спросил Карелина:

— А не причинит шару вред изменение давления?

— Уверен, что нет, — ответил Николай Тихонович. — Он же был на поверхности Земли и уже испытал один раз изменение давления. И ничего с ним не произошло.

Дмитревский сказал дежурному на пульте, что камеру можно осушить, и на всякий случай сел на пол. Он опасался, что шар настолько потяжелеет на воздухе, что его не удержать в руках. Может быть, в Атлантиде его несли к океану несколько человек? Колени ему пришлось согнуть под острым углом, так как исчезновение воды немедленно приведет к «прилипанию» подошв к полу.

Вода исчезла, камера наполнилась воздухом, а Дмитревский не почувствовал никакого изменения веса шара, — по-прежнему он казался невесомым.

— Совсем уже непонятно, — сказал Карелин, когда Дмитревский сообщил ему об этом. — Попробуйте выпустить шар из рук.

Дмитревский отвел руки.

Шар не шевельнулся. Он не упал и не поднялся, а остался висеть в воздухе выходной камеры совершенно так же, как висел недавно в воде над дном Атлантического океана.

— Наконец-то! — с глубоким вздохом облегчения сказал Николай Тихонович. — Наконец-то этот шар в наших руках и мы сможем узнать заключенные в нем тайны иного мира!

ТРЕТЬЯ ЗАГАДКА

Город Пришельцев появился и вырос, можно сказать, на глазах у Николая Тихоновича Карелина. В течение шестидесяти пяти лет, не менее двух раз в год, приезжал

он сюда. И на его же глазах изменялось место, где стоял цилиндр. Сперва это была простая площадка, потом построили павильон. Через несколько лет павильон сменил небольшой дом, в котором жили наблюдающие за цилиндром люди. А сейчас на этом месте находился филиал Института космогонии — огромное здание оригинальной «космической» архитектуры, напоминавшее своим видом сверхгигантский памятник.

В центре здание было увенчано коническим куполом. Под ним помещался круглый зал, и на его середине, на том же месте, где он был когда-то найден, стоял на той же самой мраморной плите загадочный цилиндр.

Его внешний вид нисколько не изменился за шестьдесят пять лет.

Первые годы за цилиндром непрерывно наблюдали люди. Потом эти функции были переданы электронной машине. Ее также меняли несколько раз, по мере усовершенствования электронной техники и развития кибернетики. Сейчас круглый стеклянный глаз современного кибернета следил за малейшим изменением в положении цилиндра, за его дверью, готовый не только немедленно сообщить, если что-нибудь будет замечено, но и передать тем, кто выйдет из цилиндра, с помощью мысленных импульсов, приветствие Земли.

Никто не сомневался, что пришельцы, в Древней Атлантиде и затем на Руси, говорили с людьми с помощью мысленных образов и представлений. Такой «язык» им понятен, и, «услышав» приветствие, они поймут, что их прихода ждут, что они попали наконец в эпоху высокого уровня науки и техники.

Пришельцы должны были стремиться к этой эпохе, иначе для них не было никакого смысла оставаться на Земле.

Это было ясно, но и заключало в себе очередную загадку — психологическую.

Уйти вперед от эпохи атлантов было естественным стремлением высокоразвитых существ, ошибочно попавших в общество чуждых им по развитию людей Земли. Но совершить скачок во времени, через двенадцать тысяч лет, означало не только «пропустить» мимо себя две-надцатитысячелетний период истории Земли, но и такой же период истории их родной планеты!

Что побудило этих людей к такому поступку? Что за-

ставило их навсегда расстаться с жизнью родины, потерять всех своих близких, никогда уже не увидеть привычной с детства обстановки? Тяжесть сознания оторванности *навсегда* от всего, что они знали и любили, риск оказаться в более развитой эпохе, чем та, которую они покинули на родине, перспектива стать «живым анакондизмом» — все это должно было удержать их от соблазна увидеть будущее Земли, чужой для них планеты. Было гораздо проще и естественнее, убедившись в ошибке, вернуться на родину. А через двенадцать тысяч лет повторить попытку.

И, кроме того, двенадцать тысяч лет — это только если они выйдут сейчас. На какой срок установлены автоматы машины времени, было неизвестно. Может быть, пришельцы выйдут еще через тысячу или две тысячи лет.

Психологические мотивы, которыми руководствовались «гости» Земли, были неясны, загадочны.

Как случилось, что вместе с четырьмя пришельцами «идет» к людям атлант, также было загадкой.

Многие продолжали считать, что Даир не мог не знать об этом. Такое событие, как уход человека совместно с «богами», само по себе должно было привлечь всеобщее внимание. А Даир утверждал, что «боги» ушли одни.

Кое-кто даже считал, что «красный джинн» — выдумка автора монгольского предания, что никакого атланта в цилиндре нет и не было.

Но таких было немного. Большинство верило в пятого пришельца. Слишком соблазнительно было верить.

Атлант не мог не интересовать население Земли значительно больше, чем четверо его спутников. Появление пришельцев, при всей своей необычности, не означало ничего, кроме давно ожидаемого контакта двух миров, к мысли о котором как-то привыкли за последние десятилетия.

Но если в цилиндре действительно находится атлант!

Он был представителем давно исчезнувшего народа, живым свидетелем жизни страны, о которой, кроме редких ученых, писали только фантасты и собиратели легенд и преданий. Он мог рассказать об Атлантиде, рассказать о том, что происходило там в действительности, и тем самым ликвидировать вековую загадку.

Историки могли только мечтать о встрече с таким человеком.

И постепенно «пятый джинн» становился объектом мечты, желанным и дорогим гостем всего человечества.

Но одновременно существовала и проблема!

Если пришельцы были безусловно учеными, близкими по знаниям современным людям, то атлант, в сравнении с ними, должен быть дикарем. Если он появится, придется его учить, постараться приблизить к современному уровню, насколько это окажется возможным.

А поскольку машина времени могла «остановиться» в любой день, люди, находившиеся в ней, — выйти в любую минуту, подготовка к приему атланта велась давно и постоянно. Специально назначенные сотрудники института лингвистики всегда были наготове.

Почему именно лингвисты? Потому, что атлант, очевидно, не мог обладать способностью пришельцев к непосредственному восприятию мозговых импульсов любого человека, он не мог говорить с современными людьми, не умеющими передавать и воспринимать мысли друг друга. Чтобы получить возможность разговаривать с атлантом, придется изучать его язык или учить его самого современному языку.

Считалось вполне возможным, что язык атлантов сохранился после гибели Атлантиды в каком-нибудь из древнейших языков, если и не полностью, то частично. Это могло облегчить задачу, и будущие «учителя» подбирались из ученых, хорошо знакомых с древнейшими языками (например, инков или майя), считавшимися в этом отношении наиболее вероятными и уже достаточно полно исследованными в эту эпоху.

Сменяющие друг друга группы учёных, которым предстояло первое общение с релятивистами, постоянно жили в Пришельцеве.

Именно сюда, в пришельцевский филиал института космогонии, специальным планелетом был доставлен найденный на дне Атлантического океана черный шар.

Это был второй экспонат с неизвестной планеты, попавший в руки людей Земли.

Найдка вызвала настоящую бурю интереса, даже восторга во всем мире, и не только среди учёных.

Для такого восторга были веские причины.

Цилиндр ничем не проявлял «жизни», он был неподвижен и безмолвен, присутствие в нем людей не позволяло применять мощных средств вскрытия.

Машина времени останется недоступной до тех пор, пока не раскроется сама.

В шаре людей не было, — это был мертвый механизм. И он проявлял «деятельность» светом. Пока только светом. Но ведь не ради же одного только света оставили его пришельцы. В шаре должно было заключаться что-то еще. Его можно было вскрыть, узнать, что в нем находится, проникнуть в технику иного мира, познакомиться с научной мыслью этого мира, установить уровень развития планеты двенадцать тысяч лет тому назад.

Черный шар был доставлен в Пришельцев лично Ка-релиным. Было решено временно поместить шар возле цилиндра.

Никто еще не знал о его загадочном поведении, вернее свойстве, и для шара была подготовлена специальная подставка в виде кольца.

У Ка-релина вдруг появилось непреодолимое желание удивить сотрудников филиала и многочисленных гостей, собравшихся в этом зале, поразить их воображение неожиданностью.

Он подошел к подставке, поднял над ней шар и... выпустил его из рук, точно желая уронить в кольцо.

Раздались испуганные возгласы, тотчас же сменившиеся изумленным молчанием.

Эффект получился даже большим, чем ожидал сам Николай Тихонович.

Но ему не пришло в голову усилить эффект, заставив шар вспыхнуть.

Шар не загорелся, но одно то, что он не упал, сильно подействовало на присутствующих.

Ученые были смущены неожиданностью, зрители — ошеломлены, но не удивлены. А если и удивлены, то только тем, что техника пришельцев оказалась выше, чем они думали.

— Театрально! — сказал кто-то. — Но что бы произошло, если бы он упал?

Немного смущенный своим поступком, Ка-релин рассказал о том, что видел на дне океана, а затем в выхodной камере крейсера.

— Весь путь до базы, — закончил он, — а затем и там, шар висел в воздухе на том месте, где его поместили. Его

легко переносить с места на место, но он всегда остается в одном положении, независимо от окружающей среды. Давление воды или воздуха одинаково на него не действует. А за мою шутку приношу извинения присутствующим.

— Что там извинения! — сказал руководитель филиала, известный математик Шумилов. — Перед нами новая загадка, вернее не загадка, а техническая задача. Автоматически регулируемая антигравитационная установка — очень громоздкая штука. Как им удалось вмонтировать ее в небольшой шар — вот о чем надо подумать.

— Видимо, совершенно неизвестный нам принцип.

— Вот именно неизвестный. В шаре уже две установки. Автомат гравитации и источник света, управляемый биотоками. И нет никакого сомнения, что там имеется и еще что-то.

— А может быть, только это?

— Вряд ли! — покачал головой Шумилов.

Он оказался прав. Черный шар продемонстрировал третье свое свойство, и не далее как вечером того же дня.

Свидетелями этого происшествия стали Карелин и Шумилов.

Они давно знали друг друга, были дружны и, встретившись снова, проговорили до поздней ночи. Темой разговора, конечно, был шар и его свойства.

Шумилов жил в самом здании филиала, и друзья несколько раз заходили в круглый зал, посмотреть еще раз на шар, неподвижно висевший в полутора метрах от пола. Подставка с кольцом была убрана.

Освещение никогда не тушилось здесь. Скрытые светильники заливали зал дневным светом. Белые стены, гладкие и без всяких украшений, высоко сверху увенчивались прозрачным куполом. Пол был матовым, бледно-кремового цвета. Прямо напротив двери цилиндра стоял на подставке наблюдающий кибернет, поблескивая единственным «глазом». Мебели в зале не было.

И вот во время одного из таких визитов друзей и проявилось третье свойство черного шара.

Вспоминая впоследствии, как это произошло, Карелии и Шумилов пришли к выводу, что шар заработал не сам по себе, а именно они заставили его начать действовать. Заставили своим разговором. Здесь также подействовали биотоки.

В результате случившегося появились совершенно новые теории и перспективы. Вскрытие шара было отложено на будущее, и мысль ученых пошла по иному пути.

Случай, а иначе нельзя было назвать происшедшее (Карелин и Шумилов могли вести разговор в другом месте), сыграл огромную роль в достижении контакта двух миров, раньше чем открылась дверь цилиндра и вышли пришельцы.

Но разве мало было таких случаев в истории науки!

Само собой разумеется, что каждое слово разговора было потом записано с величайшей точностью...

«Карелин и Шумилов вошли в зал и остановились в четырех с четвертью метрах от шара.

— И все же, — сказал Карелин, продолжая ранее начатый спор, — я не могу согласиться с тобой в том, что шар имеет запись мозговых импульсов. Они не могли считать, что развитие науки, техники и самих людей Земли будет идти параллельно с их планетой. Мы, люди, вполне можем никогда не получить способности к непосредственному восприятию и, следовательно, когда-либо услышать то, что скажет нам шар. Если он предназначен что-то нам передать, о чем-то рассказать, то это должно идти другим путем.

— Каким же? — спросил Шумилов.

— Хотя бы путем прямой передачи зрительных образов.

— Через мировое пространство?

— Через пространство нулевого измерения. В нем нет расстояний. Выводы из формул моей «спирали времени», а они одинаково относятся и к нулевому пространству, допускают такую возможность.

— Радиосообщение?

— Нет. Скорее телесвязь. Если им удалось найти для передачи импульсов что-то отличное от электромагнитных волн, что-то, что могло бы пройти через нулевое пространство.

— Значит, по-твоему, этот шар еще и телевизор?..»

В этот момент шар вспыхнул. Ни Карелин, ни Шумилов не думали о свете, — это было совершенно точно. Шар вспыхнул сам. А потом свет померк, сосредоточился в узкий луч, который из белого стал зеленым и... завертелся, освещая кусок пола под собой концентрическими кругами.

ОНИ ЖИВЫ!

Зал был огромен. Настолько, что низкий и узкий стол, стоявший на его середине, казался совсем небольшим, хотя на самом деле за этим столом могла свободно расположиться добрая сотня людей.

По первому впечатлению, здесь не было ни потолка, ни стен, а один только пол, гладкий и блестящий, словно отлитый из одного куска серебристого металла.

Но потолок и стены существовали, до такой степени прозрачные, что становились почти невидимыми.

Ни одной двери нельзя было заметить.

Кругом со всех сторон раскинулся гигантский город.

Солнечные лучи насквозь пронизывали здания и улицы. Дома выглядели стеклянными, но то, что находилось внутри их, оставалось невидимым снаружи.

Было ясно, что и этот зал, казавшийся открытым, в действительности был «закрыт» для постороннего взгляда.

Исполинские мосты, переброшенные через целые кварталы, прозрачные и невесомые, с трудом угадывались на фоне неба. Экипажи и люди на них двигались словно по воздуху.

Перекрещающиеся магистрали улиц шли одна над другой в несколько ярусов.

Как и на чем все это держалось — понять было трудно.

Призрачный облик города нарушался только вполне реальными фигурами людей и бесчисленными экипажами, разнообразной формы и размеров, наземными и воздушными, окрашенными во все цвета, создающими яркую и пеструю гамму красок. В одежде же людей преобладали два цвета — белый и голубой.

Непривычный глаз не сразу смог бы разобраться в этой картине. Оживленное движение происходило одновременно в нескольких плоскостях. Люди шли, ехали и летели наверху и внизу, друг над другом и друг под другом. Верхняя и нижняя границы города были неразличимы.

На темно-голубом, почти синем небе висело желто-оранжевое солнце.

Зал с узким столом находился где-то в средней плоскости. Город был виден из него и снизу и сверху. Прямо над головой проходил один из мостов, но столь высоко, что люди на нем казались пигмеями.

У конца стола в низких креслах сидело восемь человек.

Это были крупные, даже массивные, люди, видимо очень высокого роста. Все восемь казались совсем молодыми. Формы мускулистых тел подчеркивала плотно облегающая одежда.

Белая, как только что выпавший снег, кожа только у краев губ, у глаз и под ногтями длинных тонких пальцев отливалась едва заметным розовым оттенком. На удлиненных лицах с сильно заостренными подбородками наибольшее место занимали глаза, огромные и очень светлые — голубые, бледно-серые или чуть коричневатые. Полностью открытые, они становились совершенно круглыми. Над очень длинными узкими бровями нависал мощный лоб, занимавший почти половину всего лица. Кроме бровей на их головах и лицах не было никакой растительности.

По первому впечатлению, все восемь казались поразительно похожими. Но более пристальный и внимательный взгляд легко нашел бы индивидуальные различия. Сходство вызывалось одинаковой формой головы, линиями лба и подбородка. Во всем остальном они не походили друг на друга. Но так как именно лоб и подбородок раньше всего бросались в глаза, были наиболее заметны, то и создавалось впечатление, что за столом собирались восемь братьев, примерно равных по возрасту.

В действительности, между ними не было никаких родственных связей и возраст их был весьма различен.

Они говорили тихими и немного звенящими голосами, модулируя звуки слегка напевно. Такая речь была приятна для слуха.

Это были восемь известных ученых, мнение которых всегда поддерживалось большинством населения всей планеты.

То, что заставило их собраться вместе, было большой неожиданностью, внезапной весточкой из далекого прошлого, требующей немедленного обсуждения и принятия скорейших мер.

Общественное мнение планеты поручило это им.

— Расскажи еще раз, как все произошло, — сказал один из восьми, обращаясь к другому.

Язык мог показаться странным: в нем как будто совершенно отсутствовали гласные звуки. И было непонят-

но, как удавалось произносить слова напевно и мягко, точно они, наоборот, состояли из одних гласных.

Тот, к кому обратились с этой просьбой, откинулся на спинку кресла и полузакрыл глаза.

— Произошла ошибка, — сказал он. — И счастье, что наши предки не решились все же ликвидировать ненужную, по их мнению, линию связи. Мудрый поступок. Напомню прошлое. — Он заговорил так, как говорят, рассказывая сказку: — Давно-давно, в скверное время первоначальной переделки жизни на планете, группа энтузиастов контакта, я назвал бы их группой «нетерпеливых», отправилась установить нулевые камеры на другой планете. На какой? Кто может это сказать теперь? В смутное время начали они свое дело. Долго длился их путь. Но им казалось, что нет и не будет другого пути. Можно ли их осуждать за это? Перспективы будущего известны нам, но не были известны им. Тогда не умели и не могли предвидеть развитие. Камеры были ими установлены и соединены с нашей, вернее сказать с той, которая была установлена на нашей планете. Была связь, и было принято сообщение от них. Откуда точно, никто не знал. Они сами должны были сказать, когда вернутся. Но они не вернулись. Погибли там или на обратном пути, неизвестно. А камеры остались. И связь между ними также осталась. Следует добавить, что осталась односторонняя связь. Прошло много времени. И снова предки наши поторопились. Их можно понять. Контакт разума — древнейшая мечта. Для них! Четверо, имена которых хорошо помнят люди до сих пор, отправились в путь, не имеющий ни протяженности, ни времени. Достигли ли они цели? Теперь мы можем сказать, что да, достигли! А что увидели? Этого никто не знает, но четверо также не вернулись. И их посчитали погибшими. Так думали до сегодняшнего дня. Бессчетное число поколений думало, что они погибли. А куда ушли они, где стоят камеры, в какой точке Вселенной, никто не знает. И мы этого не знаем...

Ученый замолчал. Резкая морщина горизонтально перерезала его высокий лоб. Он взялся рукой за подбородок и, казалось, глубоко задумался о чем-то.

Семеро других тоже молчали.

О чем они думали? О смелости и самоотверженности своих предков, отдавших жизни во имя науки в отдаленную эпоху, когда наука была еще очень слаба, с их тепе-

решней точки зрения? Или о том, как велика и безгранична Вселенная, где человек может затеряться бесследно? Или о величии разума, побеждающего пространство и время, несмотря ни на что?

Никто не торопил рассказчика, и через несколько минут он заговорил опять:

— В этом здании, где мы находимся, стоит старая камера. Стоит на том же месте, откуда они начали свой путь. Сохранились те же приборы и те же автоматы, которые были тогда. Примитивная техника, но пустить ее в ход будет нелегко. Иного пути у нас нет, хотя мы и отвыкли от таких аппаратов и, как это ни странно звучит, музейная техника слишком сложна для нас. Источников энергии там нет. Их надо установить заново именно такие, какие были тогда. Что же произошло сегодня? Ради чего я собрал вас здесь? В общих чертах вам это известно. Сработал старый автомат. И старая связь подала автоматический сигнал. Это значит, что там, куда ушли четверо, прибор связи, вы помните — он был вмонтирован в шар, — приготовился принять наши сообщения. Передать что-либо нам он не может. — Ученый пожал плечами. — Удивительно, что, дойдя до возможности отправить людей по нулевому пути, наши предки не смогли обеспечить двустороннюю связь. А работа прибора означает, что четверо, которых считали погибшими, живы. *Они живы!* — Он выпрямился, и ставшие круглыми светло-серые глаза блеснули торжеством и радостью. — *Они живы!*

— Значит, они воспользовались нулевым автоматом времени, — сказал один из восьми. — Но почему в будущее чужой планеты?

— Объяснение одно. Они лишились возможности вернуться. Совсем недавно я сам просматривал старые схемы и чертежи камеры. Она имеет много недостатков. Одним из них как раз и является возможность самовольного закрытия нулевого канала. Видимо, так и случилось. Они не смогли получить помощь от жителей планеты, где оказались, и ушли в будущее. А теперь они ищут связи с родиной, хотят получить от нас указания — как исправить камеру. И мы должны послать им эти указания, добавлю — совсем несложные.

— Надо поторопиться.

— Прошло всего несколько часов. Немного времени

заняло оповещение и выбор «спасателей», то есть вас. Кое-что я уже начал сразу, как только узнал.

— Что делать сейчас?

— Они могут находиться в опасности!

— Нельзя медлить!

Голоса звучали взволнованно и тревожно.

Четыре человека просят помощи! Четыре предка, «погороденные» в баснословной древности, живы и ищут связи с родиной!

Восемь ученых помнили историю. И она воскресла в их памяти, зазвучала, как современность, заставляя сердца сжиматься от сознания, что четверо *современников* ждут, быть может находясь перед лицом гибели.

Они вспомнили... Когда началась давно ожидаемая экспедиция, для всей планеты наступили дни тревоги и ожидания. Сердца и мысли всего человечества были с четырьмя, посланными для осуществления мечты. И когда прошли сроки, когда прервалась связь, когда казалось, что гибель четырех несомненна, вся планета оделась в траур.

Их предки ошиблись! Четверо живы!

И планета приняла от далеких предков эстафету тревоги и ожидания. Снова четыре имени на устах всех. Те же четыре!

Скачок назад!

Тот, кто рассказал о прошлом, кто, по-видимому, взял на себя руководство, сохранял невозмутимое спокойствие.

— Спешить, — сказал он, — не значит торопиться. Первое необходимо, второе бесцельно. Вряд ли им угрожает опасность. Они окончили путь в будущее, оказались там, где хотели. И, конечно, рассчитали заранее. Мы сможем начать действовать только тогда, когда будут доставлены сюда источники энергии для механизмов камеры. Их изготавливают в специном порядке, по старым образцам. Это будет скоро. А пока мы должны обдумать и решить, что и как сообщить. Это далеко не просто. Слишком далеко ушли мы от науки их времени. Скрупулезная точность, на уровне знаний их эпохи, — вот что нам необходимо. Иначе они не поймут нас.

— А мы сами никак не можем отправиться к ним?

— Люди, которые согласились бы пойти по столь примитивному пути, конечно найдутся. Но беда в том, что старые камеры не дают этой возможности. Канал за-

крылся там. А наши современные камеры бессильны помочь. Чтобы воспользоваться ими, надо знать галактические координаты планеты. А мы их не знаем. Где эта планета — неизвестно! Уверенно можно сказать только одно: планета в нашей Галактике. Может быть, на окраине. Но этого мало!

Восемь ученых задумались. Задача была ясна, но она не становилась от этого легче. Говорить с далекими предками языком схемы — это не просто!

Руководитель вдруг поднял голову. Он словно прислушался к чему-то. Потом сказал:

— Аппараты энергии доставлены. Пойдем вниз.

Восемь человек встали. Они действительно были высокого роста.

— Мы еще ничего не решили, — сказал один из них.

— Решим на месте!

Восемь человек подошли к одной из стен. За нею находилось другое, тоже совершенно прозрачное, помещение. Обе комнаты разделялись сплошной «стеклянной» стеной. Вблизи ее легко было различить. Но и вблизи не было видно двери.

Восемь человек не замедлили шага. Они прошли сквозь стену, и нужно было следить очень внимательно, чтобы заметить, как материал, из которого была сделана эта стена, словно «разорвался», пропуская их, и сразу же «восстановился», приняв прежний вид.

Точно так же прошли они и через пол, казавшийся металлическим и прозрачным одновременно, на спиральную лестницу, ступени которой даже трудно было рассмотреть.

Непривычному человеку было бы не легко спускаться по такой, почти неразличимой глазом, лестнице, но восемь ученых шли быстрым шагом, непринужденно разговаривая на ходу.

Дом оказался очень большим, и прошло довольно много времени, пока они добрались до самого нижнего этажа, откуда город просматривался уже только снизу.

Никто не встретился на их пути.

Несмотря на кажущуюся прозрачность потолков, верхних этажей, где они только что проходили, не было видно. А лучи солнца проникали сквозь весь дом, освещая нижние этажи так же, как и верхние.

Шедший впереди остановился перед дверью, первой

на их пути, сквозь которую они, видимо, не могли пройти, как проходили раньше сквозь полы и стены.

Он ни к чему не притронулся, не сделал ни одного движения, но дверь открылась сама собой, уйдя в стену. За ней оказался узкий коридор с темными и непрозрачными стенами, полом и потолком. Город, видный прежде из каждого помещения, исчез из глаз.

В конце этого коридора снова оказалась дверь, открывшаяся перед ними точно так же, как и первая.

Они оказались в совершенно круглой, метров десяти в диаметре, комнате, сплошь металлической, без окон, пустой, если не считать цилиндра, стоявшего посередине и выглядевшего как часть этого помещения. У цилиндра была овальная дверь, сейчас закрытая.

Напротив входа, на стене, в два ряда были расположены многочисленные приборы и какие-то громоздкие автоматы.

Несколько человек возились у этих приборов.

Один из них обернулся при входе восьми ученых.

— Источники энергии, — сказал он, — установлены в соседнем помещении. Не знаю уж, как и назвать эти машины.

Тот, кто был руководителем, молча кивнул. Он подошел к цилинду и нажал на маленький выступ сбоку от овальной двери, нажал три раза с различной последовательностью.

Дверь открылась.

Семеро других ученых с явным любопытством заглянули внутрь. Видимо, они первый раз пришли сюда, в это помещение, сохранившееся от далекой старины. Так рассматривают люди экспонаты давно прошедших времен, чуждые им.

Внутренность цилиндра освещалась только снаружи, через дверь. Там стояли четыре ложа, узкие и ничем не покрытые. Сверху, неизвестно на чем, висел черный шар.

Руководитель показал на него рукой.

— Вот это и есть, — сказал он, — аппарат для связи. Точно такой же находится и там, где сейчас наши предки. Это единственное средство общения, да и то одностороннее, как я уже говорил вам. Управление им сосредоточено в соседнем помещении.

— Кто будет передавать?

— Только я, — ответил руководитель. — Но что и как

передать, чтобы они нас поняли, — это мы должны решить вместе.

— А не ошибаемся ли мы? — неожиданно сказал один из восьми.

Все повернулись к нему.

— Где гарантия, что шар подал сигнал по воле четырех? Может быть, его заставили это сделать люди той планеты. В их руки мог попасть шар.

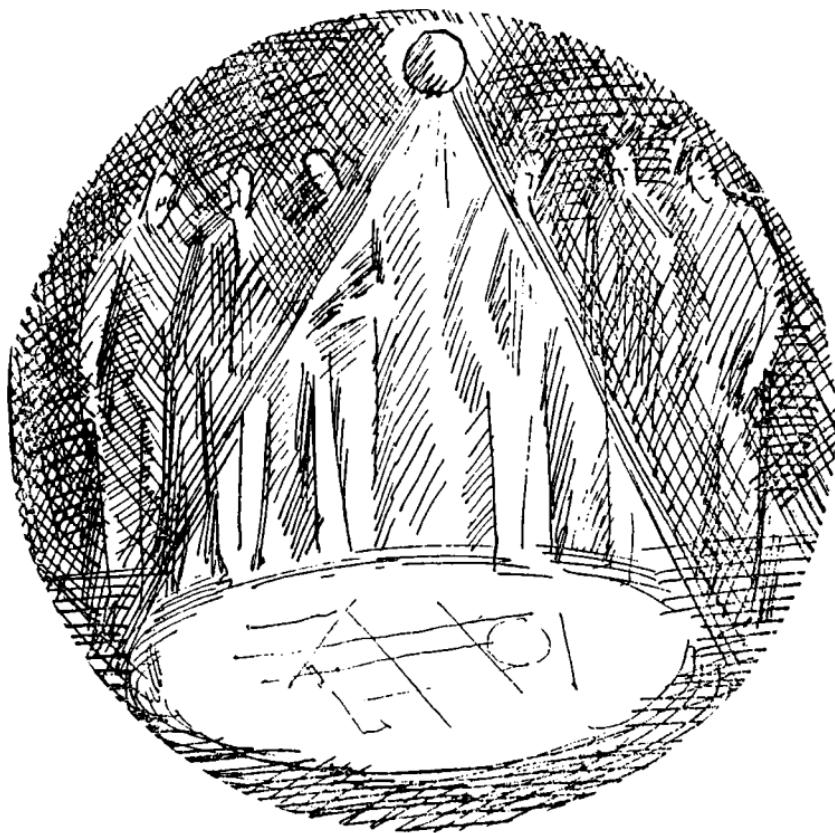
— Никак не мог. Шар находится в камере, а в нее никто не может проникнуть без ведома четырех.

— У них один шар?

— Об этом нет сведений. Видимо, один.

— А если все-таки?..

— Тогда, — ответил руководитель, — из нашей попытки ничего не получится. Шар не примет сообщения. Здесь снова сказалось, странное для нас, расхождение в деталях техники. Шар переводится на прием с помощью механического, ручного приспособления, о котором никому не может быть известно, кроме четырех.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ПОИСКИ

Контрольный зал ИЦ помещался в здании Института космогонии, несмотря на то, что по своему назначению не имел к этому институту почти никакого отношения. Но так повелось, что весь комплекс вопросов, связанных с проблемой «Ц», уже более ста лет находился в ведении людей, занимающихся космосом. А тот факт, что вопрос о связи с внеземными цивилизациями занимал у космонавтов первенствующее положение, в какой-то мере служил оправданием такому «сожительству».

Ким явился в институт к семи часам утра.

Чтобы увидеть работу ИЦ-8, нужно было запастись терпением. Как правило, кибернеты действовали в темноте, чувствительные приборы не нуждались в освещении места поисков.

Свет появлялся изредка, когда на пути ИЦ-8 попадались препятствия и они вынуждены были «зрительно» определять степень их трудности и принимать решения о преодолении этих препятствий. Никто не мог заранее сказать, когда произойдет такой случай и на экране появится изображение.

Кима предупредили, что можно просидеть несколько суток и ничего не увидеть.

— Я буду приходить каждый день, — ответил Ким.

Но ему повезло в первый же день.

Правда, после нескольких часов очень скучного ожидания.

То, что находилось перед глазами Кима, только с большой натяжкой можно было назвать «экраном». Он привык, что под этим словом подразумевается поверхность, на которую тем или иным способом проецируется изображение объекта. Здесь было совсем другое. Никакой поверхности, только огромная рама, обрамляющая... пустоту.

Отделаться от этого впечатления никак не удавалось.

Пустота была черной.

Ким понимал, что это соответствует тому, что в действительности находится перед «глазами» кибернетов. Когда нет света, место поисков погружено в абсолютную мглу. «Экран» передает обстановку с точностью механизма, условности ему чужды.

Чернота означает, что ни один из десяти ИЦ-8 в данную минуту не пользуется светом.

Ким обладал настойчивым и упрямым характером. Сев в кресло перед «экраном», он, почти не шевелясь, просидел в нем до середины дня.

Несколько раз заходил Эрик и заботливо осведомлялся, не устал ли Ким, не надоело ли ему ожидание, не голодаен ли он?

— Я должен дождаться, — отвечал Ким. — Не сегодня, так завтра, не завтра, так послезавтра. Я должен увидеть ИЦ-8 в действии.

— Их действия однообразны, — убеждал Эрик. — Тебе хорошо известна их конструкция. Да и нет никаких внешних действий. Они просто передвигаются.

Эрик был прав, и Ким это понимал.

— Они зажигают свет, когда им трудно, — отвечал он. — Именно в такой момент мне нужно их увидеть.

— Ну что ж, сиди! — говорил Эрик и уходил.

А Киму действительно нужно было увидеть. Он был инженером-кибернетиком. В плане общепланетной жизни Земли ИЦ-8, конечно, весьма незначительная проблема, но кому-нибудь нужно же заниматься и мелкими вопросами, особенно если они грозят затянуться до бесконечности. А с проблемой «Ц» именно так и происходило. Ее разрешение надо было ускорить. Так думал не один Ким, недаром же появились, одна за другой, восемь конструкций ИЦ.

Ким разработал девятую. ИЦ-9 был уже готов, по конструктор колебался — на каком способе передвижения остановиться. Было несколько вариантов. Какой из них выбрать?

В его распоряжении находился образец ИЦ-8, точно такой же, как и те, что бродили сейчас в темноте на месте поисков. Можно было пустить его по труднопроходимой местности на поверхности земли, понаблюдать при свете дня за его поведением в условиях, близких к действительным. Для ИЦ-8 это не имело значения, они ведут себя одинаково на сухе и в воде. Но Ким хотел видеть

не имитацию, а реальность. Могла сказаться разность давлений, да мало ли еще что.

Он сидел и ждал.

И удача пришла, как награда за настойчивость.

Огромный квадрат «экрана» внезапно ожил. Вспыхнул свет, и «пустота» исчезла. Перед Кимом появился запутанный лабиринт скал и отдельных камней, заросших косматым мхом.

Он заметил несколько глубоководных рыб, прежде чем они успели скрыться, испуганные светом. Ему показалось, что некоторые из них скользнули над его головой.

Впечатление было настолько реальным, что Ким невольно оглянулся, точно хотел увидеть этих рыб позади себя, в воздухе контрольного зала.

Он рассмеялся и повернулся к экрану.

Но, как и прежде, перед ним не было никакого экрана. Казалось, что, ограниченная рамой, стояла стена воды, до которой можно было дотронуться и «замочить» руку.

ИЦ-8 ходили парами, всегда готовые оказать помощь друг другу, и сейчас, когда они оба включили свет, можно было хорошо рассмотреть каждого из них, освещенного светом другого.

Ким сразу понял, что заставило ИЦ-8 осветить дно.

Междуд скалами зменилась довольно широкая и, видимо, глубокая трещина. Было ясно, что путь кибернетов лежал через эту трещину и теперь они «думают», как через нее перебраться.

Где, в какой точке океанского дна это происходило, Ким не знал. Он не спросил Эрика, как ориентироваться в показаниях приборов, расположенных на нижней раме экрана. Впрочем, для него это не играло никакой роли.

Ким ждал решения ИЦ-8. Момент оказался очень удачным. Именно такое препятствие могло подсказать, какой способ передвижения является наилучшим.

Кибернеты походили на старинные военные танки и передвигались на гусеницах. Но ширина трещины пре-восходила длину гусениц.

Что же они предпримут? И смогут ли перебраться на другую сторону?

Ответ не замедлил.

— Никуда не годится! — громко сказал Ким, когда ИЦ-8 повернули и пошли в сторону, с явным намерением обойти трещину. Некоторое время был виден уда-

ляющийся свет. Потом он погас. Видимо, кибернеты решили, что обойти препятствие можно и в темноте.

— Никуда не годится! — повторил Ким.

— А что именно? — раздался позади него чей-то голос.

Ким обернулся.

Возле его кресла стояла девушка. Совсем еще юная, не старше пятнадцати лет, она была небольшого роста, тоненькая и очень изящная. Белый костюм обычного покрова подчеркивал гибкость стройной фигурки. Черты ее лица показались Киму знакомыми.

— Здравствуй! — сказал он. — Кто ты? Как тебя зовут?

— Почему ничего больше не видно? — спросила она вместо ответа.

— Они погасили свет. Тебе повезло, если ты видела. Я ждал этой минуты несколько часов.

— Я только что вошла, — сказала девушка. — Минут пять назад. Эрик предупредил, что, если появится изображение, надо стоять тихо и тебе не мешать. Я стояла тихо.

Ким засмеялся.

— Настолько тихо, что я даже не заметил твоего присутствия.

— Кому же ты говорил?

— Никому. Сам себе.

— Я думала, мне, — укоризненно сказала девушка. — Разговаривать с самим собой — это нехорошо.

— Почему?

— Может перейти в привычку.

— Ты медик?

— Будущий. Я еще учусь, — сказала она, словно извиняясь.

Ким указал на кресло, стоявшее рядом:

— Садись и ответь на мой вопрос.

— Меня зовут Элла.

— Как ты сюда попала?

— Я пришла к Эрику. А он направил меня сюда. Сказал, что здесь человек, которому очень скучно.

— Вот как! — Ким окончательно развеселился. — Значит, ты пришла развлекать меня. Очень мило с твоей стороны. Мне действительно скучно.

— Это Эрик...

— А разве обязательно слушаться Эрика?

«Кто эта девушка? Похоже, что его сестра», — подумал Ким.

Он угадал.

— Эрик мой брат, — сказала Элла. — Я привыкла, что он всегда принимает правильные решения. Раз он сказал, что тебе скучно, — значит, это так и есть.

— Солидное основание! — замстил Ким. — Ну что ж! Развлекай меня.

— А я не умею. Лучше ты сам расскажи мне, что тут происходит. Когда что-нибудь объясняешь — это рассеивает скучу. Разве не так?

— Так, — сказал Ким. — Что же тебе объяснить?

— Ты сказал «никуда не годится», — подсказала Элла.

— Это относилось к тому, что ты видела. Я ожидал действий, а ИЦ-8 ничего не предприняли, чтобы перейти трещину. Мне придется снова ждать неизвестно сколько времени.

— Давай ждать вместе, — предложила Элла. — Только объясни мне, а то я не буду знать, чего жду.

Ким потер подбородок.

— Гм! Это может оказаться целой лекцией, — сказал он. — А ты, Элла, имеешь хоть какое-нибудь представление о проблеме «Ц»?

— Только приблизительное. Я знаю, что «Ц» — это цилиндр. Тот, что находится в Волгоградском филиале института космогонии. А что такое ИЦ?

— Прилипчивый анахронизм, — неожиданно сказал Ким. — Я имею в виду нелепую систему сокращать слова, доставшуюся нам от предков. Почему «Ц», а не просто «цилиндр»? Почему ИЦ, а не «искатель цилиндра»?

— Значит, это искатели? Что же они ищут? Цилиндра искать не нужно, он стоит в Пришельцеве.

— Кстати сказать, снова анахронизм. Не «Пришельцев», а «Город пришельцев». Таков первоначальный смысл. ИЦ-8, Элла, ищут не тот цилиндр, который стоит в филиале, а другой.

— Какой другой? Разве их два?

— Видимо, так. Раз уж начали, слушай! Как тебе известно, цилиндр в волгоградской местности был найден сто тридцать лет тому назад археологической экспедицией академика Карелина. По документам, сохранив-

шимся в архивах, было установлено, что этот цилиндр — тот самый, который находился много тысяч лет тому назад в Атлантиде. Это машина времени неизвестной нам конструкции, и принадлежит она человечеству другой, также неизвестной, планеты. В цилиндре находятся четверо людей этой планеты и один земной человек — атлант.

Элла кивнула.

— Да, я это знаю, — сказала она. И добавила мечтательно: — Хотела бы я, чтобы они выплыли при мне.

— Весьма возможно, что так и случится. Служай дальше. В то время люди знали меньше, чем знают сейчас. Машины времени были для них загадочны. Теперь мы можем с уверенностью сказать, что принцип действия цилиндра, во временной его части, нам известен. Но вопрос в том — который? Таких принципов несколько. Что касается пространственной части цилиндра, — здесь мы ничего не знаем и по-прежнему не можем понять, что и каким образом перенесло этот цилиндр из Атлантиды на территорию будущей России. Много лет пытались разрешить этот вопрос, но тщетно. В конце концов стало ясно, что единственное логичное объяснение, доступное нам, — что цилиндров два. Один находился в Атлантиде, а другой в Волгограде. Находились с самого начала. Сейчас это общепринятая гипотеза. Отсюда задача — найти второй цилиндр! Он должен быть на месте, где была Атлантида, погрузившись на дно океана вместе с ней. Егото и ищут кибернеты ИЦ. Для этой цели они созданы, и поиски продолжаются вот уже пять лет.

— А что даст второй цилиндр?

— Очень многое, Элла. Дело в том, что цилиндры — машины не только времени, но и пространства. С их помощью обитатели другой планеты явились на Землю. Хотя законы передвижения в нулевом пространстве нам неизвестны, мы можем приблизительно представить себе, как люди, находившиеся в цилиндре Атлантиды, оказались в волгоградском. Первая машина была повреждена, и автоматы перенесли людей в резервный. Как это случилось, мы точно не знаем, но можем себе представить.

— Я — нет! — сказала Элла.

— Понимаю, но это настолько сложно, что я не смогу объяснить тебе коротко. Скажу только, что в нулевом пространстве нет измерений, к которым мы привыкли.

Там существуют и действуют измерения иного порядка. Чтобы понять, надо пройти физику и математику нулевых измерений. Сделай это и тогда поймешь. В общем, оба цилиндра, разделенные, как нам кажется, потому что мы не воспринимаем нулевого пространства, большим расстоянием, в этом измерении находятся не только близко друг от друга, но как бы в одном и том же месте. И там же, в этом же месте, находится и третий цилиндр, тот, откуда явились к нам четыре пришельца. Он стоит, по нашим представлениям, на другой планете, быть может, на расстоянии многих световых лет. А по линии нулевого измерения — тут же, рядом с двумя земными. Там пет расстояний! Поняла? — спросил Ким.

— Нет, ничего не поняла, — ответила Элла.

Ким беспомощно развел руки.

— Это неудивительно, — сказал он. — Физика и математика нулевых измерений настолько противоречат нашим обычным представлениям, что их, действительно, очень трудно усвоить. И всё же они существуют. Только мы можем понимать их исключительно умозрительно. Было время, когда люди, точно так же умозрительно, понимали атом. Но это не помешало им воспользоваться энергией этого атома. Пример не совсем удачный, но, мне кажется, правильный. Мы с тобой уклонились в сторону. Вернемся к нашей теме. Вскрыть цилиндр, находящийся в Пришельцеве, нельзя. В нем люди. Но тот, который находится сейчас в Атлантическом океане, другое дело. Его вскроют, и то, что остается еще загадочным, станет ясным. Проблема «Ц» заключается не только в том, чтобы ознакомиться с конструкцией машины времени и пространства...

— А в чем еще?

— Ты слышала о черном шаре? — спросил Ким.

— Конечно!

— Шестьдесят пять лет назад, в середине прошлого века, с этим шаром произошла любопытная история. Два человека, сам Карелин и другой, имя которого я не помню, находясь возле шара, случайно заговорили о том, что шар, возможно, является телевизионной установкой и с его помощью пришельцы могли обмениваться информацией со своей родиной. Естественно, что в мозгу Карелина и его собеседника возникли соответствующие биотики. И шар воспринял их. Он начал готовиться к прие-

му передачи. Это стало ясно, когда появился зеленый луч, и пол, прямо под шаром, превратился во что-то вроде экрана. Вернее сказать, стало ясно спустя несколько лет. В тот момент никто не понял, что представляет собой зеленый луч. Теперь это уже не загадка: такие лучи используются для полировки самых разнообразных поверхностей на наших заводах.

— Я знаю, — сказала Элла. — Я очень люблю мебель, полированную лучом. Дерево становится блестящим и кажется бездонно глубоким.

— Таким и стал каменный пол под шаром. Видимо, пришельцы не были уверены, что на Земле существуют нужные им экраны, и снабдили шар зеленым лучом. Но передачи не последовало. Нет ее и до сих пор. Почему? Этого никто не знает. И вот думают, что, познакомившись со вторым цилиндром, можно будет это понять. В нем должен находиться второй шар. Не оставили же пришельцы атлантам последний и единственный.

— Но, переходя в Волгоградский цилиндр, пришельцы могли захватить с собой шар.

— Ну нет! Это уже выходит за пределы мыслимых конструкций машин пространства. Люди не могли находиться в этот момент в сознании. Логичнее и проще снабдить оба цилиндра шарами. Несомненно так и есть.

— А тот шар, который в Пришельцеве?

— Его не трогают, как и цилиндр. Передача все же может начаться. Ее ждут. Ведь нельзя забывать, что если пришельцы появились на Земле двенадцать тысяч лет назад, то и на их планете прошло такое же время. Бряд ли возле передающей установки кто-то дежурит тысячи лет. Может быть, четырех пришельцев давно считают погибшими. Даже наверное так. И нам надо самим вступить в сношения с этой планетой.

— Неизвестно же, где она находится.

— Неважно. Нам не нужно знать. Там, у них, конечно, есть такие шары, или другие, более совершенные, установки. Канал связи «проложен» и никуда не мог исчезнуть. Все дело только в том, чтобы мы узнали принцип действия и смогли послать им сигнал вызова. Сто, тысячу сигналов, до тех пор пока они не ответят. И тогда общение двух миров через нулевое пространство станет свершившимся фактом. Вот эта-то задача и называется проблемой «Ц».

— Очень интересно, — сказала Элла. — Спасибо!
Кстати, как твое имя?

— Меня зовут Ким. Я инженер.

— Это я знаю. Эрик сказал, что ты инженер, но не назвал имени. Видимо, забыл, а я не догадалась спросить. Ты долго еще будешь ждать?

— Да нет. На сегодня, пожалуй, хватит. Завтра!

— А мне можно прийти?

— Думаю, что можно. Спроси об этом Эрика. Он инженер контрольного зала, а я человек посторонний.

— Я обязательно приду, — сказала Элла. — И задам тебе еще тысячу вопросов.

— С удовольствием отвечу. Я буду здесь к семи часам утра.

— Я тоже.

ВТОРОЙ ЦИЛИНДР

Ким встретил Эллу у подъезда института.

— Смотри, пожалуйста! — сказал он. — Не опоздала. Советую тебе всегда быть такой же аккуратной, когда начнешь ходить на свидания.

Элла посмотрела на него с упреком:

— Ты не должен смеяться надо мной.

— А я и не смеюсь. Во мне говорит опыт.

Они вошли в вестибюль. И сразу почувствовали, что произошло что-то необычное. Тишина и безлюдие, свойственные всем «храмам науки», сегодня сменились отчетливо слышным гулом взволнованных голосов и мелькающими фигурами сотрудников института, которые все бежали куда-то, — как скоро сообразил Ким, в контрольный зал ИЦ.

Появился Эрик.

— Скорее! — крикнул он на ходу вместо приветствия и тут же исчез.

Ким меланхолично свистнул.

— Так и знал, — сказал он уныло. — Всегда так, всегда мне не везет.

— А в чем дело?

— Видимо, в том, что ИЦ-8 нашли наконец цилиндр. А это означает, что моя работа потеряла смысл. ИЦ-9 никому больше не нужны.

— А разве эту конструкцию нельзя использовать с какой-нибудь другой целью?

— Можно-то можно, но потребуется большая переделка, замена программы и многое другое. Досадно!

Разговаривая, они быстро шли по длинному коридору, ведущему в зал. Несколько человек все же обогнали их.

— Несомненно так, — сказал Ким. — Больше ничто не могло привлечь весь институт.

В контрольном зале яблоко упасть было негде. Киму и Элле стало ясно, что нечего и думать проложиться к экрану. Перед ним толпилось человек двести, очевидно все здесь работающие.

Ким предложил подняться на галерею, опоясывающую зал, где никого не было.

— Оттуда мы всё увидим и услышим, — сказал он. — Скорее, Элла! Мне хотя и досадно, но очень интересно.

— Мне тоже. А нас не попросят удалиться?

— Вполне возможно. В сущности, нам с тобой не положено здесь присутствовать. Но будем надеяться, что там, на галерее, на нас не обратят внимания.

Они, как дети, играющие в прятки, скользнули по спиральной лестнице и притаились за узорной балюстрадой.

Экран был виден отсюда как на ладони.

— Нам с тобой лучше видно, чем сотрудникам института, стоящим в задних рядах, — шепнул Элле Ким и беззвучно рассмеялся. — Даже странно, что никто из них не догадался забраться на галерею.

— Тише, услышат!

Они увидели на экране ровное, как стол, песчаное дно океана. Здесь не было никаких скал или камней. Ни одного растения. Картина была совершенно непохожа на вчерающую. Как будто кусочек пустыни, где-нибудь на поверхности земли. И только «стена» воды, синевато-зеленая, «заменяющая» стекло экрана, напоминала, что дело происходит все-таки в океане, вероятно на большой глубине.

Два ИЦ-8 стояли на небольшом расстоянии друг от друга, освещая пространство между собой сильным светом, гораздо более ярким, чем это было вчера.

— Шестая параллель, — сказал кто-то внизу.

— Точнее, шесть градусов семнадцать минут и две секунды северной широты.

— Тридцать восемь градусов западной долготы ровно, — прибавил Эрик, которого Ким и Элла сразу узнали по голосу. — Именно здесь находился когда-то один из южных островов Атлантиды, называемый Даисья, если мне не изменяет память.

— Считалось, что город Воана находился на Посейдонии.

— Выходит, что это было ошибкой.

— Почему они не сообщают о цилиндре?

— Вероятно, нет полной уверенности.

— Но сигнал же был.

— Сейчас все выяснится.

Элла наклонилась к уху Кима.

— Объясни! — нетерпеливо шепнула она. — Я ничего не понимаю. О чём они говорят?

— ИЦ-8 обнаружили какой-то предмет, формой и размерами соответствующий цилинду, стоящему в Городе пришельцев, — так же тихо ответил Ким. — Они дали сигнал: «Внимание!», но пока еще не утверждают окончательно, что найдено именно то, что они должны найти. В их схеме заложен блок осмотрительности и осторожности в выводах. Иначе от десяти ИЦ постоянно приходили бы ложные сигналы. Сейчас они, вероятно, производят анализ материала, из которого сделан этот предмет. Это единственный способ убедиться окончательно.

— Почему?

— Потому что цилиндр в Городе пришельцев — из неизвестного материала, а второй цилиндр должен быть таким же.

— Почему его не видно?

— Он в недрах дна.

— Как же тогда они производят анализ?

— На расстоянии. Для анализаторов это не имеет значения, если это расстояние не превышает пятнадцати метров. В моей конструкции, — прибавил Ким, — предусмотрено увеличение радиуса действия анализаторов до двадцати пяти метров.

— А кто ведет передачу? Мы видим оба ИЦ-8. Вчера также видели обоих.

— Телесвязь с землей осуществляется вспомогательным кибернетом, постоянно сопровождающим каждую пару ИЦ-8. Так удобнее для наблюдения. Тсс! Кажется, они начали что-то передавать.

В наступившей тишине отчетливо прозвучал механический голос:

— Глубина девять метров и восемь с половиной сантиметров до верхнего края цилиндра, который стоит прямо. Грунт скалистый, начиная с трех метров. Цилиндр из неизвестного материала. Анализаторы дают показания, соответствующие цилиндру Пришельцева. Габариты точно соответствуют заданию. Искомое найдено. Даём сигнал. Приступаем к раскопкам.

Голос смолк. Раздался тягучий, вибрирующий звук. Потом ИЦ-8 один или оба сразу быстро произнесли несколько четырехзначных цифр.

— Это они говорят с другими ИЦ, — сказал Ким обычным голосом. Поднявшийся внизу шум заглушил его слова. — Они сообщили координаты места, и сюда вскоре явятся остальные восемь. Да! — прибавил он. — Цилиндр найден, и моя конструкция «ИЦ-9» — даром потраченное время.

— Этого не может быть! — Элла забавно рассердилась. — Какие ты говоришь глупости. Труд никогда не пропадает.

Ким усмехнулся.

— Не обижайся, — сказала Элла. — Лучше объясни мне — далеко отсюда другие ИЦ?

— Нет, не очень, — ответил Ким. — Поиски производятся по квадратам. Пять лет назад ИЦы начали эти поиски на параллели Азорских островов, примерно там, где когда-то находился остров Посейдония. Почему-то предполагалось, что пришельцы явились именно там. Затем они постепенно спускались всё южнее, пока не дошли почти до экватора. И, как видишь, нашли цилиндр на шестой параллели. Страна Моора — это один из южных островов Атлантиды, вероятно, даисья. Десять ИЦ ходят по дну парами на расстоянии полутора километров друг от друга, то есть на пределе достижимости излучений приборов. Сигнал о том, что цилиндр найден, послан ближайшей паре. Те передадут дальше, и приблизительно часа через два — два с половиной все десять ИЦ сойдутся. И тогда...

Договорить он не успел.

Внезапно зал осветился точно вспышкой молнии, за которой последовал могучий удар «грома».

— Что это?! — испуганно вскрикнула Элла.

Вторая вспышка, и новый удар. Экран засверкал так, что все стоявшие возле него поспешно отвернулись или прикрыли глаза рукой.

Вспышки следовали одна за другой всё чаще и чаще, но «грома» больше не было слышно. Кто-то в зале успел выключить звуковое сопровождение.

Это оба ИЦ-8, не дожидаясь остальных, приступили к предварительной обработке океанского дна, раскалывая участок, предназначенный для раскопок, лучевыми ударами.

Экран почему-то не выключали, хотя смотреть на него было совершенно невозможно.

— Пошли, Элла! — сказал Ким. — Эта иллюминация продлится несколько часов.

— Зачем они это делают?

— Чтобы легче было раскопать недра. Ты ведь слышала, цилиндр находится на глубине девяти метров. Грунт скалистый. Видимо, это уплотнившееся за тысячелетия обломки острова Даисья. Лучевые удары раскрошат породу, и останется только разбросать ее по сторонам, чтобы добраться до цилиндра.

Внизу они сразу наткнулись на Эрика. Инженер был взволнован, и на его щеках, обычно матово-смуглых, играл лихорадочный румянец.

— Видели? — спросил он возбужденно.

— Видели, — ответила Элла. — Оттуда, — она указала на галерею. — Мы там спрятались. Боялись, что нас выгонят.

— Никто бы вас не выгнал. Сейчас не до вас. Удача! Наконец-то!

— Для кого удача, а для кого совсем наоборот. — Ким произнес это так уныло, что Эрик и его сестра рассмеялись.

— И для тебя удача, — сказал Эрик. — Цель достигнута. Пять лет работы не пропали даром.

— Что будете делать дальше? — спросил Ким.

— Отправимся за цилиндром, как только его вытащат.

— Эрик, возьми меня!

— Невозможно, Эллочка!

— Куда доставят цилиндр? — спросил Ким.

— Сюда.

— А почему не в Город пришельцев?

— Здесь давно подготовлено помещение, надежно экранированное от любых излучений. Рискованно производить эксперименты над цилиндром, а если в нем есть черный шар, то и над ним, в непосредственной близости к цилинду и шару Ириниельцева. Мы не знаем их связей. Можно невольно причинить вред.

— Да, это нравильно.

— Приходите через несколько дней, — сказал Эрик. — Увидите цилиндр. Тот самый, который был в Атлантиде!

Ким не долго печалился постигшей его неудачей с ИЦ-9. Товарищи подсказали другое применение для этой конструкции, и Ким принялся за переработку. Решение было простым — превратить «искатель цилиндра» в «искатель полезных ископаемых» на дне океана. И только. Узкая задача сменилась более широкой.

Подводные шахты и рудники, обслуживаемые роботами, были разбросаны по всем океанам Земли, и все же их было мало. Поиски новых месторождений производились постоянно, и усовершенствованная конструкция искателя будет встречена геологами с благодарностью.

Ким отдался работе с энтузиазмом, свойственным всем людям в эту эпоху великой реконструкции планеты. Он даже забыл о цилиндре Атлантиды и ни разу не был в Институте космогонии, куда этот цилиндр был доставлен.

Вспомнить пришлось не по своей воле.

Однажды, когда Ким пришел с работы, к нему явился Эрик.

— Привет, Ким! — сказал он весело. — Меня прислала к тебе Элла, которая без тебя скучает.

Ким улыбнулся.

— А если серьезно? — спросил он.

— Серьезно будет звучать более серьезно, — пошутил Эрик.

— С чего это ты такой веселый?

— Удалось раскрыть цилиндр. Выступ, сбоку от двери, все же оказался кнопкой механизма запора. На нее надо нажимать три раза, вот так. — Эрик нажал пальцем на стол, три раза с различной продолжительностью.

— Как же это вы догадались?

— Догадались приспособить электронную машину.

Три дня и три ночи она искала секрет и нашла его. Дверь открывается чисто механически. Никаких биотоков.

— Но это значит, что можно открыть и дверь в цилиндре, который стоит в Пришельцеве.

— Да, мы тоже так решили. Ведь если нет биотоков, то не может быть и опасности причинить вред находящимся там людям. Попытка была сделана. И окончилась полной неудачей. Дверь в цилиндре Пришельцева не открылась.

— Странно! — сказал Ким. — Неужели они снабдили каждый цилиндр автономной системой? Не вижу логики.

— Мы тоже ее не видим. Но тем не менее факт остается фактом. Более того, машина неделю пыталась решить задачу и в конце концов заявила, что открыть дверь не может.

— Странно! — повторил Ким. — Какую машину вы применили?

Эрик назвал марку универсальной электронной машины.

— Знаю. — Ким задумался. — Неделя. Это больший срок для такой машины. А механизм запора она рассмотрела?

— Да. Вот чертеж.

— К какому цилинду он относится?

— К обоим. Механизмы абсолютно идентичны.

— Тогда и вопроса нет. Сработала блокировка. — Ким внимательно рассматривал чертеж, сделанный электронной машиной. — А черный шар там есть?

— В цилиндре Атлантиды? Есть. Точно такой же, как в Пришельцеве. Из-за него я и пришел к тебе.

— А что такое?

— Нам нужен опытный кибернетик. Я порекомендовал позвать тебя.

— Весьма признателен.

— Ты не очень занят?

— Занят, но могу уделить вам несколько дней.

— Думаю, что несколькими днями тут не обойдешься, — сказал Эрик. — Но все равно приходи завтра с утра. Задача интересная, не пожалеешь.

— Это я понимаю, что интересная, — вздохнул Ким. — А что именно вы хотите поручить мне?

— Разобраться в кибернетике шара. Это пока. Но, может быть, придется заняться и цилиндром.

— Он раскрыт?

— Кто, шар? Пока нет. Ты скажешь свое мнение, и тогда решим, что делать.

— Хорошо, я приду.

Ким был сильно заинтересован. Еще бы! Кибернетика чужой планеты! Такие объекты никогда еще не попадали в руки земных инженеров, и это не могло не заинтересовать любого специалиста.

А Ким был не только инженером, но и, можно сказать, потомственным кибернетиком. Его дед, отец, мать — все работали на одном и том же поприще. Составление программ для кибернетических устройств было его любимым занятием в те годы, когда дети обычно развлекаются игрушками.

Родители Кима сознательно развивали в нем любовь к роботам. Его игрушки все были электронными. И Ким стал кибернетиком с детства, чуть ли не со дня рождения.

Необычность предстоящей работы увлекла Кима, и он мысленно благодарил Эрика за эту услугу. Если бы не Эрик, шар могли поручить кому-нибудь другому.

Но когда Эрик ушел, Ким продолжал думать о своей конструкции модернизированного ИЦ-9, твердо решив ни за что не бросать работы над ней.

Решил, как всегда решают люди, не зная будущего.

Но утром следующего дня его мысли переключились на шар, и, как оказалось впоследствии, переключились навсегда. «ИЦ-9» был забыт, его закончили и построили товарищи Кима.

А сам он думал только о механизмах пришельцев.

Шар, а за ним цилиндр.

Сперва здесь, в Институте космогонии, затем в Городе пришельцев, а потом...

В человеке часто дремлют неведомые ему самому силы. И нужен внешний толчок, случай, чтобы эти силы вырвались на волю и совершили великое, о чем владелец их никогда и не мечтал.

Киму, рядовому инженеру Земли, было дано осуществить великую мечту человечества!

РЕШЕНИЕ БЛИЗКО!

Света, жена Кима, случайно встретила Эрика, когда он поздно вечером возвращался домой из института.

— Что вы сделали с моим мужем? — спросила она. —

Ким не приходит домой по целым суткам. Долго будет продолжаться это безобразие?

Эрик улыбнулся.

— Света, дорогая! — ответил он. — Мы тут совершен-но ни при чем. Разве ты не знаешь характера Кима? Он не успокоится, пока не добьется успеха. Ты помнишь, я говорил ему, что задача очень интересная. Так вот, она оказалась чересчур интересной. Кима никто не застав-ляет работать сутками. Наоборот, ему говорят, что так нельзя, но он ничего не желает слушать.

— Где он сейчас?

— Всё там же, возле цилиндра.

Света только вздохнула.

Они с Кимом жили вместе всего полтора года, и она еще не успела вполне привыкнуть к его настойчивому и упрямому характеру. Кроме того, в ней еще держалась привычка к его всегдашней покорности ее желаниям. Проблема «Ц» была первой его работой, когда она, Света, как бы отошла на второй план и Ким, казалось, забыл не только о ее существовании, но и обо всем остальном. И хотя Света была вполне современной женщиной, увлеченной своей собственной работой, поведение Кима почему-то обижало ее.

— А если я сама зайду за ним? — перешептываясь спро-сила сна Эрика.

— Не советую, — ответил инженер. — Решение про-блемы близко, и Киму мешать не надо. Не советую, — по-вторил он убежденно. — Ким не захочет даже слушать, что ты ему скажешь.

Света вздохнула вторично и попала вместе с Эриком.

А Ким действительно забыл в эти дни о том, что у него есть дом и молодая жена, которую он искренне любит. Он забыл обо всем. И если бы ему сейчас задали вопрос, относящийся к конструкции ИЦ-9, он, пожалуй, не понял бы сразу, о чем его спросили.

Задача неожиданно оказалась совсем не такой, как он представлял ее себе вначале. Ким знал, что будут труд-ности, но был уверен — достаточно проявить настойчи-вость и терпение, чтобы успешно разрешить ее. О том, что понадобится творческое воображение, он и не помыш-лял.

А оказалось именно так.

Препятствия появились с первых же шагов...

Когда на следующее утро после разговора с Эриком Ким явился в Институт космогонии, его провели в довольно большой круглый зал, где на самой середине стоял цилиндр, извлеченный из недр дна Атлантического океана.

Ким уже знал, что это помещение, его стены, пол и потолок сделаны из особых инертных материалов, не пропускающих абсолютно никаких излучений, или квантов энергии, ни снаружи, ни изнутри. Зал был полностью изолирован от внешнего мира, и в нем можно было производить любые опыты, не опасаясь, что на их результаты повлияют случайные, внешние причины. Связь приборов цилиндра, стоявшего здесь, с приборами того, который находился в Пришельцеве, была надежно исключена. Настолько надежно, что даже теоретически, учитывая, что эти приборы не земного происхождения, допустить ее возникновение было невозможно.

Цилиндр имел такой вид, словно сделан только вчера, а не прибыл на Землю с другой планеты, неведомо на каком расстоянии находящейся, не стоял неизвестно сколько веков в почве Атлантиды и не находился тысячелетия под дном океана.

Дверь, овальной формы, была открыта. Внутри стояли четыре ложа — прямоугольные и ничем не покрытые. Они были из того же материала, что и сам цилиндр. Почти у двери, между нею и ближайшим ложем, Ким увидел знаменитый черный шар.

Он помнил такой же шар в Пришельцеве и мысленно констатировал, что оба совершенно одинаковы.

Напротив двери, невысоко над полом, в два ряда были расположены какие-то приборы, назначение которых пока еще было неизвестно, но внешний вид почти не разился от обычных лабораторных приборов Земли. Разве что эллипсоидная форма их несколько отличалась от принятых в земных институтах.

— Здесь никто ничего не трогал, — сказал Киму руководитель исследовательской группы, в которую кроме него входило еще три человека, в том числе Эрик. — Мы хотели, чтобы ты первый осмотрел их в том положении, в каком они были доставлены. К шару не прикасалась ни одна рука.

— Ты думаешь, все дело в шаре? — спросил Ким.

— Нам кажется, что он — наиболее доступный предмет в этом цилиндре.

— Что ж, начнем с него, — сказал Ким, пожав плечами.

Шар как будто лежал на полу. Но было давно известно, что шары пришельцев снабжены антигравитационной установкой и не нуждаются в опоре. Где он находился прежде, конечно, нельзя было догадаться. Он мог находиться где угодно.

Оставалось только удивляться, что шар и самый цилиндр смогли вообще уцелеть при грандиозном катализме, уничтожившем Атлантиду.

Поднятый Кимом с пола, шар повис в воздухе. Автоматически действующая антигравитация во всяком случае была в исправности.

Но как обстоит дело со всем остальным?

Четыре инженера группы деятельно помогали Киму. Получилось так, что он просто вступил пятым в их группу. Но иначе и не могло быть.

Шар вынесли из цилиндра.

Кроме антигравитации были известны еще два свойства черных шаров — свет и зеленый луч. Естественно, что прежде всего решили проверить исправность и этих механизмов.

Здесь группу постигла первая неудача.

Никак и ничем не удалось заставить шар вспыхнуть.

Каждый порознь и все вместе они думали о свете, искрение и даже горячо желали, чтобы свет вспыхнул, прибегали к различным уловкам с целью усилить свое желание, сделать биотоки более мощными, но ничего не помогало. Шар «не желал» вспыхивать.

Для проверки Эрик и Ким слетали в Пришельцев.

Там все удалось как нельзя проще. Стоило подумать о свете — и шар вспыхивал. Значит, они «желали» правильно, биотоки их мозга действовали на шар так, как и требовалось. А оба шара были явно одинаковыми.

Оставалось прийти к выводу, что механизмы шара в Институте космогонии все же повреждены.

Четверо инженеров группы приняли это объяснение как очевидное. Пятый, а именно Ким, не соглашался.

— Нет, тут что-то другое, — сказал он.

— Что же может быть другое? — спросили его.

— Пока я этого не знаю, — ответил Ким, — но когда мы разберемся в этой технике, все станет ясно.

С зеленым лучом получилось то же самое.

Правда, и в Пришельцеве черный шар нельзя было заставить показать еще раз зеленый луч. Но там он однажды, шестьдесят пять лет назад, все же появился. А здесь зеленого луча, казалось, вообще не было.

— Снова неверный вывод, — заявил Ким. — Зеленый луч в нем есть.

— Мы тебя окончательно не понимаем, — сказал Эрик. — Почему ты не хочешь принять простого и естественного объяснения?

— Потому, что цилиндры и шары доставлены на Землю с другой планеты.

— Ну и что же! Разве это делает их неуязвимыми даже для таких катастроф, как с Атлаптидой?

— Безусловно! Никак нельзя допустить, что они не прияли мер против механических повреждений. Я говорю о тех, кто сконструировал и изготовил цилиндры и шары. Подобные космические предприятия не могут осуществляться не продуманными до конца, до мельчайших деталей. Если бы мне поручили изготовить аппараты для такой цели, я сделал бы их неуязвимыми, и без особого труда. Почему же мы должны предполагать, что техника той планеты ниже нашей? Доказательством служит исправность гравитационной установки.

— В чем же тогда дело?

— Точно такой же вопрос я могу задать и тебе, — с легким раздражением ответил Ким. — Ну откуда я могу знать? Надо работать... и думать!

— Вскроем шар?

— Вас четверо, я один. — Ким пожал плечами.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Начнем с шара.

Ким и сам не знал, почему он так хочет начать изучение с приборов цилиндрической камеры. Он понимал, что четверо товарищей правы: черный шар — естественный объект номер один; именно в нем, очевидно, заключались кибернетические устройства. Кроме того, шаров было два, а приборы в единственном числе, и они легко могли оказаться идентичными земным. Но его неудержимо тянуло к ним. Было ли это бессознательным предчувствием, что здесь, и только здесь, таится сенсационное открытие? У человека иногда бывают такие предчувствия, инстинктивное влечение к тому, что является самым главным, хотя разумом человек и не может этого знать.

Но возражать против решения большинства Ким не привык.

— Вскрывать шар буду я один, — сказал он. — Вы все удалитесь отсюда.

— Ты чего-нибудь опасаешься?

— Многого.

— А можно яснее?

— Например, антиматерии.

— Это наверняка исключено.

— Проспешный вывод, — сказал Ким. — Вас смущают размеры шара? Но ведь совсем не обязательна магнитная ловушка, там может быть нейтринная камера. Именно потому, что такая камера, или капсула, неизвестно тяжела, шар и снабдили автоматической антигравитацией. Да и магнитная ловушка тоже может быть. У нас они громоздки — у них могут быть портативны.

— Ты несколько раз упрекнул нас в поспешности выводов, — улыбнулся руководитель группы, — а сейчас поспешил сам. По-твоему, антигравитация устроена для нейтрализации веса нейтринной камеры, а сама эта камера помещена в шаре для того, чтобы можно было поместить в нем антиматерию, которая, по всей вероятности, и является основой антигравитации.

— Противоречие кажущееся, — немного подумав, ответил Ким. — Во-первых, мы не знаем, что является основой антигравитации; антиматерия может быть нужна для других целей. А во-вторых, и это самое главное, мы не знаем, зачем вообще шар имеет гравитационную установку. Не для простого же эффекта? Нужна осторожность. Потому я и предлагаю вам четверым удалиться. Как этот зал — выдержит он аппигиляционный взрыв?

Инженеры переглянулись.

Было ясно, что Ким увлекся. Ему не терпелось увидеть, что находится внутри шара, и от нетерпения он потерял способность рассуждать здраво.

— А не лучше ли поручить вскрытие шара роботу? — мягко спросил Эрик.

— Роботу? Зачем?

— На случай взрыва. Ты сам считаешь, что он возможен. Или ты неуязвим?

— Я?! — Ким словно очнулся от транса. — А ведь верно! — неожиданно сказал он. — Я забыл об этом. Но пока изготоят робота, пройдет очень много времени.

— Ни одного часа. Робот уже готов.

— Даже так? С вами приятно работать! Покажите его программу!

Принесли схему, и Ким внимательно ознакомился с ней. Инженеры группы хорошо продумали операцию. Робот должен был проделать ряд последовательных действий. Сначала, с помощью лучевого сверла, против которого ничто не могло устоять, — даже пейтринная оболочка, о которой говорил Ким, — он проделает крохотное отверстие в стенке шара. Если это окончится благополучно, будет сделано второе отверстие, затем еще несколько, по всей поверхности. Если и тут все будет «спокойно», робот тем же лучом вырежет четырехугольное «окно» и, кроме того, разрежет оболочку шара по двум линиям. После такой обработки будет нетрудно разобрать шар на части.

Ким одобрил эту операцию, и было решено проделать ее в другом, резервном зале, чтобы предохранить цилиндр, если все же произойдет анигиляция.

Наступил памятный день, принесший вторую, более тяжелую, неудачу.

Впоследствии они утешали себя тем, что шар все равно не удалось бы вскрыть, а следовательно, и ознакомиться с его содержимым.

Это было слабое утешение, но это было истиной.

Кроме того, оставался ведь второй шар, в Прицельцеве.

Что произошло в резервном зале, Ким и его четверо товарищей видели своими глазами на контрольном экране.

К счастью, они предусмотрительно ограничили яркость изображения, которая не могла превзойти безопасный для глаз уровень, иначе все пятеро могли лишиться зрения.

Короче говоря, ожидаемая Кимом анигиляция действительно произошла.

Сперва все шло по плану. Они видели, как робот, по внешнему виду напоминавший старинную конструкцию вакуумного насоса, с добавлением четырех гибких «рук», осторожно взял шар и укрепил его в специальных зажимах.

Луча не было видно, но контрольные приборы показали пятерым инженерам, что он пущен в ход. Оболочка

шара была сделана, как и цилиндр, из неизвестного материала, но по тому, сколько времени заняло просверливание отверстия, они поняли, что этот материал обладает крепостью первосортной стали, не больше. Потом робот немного повернул шар. Это указывало, что отверстие сделано и наступила очередь второго.

Ничего не произошло, и члены группы облегченно вздохнули.

Так же благополучно было проделано второе отверстие, а затем и все остальные. Всех отверстий было двенадцать.

Все было спокойно, шар не реагировал на «насилие».

Стенка оказалась довольно тонкой, немногим более полутора миллиметров.

Робот приступил ко второму пункту программы — четырехугольному отверстию.

И тут произошла катастрофа.

Взметнулась вихревая вспышка огня! И никакого следа от шара и робота не осталось в дымном облаке, наполнившем резервный зал.

— Ты был прав, — сказал Эрик.

— Я же вам говорил, — со странным равнодушием отозвался Ким. — Надо было начинать с приборов.

— Все равно когда-нибудь дошла бы очередь и до шара.

— Кто знает! Тайна шара могла открыться при разгадке тайн приборов. А в них уже наверняка нет никакой антиматерии.

— Резервный зал, — заметил руководитель группы, — придется подвергнуть очищению. Его надо обезвредить. Может оказаться новыненная радиация.

— Нет, не может!

Ким сказал это так уверенно, будто ему были уже хорошо известны все особенности устройства черных шаров.

Все пятеро разговаривали спокойно, но сознание неудачи тяжело переживалось всеми, кроме Кима. Он один был действительно спокоен, тогда как четверо остальных только старались казаться спокойными. Их мучила совесть, и они упрекали себя за то, что не послушались Кима, которого сами же пригласили для разгадки тайны шара, — воспользовались своим большинством и настояли на вскрытии, против которого Ким возражал.

И вот бесценный экспонат погиб по их вине!

Теперь руководство всеми дальнейшими действиями всецело принадлежало одному Киму.

Вот только не поздно ли?!

— Что будем делать дальше? — спросил Эрик.

— Вы пока ничего. А я займусь приборами, — ответил Ким.

— Разве помошь...

— Не нужна! Пока не нужна, — поправился Ким. — Когда она мне попадобится, я скажу.

И вот прошел почти месяц.

Ким дневал и почевал в зале. Огромный стол был завален грудой чертежей и рисунков, записей и расчетов. Не меньшее количество, разорванных и смятых, валялось на полу, но Ким не разрешал выбросить их.

К нему нельзя было подойти, настолько он стал раздражителен.

На осторожно задаваемые вопросы Ким не отвечал.

Он покидал зал только для того, чтобы сойти в столовую, и изредка уходил домой. Но чем дальше, тем реже Света его видела.

Вся планета пристально следила за его работой. Все чаще раздавались голоса, что неразумно так загружать одного человека, что на помощь Киму надо направить других специалистов. Он не хотел и слышать об этом. Решили оставить его в покое: работа была интересна для всего человечества, но она не являлась срочной. Киму дали один месяц.

Он не знал об этом. Но одного месяца ему хватило. И как раз тогда, когда было вынесено твердое решение направить к Киму помощников, он объявил, что работа закончена.

Четверо «безработных» членов группы радостно явились на зов Кима.

Они застали его в веселом расположении духа. Ни следа не осталось от злости и раздражительности. Но похудевшее лицо Кима, с подведенными синевой глазами, яснее слов говорило, какой дорогой ценой досталась ему победа.

Эрик сокрушенно покачал головой.

— Никуда не годится, Ким! — сказал он.

— Ладно, не ворчи. Всё в порядке! Тайны цилиндра и черного шара больше нет!

— А практический вывод? — спросил один из инженеров.

— Очень прост. У нас есть черный шар в Пришельцеве. С его помощью мы свяжемся с планетой пришельцев.

— А на какой срок установлены аппараты в машине времени?

Это был вопрос, наиболее интересовавший всю планету.

— И это я знаю, — с явным торжеством ответил Ким. — Они выйдут из цилиндра через девять тысяч шестьсот часов.

Такая точность чрезвычайно удивила четырех собеседников Кима.

— Но ведь приборы пришельцев рассчитаны и действуют по их исчислению времени, — сказал Эрик. — Как же ты мог определить срок выхода, не зная принятых на их планете единиц? Их секунда может отличаться от нашей, да и наверняка это так.

— Приборы ответили мне на этот вопрос, — сказал Ким. — Вернее, я заставил их ответить. Садитесь! — предложил он, совершенно забыв, что в зале только одно, его собственное, кресло. — Ах, не на что? Ну хотя бы сюда, на стол. — Ким небрежным жестом сбросил со стола на пол все, что на нем находилось, кроме небольшого рулона свернутых чертежей, который аккуратно отодвинул в сторону. Видимо, именно здесь и заключались результаты его месячной работы. — Ну вот, теперь слушайте!

Сам он, без церемоний, уселся па привычное место.

— Подожди, Ким! — сказал Эрик. — Может быть, лучше выступить перед всеми? Все хотят знать результат.

— Это потом! — досадливо отмахнулся Ким. — Успеется! Сначала я расскажу вам четверым. А вдруг я в чем-нибудь ошибаюсь?

— Если так — говори!

Это был не обычный технический доклад. Слушателями Кима были люди, для которых не существовало тайн в земной электронике и кибернетике. Но все же они часто были вынуждены прерывать Кима, прося объяснений. И Ким терпеливо объяснял то, что для него самого стало уже привычным, но только для него одного.

Речь шла о технике другой планеты!

ОТКРЫТИЕ

Много времени и больших умственных усилий пришлось затратить инженерам группы, чтобы понять способ прикрепления приборов к стенке камеры. Применение силы было здесь совершенно недопустимо, приборы надо было отделить без малейшего повреждения.

Если гибель черного шара еще не являлась окончательной катастрофой, потому что существовал второй шар, то испортить приборы означало отказаться от мысли проникнуть в тайны техники иного мира до выхода пришельцев, а этого никто не хотел.

Помимо естественной любознательности, в людях Земли говорило и чувство гордости. Земная наука не должна оказаться ниже науки пришельцев. Существовала еще и забота о них. Могло случиться, что пребывание в машине времени как-то отражается на организме и потребуется помощь. А чтобы оказать ее, надо было все знать заранее. Конечно, пришельцы, сконструировавшие и сделавшие машину, учили все последствия, но кроме них в машине находился и человек Земли. Если не четырем пришельцам, то ему почти наверное будет нужна помощь. На родине пришельцев не могли предвидеть появление попутчика...

В конце концов загадка была разгадана и оказалась чрезвычайно простой. Может быть, именно потому и не удавалось довольно долго добраться до истины. Простое — всегда самое трудное.

Приборы камеры оказались просто приклеенными к металлической стенке.

Еще немного усилий, и с помощью опытного химика, был определен состав клея. Приборы сняли без применения какого-либо инструмента.

Просто сняли, как картину со стены.

То, что в них находилось, никак не могло пострадать при этой операции, если не было повреждено раньше.

Разобрать их не составило уже никакого труда, так как корпуса приборов не были ни свинчены, ни сварены, а опять-таки склеены тем же самым, до сих пор неизвестным на Земле, клеем.

Можно было приступить к изучению.

Еще задолго до этого момента Ким выработал для себя программу поисков. Она должна была основываться

на логике и аналогии с земной техникой, так как, судя по имевшимся сведениям, разум людей неведомой планеты аналогичен земному разуму.

В читальном зале центрального архива Ким достал монгольское предание в обработке Котова и знаменитую «Рукопись Даира» в переводе Сафьянова. Переписав их в свою тетрадь, он получил единственные документы, где можно было найти хоть какие-нибудь подробности.

С самого начала было совершенно ясно, что приборы пришельцев основаны па электронике и кибернетике, потому что никаких проводов, соединяющих их друг с другом или, например, с дверью цилиндра, не было.

Ким знал, что в цилиндре Пришельцев сработала блокировка. На схеме замка он этой блокировки не нашел, — значит, она была осуществлена одним из приборов, а в обоих цилиндрах они должны быть одинаковыми.

Найти блокировку — значило получить ключ к пониманию схем всех приборов. И Ким решил начать именно с этого.

В сущности, примененный им метод был известен с незапамятных времен. Его можно было сравнить с искусством расшифровки, когда одно разгаданное слово помогает разгадать все остальные.

Какого бы уровня ни достигли в мире пришельцев электроника и кибернетика, их основа неизбежно была одна и та же. Математика и законы физики одинаковы везде, а разум пришельцев *аналогичен земному!*

Это, и только это, давало Киму уверенность, что он сумеет расшифровать чужие схемы.

Найти первое, решающее всё, «слово» оказалось нелегко. Были моменты, когда Ким готов был признать себя побежденным. Но врожденная настойчивость заставляла снова и снова начинать сначала.

Вот когда понадобилось Киму творческое воображение.

С величайшей осторожностью рассматривал он каждый прибор и срисовывал на большой лист все, что в нем находилось. К счастью, в самих приборах проводы были, и это давало нить для уяснения связи отдельных, совершенно непонятных, узлов схемы. И, кроме того, укрепляло первоначальную догадку, что приборы аналогичны земным, надо только понять их назначение, и тогда все остальное — почти «детская игра».

Каждая деталь на чертежах Кима выглядела круж-

ком со знаком «?» в середине. И когда он закончил предварительное знакомство, то обнаружил, что ему надо разгадать смысл «?» более восьми тысяч раз.

На такую работу не хватило бы и года, но великолепное знание земной техники помогло Киму почти сразу установить огромное количество одинаковых деталей, и тогда цифра «8000» сменилась более приятной — «400».

Это было уже доступно одному человеку, и в сравнительно небольшое время.

Установленный им коэффициент «20» говорил о многом, и прежде всего о том, что приборы просты и собраны из стандартных узлов. Простота — признак совершенства. Видимо, техника пришельцев стояла на очень высоком уровне и действительно была аналогична земной.

Вот только назначение каждого прибора!..

Ким сознавал, как нужна ему «зацепка». А ею могла быть только схема блокировки, потому что только здесь заранее была известна цель.

Он искал ее две недели.

Две недели тяжелого труда с огромным напряжением воображения, — поистине только упорство Кима удерживало его от прекращения поисков.

И блокировка была найдена.

Открылась и стала ясной схема, или часть схемы, одного из приборов, стали очевидны кибернетическая основа этого прибора и способ воздействия схемы на замок двери.

Это была победа, бесспорная и убедительная!

Никто не видел бурного торжества Кима.

Первое «слово» было найдено, и расшифровка пошла быстрым темпом. Один за другим значки «?» сменялись земными символами, а когда попадался узел или деталь, неприменимые на Земле, Ким тут же придумывал им новое название.

Но торжество оказалось все же преждевременным.

На двух разных планетах мысль, особенно техническая мысль, не может идти совершенству параллельно. Незбежны различия в мышлении, а значит — и в схемах кибернетики, потому что кибернетика копирует человеческое мышление. Условные рефлексы человека Земли и пришельца должны были чем-то отличаться друг от друга, и, по-видимому, они отличались.

По крайней мере Ким, когда ему показалось, что он

окончательно понял назначение каждого прибора, вскоре убедился, что создать аналогичный прибор, по земной схеме, никак не удается. Чего-то не хватало. Программы, составленные им по принципам человеческой логики, «не желали» соответствовать программам, заложенным на планете пришельцев.

Он видел, что это различие невелико, не может быть большим, но незнание, в чем же именно заключается различие, мешало ему победить до конца.

Тогда он обратился к другому способу.

Тот факт, что машина времени пришельцев, находясь «в движении», оставалась видимой, свидетельствовал о том, что самый цилиндр, его внешняя оболочка не обладали свойством перемещения в пространстве и времени, что это происходило только с теми, кто был внутри него.

Значит, цилиндры были доставлены на Землю не по нулевому, а по обычному пространству!

Вооруженный этим выводом, Ким дал волю воображению, и это привело к успеху.

Нужно было выделить те назначения приборов, которые обязательно должны были быть в данных условиях.

Ставя себя на место пришельцев, Ким старался найти эти необходимые назначения. Те, которыми он сам снабдил бы приборы, предназначенные для подобной цели.

Он говорил себе: «Цилиндры доставили на Землю задолго до того, как с их помощью было предпринято путешествие на Землю. Значит, конструкторы должны были предусмотреть возможность погружения цилиндров в почву, и, возможно, на большую глубину. Люди, оказавшиеся на Земле заключенными в цилиндре, должны были видеть по приборам, что находится снаружи, в каком положении находится цилиндр. Без этого немыслимо открыть дверь, в которую могла хлынуть, например, вода».

Ким составил схему такого прибора и начал сравнивать ее с полуразгаданными схемами пришельцев. И даже сам не ожидал, что так скоро придет успех.

Схемы сошлись настолько, насколько они вообще могли сойтись. И сразу же сократилось число загадочных узлов и деталей.

Многое стало яснее во всех остальных схемах. Ким нащупал метод мышления на планете пришельцев.

Методичный ум тотчас же подсказал ему, что раз в цилиндре существует такой прибор, значит, пришель-

цы предвидели погружение своей камеры под землю, а отсюда вытекало, что они должны были подумать, как им выбраться на поверхность земли.

Что же могло служить для этой цели?

Ким сразу обратился к предмету, который они пятеро также отнесли к приборам, хотя он и отличался от других тем, что был не приклесен к стене, а просто повешен на нее.

Заподозрив в нем аппарат для выхода на поверхность земли, Ким без труда установил, что это действительно так.

«Обыкновенный лучевой вибратор! — подумал он, закончив исследование. — Аппарат для разрыхления пород, вплоть до гранитных. Но как и чем они удалили разрыхленную породу? Не руками же! Видимо, разгадка в тех деталях, которых я еще не смог понять».

Такие детали встречались почти в каждом приборе, и Ким откладывал их разгадку до того времени, когда все остальное станет ему совершенно ясно.

Постепенно Ким пришел к выводу, что пришельцы явились на Землю именно потому, что Земля во всем подобна их родине. Но тут была странность, смущавшая Кима. В чем она заключалась? Да в том, что Ким все более убеждался: приборы пришельцев нисколько не совершеннее, чем могли быть земные. А вместе с тем возможность выбора планеты для контакта разума свидетельствовала: пришельцам доступны космические полеты в масштабах Галактики, чего еще не достигли люди Земли.

Здесь заключалось явное противоречие, единственным объяснением которого могло служить только неизбежное различие в развитии техники на разных планетах. Но такого различия Ким не находил...

Очередной прибор ответил на вопрос, когда выйдут пришельцы.

В нем должно было быть что-то подобное часам. Ким перебрал известные ему схемы электронных, радиационных и атомных часов. Стало ясно, что пришельцы воспользовались последними. Но какой из элементов они выбрали? Периодическая система элементов, впервые открытая на Земле Менделеевым, одна для всей Галактики. Но и на Земле после Менделеева открыли много новых, так называемых — заурановых. Было вполне возможно, что

ученые той планеты знали элемент, неизвестный еще на Земле. Если бы так случилось, то, не зная срока полу-распада, нельзя было и определить времени, на которое «заведены» часы.

Ким сильно тревожился, пока вызванный им химик пытался определить «заряд» часов.

Но все обошлось благополучно: «заряд» был расшифрован, и Ким без труда установил цифру, так удивившую его товарищей...

Пришел день, когда Ким со вздохом облегчения отложил в сторону последний чертеж.

Он сделал все, что было возможно, назначение почти каждого прибора стало ясно, для каждого была подготовлена «заменяющая» схема, по которой легко можно изготавливать копию из земных материалов.

Это означало, что на Земле могла быть построена почти точно такая же камера, снабженная таким же оборудованием.

Работа закончена, и Ким мог считать, что победил технику неизвестной планеты. Он так и считал, но... остался еще черный шар!

Извлеченный из недр дна Атлантического океана погиб, к находившемуся в Пришельцеве доступа не было, никто не разрешил бы Киму даже притронуться к нему.

Оставалось одно, и Ким решил сделать попытку.

Эта задача была потруднее, чем все предыдущие. Шара не было перед глазами, не было и его схемы, хотя бы и неразгаданной, не было ничего, — только чистый лист бумаги и... фантазия!

Ким вспомнил инстинктивное стремление начать с приборов, которое владело им с самого начала работы, и понял, что был совершенно прав. Задачу, поставленную им перед собой, нельзя было и пытаться разрешить, не зная того, что знал Ким теперь.

А теперь в его распоряжении было знание технической мысли на планете пришельцев, знание приемов и способов разрешения технических задач пришельцами, знание уровня их техники.

И, вооруженный этими знаниями, он решил мысленно представить себе, как бы он сам сконструировал шар, если бы был пришельцем и готовился к такому же путешествию, какое совершили пришельцы.

Пришлось, и это было самое трудное, сознательно при-

нижать совершенство механизмов шара, так как Ким ясно сознавал, что пришельцы были менее искусны в деле конструирования, чем инженеры Земли.

Были ли у Кима исходные данные для его попытки? Да, были!

Он выписал эти данные на листе бумаги:

«1. Механизм, работающий на основе биотоков, и источники света.

2. Телевизионная установка для приема и передачи изображений по шуплевому пути, с дополнительной установкой «Зеленый луч» для устройства экрана (передача под вопросом).

3. Появление зеленого луча в Пришельцеве только один раз.

4. Отсутствие света и зеленого луча в шаре, который погиб».

Последний пункт мог сыграть роль, так как Ким уже убедился, что приборы, а следовательно и шар, не могли испортиться ни при каких обстоятельствах.

Автомат антигравитации Ким отбросил. Эту загадку нельзя было разрешить ничем, кроме экспериментов, а производить их не над чем. Кроме того, эта установка казалась ему привходящей и не имеющей большого значения.

Нужно было учесть не только технику, но и мысли, опасения, надежды и тревоги четырех пришельцев, отправившихся на чужую планету, не знаяших, что они на ней найдут. Только таким путем можно было ясно представить себе, какие требования предъявляли они к конструкциям шара.

А опасения могли быть разными. Пришельцы с одинаковым основанием могли ожидать, что попадут в высокоразвитое или совсем не развитое общество. Они тревожились — какой прием их ждет? Тот факт, что они ошиблись и были вынуждены отправиться в будущее, подтверждал, что такие мысли у них были.

По трем пунктам Ким довольно быстро нашел ответ. Несколько схем, отвечавших тем требованиям, которые, по его мнению, должны были высказать четыре пришельца, было Кимом составлено. Одна из них вполне могла оказаться правильной. Во всяком случае все давали то самое, что было известно в «поведении» шара.

Остался один вопрос, в сущности основной, — способ связи!

Здесь можно было предположить много ответов. Но Кима интересовал один — способ вызова связи.

Казалось, просто: желание получить связь, соответствующий биоток, появление зеленого луча, — и всё! Экран готов, и связь началась.

Но она не началась, когда Карелин вызвал в Пришельцев зеленый луч.

Почему?

Предположение, что на планете пришельцев перестали следить за сигналами,казалось Киму не выдерживающим критики. Люди, конечно, не следили, но кибернетические установки должны были следить и принять сигнал, сколько бы ни прошло времени. Ким не мог себе представить, что общество разумных существ, стоявшее к тому же на высокой ступени развития, могло забыть о своих соплеменниках, находящихся на другой планете. Ведь о том, что камера снабжена машиной времени, там знали!

К счастью, Киму не пришло в голову, что он ничего не знает о моральных качествах, отношении друг к другу, и вообще о свойствах характеров людей той планеты. Подумай он об этом, и он мог прекратить поиски.

Но Ким продолжал искать.

И вот тут-то он и пришел к своему открытию, повлекшему за собой «космические» последствия.

Мысль, в конце концов пришедшая ему в голову, была очень проста.

«Пришельцы, — подумал Ким, — ушли в будущее Земли. Они установили «часы» на двадцать тысяч лет или более. И, несмотря на это, оставили людям черный шар, иначе говоря, установку для связи со своей планетой. Если они хотели, чтобы люди Земли связались с их планетой, то должны были снабдить шар такой же установкой для возникновения связи, как и для появления зеленого луча, то есть и то и другое должно было подчиняться биотокам. Но этого нет. Значит, они не хотели, чтобы связь возникла без них. Шар наглухо закрыт. Пустить в ход механизм связи можно только волновым импульсом, ничего общего не имеющим с биотоками. В приборах нет ничего, что могло бы служить для такой цели. Остается дистанционное управление на расстоянии, при помощи обыкно-

венной кнопки. Генератор импульса с включающей кнопкой! В цилиндре его нет. Значит, его легко сделать или он был у них единственный, и они взяли его с собой».

ИСПЫТАНИЕ

Доклад Кима четырем инженерам продолжался более двух часов. Он подробно рассказал, как и какими путями был раскрыт секрет каждого прибора, познакомил своих слушателей с принципом его действия, назначением и, устройством. Отвечая на вопросы, он еще лучше уяснил себе связь узлов и назначение деталей.

Закончил он так:

— Как только мне пришла в голову мысль о кнопке, или, вернее сказать, о ключе для посылки импульса энергии в шар, я понял, что это так и есть. Мы не можем знать, какой именно импульс надо послать, его частоту и мощность, но этого и не нужно. Достаточно приставить к шару автомат, который последовательно направит в него сигналы всех мыслимых частот. А мощность не может быть велика. Сконструировать кибернета для такой работы, кропотливой, но недолгой, совсем легко. Вот почему я сказал вам, что мы вскоре вступим в связь с планетой пришельцев. Не может быть никакого сомнения, что, когда Карелин вызвал зеленый луч, на планете пришельцев узнали об этом. Но шар не принял передачи, потому что не было импульса.

— Но ведь это было давно.

— Неважно. Они должны были ждать. Я убежден, что передача от них идет на Землю регулярно все эти годы. Возможно, с помощью какой-нибудь автоматической установки. Иначе быть не может.

— Но мы не можем вызвать зеленый луч еще раз.

— И не нужно. Он уже был. Именно то, что зеленый луч появляется один раз, доказывает: передача будет. Ведь четыре пришельца отправились на другую планету. Они не знали, что случится с ними на Земле, и должны были быть готовы к любым случайностям. А если прошло слишком много времени, то зеленый луч снова появится.

— Вот это верно, — сказал Эрик. — Может быть, он не появляется потому, что не нужен.

Ким вскочил, как подброшенный пружиной.

— Наконец-то! — воскликнул он. — Молодец, Эрик!

А я-то никак не мог понять, почему зеленого луча не было в нашем шаре. Теперь ясно: не было потому, что он здесь не нужен!

— Не совсем ясно, — заметил один из инженеров. — Почему же не нужен? Цилиндр и все приборы в нем в полной исправности.

— Но самих пришельцев в нем нет, вот в чем дело. Почему-то они не хотели, чтобы связь их планеты с Землей возникла без них самих. Потому нет и света. При переходе в другую камеру часть автоматики была выключена.

— У меня возникла еще одна мысль, — сказал Эрик. — Зеленый луч — механизм кибернетический. А что если в Пришельцеве он не появляется больше потому, что там экран уже готов? А если мы перенесем шар на другое место?

— Ты гений, Эрик! Конечно так! Ну, теперь связь обеспечена.

— Значит, отправляемся в Пришельцев?

— Конечно!.. Куда же еще!.. Немедленно! — раздались нетерпеливые голоса.

Ким медлил с ответом.

— Друзья! — сказал он. — Послушайте меня еще раз. В Пришельцев, к черному шару, ехать рано. Надо сперва убедиться, что все наши выводы и заключения верны. Черный шар неповторим. Если секреты цилиндра разгаданы правильно, тогда только можно быть уверенным, что и секреты шара также разгаданы правильно. Без этой уверенности нам не разрешат никаких опытов с шаром в Пришельцеве.

— А как же провести такую проверку? — спросил Эрик.

— Очень просто: пустить в ход машину времени. И не этот цилиндр, а другой, сделанный нами по образцу этого. Дело в том, что осталась не совсем ясной «пространственная» часть машины. Мне не удалось до конца понять принцип проникновения в нулевое пространство, тогда как принцип, относящийся к нулевому времени, вполне ясен. Что-то здесь не то, что-то мешает понять. Кроме того, не все приборы разгаданы. Вот почему пускать в ход машину времени этого цилиндра пока нельзя.

Мы сделаем другой, точно такой же, и снабдим его приборами, которые разгаданы полностью.

— А с кем произвести опыт?

— Конечно, со мной, — просто ответил Ким.

Они ожидали такого ответа и не удивились. Все четверо только улыбнулись.

— Первый опыт проделаем с животным, — сказал тот, кто первоначально руководил группой. — И повторим его. Только тогда можно пустить в машину тебя... или кого-нибудь другого.

— Только меня.

На этот раз с ним не спорили.

— Вообще говоря, — сказал Ким немного спустя, — машина времени пришельцев далеко не совершенна. Мы могли бы сделать лучшую. Но для того чтобы окончательно убедиться, придется копировать их конструкцию.

— Насколько я тебя понял, — сказал Эрик, — машина времени включается вручную, установкой срока. Кто же это проделает, если в машине будет животное?

— Ты кое-что забыл, — ответил Ким. — А именно, что между установкой срока действия и началом этого действия есть интервал в несколько секунд. Достаточно, чтобы успеть выйти из машины. Но я думаю, что лучше всего будет поручить это роботу. Программу составить совсем просто. Подойдет робот любого типа. Кроме того, он не потеряет «сознания» и сможет рассказать обо всем.

Прошел месяц, и в резервном зале, давно приведенном в порядок после взрыва аннигиляции, стоял уже точно такой же цилиндр, как извлеченный из недр дна Атлантического океана, как тот, который находился в Пришельцеве. В нем были точно те же приборы и автоматы, в том же порядке и тем же способом прикрепленные к стенке. Но все это из земных материалов. Отсутствие некоторых приборов, оставшихся неразгаданными, по мнению Кима, не должно было отразиться на работе «временной» установки.

Месяц — большой срок, и Ким решил не приспособливать какого-нибудь уже существующего робота, а сконструировать нового, специально для опыта.

И вот все готово. Доставлен из зоологического сада молодой орангутанг, которому выпала честь быть первым

земным существом, совершившим путешествие по времени. На собственных ногах пришел в зал робот, названный, в память о прежней работе, Ицем. Собрались участники опыта и несколько журналистов. Видеокорреспонденты, конечно, были тут же.

И был еще... ветеринарный врач.

Опыт производился впервые, никто не хотел, чтобы он дал только частичные результаты. Было решено проверить, по возможности, все выводы теории «машин времени».

Ким кратко сформулировал задачу.

— Мы должны, — сказал он собравшимся, — убедиться в следующем. Чему равен коэффициент действия машины? По моим расчетам, каждая минута, проведенная вне времени, равна девяносто двум тысячам ста шестидесяти минутам обычного земного времени. Второе — как отражается на живом организме пребывание в пульевом измерении? Теоретически тело должно стать негативным по отношению к самому себе. И третье — испытывает ли организм потребность в пище и питье? Теоретически этого не должно быть.

— Сколько времени продлится опыт? — спросил один из корреспондентов.

— Вы думаете, что увидите всё сегодня? — улыбнулся Ким. — Нет, сегодня будет только начало. А конец наступит через два месяца. Мы решили установить срок — одну минуту.

— Что же мы покажем? — недовольно спросил видеокорреспондент.

— Начало опыта. Разве, по-вашему, это никому не интересно?

Тот ничего не ответил на это.

— Приступим! — объявил Ким.

Врач в последний раз исследовал орангутанга. Робот стоял рядом, поблескивая двумя небольшими «глазками». Намеренно, чтобы не пугать животное, Иц был сделан внешне похожим на обезьяну.

— Всё в порядке! — сказал врач.

Ким открыл дверь цилиндра. Он сделал это точно так же, как поступали с «атлантическим», — пожал на кнопку три раза с различным промедлением. Цилиндры были идентичны до мелочей.

Внутри было темно, но робот не нуждался в освеще-

вии. Он был снабжен новейшей системой локационного «зрения» и мог видеть все даже в полной мгле.

Оранг испугался и отчаянно сопротивлялся. Пришлось завязать ему глаза, после чего Иц взял его на руки и внес в цилиндр.

Дверь закрылась сама собой.

Ким подошел к щиту с контрольными приборами. Через две минуты он торжественно объявил:

— Опыт начался!

Для оранга и его механического спутника время остановилось.

— Что будем делать дальше? — спросил кто-то.

— Ничего! Разойдемся по домам. — Ким посмотрел на разочарованные лица видеокорреспондентов и рассмеялся. — Всё!

Дверь зала не только закрыли, но даже опечатали. Наблюдать за приборным щитом остался второй робот. Он даст сигнал, если произойдет что-нибудь непредвиденное.

Ким не на шутку волновался эти шестьдесят четыре дня. В проделанную работу он вложил все свое умение, знания, способности. Сейчас все проходило решающую проверку. Успешное окончание опыта открывало Киму и его товарищам путь в Пришельцев, к единственному черному шару, оставшемуся в распоряжении людей Земли. Неудача, если и не навсегда, то на долгое время закрывала этот путь. Неудача означала тяжелый удар не только по одному Киму, но и по всем членам группы, которым человечество поручило разрешить загадки чужой техники. Он, Ким, взял эту задачу на одного себя. Так неужели же он обманул надежды всего человечества, поставил его перед необходимостью признать свое поражение и покорно ждать, пока пришельцы выйдут из цилиндра, чтобы закончить работу за него?

Такой финал казался Киму хуже кошмара.

Напрасно пытался он чем-нибудь занять время, все валилось из рук. Ким ждал, только ждал!..

Наконец наступил назначенный им самим день. Снова собрались в резервном зале все, кто присутствовал в нем два месяца тому назад.

Дверь должен был открыть Иц изнутри цилиндра. Это диктовалось простой осторожностью.

Ким стоял у щита с часами в руке.

Собрав волю в тугой комок, он даже не вздрогнул, когда с металлическим звоном открылась дверь камеры, точно, секунда в секунду, в назначенный им момент. Только внезапная бледность, покрывшая его лицо, выдавала, что почувствовал он в эту минуту величайшего торжества.

На пороге камеры показался Иц. С равнодушием механизма он вынес оранга и «спокойно» отошел в сторону.

На глазах обезьяны все еще была повязка. Это доказывало, что для оранга не прошло двух месяцев. Его руки не были связаны и повязка не была сорвана только потому, что для этого не хватило времени.

Тут же, возле камеры, было произведено первое, предварительное, обследование.

Чтобы ни говорили физики и математики, а полной уверенности ни у кого не было. Слишком невероятными выглядели теоретические выводы.

И невероятное совершилось!

Орангутанг оказался как бы вывернутым наизнанку, все органы его тела зеркально переместились.

Более того! То же самое произошло и с роботом Ицем. Правда, это обнаружилось несколько позднее, — в первые минуты на Ица никто не обращал внимания.

Экспериментальное доказательство было получено! А эксперимент — пробный камень любой теории!

НАЧАЛО ЭРЫ

Успешное окончание первого опыта обрадовало всех.

Пусть не человек, но живое существо, родившееся и выросшее на Земле, впервые в истории проникло в нулевое время!

Ведь и первые космические полеты также совершали животные. Это был обычный путь каждой новой науки.

Машина времени, столько веков бывшая только темой фантастических книг, стала реальностью.

То, что эта машина была только копией машин другой планеты, не меняло существа дела. Земные конструкции разрабатывались и так или иначе появились бы в скором времени. Случайно первая очередь была предоставлена «чужой» машине. Все понимали, чем это было вызвано и почему явились необходимым.

Никому больше не приходило в голову препятствовать Киму и его друзьям проделать очередной эксперимент в Пришельцеве.

Черный шар находился там же, где его поместили шестьдесят пять лет тому назад. Он висел над центром круга диаметром приблизительно три метра. В этом кругу, обнесенном невысокой решеткой, пол был отполирован зеленым лучом и казался, даже вблизи, поверхностью темной воды.

По мнению Кима, разделяемому его коллегами, во времена Карелина была допущена ошибка: шар не следовало помещать так близко к цилинду.

И они решили перенести шар на другое место.

Куда же? Может быть, лучше совсем изолировать его от цилиндра, чтобы наверняка избежать возможного воздействия этого шара на тот, который должен был находиться в самом цилиндре? В том, что там имеется свой шар, никто не сомневался.

Но если отвезти шар в резервный зал, за полторы тысячи километров отсюда, то будет ли он действовать? Здесь, на этом месте, была установлена пришельцами машина пространства — времени. Другая машина стояла в Атлантиде. Можно ли относить шар чересчур далеко от цилиндра? Ведь некоторые детали в приборах остались нерасшифрованными Кимом!

Решить вопрос помогла логика. И... еще раз прочитанная рукопись Даира.

Пришельцы оставили шар верховному жрецу Атлантиды, в саду которого, то есть близко от дома, стояла их машина. Значит, они не опасались влияния этого шара на приборы и автоматы камеры. О каких-либо защитных экранах в доме верховного жреца не могло быть и речи,— свет от шара видел весь город.

— Несколько десятков метров не играют роли,— подытожил Ким. — Будем производить опыт здесь!

— Но не на этом месте, — сказал Эрик.

— Да, чуть-чуть в стороне.

Ким сам взялся за шар. Мысль людей этой эпохи была уже значительно больше дисциплинированна, чем сто лет назад, и, хотя все знали о способности шара вспыхивать, никто не подумал о свете во время переноски его на пять метров в сторону.

— Мне просто не дает покоя, что мы так и не знаем,

чем и как регулируется в шаре антигравитация, — сказал Ким, когда шар, выпущенный им из рук, повис на новом месте.

— Уверенно можно утверждать только то, что это делается с помощью антиматерии.

— Совсем не уверенно, но с большой долей вероятности. Не больше.

Эрик угадал правильно. Зеленый луч послушно появился, как только они, намеренно непринужденно, заговорили о телесвязи.

Пятеро инженеров группы и несколько человек работников института внимательно наблюдали за процессом превращения куска пола в экран.

Ким засек время появления зеленого луча и следил за его работой, не выпуская из рук секундомера.

Луч двигался по спирали, от центра к периферии и обратно. Таких оборотов он совершил двенадцать. Затем луч погас.

На полу зала появился второй круг, точно такого же размера и внешнего вида, как первый.

— Так! — сказал Ким. — Три минуты и четверть секунды. Конструкция шара начинает проясняться.

Впоследствии все признались друг другу, что испытали разочарование. От техники чужой планеты почему-то ожидали, что она совершение привычной земной. А зеленый луч пришельцев если и отличался, то в худшую сторону. Земному лучу понадобилось бы вдвое меньше времени на такую же работу.

Но впереди ждали явления, еще не известные земной науке. Предстояло связаться с планетой пришельцев через нулевое пространство!

Как это будет происходить, какие законы лежат в основе этого явления, не знал даже Ким. Этого еще никто не мог знать на Земле.

Экран был готов.

Если на родине пришельцев следили за поведением шара, то должны были понять, что шар «приготовился» к приему. Передача могла начаться в любую минуту.

Нельзя было терять времени!

Робот-автомат стоял тут же, словно ожидая, когда придет его очередь действовать. Ким повернул маленький рычажок на его задней стенке.

Общий характер всех приборов и конструкций при-

шельцев, «стиль» их технической мысли — все говорило о предельной простоте. И Ким, естественно, предположил, что и импульс, подаваемый в шар, должен быть прост. Здесь незачем было применять волновые импульсы, не говоря уже о том, что такая «кнопка» представляла бы собой неоправданно сложную установку, — ведь кнопка, судя по всему, была переносной. Сыграло роль и сравнительно несовершенное устройство «зеленого луча». Ким предложил простейший электрический импульс, создаваемый соприкосновением двух разнозначно заряженных кристаллов.

— Не будет ли это чересчур маломощным? — с сомнением спросили его.

— Думаю, нет. Ведь зеленый луч вызывается биотоком мозга, а это еще менее мощно. Кроме того, в роботе есть усилитель.

Ким оказался прав.

И не только в том, что импульс должен быть прост и не мощен, но и в том, что на планете пришельцев внимательно следили за «поведением» шара.

Так, в самый обычный, ничем не примечательный день свершилось то, о чем мечтали поколения людей в течение веков.

Началась эра контактов разума Земли с разумом иных планет, прямое общение человечества, разделенных безднами пространства.

Правда, полностью оно развернулось не скоро. Вначале люди Земли только принимали передачу, не имея возможности на нее ответить. Но самое главное — начало было положено.

Прошло не более получаса после того, как робот послал в шар первый импульс. Он был не только первым, но и единственным.

Шар вспыхнул сам собой, без участия мысли людей, стоявших возле него. Никто не думал о свете. Об этом совершенно забыли в этот момент напряженного ожидания.

Вывод мог быть только один. Шар принял сигнал к действию!

— Проще, чем я думал, — заметил Ким.

То, что это действительно так, подтверждало и поведение робота, — он сразу прекратил посылку импульсов. Приборы, неизмеримо более чувствительные, чем вос-

приятие человека, «почуяли» какое-то изменение в механизмах шара. И робот остановился, выжидая.

Все молчали. Каждому представлялось, как там, где-то в неведомых просторах Галактики, неведомые существа лихорадочно торопятся пустить в ход передающую установку.

Ведь для них возобновление деятельности шара спустя шестьдесят пять лет означало гораздо большее, чем для людей Земли. Их соотечественники, посланные на Землю двенадцать тысяч лет тому назад, только недавно (что значит шестьдесят пять лет в сравнении с двенадцатью тысячами!) подали о себе весть... И... исчезли опять. Что с ними произошло, почему связь не возникла — никто не мог знать. Немыслимо было предположить, что на планете не знали о том, что связь не возникла.

Каждый из находившихся в зале ясно представлял себе, какое волнение охватило бы все население Земли в таких обстоятельствах. И они чувствовали волнение неизвестных им братьев по разуму и сами волновались, сознавая, что не могут послать ответ, если передача действительно начнется.

— Ты уверен, что в шаре нет передающей установки? — тихо спросил Кима Эрик.

— Я так думаю, — ответил Ким. — Но знать этого не могу. Во всяком случае, у нас только один способ ответить — мысленными образами. Но этого мы не умеем!

— Мы можем ничего не понять в их передаче, — заметил кто-то.

— Весьма возможно, — ответил Ким. — Если только они не догадаются, что шар мог бытьпущен в ход не четырьмя пришельцами, а «хозяевами» Земли.

И снова настало молчание.

Все смотрели на экран, неподвижные, как и четыре съемочные автомата, заранее установленные вокруг шара. Если передача появится, она будет зафиксирована на пленке от начала до конца.

У автоматов нет нервов, и волнение им не помешает.

Так прошло полчаса.

И вдруг свет шара померк. Словно ослепительно сияющая влага сползала с его поверхности к одной точке, где сосредоточился весь его свет, превратившийся в узкий луч, упавший на центр круга экрана.

Затем луч начал расширяться, превращаясь в конус. Его основание становилось все большим, пока не захватило весь экран.

И, словно из глубины блестящей полировки, быстро поднявшись, появились и неподвижно застыли строчки никому не понятной надписи, или, вернее сказать, письма, адресованного, несомненно, четырем пришельцам, которых не было здесь. А без них кто мог прочесть это послание!

Значки были буквами, и они немного напоминали древнегреческие, но кроме этого случайного сходства ничего не могло помочь людям Земли расшифровать их. До тех пор, пока пришельцы не выйдут из цилиндра, стоявшего тут же, смысл послания останется тайной.

И хотя все отлично это понимали, они смотрели на письмо с чувством торжества и огромной радости.

Пусть пока непонятно, но это было началом контактов разума двух планет!

Письмо продержалось на экране ровно столько, сколько нужно, чтобы успеть его прочитать три раза подряд, если бы оно было понятно. А потом буквы сменились чертежом, и Ким сразу насторожился.

Чертеж — это язык техники, и его можно расшифровать, особенно теперь, когда он, Ким, проделал уже такую работу с приборами цилиндра.

И ему показалось даже — чертеж ему знаком! Что-то было в нем виденное раньше. Где? Конечно, в одной из схем, которые он составлял, срисовывая устройство приборов и автоматов.

И смутная догадка заставила Кима вздрогнуть.

Зачем современным обитателям планеты пришельцев передавать схему, которая, несомненно, хорошо известна их предкам?

И в то же мгновение он вспомнил... Это была та самая схема, относящаяся к пространственной части машины, которую он не смог расшифровать до конца, потому что ему что-то мешало, чего-то не хватало.

Но тогда...

В эту секунду Ким понял, что значит «смертельное» волнение, останавливающее дыхание, заставляющее сердце мучительно биться в бешеном темпе.

Конечно так!

Эта схема передана потому, что известная четырем

пришельцам неверна или испорчена, — вероятно, случайно. Это указание — где неисправность, как ее устранить!

В такие минуты мозг работает со стремительной скоростью. Ким вспомнил многочисленные высказывания ученых-психоаналитиков. Всех удивляло, что пришельцы отправились в будущее Земли, вместо того чтобы признать ошибку и вернуться на родину. Этот поступок был настолько непонятен, что заставил даже предположить, что психика пришельцев иная, чем у людей Земли. Но это противоречило их поступкам, известным из рукописи Даира.

Теперь Ким понял всё. Пришельцы потому ушли в будущее, здесь на Земле, что *не могли вернуться*.

И об этом знали на родине пришельцев!

Вот почему теперь, когда представилась возможность послать на Землю сообщение, появился этот чертеж. В нем причина неисправности камеры, указание — что надо сделать, чтобы вернуться.

А это означало, что в руки Кима и его товарищей попадал ключ от двери, ведущей в нулевое пространство! И готовая машина для такого путешествия. Куда? Конечно, на планету пришельцев, ведь канал нуль-пространства ведет к ней!

Волнение было так сильно, что Ким, к удивлению присутствующих, повернулся спиной к экрану и поспешил, почти бегом, покинул зал.

Незачем смотреть на экран. Все, что на нем появится, заснимут автоматы!

Свежий ветер привел его в чувство и вернул ясность мысли.

Теперь работать, работать до тех пор, пока не станет ясно все и он, именно он, не получит возможности войти в цилиндр, чтобы выйти из него на другой планете!

Вероятно, те, кто проходил в это время мимо подъезда института, принимали Кима за человека, внезапно потерявшего рассудок. Он смеялся, размахивал руками и громко говорил сам с собой на языке, которого никто, кроме специалистов-кибернетиков, не мог бы понять...

А в зале продолжался сеанс телесвязи, все подробности которого в тот же день стали известны всему миру.

Чертеж держался на экране почти час. А потом...

Люди увидели ландшафты чужой планеты, увидели города или что-то, что приняли за города, потому что ни на что знакомое они похожи не были.

Но ни одного обитателя планеты, ни одного вообще живого существа!

Почему? Догадаться об этом было невозможно.

Как на старинном киноэкране, черно-белая лента показывала, какой стала обстановка жизни на планете, покинутой двенадцать тысяч лет тому назад, потому что передача предназначалась не людям Земли, а тем, кто помнил планету такой, какой она была двенадцать тысяч лет назад...

Сеанс продолжался около четырех часов. Затем шар погас.

Но когда на следующий день робот снова послал тот же импульс, все началось сначала, в той же последовательности.

И так происходило день за днем.

Передачу вел автомат!

КОНТАКТ

На этот раз, к удовольствию Светы, Ким заперся у себя дома. Правда, цель его работы, уже известная ей, не очень-то могла радовать молодую жену. В случае успеха (а Света верила в Кима и не сомневалась в успехе) предстоял чрезвычайно рискованный эксперимент. Всему человечеству было известно решение Кима самому испытать машину пространства, иначе говоря — отправиться на другую планету первым посланцем Земли.

Его права на это никто не оспаривал, и Ким вполне подходил для такой задачи, — Света это понимала. И мучительная тревога уживалась в ее сердце с гордостью за мужа.

А Ким ни о чем не думал, — конечная цель выпала из его сознания, он стремился к одному: раскрыть тайну чертежа, переданного через нуль-пространство четырем пришельцам.

Задача была тяжелой. Если машины времени уже проектировались, основанные на теории «спирали времени» Карелина, то о машинах пространства пока не помышля-

ли. Земных схем не существовало, метод сравнения помочь не мог. Все необходимые сведения предстояло извлечь из одного-единственного источника — чертежа пришельцев.

А что он мог сказать Киму?

Предполагалось, что машина пространства повреждена. Для тех, кто хорошо знал схему машины, не составило бы никакого труда понять, в чем разница между этой схемой и второй, присланной с помощью шара.

Но Ким не знал первой схемы.

Фотокопия чертежа, перенесенная на огромный лист, лежала перед Кимом на столе его кабинета. Внешне она походила на обычный чертеж, но смысл ее линий и узлов, сгусток технической мысли иного человечества, оставался загадочным и непонятным.

Впрочем, не совсем. Кое-что Ким понимал. Месячная работа над схемами приборов цилиндра не пропала даром. Камнем преткновения было незнание идеи.

Прошло несколько недель, дни и ночи, наполненные до краев огромным напряжением мысли и воли.

И настал день, когда Ким вынужден был признаться перед самим собой, что задача, взятая им на себя, выше его сил. Восстановить существующую в цилиндре схему установки пространства не удалось. А без этого нечего было сравнивать с чертежом.

Ким открыто, перед всем миром, признал свое поражение.

Человечество Земли огорчено вздохнуло. и... явилось на помощь Киму в лице четырех его товарищей, которых — он теперь понял это — следовало позвать с самого начала.

Но давно известно, что лучше поздно, чем никогда.

Работа началась сначала, но уже впятером.

Прошло еще несколько недель. И пять человек честно заявили: «Нет, не можем!»

Это было уже окончательным приговором. Кого еще можно было направить на помощь, если пятеро крупнейших специалистов признали свое бессилие?

Приходилось проститься с мечтой и терпеливо ждать выхода четырех пришельцев, до появления которых оставалось меньше года.

И вдруг помощь пришла — с совершенно неожиданной стороны!

Случайность? Нет!

То, что произошло, являлось именно тем, к чему стремилось человечество Земли. Контактом разума!

Земным ученым помогли ученые планеты пришельцев.

Конечно, они не думали, что помогают землянам. Как и прежде, они считали, что имеют дело со своими соплеменниками, стремились помочь им.

Мотивы их действий понять было нетрудно. Как для современных землян атлант, так и для современных жителей планеты пришельцев четверо находящихся на Земле ученых были людьми очень отдаленного прошлого. На Земле минуло двенадцать тысяч лет. На родине пришельцев прошло такое же время, как бы ни назывались промежутки, равные земному году. И там должны были подумать, что переданный чертеж не понят. Ведь четверо не вернулись!

Не вернулись — значит, не смогли исправить машину, а не смогли потому, что не поняли указаний. Другого вывода не могло быть.

Какая же здесь случайность?

То, что произошло, можно было даже предвидеть.

Это было неизбежно!

В Пришельцеве черный шар заставляли работать ежедневно. Надежда, что передача изменится, побуждала внимательно просматривать каждый день одно и то же. Эту скучную обязанность даже не переложили на роботов, — у экрана всегда были люди. И так же, как в первый раз, каждую передачу аккуратно фиксировали на пленку.

И вот, неожиданно и без какого-либо перерыва, то, чего ждали и на что перестали надеяться, случилось. На планете пришельцев «поставили другую пластинку». И новая программа передачи стала появляться ежедневно, как и первая.

Снова она начиналась «письмом», но на этот раз более длинным. А за письменным сообщением шли не один, а три чертежа. И все три сперва показались людям разными.

Ким и его друзья узнали о новой «пластинке» в день ее первого появления и немедленно вылетели в Пришельцев.

И стоило им бросить взгляд на первый появившийся

перед ними чертеж, как истинная цель этой передачи стала для всех пятерых предельно ясной. Слишком долго мучились они над чертежом пришельцев, слишком хорошо его помнили, чтобы не понять сразу, что это не новый, не другой, а тот же самый чертеж, но только сильно упрощенный. А два других, следующих за ним, представляли собой отдельные, видимо самые главные, узлы схемы, так сказать, в развернутом виде.

И, увидев один-единственный сеанс, не имея еще в руках фотокопии, они поняли, чего не хватало им в их работе, в чем заключалось никак не дававшееся в руки решающее звено цепи.

Было неизвестно — достаточен ли оказался бы для четырех пришельцев первый чертеж, не ошиблись ли на родине пришельцев, передавая то, что было ясно теперь, но могло быть не ясно двенадцать тысяч лет назад? Но, очевидно, там опасались именно этого и потому решили упростить указания.

Для людей Земли, незнакомых до сих пор с машинами нуль-пространства, не знавших даже существующей в цилиндре установки, хотя бы и неверной или поврежденной, это упрощенное указание явилось лучом света, показавшим основное — идею машины.

Дальнейшее было делом только времени, и времени небольшого.

А когда работа была наконец закончена, цель достигнута, выяснилось, что незачем обращаться к «атлантическому» цилинду, разыскивать и восстанавливать его установку для преодоления нулевого пространства, что гораздо проще и надежнее сделать новую, в соответствии с первым чертежом, вмонтировать ее в свой цилиндр и... отправляться в путь!

— Пойду я! — сказал Ким.

И на всей Земле не нашлось ни одного человека, который сказал бы: «Нет!»

Ни одного!

Бывают обстоятельства, когда самое любящее сердце должно уступать голосу долга и разума.

Самый близкий Киму человек — Света поняла и исполнила свой долг перед человечеством. Она произнесла только одно слово:

— Иди!

Полет на другую планету!

Люди мечтали о нем давно. Когда же достигли своих соседей, планет Солнечной системы, мечта устремилась за ее пределы.

Соседки Земли не имели разумного населения. Братья по разуму таились где-то в просторах Вселенной, и, казалось, найти их — дело большой трудности и длительного времени.

Как достигнуть цели? Как преодолеть исполинские расстояния, разделяющие планетные системы? Как совершить путь в приемлемые сроки, учитывая продолжительность жизни человека? Ведь никакой космический корабль не может лететь быстрее света!

Мысль обращалась к кораблям атомным, фотонным, гравитационным, наконец к «временным», где предполагалось использовать энергию течения времени. Это было уже пределом теоретической мысли в данную эпоху. И совсем уже смутно, едва осознанно, зарождалась теория пульсации, предвиденная писателями-фантастами почти два века назад.

Человечество Земли было уверено, что рано или поздно мечта превратится в действительность и братья по разуму будут найдены.

Но когда?..

И вот с ошеломляющей неожиданностью люди оказались на самом пороге двери, ведущей к мечте. Открылась возможность встречи с человечеством другой планеты, возможность прямого контакта, без помощи космических кораблей, без мучительно долгого пути через космос.

Означало ли это, что все искания, взлеты творческой мысли, весь труд, вложенный в создание кораблей космоса, пропали даром, если не считать полученной возможности посетить планеты Солнечной системы?

Конечно нет!

То, что случилось, это внезапное и непредвиденное начало контактов человечества Земли с человечествами населенных планет Галактики, было случайностью. И именно это — случайность события — подчеркивал факт, что цилиндры были доставлены на Землю обычным, единственным доступным сознанию путем, видимо, на «обычном» космическом корабле, совершившем «обычный» путь через космос.

Цилиндр пришельцев давал возможность посетить одну-единственную населенную планету. Только ее и никакую другую!

Это был мост, по которому можно было легко попасть на другой берег, но только в одном-единственном месте. Чтобы перейти «реку» в иной точке, надо было строить другой мост. А «постройка моста» требовала каждый раз предварительного пути по обычному пространству.

Цилиндр ничего не менял, он только ускорил первый контакт!

Возник вопрос — откуда начинать путь?

Идея машины пространства была ясна, конструкция цилиндра разгадана полностью, но законы нулевого пространства всё еще оставались только теорией, и никто не мог сказать, что они ему так же ясны.

Пришельцы поставили свои цилинды в двух местах на поверхности Земли. Третий цилиндр находился на их планете. Они совершили путь по двум сторонам этого треугольника.

Киму предстояло пройти по третьей стороне, по которой пришельцы не проходили.

Случайно ли были выбраны места для цилиндов на Земле? Ставили их где попало или по определенному расчету? От ответа на этот вопрос зависела жизнь Кима.

Логика как будто говорила за то, что точное соблюдение места не играет существенной роли. Земные цилинды могли переместиться хотя бы в результате землетрясений или под действием других сил, как природных, так и направляемых волей людей Земли. И тем не менее пришельцы отправились в путь, видимо не опасаясь такого перемещения.

Но как бы ни убедительно это звучало, дело плохо о жизни человека, и этого было достаточно, чтобы не полагаться на одну только логику.

Одно было несомненно: расстояние в один-два метра никак не могло играть роли.

И было решено поставить цилиндр, изготовленный на Земле, вплотную рядом с цилиндром Пришельцева.

— Можно и просто на его месте, — заметил Ким. — Пятеро пришельцев выйдут через год.

— Мы не знаем, достаточно ли этого срока, чтобы ты успел совершить весь путь.

Это возражение заставило Кима публично разъяснить свою точку зрения. Он сделал это по телевидению.

— Многих смущает и путает, — сказал он, — что одна минута пребывания в нулевом времени оказалась равной шестидесяти четырем суткам. Получается, что пришельцы, находящиеся в цилиндре уже двенадцать тысяч лет — по их счету времени, — пробыли в нем сорок суток. Коэффициент времени как будто равен девяноста двум тысячам. Звучит убедительно, но является ошибкой. Коэффициент этот мнимый. Он существует только для нас, находящихся в обычных условиях. В нулевом пространстве и времени всё иначе. И этого коэффициента там не существует. В машине времени исчезает время, оно становится равным нулю. Когда работ с орангутангом пробыли в машине два месяца по нашему времени, мы, подчеркиваю — только мы, имели право считать, что они сами прожили в машине одну минуту. Мы, а не они! Для них существовало только время до начала работы машины и после ее остановки до открытия двери. Только это время они пробыли там. Все остальное для них даже не мгновение, а ничто, нуль! Нельзя забывать двух вещей — законов относительности и сложности этих законов, сложности для нашего сознания, когда речь идет о соприкосновении с нулевыми измерениями. Это одна сторона вопроса. Другая заключается в том, что путешествие по нулевому времени и нулевому пространству — вещи совершенно разные. Пришельцы пошли из Атлантиды в будущее Земли, отделенное от момента их входа в машину двенадцатью тысячами лет. И они, действительно, пробыли в пути это время, хотя для них самих этого времени не существовало. Но когда они совершали путь от своей планеты до Земли, то, независимо от длины этого пути в обычном исчислении, они не совершали никакого пути. Они просто вошли в камеру на своей планете, а вышли из нее на Земле. Время здесь не участвовало. Мы войдем в цилиндр и сразу же, поймите меня хорошо, сразу же выйдем на планете пришельцев, там, где находится второй конец нулевого канала. Чувствую, что многие все же не вполне ясно меня понимают. Постараюсь пояснить на конкретном примере. Предположим, что мы, выйдя из машины на планете пришельцев, тотчас же вернемся обратно в машину и отправимся на Землю. Сколько продлится наше отсутствие? Да ровно столько, сколько

нужно для того, чтобы войти в машину, пустить ее в ход, выйти из нее, вернуться, снова пустить машину и снова выйти. От силы пять минут. Мы решили провести на той планете несколько дней — скажем, три дня. И для вас наше отсутствие продлится три дня. Ни на минуту больше. Вот почему я и предлагал поставить машину на то место, где стоит сейчас цилиндр пришельцев. Через три дня их можно снова переставить. В заключение хочу заверить вас, что все окончится хорошо, и, вернувшись, мы расскажем обо всем, что увидим на чужой планете. До свидания, друзья!

И ровно через сутки после этого выступления Ким и его спутник вошли в машину.

Ким говорил «мы». Три дня назад он сказал бы «я».

Экипаж космических кораблей, посещавших планеты Солнечной системы, никогда не состоял из одного человека. Помимо того что это было вообще невозможно, никого не прельщала перспектива длительного одиночества в космосе. В данном случае такое одиночество не угрожало: время пути равнялось нулю. Управлять машиной было не нужно. И когда Ким предложил себя для первого путешествия в нулевом пространстве, его предложение было принято без раздумий. Как человек и учений, Ким вполне подходил для такой миссии. Но время шло, и, освоившись с мыслью о предстоящем контакте с чужим разумом, привыкнув к этой мысли, люди Земли, естественно и закономерно, перешли к мыслям о будущем. Нельзя было сомневаться, что первый контакт, осуществленный Кимом, приведет ко многим другим, частым и взаимным, контактам. Земля и планета пришельцев вступали на путь близкого знакомства друг с другом. Расстояния как бы не существовало, и, самое главное, не существовало времени, которое надо затратить на путь с одной планеты на другую. При таких обстоятельствах появление Кима на планете пришельцев приобретало несколько иной смысл, чем если бы он совершил обычный космический полет. Ответный визит мог последовать сразу. Так разумно ли показывать «соседям» одного человека? Не лучше ли познакомить их с человечеством Земли в лице представителей обоего пола, иначе говоря послать к ним мужчину и женщину?

Что бы ни говорили рукопись Даира и монгольское предание о тождестве пришельцев с землянами, — полной

уверенности в этом не было. Природа бесконечно разнообразна. Могло случиться, что человечество неведомой планеты не разделяется на два пола. А тогда появление одного Кима не даст им полного представления о человечестве Земли.

И за три дня до старта было принято окончательное решение дать Киму спутницу.

Кого же?

Соображения о физической пригодности к «космическому рейсу» отпадали, — путешествовать в машине пространства мог кто угодно. Специальность и ученая степень претендентки не играли никакой роли, — визит будет очень коротким. Нужна была женщина обычного среднего типа, каких на Земле большинство.

Желающих оказалось более чем достаточно. Решение было предоставлено самому Киму.

Названное им имя не встретило возражений и не удивило никого.

Их провожало человек сорок. Это были самые известные и уважаемые ученые Земли. Давно уже не было случая, чтобы столько светил науки собралось вместе, слетевшись со всех континентов. Кроме них присутствовали, конечно, четыре товарища Кима и несколько операторов телесвязи.

Часы показывали ровно час дня, когда дверь цилиндра закрылась. А спустя одну минуту контрольный прибор показал, что машина пространства пущена в ход.

Посланцы Земли покинули ее!

Где же они находятся сейчас? По всем данным, на планете пришельцев, где-то в неизвестной точке Галактики, быть может — за десятки световых лет от Земли.

И сознание, что два человека в этот самый момент выходят из машины на чужой планете, видят обитателей этой планеты лицом к лицу, сковало всех присутствующих, лишило их способности даже пошевелиться.

Люди стояли неподвижно и молча.

В открытые окна соседнего зала вливался и достигал слуха провожающих гул толпы. Операторы телесвязи машинально продолжали передачу, хотя ничего,

кроме закрытой двери цилиндра, на экранах уже не было.

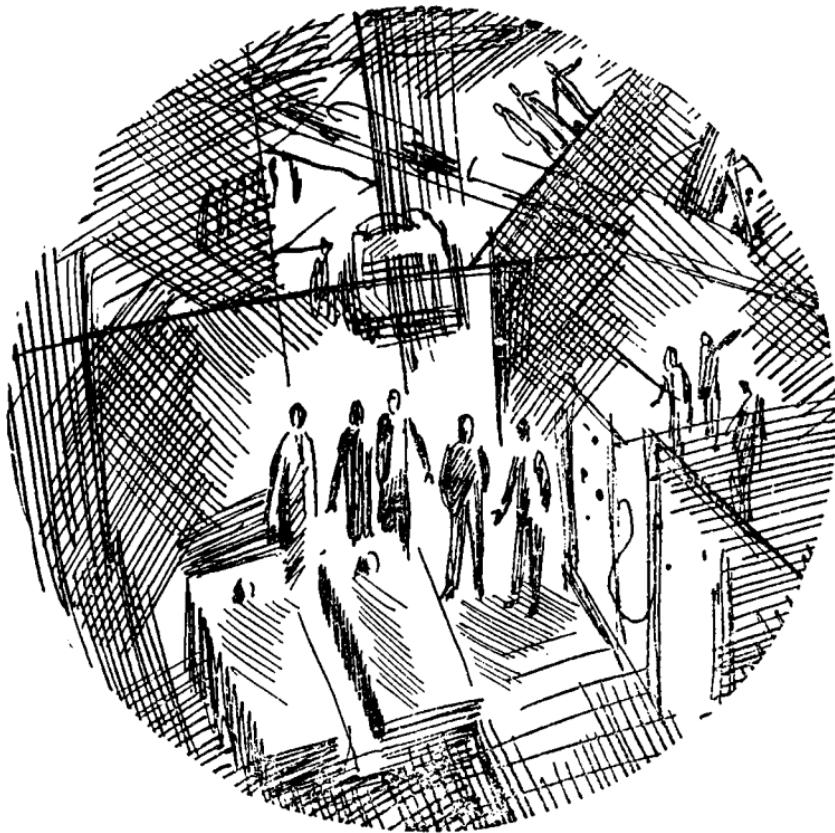
Минутная стрелка равнодушно двигалась по циферблату больших часов на стене зала.

Минута, две, три...

Эрик отвел глаза от приборов и негромко сказал:

— Машина пространства остановлена!

И только тогда люди поняли, что конец пути настал именно сейчас, в этот момент.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

НА РОДИНЕ ПРИШЕЛЬЦЕВ

Когда Ким входил в камеру, он был не только виешне, но и внутренне совершенно спокоен. Приподнятость настроения ничего общего не имела с тревогой, беспокойством, неуверенностью или с тем, что принято называть волнением. Лучше всего это состояние можно было охарактеризовать словом «любопытство»: «Что нас ждет?» Ким безгранично верил в правильность своих расчетов, был непоколебимо убежден, что через несколько мгновений они окажутся на планете пришельцев. Что же они увидят на ней? Как их встретят?

Все, что Ким знал о людях неизвестной планеты, было почерпнуто им из рукописи Даира. Другого источника не было, монгольское предание только упоминало о пришельцах, не приводя никаких подробностей.

А что можно было узнать из этой рукописи? Только то, что пришельцы, по-видимому, высококультурные, гуманные и обладающие большими знаниями люди. Даже о их внешности нельзя было составить отчетливого представления. Очень светлая кожа, глаза не совсем такие, как у людей Земли, и... больше ничего.

Машины пространства — времени сами по себе свидетельствовали о том, что родина пришельцев в то время, когда они ее покинули, находилась на уровне развития, примерно равном развитию на современной Земле. Но с тех пор прошло двенадцать тысячелетий!

Сто двадцать земных веков!

За такой срок должно было измениться решительно все. Если продолжительность жизни человека этой планеты такая же, как на Земле, то за это время сменилось около пятисот поколений. Не только наука и техника, но и сами люди стали другими.

Какими же?..

И нашлись скептики, которые предостерегали Кима. По их мнению, он мог встретить на планете пришельцев

не друзей, а врагов. Прогресс цивилизации мог смениться регрессом. Нельзя судить другое человечество земными мерками.

Ким не верил таким предостережениям. Он был вполне убежден в обратном. И его точку зрения разделяли все, от кого зависело — состоится задуманная экспедиция или не состоится.

— Допустим, что скептики правы, — говорил Ким. — Допустим, что там отнесутся к нам враждебно. Тогда мы вернемся назад, и только.

Дискуссия не возникла.

А Света безгранично верила Киму, — верила настолько, что так же, как он, не испытывала не только страха, но даже и легкого беспокойства.

Когда три дня назад окончательно было принято решение дать Киму спутницу, Света сказала:

— Я готова!

Сказала так, что Ким, не думавший о такой возможности, даже мысли не допускавший, что спутницей может стать его жена, задумался, прежде чем ответить.

— Ты что, уже заявила о своем желании? — спросил он.

— Конечно!

— Так!

Но Ким колебался недолго. Во всех отношениях Света как нельзя более подходила к роли его товарища в чужом мире. Она была средней женщиной, достаточно красивой и достаточно «ученой». Небольшое внешнее сходство между ними, часто встречающееся у супружеских, в данном случае могло оказаться полезным. Ведь на планете пришельцев впервые увидят людей Земли!

И Ким выбрал Свету.

Нечего и говорить, что такой оборот доставил ему большое удовольствие.

Цилиндр — машина пространства — времени (потому что из предосторожности в ней поместили и эту установку) — был целиком сделан из земных материалов. Все приборы и автоматы имели земное происхождение, но были сконструированы по чертежам пришельцев, расшифрованным Кимом. Это была точная копия цилиндров, стоявших в двух местах на Земле.

Третий цилиндр находился неведомо где, и именно в нем Киму и Свете предстояло оказаться в конце пути.

Они знали, что этот переход произойдет незаметно и непощитимо для них.

И они знали также, что, пройдя через нулевое пространство, их тела «вывернутся наизнанку», что все органы примут зеркальное положение и то, что находилось слева, окажется справа и наоборот.

Но и это, никогда не испытанное человеком, состояние, не тревожило Кима. Пропало достаточно времени, и было уже твердо установлено: оранг — единственное на Земле существо «зеркального» типа — чувствует себя совершенно normally. Наука пришла к выводу, что проникновение в нулевое измерение безвредно для живых организмов.

Дверь закрылась...

Указатели приборов светились призрачным голубоватым светом, достаточным для того, чтобы их найти на стене, но не освещали камеру, тонувшую в темноте. Ким не взял с собой карманного фонарика, считая недопустимым источник даже слабой, но посторонней энергии.

Почти ощупью он нашел кнопку, приводившую в действие машину пространства и, ни секунды не колеблясь, нажал на нее. И сразу же лег на ближайшее ложе, соседнее с тем, на котором уже лежала Света.

Он знал, что работа машины начнется через несколько секунд, и они показались ему очень длинными.

Чего он ждал? Какого ощущения, свидетельствующего о том, что их тела покинули привычный мир, оказались вне времени и пространства, в чем-то неизвестном и неосознаваемом разумом?

Ким ничего не ждал!

Решившись на опыт, он выключил из сознания все мысли о последствиях. С закрытыми глазами, он лежал ничего не ожидая, готовый ко всему.

А Света была спокойна до момента, когда закрылась дверь. Но стоило ей в полной темноте нащупать ложе и лечь, как сильнейшее волнение лишило ее способности о чем-либо думать.

Ученые, работавшие в области теории нулевых измерений, считали, что переход из обычного мира в нулевой вреден, но не могли точно сформулировать, в чем именно заключается этот вред. После опыта с животным стало ясно, что физического вреда нет. Но как обстояло дело с психикой? Этого никто не мог знать. Животное оста-

лось нормальным. Но между психикой животного и человека огромная разница.

Ким не опасался за свою и Светы нервную систему. Он считал ее достаточно крепкой для любого испытания.

И был спокоен.

Гораздо более спокоен, чем те, кто остались за дверью цилиндра и в этот самый момент, в напряженном ожидании, не спускали глаз с контрольных приборов.

И никто, ни сам Ким, ни его четыре товарища по работе над конструкцией цилиндра, ни присутствующие ученые, — никто не подозревал, что допущена роковая ошибка, что Ким и Света, которым остались считанные секунды пребывания в этом мире, подвергаются неотвратимой и грозной опасности, что, в сущности, они уже погибли.

Человек не может знать всё!

Единственное, что могло спасти Кима и Свету, единственное, что обеспечивало успех опыта, осталось за дверью. Это единственное находилось тут же, на глазах у всех провожающих, но они не знали всех назначений удивительного аппарата.

Черный шар был рядом. Ничего не могло быть проще, чем поместить его в цилиндре.

Никому это не пришло в голову...

Они бежали, проклиная стеченье обстоятельств, в силу которых в этом старинном здании не было ни одного лифта.

Здание было очень старинным. Его сохраняли потому, что в нижнем подземном этаже находилась машина пространства — времени предков. В то время не сочли нужным сделать механическое сообщение между этажами, а последующие поколения просто не думали об этом: в здании никогда никто не жил.

Сpirальная лестница, с почти неразличимыми глазом ступенями, была для них непривычна и неудобна. И как они ни спешили, но, ступив на эту лестницу, замедлили шаг.

Долгожданный сигнал прозвучал совсем недавно. И только благодаря тому, что все, кто был заранее намечен для первой встречи с далекими предками, жили рядом с этим домом, они успели явиться так быстро.

Торопиться заставляло сильнейшее волнение.

В баснословной древности ушли четверо ученых на другую планету, бесчисленные поколения считали их погибшими. Но они были живы, воспользовавшись машиной времени, бывшей в их распоряжении и не испортившейся, как машина пространства. И они подали о себе весть, внезапно и совершенно неожиданно. Возникла связь, к огорчению всей планеты односторонняя. Четырем предкам было послано сообщение. Получив его, они должны были вернуться на родину.

Но они не вернулись!

Прошло время, и снова появился сигнал готовности принять связь.

Что там случилось?

Считалось наиболее вероятным, что связь не возникла, что сообщение не было принято. Ведь старинная установка не давала возможности определить — дошла передача или нет.

Сообщение было повторено. Снова тревожное ожидание, и снова четверо предков не вернулись на родину.

Явилась догадка, что схема установки пространства, изготовленная сейчас, непонятна тем, кто жил тогда.

Другого объяснения не могло быть. Письменное сообщение было передано на древнем языке и не могло остаться непонятым.

Большого труда стоило вернуться мыслью в далекое прошлое и составить другие схемы, понятные тем, кто жил в этом прошлом и мыслил категориями того времени.

И вот — успех!

Наблюдающий автомат сообщил, что машина пространства заработала, а это могло означать только одно — четверо вернулись на родину!

Не могло быть человека, которого не потрясло бы сознание, что через короткое время он увидит, лицом к лицу, тех, кто остался в памяти человечества олицетворением мужества и самоотверженности, чьи имена становились известными с детства, кто был живой легендой, как и вся их эпоха великого преобразования жизни.

Население планеты еще не знало о великом событии, знали только те, кто специально ждал этого момента. И они устремились в подземный зал исторического здания на встречу с людьми, жившими так давно, что ничего

не осталось от их времени, даже языка, на котором они говорили.

Люди, назначенные для первой встречи, были подготовлены к ней. В основном это были медики. Вернувшись надо было немедленно очистить от бактерий и микробов чужой планеты. Кроме того, говорить мысленными образами могли только те, кто в процессе изучения возможностей человеческого мозга соприкоснулся с этим вопросом, то есть опять-таки медики или биологи. Вести разговор с вернувшимися предками можно было только так, потому что их языка никто не знал настолько, чтобы быть понятым.

Они спешили как могли, не подозревая, что не предки привели в действие машину пространства, что их ждет встреча с людьми иного мира, которым их помочь нужна в гораздо большей степени, чем могла бы быть нужна тем, кого они ожидали увидеть.

Люди этой эпохи не раз встречались с обитателями других планет, для них не было ничего нового в такой встрече, но если бы они знали, кто находится в камере и что произошло с этими людьми, то торопились бы еще больше.

Жизнь пока еще неизвестных хозяевам планеты гостей висела на волоске. Но к двери камеры спешили как раз те, кто был нужен, кто находился во всеоружии для оказания быстрой и действенной помощи в любом случае...

Тот, кто после получения первого сигнала принял на себя руководство операцией связи с четырьмя предками, ожидал прибывших в круглом металлическом зале, где стояла машина.

— Они почему-то не отворяют дверь, — сказал он, не тратя времени на приветствия. — Это меня очень тревожит.

— Почему же ты сам не открыл ее?

— Я не врач. Я ждал вас. Там что-то неладно!

Он тут же повернулся и нажал на кнопку три раза.

Дверь открылась, но в камере было темно, и они не видели, что там происходит.

Круглый зал освещался мягким рассеянным светом, силы которого было недостаточно, чтобы рассмотреть внутренность камеры, где должен был быть свой свет.

Но света там не было!

Руководитель поднял голову. И тотчас же яркость освещения зала усилилась.

Тroe перешагнули порог...

Перед ними лежали два существа, похожие на них самих, но с коричневато-розовой кожей лица и рук. На них была темная одежда незнакомого покроя, одинаковая у обоих. У того, кто лежал слева, на голове росли короткие черные волосы, у второго они были длинными и золотисто-желтыми.

Тroe переглянулись.

Им стало ясно, что это люди с той планеты, где находились четверо предков. Ни с какой другой они не могли прийти в эту камеру.

Что же случилось с теми, кого они ожидали увидеть? Почему они не пришли сами? Какую весть принесли эти двое?..

Руководитель наклонился над человеком с короткими черными волосами.

Почему оба гостя находятся без сознания так долго после остановки машины? Этого не должно быть!

Руководитель поднял голову и посмотрел на черный шар. По-прежнему шар не светился.

Да, только так! Все ясно! Там, откуда пришли эти двое, в той камере не было черного шара!

— Как можно скорее! — взволнованно сказал он. — Спасайте наших гостей. Им грозит быстрая смерть от нервного паралича! — И, чтобы не мешать врачам, вышел.

То, что он сказал, слышали все. И еще двое кинулись в камеру. Никто не спросил объяснений. Прозвучали самые страшные, самые грозные слова на планете:

Человеку грозит смерть!

ЖВАН

Сознание возвращалось к ним медленно и постепенно. Обоим казалось, что они еще не покидали Землю, что путешествие в машине пространства — времени еще не началось. Они не помнили, как вошли в цилиндр и что там случилось с ними.

Но даже и тогда, когда сознание вернулось полностью, когда они вспомнили все, что предшествовало старту

в неведомое, и поняли, что находятся не на Земле, а на планете пришельцев, — даже тогда пребывание в цилиндре осталось в их памяти «белым пятном».

И, как оказалось впоследствии, навсегда!

Первой окончательно очнулась Света.

Она поняла, что лежит на чем-то очень мягким и удобном, покрытая легким, почти невесомым одеялом. Неяркий, приятный для глаз, голубой свет заливал что-то огромное, не имевшее очертаний, окружающее ее со всех сторон, казавшееся бесконечным. Ей почудилось, что она лежит в пустоте, висит без опоры в голубом просторе земного неба.

— Где же я? — произнесла она вслух.

Ее руки, лежавшие поверх одеяла, ощущали необычайную мягкость, точно оно было изготовлено из тончайшего пуха. Никогда раньше ей не приходилось встречать такого материала. Ее пальцы сжались, и вдруг... Света ясно ощутила, как они дотронулись до ее обнаженной ноги. Кожа коснулась кожи, сомневаться в этом было невозможно.

Изумленная, она попыталась поднять голову, но не смогла этого сделать.

Тогда она повторила движение пальцев и снова ощущила прикосновение к телу, находившемуся под одеялом.

Нет, это не Земля! Она на планете пришельцев!

Они с Кимом достигли цели! Но где же цилиндр, в котором они прибыли сюда? Когда и как они из него вышли? Почему она, Света, очутилась в совершенно незнакомом и ни на что не похожем месте? Почему она лежит? Где Ким?..

Света чувствовала огромную слабость. Три слова, только что произнесенные ею, прозвучали так тихо, что она сама сомневалась, были ли они произнесены на самом деле или только промелькнули в ее мозгу.

Что же случилось с нею? Почему она лежит одна?..

В окружающем ее голубом пространстве не на чем было остановить взгляд. Света закрыла глаза, решив терпеливо ждать дальнейших событий...

Она услышала очень тихие, мягкие, но отчетливые шаги. Кто-то шел!

Света с трудом повернула голову.

Первый, кого она увидела, был Ким. Он лежал рядом с ней на чем-то, формы чего нельзя было определить. Во

всяком случае это было не то, что на Земле называлось постелью, диваном или вообще ложем. Его голова лежала на подушке, и это напомнило Свете родную Землю, — подушка имела вполне земной вид. Лицо Кима было спокойно, как у спящего, но показалось Свете очень бледным. Он был покрыт плотным на вид одеялом, очевидно таким же, как и на ней самой. Внешне ничто не указывало, что это покрывало обладает свойством проницаемости. А там, дальше, позади Кима, Света увидела приближающуюся фигуру, похожую на человека, но совершенно белую, точно призрак, созданный воображением больного.

Света чувствовала, что находится в полном сознании, ее мысли были отчетливы и ясны. Значит, это не галлюцинация, а реальное существо, из плоти и крови.

«Так вот какие они!» — подумала она, внезапно вспомнив описание пришельцев в рукописи Даира: «Они были белые, как чистейшее облако, а одежда их была голубая, как небо».

Но приближающаяся к ней фигура была в белой одежде, которую трудно было отличить от такого же белого лица. Света увидела устремленные на нее очень светлые глаза, по контрасту казавшиеся темными.

Очень широкий, массивный лоб, сильно заостренный подбородок, узкие губы...

Света вздрогнула.

Нет, она все время надеялась, что существа, которых они с Кимом так стремились увидеть, окажутся не такими уродливыми. И эта снежно-белая мертвая кожа!..

«Человек другой планеты! — тотчас же сказала она самой себе. — Почти наверное я кажусь ему таким же уродом, как он мне».

Она улыбнулась подходившему, глядя прямо в его глаза, ставшие вдруг совершенно круглыми.

«Как у совы», — мелькнула мысль.

Откуда пришел этот обитатель планеты? Света не видела не только двери, но и никаких стен. Она по-прежнему не видела вокруг себя ничего, кроме голубого света, производившего впечатление чего-то прозрачного, отдаленно напоминающего туманную дымку.

С удивлением, смешанным с тревогой, Света заметила, что нисколько не волнуется. А ведь то, что сейчас происходит, это и есть знаменательная встреча обитателей

двух планет, тот самый «первый контакт», о котором она всегда думала с глубоким волнением.

Первый контакт! Первая встреча разумных существ, родившихся на разных планетах! Сколько книг написано о ней! Сколько мечты и фантазии посвящено ей! И в каких только обстоятельствах не происходила она на страницах бесчисленных произведений!

И вот она происходит сейчас, в эту минуту, в обстановке, которую трудно было предвидеть!

Гость лежит, видимо больной, а хозяин подходит к нему, как врач!

«Наверное, это и есть врач», — подумала Света.

Белый «призрак» приблизился вплотную. Теперь Света могла рассмотреть его подробнее.

И первое впечатление «уродства» как-то сразу исчезло, затуманилось сознанием удивительной гармонии лица и фигуры, гибкости и пластичности каждого движения, мягкости и красоты белоснежных рук. Смотревшие на нее глаза перестали быть круглыми, приняли удлиненную форму, светились лаской. Света заметила розоватый оттенок губ, на которых была улыбка, совсем земная...

«Нет, я ошиблась, она совсем не уродлива, а даже красива! Не нашей, не земной, а своей, неповторимой и незнакомой нам, красотой», — решила Света.

«Она!..»

Если бы в эту минуту Свету спросили, откуда взялось у нее такое убеждение, ответ не легко было бы найти. В облике, в движениях, в линиях лица и фигуры не разумом, а скорее инстинктом Света почувствовала, что перед ней женщина — разумное существо, могущее стать матерью другого разумного существа.

— Кто вы? — спросила Света, уверенная в том, что ее поймут. Ведь в рукописи Даира было сказано, что пришельцы свободно говорили с любым человеком на его языке.

Белое существо ничего не ответило. Оно наклонилось и мягко, осторожно взяло руку Светы, тонкими нежными пальцами сжав запястье, точно желая прощупать пульс.

Неожиданный привычный жест, здесь, в чуждой и пока непонятной обстановке, показался Свете немыслимым, диким!

Она непроизвольно отдернула руку. Но тотчас же протянула ее обратно.

И поняла, что встретила снова не руку врача, а руку друга!

Рукопожатия не получилось, только соприкосновение ладоней. Но и этот неполный жест наполнил сердце Светы волнением и ликованием. Она, Света, первая из людей Земли, обменялась с существом иного мира дружеским приветствием!

И, не выдержав наплыва чувств, забыв о своей слабости, женщина Земли стремительно обняла наклонившуюся над ней женщину неведомой планеты!

И... не получила ответа!..

А потом очнулся Ким, появились другие «пришельцы»...

На Земле всем казалось, что жители этой планеты говорят с помощью биотоков, что четверо пришельцев в Атлантиде, а затем в Древней Руси говорили с землянами обычным для себя способом. Оказалось не так. С Кимом и Светой мог говорить только один «пришелец», а остальные пользовались его «переводом». И та, первая, женщина-врач, которую увидела Света, не ответила потому, что не поняла и не могла ответить.

Несколько дней спустя Ким поинтересовался этим вопросом и получил такое объяснение:

— Было время, когда на нашей планете увлекались идеей замены звуковой речи мысленными импульсами. Постепенно развилась способность воспринимать мысли друг друга. Но это привело к прогрессирующему увеличению заболеваний мозга и психики. Были приняты меры к возвращению обычного способа обмена мыслями. Сделать это было нелегко. Пришлось даже прибегнуть к воздействию на мозг рождающихся. Теперь мы не умеем передавать и «слышать» чужие мысли. Кроме тех, кому это нужно по роду их деятельности, — в основном, врачей и космонавтов.

— Значит, вы врач?

— Да.

— И вы слышите все мои мысли?

— Нет, только те, которые вы хотите высказать вслух. Между мыслью «для себя» и мыслью, выраженной в словах, огромная разница в смысле вызываемых ими биотоков. Первые неизмеримо слабее и не воздействуют на чужой мозг.

Это было через несколько дней, а сейчас, в первый

день встречи, разговор получался трудный и взаимно малопонятный. Собеседники словно нащупывали пути познания друг друга. В мозгу Кима и Светы слова «переводчика» звучали как будто ясно, но смысл фраз часто ускользал, получались «провалы».

Ким вскоре понял, почему это происходит. Причина заключалась в различном уровне мышления, вернее в том, что «пришельцы» не совсем так, как люди Земли, воспринимали и отображали словами окружающий мир.

«Да, — думал он. — Свободная беседа с ними — дело будущего. Понадобится время, и немалое».

Уходя с Земли, они обещали вернуться через неделю. Хватит ли времени?..

Очнувшись от беспамятства, они оба пришли в нормальное состояние удивительно быстро. Уже через час после того, как очнулся Ким, хозяева разрешили им встать с постелей. От слабости, сковывающей движения, не осталось и следа.

Они давно заметили, что лежали под странными одеялами совершенно обнаженными. Женщина-врач принесла им одежду, белье и обувь, от которых исходил едва заметный незнакомый запах.

«Переводчик» бесстрастно (все, что он «говорил», звучало в их мозгу монотонно и оттого казалось равнодушно-бесстрастным) объяснил:

— Вас самих и вашу одежду нужно было очистить от микроорганизмов вашей планеты.

Ким пожал плечами.

— В этом не было никакой необходимости, — сказал он. — Неужели вы можете думать, что мы сами не подумали об этом? Стерилизация была проделана на нашей планете.

— Одевайтесь! — предложил «переводчик», не реагируя на слова Кима.

— Попроси их хотя бы отвернуться, — сказала Света.

— Не глупи! — ответил Ким. — Раз они не уходят, значит на их планете другие понятия.

Он решительно откинул одеяло и начал быстро одеваться.

Света медлила. Она понимала справедливость слов мужа, но не могла побороть смущения. Так сразу отказалось от привычных представлений было нелегко. Она испытывала чувство стыда при мысли, что эти люди, пока

она была без сознания, раздели ее и рассматривали с вполне понятным интересом. Они должны были так поступить, и в конце концов именно с этой целью, ее, Свету, и отправили сюда, чтобы жители планеты могли ознакомиться со строением тела людей Земли.

Она была готова к этому испытанию, знала, что это неизбежно предстоит ей. И то, что это случилось, когда она ничего не сознавала, было даже лучше.

«Глупо!» — сказала она сама себе и уже без колебаний последовала примеру Кима.

И все же она почувствовала глубокое облегчение, заметив, что «пришельцы» не смотрят на нее. Они тихо говорили друг с другом, не обращая внимания ни на нее, ни на Кима.

Было ли это действительным отсутствием интереса или проявлением чуткой деликатности, случайностью или результатом ее слов, которые понял «переводчик»?..

Одевшись и уже стоя, осмотрев помещение, они сразу поняли, где находятся.

Бесконечно голубой простор, так сильно поразивший Свету, а за ней и Кима, оказался просто небом, видным сквозь прозрачные стены и потолок, прозрачные до такой степени, что их самих почти невозможно было увидеть. Далеко внизу, во все стороны, до самого горизонта, раскинулся исполнинский город, ничего общего не имевший с земными городами. Но они сразу поняли, что это именно город, а не что-нибудь другое, неизвестное им. Хоть и невозможно было рассмотреть подробности с такой высоты, ясно видны были линии улиц с крохотными точками движущихся по ним машин. Общее впечатление было таково, что как дома, так и сами улицы сделаны из стекла.

— Видимо, это госпиталь, — сказал Ким, имея в виду здание, в котором они находились.

— Да, — сказал «переводчик».

Стало ясно, что «палата» находится на самом верхнем этаже чудовищно высокого здания. Именно поэтому, лежа, они не увидели ничего, кроме неба, которое по цвету казалось точной кошией земного. Но потом, когда они вышли из госпиталя, они поняли, что и это впечатление обмануло их. Небо планеты оказалось не голубым, а почти синим, и на нем сияло не бледно-желтое, как на Земле, солнце, а оранжевое. Видимо, абсолютная прозрачность

потолка и стен палаты была кажущейся, они как-то смягчали наружные краски.

— Вы не голодны? — спросил «переводчик».

— Пока нет! — ответил Ким, с любопытством и легкой тревогой подумав о том, чем и как их будут кормить на этой планете.

— Я думаю, что их пища окажется безвредной для нас, — сказала Света, словно поняв его мысли.

— Это вне сомнений.

— Я вас понял, — несколько неожиданно сказал «пришелец». — И ваше беспокойство понятно. Но у нас большой опыт общения с обитателями других планет. Мы привыкли кормить своих гостей с других планет, — прибавил он.

Ким и Света переглянулись. Длинная фраза (первая, какую они здесь услышали) была воспринята их мозгом с трудом и не полностью. Но они уловили ее общий смысл. И сразу поняли колossalное значение этой фразы, ее неисчислимые последствия.

Первый контакт обворачивался для Земли *контактами!*

Отправляясь в свой рискованный путь, оба испытывали немалую гордость при мысли, что именно они выбраны человечеством для великой миссии — установить связь с иным человечеством. Первым и *единственным*, как думали на Земле. И вот оказалось, что ими открыта дверь не только на другую планету, а на целый ряд других планет! Ведь «пришелец» сказал, что они имеют опыт общения с *обитателями!* Ошибиться было нельзя, это слово было «произнесено» во множественном числе!

— Что вас взволновало? — с очевидной заботливостью спросил «пришелец».

«Почему волнение?» — прозвучало для Кима и Светы.

Вопрос свидетельствовал о большой наблюдательности. Даже Света, обладавшая большей чуткостью, чем Ким, не заметила на лице своего мужа никакого волнения.

А оно было, и настолько сильное, что несколько секунд Ким молчал, не в силах ответить.

— Мы волнуемся потому, — ответила Света, — что наша планета еще не имела связей ни с одной планетой Галактики. Мы думали, что ваша планета пока единственная.

Видимо, этот ответ произвел сильное впечатление на «пришельцев», потому что, выслушав перевод, они

оживленно и, очевидно, взволнованно заговорили между собой.

Ким и Света с удивлением прислушивались к этой беседе. Их поразило, что в языке планеты совершенно не было гласных звуков, а в то же время слова и фразы звучали с непостижимой мягкостью и плавностью. Стало ясно, что голосовые связки «пришельцев» устроены иначе, чем у людей Земли. Ни один человек на Земле не смог бы воспроизвести эти звуки. И они оба одновременно подумали, что изучить язык друг друга ни «пришельцы», ни земляне не смогут никогда, что единственным средством общения останутся мысленные излучения. Разве что удастся сконструировать для разговора специальные машины.

— Плохо! — сказал Ким, и Света отлично поняла, что он имел в виду.

— Как называется ваша планета? — спросил «переводчик».

— Земля, — ответил Ким. — А как вы называете вашу?

Ответ («пришелец» произнес его, конечно, не мысленно, а вслух) прозвучал как набор согласных звуков. «ЖВН» — послышалось Киму и Свете. Средний звук был чуть растянут.

— Жван, — повторил Ким.

— Похоже, — улыбнулся «переводчик».

ПЛАНЕТЫ-СЕСТРЫ

— Когда четверо пришельцев, — говорил Ким, — появились в Атлантиде, а затем в Древней Руси, им было гораздо легче разговаривать с людьми, чем окажется в наше время, когда они выйдут к нам.

— Почему? — удивилась Света.

— По нескольким причинам. Во-первых, люди того времени мыслили примитивно, и разговор с ними мог идти только о самых простых вещах. Во-вторых, и это самое главное, давно известно, что чем неразвитее мозг, тем легче воспринимает он мысленные импульсы, передаваемые с помощью биотоков. Мы ясно сознаем, что слова жвановцев звучат не в ушах, а непосредственно в мозгу. А тогда людям казалось, что пришельцы просто говорят на их языке. Это большая разница. Ты сама видела, как

трудно прошла сегодняшняя беседа. А почему? Да потому, что нам пришлось говорить о таких вещах, которые являются вершиной науки и техники. А то и другое не может быть одинаковым на разных планетах. К тому же представители этих планет встретились впервые. Отсюда — полный провал!

— Не совсем все же, — возразила Света.

— Именно так! Что мы от них узнали? — Ким пожал плечами. — Ничего! И они также почти ничего не поняли. Плохо, очень плохо!

— Значит, ты думаешь, что полного взаимопонимания достигнуть не удастся?

— Что ты! Конечно, удастся. Но нужно время, а его у нас совсем мало. Мы не можем задерживаться, — это вызовет всеобщее волнение на Земле. И, чего доброго, кому-нибудь придет в голову отправиться к нам «на помощь».

— Что же тут плохого? Добро пожаловать!

Ким, в бесконечный раз пересекавший комнату из угла в угол, остановился, услышав эти слова.

— Света! — сказал он. — Я же тебе объяснял принцип работы машины пространства. Неужели ты так плохо меня поняла?

— Поняла, как все!

— Значит, все плохо поняли. Если мы задержимся, они не будут знать, когда мы отправимся в обратный путь, и могут войти в цилиндр там, на Земле, одновременно с нами.

— И тогда?..

— Погибнем и мы и они!

Ким снова зашагал из угла в угол.

— Очень не хочется возвращаться с пустыми руками, — сказал он. — Но, боюсь, придется. Хорошо еще, что на путь отсюда до Земли и обратно не надо затрачивать никакого времени.

Света засмеялась.

— Чему ты? — недоуменно спросил Ким.

— Так! Пришла в голову забавная мысль. Я подумала, что мы могли бы хоть сейчас вернуться на Землю, предупредить о задержке и сегодня же снова оказаться здесь. Словно мы и жвановцы живем не на разных планетах, а в соседних домах.

— Да, — рассеянно сказал Ким.

Было видно, что его мысли очень далеки от подобной темы.

Он подошел к «окну».

В сущности, никаких окон в помещении не было. Ким просто приблизился к одной из стен. Они были совершенно прозрачны, в противоположность потолку и полу, но Ким и Света уже знали, что это впечатление создается только изнутри. Снаружи заглянуть в комнату было нельзя. Кроме того, они знали, что им предоставлено помещение, расположенное в центральной части здания. Со всех сторон к их комнатам примыкали другие, но тем не менее каждая стена казалась наружной. Это была не прозрачность, а, видимо, какая-то сложная оптическая система.

Был вечер, первый вечер в чужом мире, который они встретили в полном сознании. Им уже рассказали, что они находятся на этой планете с труднопроизносимым и даже неприятным для земного слуха названием четвертый день. Трое суток, суток этой планеты (сколько получается по земному счету времени — было неизвестно), Ким и Света пролежали в «госпитале» в бессознательном состоянии.

Кима непреодолимо влекло к виду звездного неба. Узор созвездий, как и следовало ожидать, был совершен но непохож на звездное небо Земли. Один только Млечный Путь был тот же. Это доказывало, что планета жвановцев, так же как и Земля, находится где-то в окраинных областях Галактики и, по всей вероятности, в масштабах Вселенной, совсем близко к Солнечной системе. Ведь предки современных жвановцев двенадцать тысяч лет тому назад, а может быть и гораздо раньше, совершили обычный космический рейс, чтобы установить на Земле свои цилиндры пространства — времени. Не могли же они пролететь для этого через всю Галактику! Но где, в каком именно месте находится эта планета? В каком созвездии Земли расположено ее солнце — оранжевая звезда? Как называется она на земном языке, в звездных каталогах земных астрономов?

Кима раздражала невозможность получить ответ на эти вопросы. Он не мог найти на чужом небе даже свое родное солнце, не мог показать его жвановцам, как не мог получить и от них никаких сведений. Обе планеты, соприкоснувшись друг с другом разумом своих обитателей,

продолжали оставаться для тех и других «загадочными незнакомками». Ким убедился в этом, когда несколько часов назад задал соответствующий вопрос и не получил на него ответа. Четверо пришельцев, находящихся сейчас на Земле, двенадцать тысяч лет тому назад отправились в свой путь, не зная, куда они направляются. Так же как Ким и Света, они ушли в неведомое.

Будет ли когда-нибудь разрешена эта загадка? Учитывая колоссальные трудности определения протяженности пути по нулевому пространству, где отсутствуют какие бы то ни было расстояния, были веские основания сомневаться в этом.

Нелепое положение!

— Нет никаких сомнений в том, что наша Земля и эта ЖВН, или как бы она там ни называлась, отныне вступят в постоянные сношения. Взаимный обмен информацией, взаимная помощь станут повседневным явлением. И при этом ни мы, ни они не будем знать «адреса» друг друга! До тех пор, пока случайно, пойми это, *случайно*, какой-нибудь обычный космический корабль не откроет «неизвестную» планету, которая окажется Землей или Жваной. Что за чушь! — со злостью в голосе закончил Ким.

Свету не удивляла его раздражительность. Она сама находилась в таком же состоянии, как и ее муж. Причиной была сегодняшняя беседа с учеными планеты, вернее не вся беседа, а ее начало, когда Ким задал естественно интересующий их вопрос: «Что с нами произошло и долго ли мы находились без сознания?» Ответ был неприятен для самолюбия землян и доставил им несколько скверных минут, впечатление от которых не изгладилось до сих пор...

Еще в «палате госпиталя» Киму и Свете сказали, что группа ученых с нетерпением ожидает встречи с ними, готова к этой встрече в любую минуту и что от гостей зависит время, когда она состоится.

— Мы готовы хоть сейчас, — ответил Ким. — И сами ждем такой встречи с нетерпением.

Тогда им еще раз предложили утолить голод, а когда они отказались, провели в другое помещение, находившееся в том же здании, но многими этажами ниже.

Прощаясь с врачами, Света, с помощью переводчика конечно, спросила, кормили ли их чем-нибудь, пока они лежали в беспамятстве, и каким способом? Ответ был

утвердительным, и ей показали аппарат, устройства которого Света не поняла, но почему-то не спросила объяснений. Потом она пожалела об этом.

В нижние этажи спустились на чем-то, что очень походило на лифт, но имело прозрачные стенки, сквозь которые во все стороны был виден город. Создавалось впечатление, что они опускаются на аэростате, а не движутся по трубе внутри здания.

Ни Ким, ни Света тогда не спросили о причине этой странной иллюзии, — их внимание целиком поглотил приближающийся город. Только потом, когда они снова встретились с тем же явлением, у себя «дома», Ким поинтересовался им и получил настолько туманный и, как ему показалось, путаный ответ, что ничего понять им не удалось.

Причудливая, ни на что земное не похожая архитектура зданий, неизвестно как и на чем державшиеся улицы, шедшие в несколько ярусов, одна над другой, чудовищно огромные мосты, конструкции которых они не могли понять, словно паутиной перечеркивающие небо во всех направлениях, — все это произвело на землян сильное впечатление. Они в полной мере ощутили, что находятся на чужой планете, судя по всему далеко обогнавшей Землю в техническом развитии.

Такое убеждение должно было возникнуть у них, потому что над ними тяготело сознание, что двенадцать тысяч лет назад эта планета находилась на одном уровне с современной Землей. Но к концу своего пребывания в гостях у жвановцев Ким и Света поняли — оно не совсем верно!

Выходя из «палаты», они не заметили, что прошли сквозь стену. Но когда спуск окончился и «переводчик», сопровождавший их, предложил выйти из лифта, им бросилось в глаза отсутствие двери.

Стенки лифта, хотя и прозрачные, вблизи были легко различимы, и никаких отверстий в них не было. Выходить, казалось, было некуда. Правда, теперь, когда кабина остановилась, панорама города исчезла, и они видели за стенкой не то коридор, не то длинную, узкую комнату, пол которой выглядел металлическим и одновременно прозрачным, хотя и не было видно, что находится под ним.

— Что-то я не замечаю выхода, — сказал Ким.

Переводчик внимательно посмотрел на него.

— У вас делают отверстия в стенах? — спросил он.

— Или отверстия, или двери.

Жвановец сделал шаг и оказался за стенкой лифта.

Как это произошло — они не успели заметить.

— Что-то вроде их одеял, — сказала Света.

— Каких одеял?

— Расскажу потом, пошли за ним!

Она смело перешагнула порог лифта.

Ким, внимательно наблюдавший за женой, отчетливо видел, как материал стенки словно разорвался, пропуская Свету, и тотчас же принял прежний вид.

Покачав головой, он последовал за ней.

Пройдя шагов двадцать, они оказались перед другой стеной, за которой могли видеть большую комнату и пять человек, сидевших у длинного узкого стола. Этот стол ничем не отличался от земных.

— Это ученые, которые вас ждут, — сказал переводчик.

Они вошли тем же способом, не почувствовав никакого сопротивления «стеклянной» стены, точно она была сделана из воздуха.

Ни один из пяти жвановцев не встал при их появлении, что обязательно сделали бы на Земле. Ученые только наклонили головы, приветствуя гостей.

Никто не предложил им сесть в низкие, выглядевшие мягкими и удобными кресла с очень низкими спинками, хотя бы жестом. Но, видя, что переводчик уселся без приглашения, Ким и Света последовали его примеру, справедливо рассудив, что не намерены же хозяева беседовать с гостями сидя, когда эти гости стоят. Видимо, понятия о вежливости у жвановцев отличались от земных, — только и всего.

Перед пятью учеными находились люди с другой планеты, но ничего, что можно было бы принять за выражение любопытства, ни Ким, ни Света не заметили на их лицах. Все выглядело так, будто эта встреча далеко не первая, что жвановцы давно знают и давно привыкли к виду землян.

«Может быть, они нас уже видели, — подумал Ким. — Видели, когда мы лежали без сознания».

Эта мысль была ему почему-то неприятна.

А Света пыталась определить возраст сидевших перед ней ученых, но ни к какому заключению прийти не мог-

ла. Мешали белизна кожи, непривычные черты, отсутствие на голове волос. Все пятеро казались почти одинаковыми.

Один из них обратился к переводчику и что-то сказал ему. Фраза была очень короткой, но последовавший за ней «перевод» довольно длинным. Это было пространное приветствие, выражаемое от лица всей планеты. Ким и Света поняли его только частично.

Затем последовал уже «деловой» вопрос.

— Мы просим вас, — сказал переводчик, — сообщить нам, что случилось с четырьмя нашими предками? Живы ли они и почему не возвращаются на родину?

Ким давно уже был готов к ответу на этот неизбежный вопрос. Его удивляла выдержка обитателей планеты, которых судьба соотечественников должна была остро интересовать и которые до сих пор ничем не проявили своего интереса.

Он постарался как можно яснее и проще рассказать о том, что было известно на Земле.

Видимо, его поняли достаточно хорошо.

— Когда вы ожидаете их выхода из машины? — спросил жвановец.

Ким мог назвать точный день и час, но внезапно понял, что как бы он ни говорил, его не смогут понять. Как он не знал единиц времени на этой планете, так и жвановцы не знали этого относительно Земли. Понятия «секунда», «час», «сутки», «год» не могли быть тождественны.

«Неужели они не могут этого сообразить?» — подумал он.

— Они выйдут довольно скоро, — ответил Ким. — Мы знаем, когда, но я не могу вам этого сказать. Вы меня не поймете.

Он вынул часы, которые взял с собой специально для этой цели, вызывая жвановцев показать свои. Сравнив скорость движения секундных стрелок, можно было установить разницу в основной единице времени и найти общий язык в этом чрезвычайно важном вопросе. На Земле считали, что на любой планете, имеющей разумное население, достигшее высоких ступеней цивилизации, должны быть прибера для отсчета времени, в каком бы то ни было виде.

Но ни один из жвановцев не последовал примеру Кима. Переводчик протянул руку, и Ким передал ему свой хро-

нометр. Все шестеро по очереди внимательно рассмотрели, очевидно, незнакомый им предмет, а затем вернули его Киму. На бесстрастно-спокойных лицах ничего не отразилось.

«Они даже не поняли, что это такое», — подумал Ким.

— Вы можете назвать срок по галактическому времени, — сказал жвановец.

Фраза «прозвучала» отчетливо.

«Галактическое время»!..

Да, конечно, имея связь со многими планетами, общаясь с их обитателями, жвановцы неизбежно должны были совместно с ними выработать какое-то единое счисление времени, понятное для всех. Именно это они и называли галактическим временем. Но Ким не мог его знать!

И очевидная бестактность собеседника рассердила Кима.

— Я уже вам говорила, что наша планета не имеет связей с другими, — сухо сказала Света.

Но тон ее слов или остался незамеченным, или ему не придали значения.

— Хорошо, — сказал жвановец, — этот вопрос выясним позднее. Хотите ли вы что-нибудь спросить у нас?

И вот тут-то Ким и задал свой вопрос, ответ на который так расстроил его и Свету, привел их на весь день в раздраженное состояние.

Объяснение было трудным для мысленной передачи, и они ясно заметили, что жвановец употребляет большие усилия, стараясь мыслить отчетливее и проще. Но хотя «провалы» встречались чаще, чем раньше, Ким и Света поняли основное.

Голос переводчика, как всегда, «звучал» монотонно, но его лицо постоянно менялось, отражая испытываемые им чувства. И оба слушателя не заметили на этом лице даже намека на насмешку или сознание своего превосходства.

Говорил он примерно следующее.

При переходе в нулевое пространство и обратно в обычный мир человек не должен находиться в сознании. Необходимо воздействовать на нервную систему — «затормозить» ее на время таких переходов. В камерах машин пространства — времени пришельцев было такое устройство, вмонтированное в черный шар. Отправившись в свой путь без шара и не приняв никаких других мер

предосторожности, Ким и Света обрекли себя на скорую гибель, потому что в момент перехода находились в сознании и получили сильнейшее потрясение, приведшее к глубокому общему параличу. Их спасло только то, что на месте прибытия оказались опытные врачи и причина обморочного состояния гостей была разгадана сразу.

Но это оказалось еще не все. Выяснилось, что при подготовке экспедиции на Земле допустили вторую ошибку...

ПЛАНЕТЫ-СЕСТРЫ

(продолжение)

Основываясь на опыте четырех пришельцев, земляне решили, что пребывание в чужой атмосфере, под лучами чужого солнца в данном случае не опасно, ведь пришельцы не пострадали от земной атмосферы и земного солнца. Они вышли без каких-либо скафандров, и это расценивалось как доказательство тождественности состава атмосферы и излучений центрального светила обеих планет. Первое оказалось верным, а второе нет. Жвановцы приняли меры безопасности заранее, до старта. Ким и Света не прошли подготовки. Это было замечено врачами «госпиталя», и то, что следовало проделать на Земле, было сделано здесь.

— Теперь вам ничто не угрожает, — закончил жвановец.

«Сколько ошибок мы допустили, — думал Ким. — И как просто и доброжелательно они указывают нам на эти ошибки. Им и в голову не приходит рассматривать их как признак отсталости нашей науки, — это очевидно. Но как могли они заранее принять меры, не зная, что представляет собой наше солнце? И что могли сделать мы, находясь в таком же положении?»

Самолюбие Кима было сильно уязвлено. Ничего нельзя было сделать, но он обязан был подумать о существовании такой опасности, учесть ее при подготовке.

И он видел, что Света, которая всегда и во всем верила ему, испытывает те же чувства, что и он сам. Ей тяжело сознавать допущенный им промах...

Беседа продолжалась еще около двух часов. Но чем

далше, тем яснее становилась ее бесцельность. Собеседники понимали друг друга с огромным трудом и только частично. Если этого было достаточно вначале, то потом, когда заговорили о жизни обеих планет, о науке и технике, отчетливо выяснилась необходимость предварительной тренировки.

И уже на следующий день, когда беседа возобновилась, с теми же учеными и в том же помещении, Ким и Света сразу заметили, что их хозяева переменили тактику. Если накануне гостей засыпали вопросами, на которые трудно было отвечать коротко и смысл которых часто ускользал, то сегодня жвановцы стали интересоваться самыми простыми и обыденными явлениями жизни, явно аналогичными их собственной жизни. Отвечать стало гораздо легче.

Уловив эту новую линию и поняв ее цель, Ким и Света последовали примеру своих хозяев. Обе стороны как бы приучали друг друга к восприятию своих мыслей, постепенно и осторожно осложняя вопросы. И дело пошло быстрым темпом.

Очень скоро выяснилось, что землян и жвановцев интересует одно и то же — история человечества и современный уровень знаний. И собеседники сумели, коротко и сжато, полностью информировать друг друга.

Итог получился поразительный!

Слушая монотонный «голос» переводчика, Ким и Света часто не верили своим «ушам». История жвановцев словно повторяла историю земного человечества, — вернее, наоборот, учитывая, что на Жване все происходило раньше, чем на Земле. Смена одного общественного строя другим, более прогрессивным, происходила в одной и той же последовательности. Иногда казалось, что жвановец говорит: «феодализм», «капитализм», «социализм», хотя ни одно из этих слов произнесено не было.

Ким и Света даже вздрогнули, когда тот же бесстрастный «голос» донес до них фразу: «Над планетой нависла угроза истребительной ядерной войны».

— Невероятно! — промолвила Света.

А Ким подумал: «Не является ли такая история развития общества типичной для разумных существ, «сделанных» природой по одному образцу и живущих в одинаковых природных условиях?»

А переводчик продолжал рассказывать хорошо зна-

комуку его слушателям «историю двух последних веков на Земле».

— Все, что было дальше, — закончил он, — относится уже к истории науки и техники. Мы живем без общественных потрясений.

Незачем было спрашивать, какой общественный строй царит на планете сейчас, — это было ясно и без вопроса.

— Теперь ваша очередь, — сказал Жвановец.

— Что же мне говорить? — Света недоуменно посмотрела на мужа.

Ким улыбнулся:

— Повтори то, что он сказал, только и всего.

Они заранее договорились, что на вопросы исторического и бытового характера отвечать будет Света, а на научные и технические Ким.

— Прозвучит глупо, — сказала Света. — Они могут подумать, что мы смеемся над ними.

— Чем же мы виноваты! Другого выхода нет.

Но Свете не пришлось рассказывать. Жвановцы всё поняли из их короткого разговора, видимо дословно переведенного их товарищем.

— Ваша история похожа на нашу? — спросил он.

— Не похожа, а точно такая же, — ответила Света.

— Тогда расскажите, как вы живете сейчас.

— Ответь: точно так же, как вы, — посоветовал Ким, забыв, что этими словами ответил сам.

— Разве вы знаете нашу жизнь? — спросил Жвановец.

— Нам это совершенно ясно.

Впервые на спокойно-бесстрастных лицах пятерых ученых появилось выражение волнения и любопытства. Они оживленно заговорили между собой. Переводчик молчал, и земляне остались в неведении.

— Не очень вежливо, — чуть слышно сказала Света.

— У них другие понятия, — так же тихо ответил ей Ким.

Пауза продолжалась довольно долго. Потом переводчик повернулся к гостям.

— Мы глубоко потрясены, — сказал он, — что в вашем лице встретили представителей человечества, во всем подобного нашему. Это первый случай. И если мы ведем себя не так, как вы привыкли, то просим вас прощать нас.

— Мы на вас не в претензии, — сказал Ким.

Понял ли жвановец слово «претензия» — осталось неизвестным. Было похоже, что понял.

— Поговорим о современной жизни, — предложил он.

Настала очередь Кима отвечать и задавать вопросы. Втайне он сильно опасался предстоящей беседы, помня вчерашнее. Но уклониться было невозможно.

И вот слово за словом, вопрос за вопросом, иногда с затруднениями, иногда легко и свободно, начал проясняться научный и технический уровень обеих планет. И еще больше, чем в истории общества, еще ярче и выпуклее, во весь рост встал перед собеседниками непреложный факт — обе планеты находились в настоящий момент на одном уровне развития!

Во многом жвановцы опередили землян, но было не меньше областей знания, где впереди шла земная наука.

Двенадцать тысяч лет назад жвановцы находились так далеко от людей эпохи Атлантиды, что никакого сравнения вообще не могло быть. И вот теперь, спустя двенадцать тысячелетий, они не только не ушли вперед, а в отдельных случаях даже отстали от Земли.

Почему это так случилось? Как это могло случиться?

Киму пришло в голову два объяснения.

Считалось, что наука и техника развиваются по непрерывно восходящей линии и что чем дальше, тем быстрее идет этот процесс. Если бы это действительно было так, то современные жвановцы должны были находиться от современных людей Земли на таком же «расстоянии», как и двенадцать тысяч лет назад, или еще дальше. Но этого не было. Значит, линия развития не прямая, значит, как многие, многие явления природы, она волнобразна. Кривая идет ступенчато. Период в двенадцать тысяч лет для Земли пришелся на крутой подъем, а для жвановцев — на пологий, или даже на движение по «горизонтали» перед следующим подъемом.

Второе объяснение выглядело, в глазах Кима, более правдоподобно и было проще. Люди Земли, их разум развиваются быстрее жвановцев, быстрее их разума. Причину следовало искать в бесчисленных природных особенностях обеих планет, в излучениях их солнц, во многом другом, что впоследствии будет изучено в сравнении.

Третьего объяснения Ким не находил, но оно, конечно, могло быть.

Факт оставался фактом. Встретились два человече-

ства, с аналогичной историей общества, с одним и тем же развитием науки, с одинаковым строем жизни.

Планеты-сестры!

«Это первый случай!» — сказал жвановец.

Значит, на других планетах, с которыми жвановцы имели связь, другая история общества, другой строй жизни, другой уровень науки и техники.

Какой же? Как выглядят обитатели этих планет? На что они похожи?

У жвановцев должны быть фотографии или полученные каким-либо иным способом портреты обитателей этих планет. Узнать хотя бы один только внешний вид разумных существ *нескольких* планет Галактики, — о таком результате их миссии никто на Земле не мог и мечтать!

Жвановец-переводчик (Киму и Свете назвали имена их вчерашних собеседников, но они были бессильны не только произнести их вслух, но даже повторить мысленно) пришел к гостям гораздо раньше, чем накануне.

Оранжевое солнце только что взошло над городом, и, по понятиям его жителей, стояло раннее утро. Видимо, существовала какая-то серьезная причина для столь несвоевременного визита.

Но Ким и Света давно уже встали. Они легли в постели и поднялись с них при блеске звезд. Заметив позавчера по своим часам время захода солнца, они на следующий вечер установили, что сутки планеты составляют почти точно тридцать земных часов.

Такое открытие ошеломило их. Получалось, что в их распоряжении остался только один «земной день» — двадцать часов, которых не могло хватить на подробное ознакомление с жизнью планеты. Не позднее чем сегодня они должны вернуться на Землю!

— Сколько времени потеряно! — грустно сказала Света.

— Нам ничто не мешает явиться сюда еще раз, как только мы пожелаем, — утешил ее Ким.

Земляне не могли спать пятнадцать часов и, проснувшись посреди ночи, совершенно не знали, что им делать до утра. Поэтому ранний приход жвановца обрадовал их.

А он, поздоровавшись, как всегда, легким наклоном головы, извинился за то, что нарушил сон гостей.

— Мы уже очень давно не спим, — сказал ему Ким.
— Почему же?

Выслушав пояснение, жвановец задумался. Потом он сказал уже привычным монотонным голосом фразу, которая доставила Киму огромное удовольствие:

— Видимо, здесь одна из причин более быстрого развития обитателей вашей планеты в сравнении с нами.

«Мое второе предположение правильно», — подумал Ким.

— Мы пришли к такому же выводу, — сказал он громко.

— Что вы хотите делать сегодня? — спросил жвановец.

Ким ответил, что они хотят осмотреть хотя бы этот город, и объяснил, что сегодня они вынуждены будут покинуть планету.

— Меня послали к вам с предложением провести еще одну встречу, — сказал жвановец. — Потому я и пришел так рано. О вашем появлении мы сообщили на другие планеты, и сегодня к нам собрались представители этих планет. Они хотят видеть вас. По многим и разным причинам они не могут задерживаться здесь долгое время. Если вы тоже хотите увидеть их, то надо идти сейчас.

Хотят ли они?!

Ни Киму, ни Свете не пришло даже в голову спросить, каким путем явились сюда обитатели других миров, или задать какой-нибудь другой вопрос. Их ошеломило, поразило и обрадовало столь быстрое и радикальное исполнение их желания. Не на фотографии, не на портрете, а в реальном, живом виде встретят они сейчас жителей других планет!

Сколько их?

Оказалось, что «всего лишь» трое. На вопрос Светы жвановец объяснил, что «остальные» не смогли явиться, хотя и очень заинтересованы «расширением контакта». Почему не смогли, Света от волнения не спросила.

Их ждали в том же доме, несколькими этажами выше. Путь занял несколько минут.

Какие мысли мелькали в мозгу Кима и Светы за эти минуты, они впоследствии сами не могли вспомнить. Вероятно, над всем властновала одна: «Кого же мы увидим?»...

Фантазия наделяла обитателей иных миров самой раз-

нообразной внешностью — от точного подобия земного человека до разумной плесени или мыслящего океана. Но, чуждая эмоциям, холодно-рассудочная наука на основе общих законов биологии давно пришла к выводу, что разумные существа, формируемые природой в трудовом процессе, не могут иметь вид плесени или океана (у того и другого нет и не может быть орудий труда, а значит и не может развиться разум). Приговор был единодушен. Форма тела человека Земли типична для разумного существа нашей Вселенной, обитатели других миров, если они разумны, не могут слишком сильно отличаться от него, хотя это и не означает подобия. Но именно в этом и заключался огромный простор для «фантазии» природы!

Кого же увидят через несколько секунд Ким и Света?..

Они подошли к «стеклянной» стене и, не пройдя ее, остановились в растерянности и изумлении. Они увидели сразу...

В комнате находились человек десять жвановцев и... эти трое!

Даже не будучи предупрежденными заранее, Ким и Света сразу бы поняли, кого они перед собой видят!

Сон это или явь?..

— Входите! — сказал жвановец.

Для него тут не было ничего нового или удивительного. Внешность гостей он знал давно.

Скорее машинально, чем сознательно, земляне последовали за своим проводником. Они знали, чувствовали всем телом, что трое внимательно рассматривают их.

Только спустя несколько минут, сев в кресла и полностью приди в себя, земляне смогли спокойно взглянуться.

«Нам сказочно повезло! — подумал Ким. — Жвановцы и их планета — копии Земли и ее людей. Здесь все сразу было ясно и понятно. А что испытали бы мы, если оказались хотя бы на родине вот этого существа, сидящего напротив Светы?»

Он вздрогнул при этой мысли, охваченный, против воли и разума, чувством отвращения, непреодолимо поднявшегося в нем, вопреки сознанию, что перед ним высокоразумное существо, — быть может, более разумное, чем он сам.

А Света подумала: «Моллюск!» — с тем же чувством, какое было у ее мужа.

Она отвела глаза, не будучи в силах выносить пристальный, немигающий взгляд чудовищно огромных, вытянутых в стороны и вверх, каплевидной формы, темных глаз, смотревших прямо на нее. Эти глаза находились на чем-то, что нельзя было назвать лицом.

Лица не было!

Не было также ни головы, ни шеи. Одно только тело, заполнившее низкое кресло бесформенной массой.

Шесть гибких отростков, как и все тело, покрытых не то чешуей, не то панцирем, из мелких пластинок ромбовидной формы, напоминали щупальца осьминога, но не имели присосков. Два из них цепко обхватывали подлокотники кресла, четыре лежали на столе, как руки сидящего человека. На концах всех шести, покрытые не панцирем, а нежной светло-желтой кожей, кошмарно неправдоподобно, резким диссонансом выделялись... самые обыкновенные человеческие кисти с пятью пальцами без суставов. Три из них лежали неподвижно. Четвертая спокойно и ритмично постукивала по поверхности стола концами пальцев. И это движение, в сочетании с внимательным взглядом, непостижимым образом убеждало в высоком разуме, заставляло забывать форму тела, отсутствие привычной головы и отвратительные «щупальца» спрута.

Это был *человек*, хотя и совсем не похожий на людей Земли или жвановцев.

Рядом с ним, в неестественной, напряженной позе (невольно создавалось впечатление, что кресло непривычно и неудобно для него), сидел второй гость.

Длинное, угловато-нескладное тело его было опутано (иначе не скажешь!) кусками материи, похожей на плотную кисею ярко-голубого цвета. Две руки, обнаженные до плеч, с блестящей голубой кожей, заканчивались кистями с четырьмя невероятно длинными пальцами, на каждом из которых было по четыре сустава. Эти руки ни секунды не оставались спокойными. Из путаницы одежды торчала (снова нельзя было сказать иначе) маленькая круглая голова на очень длинной шее. Глаза, нос, губы — все было «нормально», но угловато до такой степени, что казалось изломанным. И на этом страшно уродливом, с земной точки зрения, лице буквально сияли небесно-голубые внимательные, умные глаза.

В том, что это *человек*, в самом полном, самом лучшем значении этого слова, сомневаться не приходилось.

Третий гость был ни на что не похож.

И Ким и Света определили его словом «что-то».

Сидел ли он в кресле, лежал ли на нем, или только опирался на него — ничего нельзя было понять. Что-то, светло-серое, полностью неопределенное, сгущенным туманом шевелилось перед ними. Не было видно ни тела, ни головы, ни глаз. Все сливалось в общий серый тон, и невозможно было сказать, где тут одежда, а где само разумное существо. И почему-то казалось несомненным, что оно должно не ходить, а летать.

«Уж не намеренно ли жвановцы пригласили к себе именно этих трех, — подумал Ким, — чтобы показать нам все разнообразие разумных существ нашей Галактики».

ПОСЛЕДНЯЯ ЗАДАЧА

На несколько секунд Ким замолчал.

— Что можно сказать о разумных существах двух планет, с которыми нам предстоит еще встречаться не один раз? — продолжал он. — Несомненно, что они высокоразумные существа. Они явились к жвановцам через нуль-пространство, хотя машины, которыми они воспользовались, иные, чем наши цилиндры. Какой принцип лежит в основе этих машин, нам предстоит еще узнать. В области «нулевых» конструкций жвановцы и эти двое далеко опередили нас, правда не во всем. Наиболее близким и понятным показался голубой человек. Разница между нами и им не больше, чем между нами и жвановцами. Здесь нас не ждет ничего необычного, жизнь на его планете не может резко отличаться от нашей. Иное дело шестирукое существо. У меня и Светы создалось впечатление, что оно самое развитое, в умственном отношении, из всех трех. Оно говорило с нами тем же способом, как и жвановец. Заговорило сразу, без какой-либо подготовки. Его мысленные излучения «звучали» в нашем мозгу с поразительной ясностью и четкостью. Это тем более удивительно, что на его планете жизнь не может иметь ничего общего с нашей. Слишком велика разница в строении тела. Трудно, очень трудно привыкнуть к его внешнему виду. Наша беседа продолжалась около часа. Все трое куда-то торопились. И за этот час ни я, ни Света, не смогли полностью избавиться от чувства невольного отвра-

щения. Уже сегодня вы увидите на своих экранах все снимки, сделанные нами за эту неделю, и сами убедитесь в справедливости моих слов. Что касается третьего существа, похожего на сгусток серого тумана, то здесь бесполезны какие бы то ни было догадки. Что это такое, мы не понимаем! И, как выяснилось, сами жвановцы знают не больше нашего. На планете серых существует они никогда не были. Сами серые существа явились к нам неизвестно откуда, сравнительно недавно. Как, с помощью чего — никто не знает. Жвановцы утверждают, что «серые» не пользуются машинами нулевого пространства. О нашем появлении «серым» никто не сообщал, общения с ними у жвановцев нет. И все же один из них явился на встречу с нами, как будто им было все известно. Откуда и как они узнали, гадать бесполезно. Я говорил, что шестирукий показался нам со Светой самым развитым из трех. Это неправильное выражение. Не из трех, а из двух. «Серый» не говорил с нами, так же, как никто из них ни разу не говорил ни с одним из жвановцев. Они появляются на планете и исчезают. Ои молча смотрел на нас, хотя ничего, чем можно смотреть, у него не видно. Слышал ли он нашу беседу? Вероятно, но определенно утверждать нельзя. «Серые» — сплошная загадка. Разрешить ее предстоит нам, совместно со жвановцами. Могу добавить, что наше предположение о том, что это существо не ходит, а летает, оказалось правильным. Когда кончилась беседа, он поднялся в воздух и поплыл к стене. Именно поплыл, без видимых движений. Больше мы его не видели. Света считает, что нам довелось встретиться с представителем человечества, настолько опередившего нас, жвановцев, шестируких и голубых, что это непостижимо нашему уму. Мне кажется, что она права. Может быть, «серые» свободно перемещаются во Вселенной, используя законы природы, еще неведомые нам. Может быть, мы видели не само это существо, а его отображение, переданное на планету жвановцев. Все может быть. И мне почему-то кажется, что теперь, когда оно увидело нас двоих, «серые» появятся и на Земле. Будем ждать, потому что сами мы никогда не найдем их планету. В этом я совершенно уверен. В заключение мне хочется поделиться с вами одной мыслью, которая пришла мне в голову, когда я, глядя на шестирукого, думал о том, что мы могли оказаться не у жвановцев, а на родине ше-

стируких. Конечно, они встретили бы нас дружески. Но что могло произойти, если бы шестириукие появились в Атлантиде вместо жвановцев? Как встретили бы их полудикие жители? Несомненно, они приняли бы их за опасных животных и постарались уничтожить. На этом разрешите закончить мой отчет. Вы скоро увидите жвановцев у нас на Земле. Мы договорились с ними, что ждем их через пять суток, что соответствует четырем суткам их планеты. Мы приглашали их идти с нами, но получили отказ. Возможно, что они хотят посетить нашу планету вчетвером, а в цилиндре было только два свободных места. Увидим!

Кима и Свету встретили те же люди, которые провожали их семь дней назад. И хотя посланцы Земли вернулись на четыре часа позже, чем обещали, — не только ученые, но и ни один человек из толпы, собравшейся перед зданием института, не сдвинулся с места, терпеливо ожидая их появления.

И как только дверь цилиндра открылась, как только Ким и Света вышли из него, им был задан вопрос, интересовавший всех:

— Где?

— Увы! — ответил Ким. — Мы этого так и не знаем. И вряд ли сможем узнать в ближайшие годы.

— Почему?

— Потому что сами жвановцы этого не знают.

— Жвановцы?!

— Да, мы их так навали. К сожалению, нет никакой возможности воспроизвести звуки их языка. Они называют свою планету сочетанием трех согласных звуков. Что-то похожее на «ЖВН». Мы стали произносить «Жван». Отсюда и «жвановцы».

И тут же, не отходя от цилиндра, Киму пришлось выступить перед аппаратом всемирной телесвязи.

Он не скрыл допущенных ошибок, откровенно признался в своих собственных промахах, сообщил о помощи, оказанной жвановцами, без которой они со Светой не смогли бы живыми вернуться на Землю.

Он рассказал всё...

После короткого отдыха Ким взялся за решение новой задачи — создание аппарата для двусторонней связи, необходимость которой была очевидна. Черный шар мог обеспечить только одностороннюю. Жвановцы имели возможность передавать на Землю все что угодно, а земляне не могли отвечать им.

Сами жвановцы предлагали Киму взять с собой на Землю аппарат двусторонней связи, который мог заменить собой черный шар, но Ким отклонил это предложение, отчасти из самолюбия, но главным образом потому, что был совершенно убежден — земная техника может создать более совершенный аппарат.

— Мы сделаем свой, — сказал он жвановцам, — в ближайшее время.

И получил вежливый ответ:

— Конечно, так будет лучше.

Теперь надо было от слов переходить к делу. Группа Кима в полном составе принялась за работу.

Трудностей не предвиделось: они уже достаточно знали о нулевых приборах, и аппарат был создан в несколько дней.

Создан и испытан.

О дне первой двусторонней связи Ким договорился со жвановцами заранее (настолько велика была его уверенность в успехе), и связь действительно произошла именно в этот день.

Планеты обменялись видовыми картинами. Другого способа разговора пока не существовало.

Но его надо было найти.

При первой опытной передаче присутствовали четыре жвановца, прибывших на Землю точно в назначенный день и вот уже вторую неделю знакомившихся с планетой. Совместно с ними обсудили проблему общего языка.

Живая речь исключалась. Ни жвановцы, ни земляне не могли произнести ни одного слова на языке друг друга. Они могли обмениваться мыслями только при личной встрече, с помощью биотоков. Но существовала и могла быть использована речь письменная. А также высокое развитие на обеих планетах электронно-кибернетических механизмов.

Добавить к передающему и приемному аппаратам кибернета-переводчика было делом времени. В более отдаленном будущем ясно вырисовывалась перспектива лич-

ных аппаратов. И тогда мысленная речь смелится обычной, прямой...

Пришельцы!

Это слово, овеянное романтикой космоса, мечта бесчисленных поколений, долгие века бывшее только словом, лишенным практического значения, стало реальностью.

Те, кто первыми узнали о грядущей встрече с обитателями другой планеты, ушли из жизни, так и не дождавшись знаменательного дня, а их дети и внуки привыкли отождествлять слово «пришельцы» со словом «ожидание».

Потому что ничего, кроме терпеливого ожидания, не оставалось.

Мечты уже не было, — она осуществилась.

Пришельцы находились на Земле, и всем было известно, где именно они находятся.

Нужно было только терпение.

Так казалось, но вышло иначе.

Просто и даже буднично появились на Земле другие пришельцы, другие обитатели иного мира. И люди Земли привыкли к ним скорее, чем ожидалось.

С удивительной быстротой слово «жвановцы» стало звучать совершенно так же, как «австралийцы» или «европейцы».

И закономерно упал интерес к предстоявшему в скромном времени выходу из цилиндра первоначальных пришельцев.

Был развеян ореол «первого контакта». Не существовал больше космический эффект первой встречи с чужим разумом. Не было больше никакой загадки.

На Земле знали историю четырех ученых, пришедших в Атлантиду двенадцать тысяч лет тому назад. Они стали как бы привычно знакомыми, и окончание их пути по времени уже не произведет того впечатления, которое могло быть и обязательно было бы, выйди они сто лет назад.

Черный шар, когда-то доставленный в Пришельцев Карелиным, произвел неизмеримо больший эффект, чем произведут его хозяева.

Но в цилиндре находились, по-видимому, не только древние жвановцы. Там был человек из далекого прошлого Земли. Представитель народа, исчезнувшего в баснословной древности, живой атлант!

Земля с нетерпением ожидала только его. И если бы атланта не было в цилиндре, если бы оказались правы те, кто не верил монгольскому преданию, вся планета была бы глубоко разочарована.

Прибывшие на Землю четыре жвановца осмотрели приборы «атлантического» цилиндра и подтвердили, что расчет, сделанный Кимом, правилен.

Не только день, но даже и час выхода были окончательно установлены.

Ждать оставалось совсем немного...

„ТЕХНИЧЕСКИЙ ВОПРОС“

Всего несколько месяцев назад Ким был далек от проблемы «Ц». Она интересовала его только потому, что для поисков цилиндра на дне Атлантического океана нужны были кибернеты ИЦ. О том, чтобы принять непосредственное участие в подготовке встречи пришельцев, он и не помышлял. Хотя бы потому, что в то время никто не мог знать, когда именно они выйдут.

Быстро и как-то незаметно все изменилось. Никто не предлагал Киму возглавить группу подготовки, но все считали именно его руководителем этой группы, состоявшей из медиков, историков, биологов и лингвистов — специалистов по древнейшим языкам.

Ким долго не замечал создавшегося положения, а когда наконец понял, что вся Земля возложила на него ответственность за то, чтобы довести до конца проблему «Ц», — отказываться было уже поздно.

— Ну что ж! — сказал он жене. — Раз люди считают, что я пригоден для такой роли, значит это так и есть. Будем работать не по специальности. Но, откровенно говоря, я не вижу в знаменитой проблеме атланта никакой проблемы.

Света возмущенно пожала плечами.

— Вот так всегда! — сказала она. — Ты никогда ничего не знаешь, что не касается твоей работы. Давно ужо нет никакой проблемы в том смысле, как ты думаешь. Речь идет совсем о другом. Сможет ли он войти в нашу жизнь? Сможет ли понять ее? Ведь этот человек придет из эпохи, отделенной от нас двенадцатью тысячами лет!

— Вот я и говорю, — спокойно ответил Ким, — что не

вижу в этой знаменитой проблеме никакой проблемы. Он дикарь и останется дикарем. Человек примитивного мышления и грубый. Он будет чувствовать себя совсем чужим и ничего не сможет понять. Его положение ничем не будет отличаться от положения зверя в зоологическом саду. Вот и всё!

— Но ведь это ужасно! Именно в этом и заключается проблема!

— А что же тут можно сделать? — спросил Ким. — Его к нам не звали.

Но, несмотря на такое более чем хладнокровное заявление, Кима в глубине сердца тревожила «проблема атланта», хотя он старался скрыть от всех свой пессимизм...

Примерно за месяц до знаменательного дня к Киму явился неожиданный гость.

Когда он назвал свое имя, молодой инженер смущился.

— Ты мог бы вызвать меня к себе, — сказал он, — а не тратить время на полет сюда. Право, мне очень неловко.

— Пустяки! — ответил тот. — Ты наш руководитель, и я прилетел посоветоваться с тобой.

Кима еще больше смущили эти слова.

Прибывшего звали Тиллаком. Это был один из самых известных специалистов по физиологии человека, ученый мирового масштаба. Ким знал, что он состоит членом подготовительной группы, но никогда раньше не встречался с ним.

Именно потому, что таких людей, как Тиллак, в группе было большинство, Ким в глубине души и считал себя недостойным роли руководителя.

Но ничего другого, как только радушно встретить гостя, Киму не оставалось. Навязанную силой обстоятельств, заслуженную или не заслуженную, но свою роль приходилось играть.

— Я тебя слушаю, — сказал Ким.

Он усадил гостя и сел напротив него. В раздвинутую на всю ширину наружную стену кабинета, выходившую в парк, вливался аромат увяддающих листьев. Чуть слышно шелестели ветви кленов и лип, росших у самого «окна». Шум города не достигал слуха, и казалось, что дом стоит где-то в сельской местности.

— Хорошо у тебя, — сказал Тиллак.

Он сидел в кресле выпрямившись, высокий, худой,

с темным от загара лицом, на котором пробивавшиеся сквозь ветви лучи заходящего солнца играли бронзовыми бликами.

Ким знал, что Тиллак находится уже в преклонном возрасте, но по гладкому красивому лицу, гибкости и легкости движений ему никак нельзя было дать его лет.

— Прежде всего, — сказал он, — хочу принести тебе извинения от имени моих коллег. Мы собрались и обсудили проблему атланта, не поставив тебя в известность об этом. Произошло это почти случайно, на последнем съезде физиологов. Вопрос стоял в узко медицинском плане. Ты же не врач, — прибавил он, как бы в пояснение.

— Разумеется! — ответил Ким. — Вы были совершенно правы. Мне там нечего было делать. Все ясно.

— Увы! — вздохнул Тиллак. — Наши выводы неутешительны.

— Я так и думал.

Учёный с интересом посмотрел на Кима:

— А можно спросить, что именно ты думал по этому вопросу?

Ким коротко изложил свою точку зрения. Скрывать ее от собеседника было бессмысленно.

— Отчасти ты прав, — сказал Тиллак. — И сравнение со зверем в зоологическом саду психологически верно. Каков же твой конечный вывод?

Ким в недоумении хрустнул суставами пальцев.

— Если бы он оказался стар...

— Но он, возможно, молод, или ты считаешь...

— Нет, я так не думаю.

Ким с трудом заставил себя произнести этот ответ. В глубине души он думал именно так.

Но принужденный тон не ускользнул от проницательности старого ученого.

— Да, возможно, он молод, — сказал Тиллак. — И это усложняет проблему. На совещании, о котором я только что говорил, кое-кто высказался в том же аспекте, что и ты. Правда, наметился выход, и о нем я хочу посоветоваться с тобой. Сложный вопрос, — прибавил он.

— В чем суть этого выхода?

— Мы не имеем права лишить его человеческой жизни, — вместо ответа сказал Тиллак.

— Что ты имеешь в виду? Моральный облик?

— Дело не в моральном, а в умственном развитии.

— Это еще хуже.

Минуты две собеседники молчали.

— Видишь ли, — сказал Тиллак, — мы пришли к выводу, что между эпохой атлантов и нашей чрезмерно большое расстояние во времени. Его мозг будет не в силах преодолеть это расстояние.

— Это было ясно с самого начала, — не удержался Ким.

— Не совсем так. Мы не знаем, каков был уровень развития атлантов. А человеческий мозг, во все известные нам эпохи, был идентичным. Человек, скажем, пятого, шестого тысячелетия до нашей эры был способен усвоить всю сумму современных нам знаний. Я хочу сказать, что его мозг был способен вместить эти знания. Но дело усложняется неподготовленностью мозга, тем, что мы называем теперь «мозговой инерцией», зависящей от наследственности. Двенадцать тысяч лет — это слишком много. И наша наука, исследуя возможности мозга древних, по методу нисходящей аналогии, пришла к выводу, что мозг атлантов должен был качественно отличаться от мозга людей даже шестого тысячелетия до нашей эры. Тем более от нашего.

— Мне кажется, — сказал Ким, — что ты не решешься говорить прямо.

— Это верно, — ответил Тиллак. — И объясняется просто. Наметившийся выход из тупика основан на моих работах. Я просто-напросто боюсь взять на себя ответственность за возможные последствия.

— И все же, — Ким улыбнулся: подобная нерешительность со стороны крупного ученого была ему непонятна и казалась смешной, — все же тебе придется открыть мне тайну.

— Ты хочешь сказать, что иначе мне не было смысла начинать разговор?

— Получается так.

— Я всю жизнь работал над вопросами «мозговой инерции», — сказал старый ученый. — Еще встречаются случаи, когда человек рождается с «неполноценным» мозгом. Грубо говоря, есть люди более умные и менее умные. Даже в наше время это разделение дает себя чувствовать. А в будущем проявления атавизма станут уже совершенно неприемлемыми. И потому наука ищет средства воздействия на «мозговую инерцию». Мне удалось найти на-

дежные средства, но они не испытаны. К чему приведет их применение — никто не может сказать.

— Иными словами, вы пришли к выводу, что на мозг атланта надо воздействовать, чтобы избавить его от участия «зверя в зоологическом саду». Прекрасный выход! В чем же сомнения?

— В том, что я сказал. Метод не испытан. — Тиллак наклонился вперед. — Что будет, если его психический мир не изменится в результате ликвидации «мозговой инерции»? Мы же его не знаем.

— А ничего не будет! Был дикарь и останется дикарь.

— У тебя очень жесткая позиция в этом вопросе, — заметил Тиллак.

— Я кибернетик, — ответил Ким. — И привык смотреть на людей, как на биологических, или, если хочешь, белковых, роботов. В отличие от механических и электронных, которых мы конструируем, только и всего. Если программа, заложенная нами, перестает нас удовлетворять, мы заменяем ее другою. А если заложенная первоначально — единственная возможная, значит робот плохо сделан. Твой метод, насколько я его понимаю, в принципе ничем не отличается от нашего. Вопрос для меня только в том, как «сделан» биологический робот, называемый «атлантом». Его конструкция нам неизвестна. Если можно заменить программу, заложенную природой при его рождении, наследственностью, условиями жизни, — хорошо! Если нет — плохо! Вопрос может стоять только так! Во всяком случае, другого выхода придумать, по-моему, невозможно. Без замены программы он осужден на жалкое прозябанье в нашем мире, которого не сможет понять. Даже в том случае, если он являлся выдающимся ученым своего времени. Кажется, совсем просто. И если применение твоего метода может дать один шанс из тысячи, какие могут быть сомнения! Ты опасаешься расхождения между разумом и психикой, забывая при этом, что речь идет не о современном человеке...

— Подожди! — перебил Кима Тиллак. — Ты не совсем меня понял. Разум и психику нельзя разделять. Это один комплекс.

— Я их и не разделяю, а только повторяю твои слова, в том же смысле, что и ты. Он не современный человек, его психика, так же как и разум, крайне примитивна.

Если в результате ликвидации «мозговой инерции» его мозг получит потенциальную возможность постичь наш мир, а то, что ты назвал «психикой», иначе говоря — восприятие и метод мышления, останется прежним, — ничего не изменится.

— Вот это-то как раз и неизвестно.

— Безумие ему не угрожает. Он не современный человек, — повторил Ким. — Ну, а если он все же сойдет с ума, я не вижу в этом большой беды. Безумный или не безумный, — одинаково останется дикарем.

— Меня удивляет твоя точка зрения, — сказал Тиллак.

— Ну хорошо! — рассердился Ким. — Если тебя заранее мучат угрозыния совести, могу посоветовать одно. Время еще есть, поставьте вопрос на всемирную дискуссию. Тогда за возможные последствия будет отвечать все человечество.

— Благодарю тебя! — сказал Тиллак.

Он ушел, оставив Кима в недоумении — зачем приходил и за что выразил благодарность?

«Получается, — подумал Ким, мысленно рассмеявшись, — что, будучи специалистом по «мозговой инерции», Тиллак не замечает, что сам заражен этой «инерцией». Он рассуждает, как человек прошлых веков».

С детства привыкший мыслить технически, Ким не мог понять сомнений Тиллака и, когда предложенная им дискуссия действительно была объявлена, очень удивился.

— Странно! — сказал он жене. — К чему поднимать столь простой вопрос? Кому это нужно?

— Увидим! — ответила Света.

Но Ким оказался прав.

Дискуссия продолжалась недолго. Мнение подавляющего большинства населения земного шара сошлось на точке зрения Кима.

ЭПИЛОГ

Чем ближе подходил «фантастический» день выхода из цилиндра пятерых путешественников по времени, — день, когда перед современными людьми должны были появиться живью представители давно исчезнувших поколений, родившиеся и выросшие двенадцать тысяч лет назад, тем стремительнее парастало волнение на Земле.

Волновались и жвановцы. Свидетельством этого явилось их появление значительно раньше назначенного ими же срока. Планета прислала для встречи восемь человек, совершивших «перелет» на Землю по очереди, в два «рейса».

Но земляне волновались, пожалуй, больше. Для этого было несколько причин.

Жвановцы ожидали людей, подобных им самим, ничем, кроме уровня знаний, от них не отличавшихся. Землянам предстояло увидеть человека неведомой расы, исчезнувшей с лица Земли столь давно, что не осталось никаких сведений о ней.

Кроме того, между умственным развитием пришельцев и атлантов должна была существовать огромная разница. Жвановцы захватили с собой и показали людям Земли те картины, которые двенадцать тысяч лет назад передавались на Землю с помощью черного шара. Из этих картин с очевидностью явствовало, что жизнь того времени на Жване примерно соответствовала жизни на Земле в первой половине двадцатого века. А атланты принадлежали, в лучшем случае, к бронзовому.

Проблемы, так сильно тревожившей Тиллака и других ученых, разделявших его опасения, у жвановцев не могло быть.

На Земле считали, что у гостей вообще нет никаких оснований тревожиться.

Но оказалось, что такие основания у них были.

Релятивисты на Земле представляли собой понятие умозрительное. Их еще никогда не было, и они могли по-

явиться только в отдаленном будущем. У жвановцев дело обстояло иначе: пришельцы из прошлого у них уже бывали. Накопился кое-какой опыт общения с ними.

Как правило, релятивисты плохо переносили резкую перемену обстановки на давно покинутой родине. Явившиеся из прошлого заболевали «страхом настоящего», как определяли это состояние жвановцы. К тому же, никогда раньше интервал времени не был столь огромен, как теперь.

— Мы решили, — сказали жвановцы, — показать нашим предкам родную планету. А если это приведет к более сильному, чем бывало в прошлых случаях, страху настоящего, — временно переселить их на другую, где уровень жизни и развитие техники для них привычны. Такую планету мы знаем...

Подготовка к приему путешественников по времени была закончена за неделю до их появления.

Предстояло очистить релятивистов от микробов и бактерий, которых они могли занести в атмосферу из «только что» покинутой ими Атлантиды. В столь отдаленное время могли существовать микроорганизмы, исчезнувшие в последующие века. Это грозило неизвестной эпидемией.

Правда, жвановцы имели основание думать, что их предки учли подобную опасность и заранее приняли меры, но полной уверенности не было, и земляне решили не рисковать. Тем более что «очищение» не должно было занять много времени, от силы два часа.

Круглый зал Института космогонии, где стоял цилиндр, превратился в «лабораторию», герметически изолированную от внешнего мира.

Увидеть самый момент выхода из машины времени смогут только те, кто должен находиться в зале, но с этим пришлось помириться. Устраивать на столь короткое время автоматическую видеосвязь сочли ненужным, а присутствие в зале лишних людей было нежелательно.

Весь остальной мир встретится с релятивистами, когда очищение закончится и они выйдут из здания.

Среди этих остальных оказались и шесть жвановцев.

Счастливцев было четверо: два врача-жвановца, один земной и Ким, как руководитель группы встречи.

Всем четверым предстояло самим подвергнуться процессу «очищения».

Настал день выхода!

Уверенность, что момент рассчитан точно, была так велика, что четыре человека вошли в зал за полчаса до предполагаемого появления релятивистов.

Огромная толпа проводила их.

Двери зала закрылись...

Как ни странно, но теперь, когда вплотную приблизился решающий час, с огромной силой возникло старое сомнение.

Сколько человек выйдет из машины?

Четверо или пятеро?

Существует ли в действительности легендарный атлант? Не является ли он плодом фантазии автора монгольского предания?

И, вместе с присутствующими, на площади, перед зданием Института, буквально все люди на Земле с волнением ожидали решения этого вопроса.

Через два часа пришельцы должны были выйти на площадь и появиться на экранах всего мира...

Они не появились через два часа...

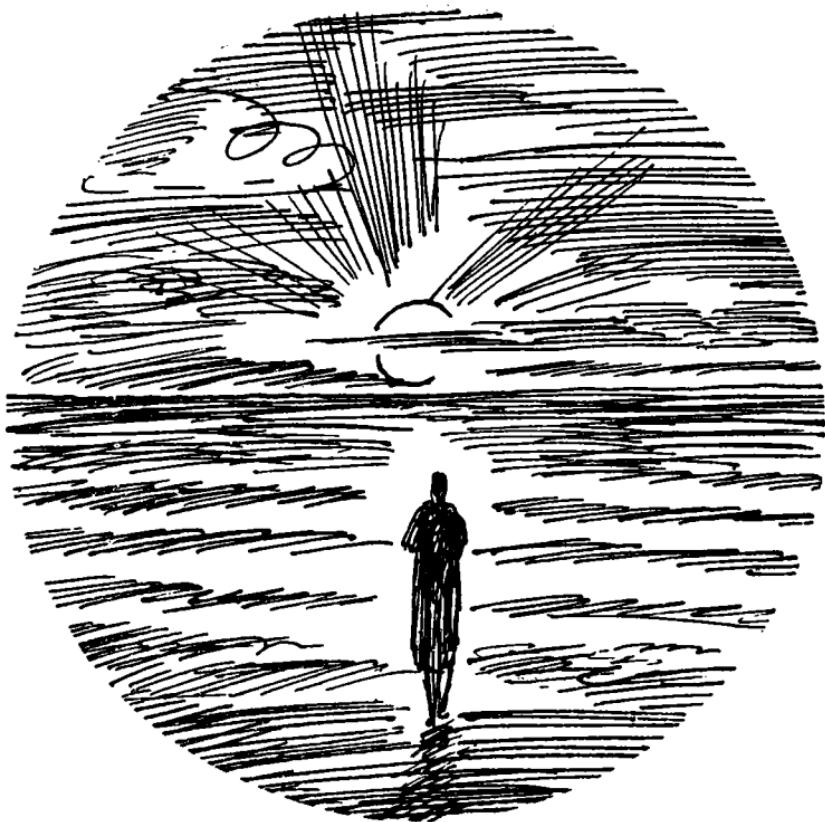
Не появились они и через двое суток, хотя всем было уже известно из телефонного сообщения Кима, что они вышли из цилиндра с поразительной точностью, минута в минуту, в заранее рассчитанный момент!

Вышли *вчетвером!*..

И только на третий день, когда из «лаборатории», по-прежнему наглухо закрытой, последовало вторичное сообщение Кима, человечество Земли и Жван узнало, что произошло.

Этого никто не ожидал, ни земляне, ни жвановцы.

Гости из прошлого находились на грани смерти!

КНИГА ВТОРАЯ

ВИТКИ СПИРАЛИ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

НА ЗАРЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Ветер, прилетевший от раскаленных берегов и знойных пустынь восточного материка, где люди, сжигаемые солнцем, черны и ходят голыми, стих наконец после заката. Население страны красного бога — Моора, властителя земли и неба, людей и животных, добрых и злых богов, вздохнуло свободнее. Только где-то наверху, в таинственном и непонятном для людского ума царстве облаков и туч, потревоженный воздух продолжал еще волноваться и высыпавшие на небо звезды мерцали чаще, чем обычно.

Но вечер не принес ожидаемой прохлады, в которой так нуждались люди, животные и растения после трех суток иссушающего восточного ветра. Воздух хранил большой запас зноя и, остывая, изливал его теперь на улицы города душным и тяжелым дыханием бога ветров — Воана.

Воан разогнал облака, и небо над городом было чисто, открывая взору все великолепие звездных чертогов Моора.

Луны не было. Невысокая горная цепь, с трех сторон подступившая к городу, смутно виднелась темным зубчатым контуром на фоне звезд. Исполинская голова Воана, высеченная на огромной скале чудовищным трудом многих поколений, обращенная лицом к востоку, откуда приходили страшные ветры пустыни, была не видна. Днем колоссальная скульптура хорошо просматривалась из любой точки города.

Сегодня, вчера и позавчера бог отдыхал. Видимо, он заснул или глубоко задумался, так как целых три дня и три ночи ветер дул ему прямо в лицо, а Воан не замечал этого и не прекратил бедствия. Только сегодня к вечеру он словно очнулся и вспомнил о своих обязанностях.

Сады и огороды, окружавшие каждый дом, высушенные ветром, требовали воды, воды, воды... Добрая половина жителей города готовилась не спать третью ночь

подряд. Надо было спасать будущий урожай овощей, ягод и фруктов.

Улицы наполнились шумом и движением. Всюду виднелись темные или освещенные колеблющимся пламенем факелов, согнутые под тяжестью сосудов фигуры горожан. Только немногие счастливцы могли воспользоваться для этой цели спинами животных.

Воду приходилось носить издалека, от берега реки, текущей за городской чертой, на расстоянии тысячи и более шагов, или от малочисленных колодцев, где все эти три ночи выстраивались огромные очереди.

Воды не хватало. К середине ночи колодцы обычно бывали полностью вычерпанны, и тогда единственным источником влаги оставалась река. Но до нее и обратно идти было долго и утомительно. Естественно, что каждый горожанин старался брать как можно больше колодезной воды, и возле каждого колодца всю ночь стоял страшный шум, крики, проклятия и ругательства. Нередко дело доходило до ожесточенных драк, которых никто и не пытался прекратить. За порядком в городе должны были наблюдать младшие жрецы храмов, но вмешиваться в по боища им не позволяло достоинство служителей божества.

В сады знати были проведены от реки каналы, откуда черпали воду многочисленные рабы. Им не приходилось далеко ходить, и свободные горожане глухо роптали, видя, как легко и просто достается вода презренным иноземцам — пленникам войны и рабам местного происхождения, презираемым не меньше.

Каналов было довольно много. Они проходили через весь город, во всех направлениях, вдоль улиц, и через них были перекинуты мостики.

Но никому не приходило в голову воспользоваться ими, вместо того чтобы ходить к реке или колодцу. Вода в каналах принадлежала знати, а законы страны сурово карали за присвоение чужой собственности. Редкий смельчак отваживался рискнуть под покровом ночной темноты.

Глаза жрецов видят и в темноте.

Были случаи! Мороз продирал по коже свободных горожан, когда память воскрешала картины наказаний.

Нет уж, лучше ходить всю ночь к реке и обратно, сгибаясь под тяжестью сосуда, чем позволить себе заметить соблазнительный блеск воды в канале, идущем мимо сада или огорода тут же, совсем рядом.

— О Геро! — воскликнул пожилой мужчина, опуская на землю тяжелый глиняный сосуд огромной величины, но вмешавший совсем немного воды — так толсты были его стенки. — О бог моря, рек и дождя! Что стоит тебе послать нам дождевую тучу? Или ты поссорился с Воаном и тот отказал тебе в ветре?

— Что ты там бормочешь? — насмешливо спросил другой горожанин, также опустивший на землю свой сосуд, чтобы немного передохнуть. — Где это видано, чтобы боги помогали простым людям? Они приходят на помощь только жрецам, когда им нужно обидеть кого-нибудь, да и то не всегда.

— Это, конечно, ты, Моя? — спросил первый, всматриваясь в темноту. — Я узнал тебя по твоим речам. Смотри, твой глупый язык доведет тебя до священного огня.

Тот, кого звали Моя, подождал, пока удалились проходившие мимо них люди. Свет факела на минуту осветил обоих собеседников. Их обнаженная кожа заблестела расплавленной бронзой. Оба были уже немолоды, спутанная грива волос падала ниже плеч. Одежда состояла из одной набедренной повязки и сандалий в виде дощечки с узким ремешком.

— Священный огонь... — сказал Моя, когда никто уже не мог его слышать. — В стране Моора каждый может оказаться в этом огне. Ден или Геза...

— Замолчи! — испуганно прошептал собеседник Моя. — Не произноси громко страшных имен властителей жреческой касты. Или отойди от меня подальше.

Моя рассмеялся.

— Я их не боюсь, — хвастливо сказал он. — Ден или Геза могут любого человека объявить безумным и бросить в священный огонь. Для того он и горит в храме, чтобы жрецы могли избавляться от людей, которые им не нравятся. И с тобой это может случиться, благоразумный и осторожный Гуно.

— Никогда! Я не ругаю жрецов, как ты. Я не смеюсь над богами. Я жертвуя на храм и приношу цветы статуям богов. Один из моих предков был жрецом, — это всем известно.

— Раз ты сам не жрец, — со смехом сказал Моя, — значит, твоего предка выгнали из храма. Не хотел бы я иметь такого родственника.

Гуно рассердился:

— Говоришь, сам не зная что. Всем известно, что мой предок умер жрецом, а его сын отказался от сана потому, что стал солдатом. Уйди лучше, чем болтать вздор.

— Хорошо, не сердись. Ведь мы добрые соседи. Мои слова вызваны усталостью. Я не хотел тебя обидеть.

— Долго тебе еще носить воду? — спросил Гуно, удовлетворенный словами Моа.

— Это последний.

— Как, уже?

Моа пожал плечами.

— Клочок земли, который принадлежит мне, полить недолго, — сказал он.

— У меня такой же сад и такой же огород, как у тебя. — Гуно недоверчиво покачал головой. — Мы вместе вышли из дома. А я еще и половины не полил.

— Значит, ты слишком лениво ходишь, — сказал Моа, — и слишком часто отдашьешь.

— Ты моложе меня, — вздохнул Гуно. — И мог бы не носить воду сам. Все удивляются, что, вернувшись с победоносной войны, ты не получил в награду раба.

Теперь вздохнул Моа.

— Ты прав, — сказал он, — язык мой губит меня. Все солдаты, вернувшиеся с войны, получили по рабу, а то и по два. Все, кроме трусов. Но я никогда не был трусом. Никогда! — повторил он. — Но однажды я сказал, что война обогащает жрецов, и мои слова слышал жрец. Вот и всё.

Гуно хотел что-то сказать, но вдруг сильно вздрогнул.

— Смотри! — прошептал он, судорожно схватив за руку своего соседа.

Но Моа и сам увидел. Неприятный холодок страха мурашками пробежал по его спине.

Во мраке ночи, среди бесчисленных огоньков звезд, вспыхнула вдруг новая звезда. Она загорелась ровным светом, и так ярко, что выступили из мрака стены домов и застывшие неподвижно фигуры людей с сосудами на спинах.

Звезда горела почти у самой земли и явно не принадлежала к небесным светилам. Она находилась где-то в самом городе, — видимо, на одном из холмов.

Раздались крики. Многие, выронив сосуды, упали на землю и спрятали лица в уличной пыли. Другие, приядя в себя, бросились врассыпную.

— Конец работе! — сказал Моя. — Теперь все попрятутся. Хорошо, что я успел натаскать воду раньше, чем загорелся проклятый шар.

Он оглянулся и увидел, что стоит один. Гуно успел уже убежать. Его сосуд остался на улице.

Моя усмехнулся. До чего же боятся люди верховного жреца Дена и его брата Гезы, а также всего, что имеет к ним хоть какое-нибудь отношение...

Первый непреодолимый ужас ушел из сердца. Моя удивлялся, что вообще мог испугаться. Звезда вспыхивала в городе не в первый раз, и свет ее никогда и никому не повредил. Ужас города и всей страны вызывала непонятность этого света.

Улицы опустели. Теперь до самого утра никто не осмелится рискнуть выйти из дома. Многие деревья, кусты и грядки останутся сухими.

— Проклятый Ден! — сказал Моя.

Он мог ругать жрецов, бравируя опасностью, мог смеяться над богами, не очень рискуя, по эти два слова, вырвавшиеся у него невольно, под влиянием возмущения, могли стоить ему головы, если бы кто-нибудь услышал их.

Моя боязливо огляделся.

И задрожал, увидя зловещую черную фигуру, медленно шедшую по улице и находившуюся почти рядом.

Жрец!

Слышал он или нет?..

Моя замер, боясь пошевелиться.

Жрец подошел и остановился. Его черная одежда сливалась с уличной темнотой, и только по краям складок играли блики света от таинственной звезды. Блестел гладко обретенный череп, и, как показалось Моя, злобно сверкали глаза.

Жрец слегка повернул голову, и свет звезды лег на его лицо.

Моя узнал черты этого лица, известные всей стране, и у него подкосились колени.

Перед ним стоял сам Геза!

— Встань! — услышал Моя голос страшного жреца. — Я не божество, чтобы мне поклоняться. Ты не раб.

Моя послушно поднялся, хотя от страха едва держался на ногах. Попробуй не выполнить приказ Гезы!

— Да, господин, — прошептал он. — Я свободный горожанин. Но, как и все, я твой раб.

— Что делаешь ты один на улице? — Геза посмотрел на сосуды, два огромных кувшина, стоявшие на земле. — А, понимаю, ты носишь воду? Но как можешь ты нести одновременно два таких больших сосуда?

— Только один принадлежит мне, господин, — ответил Моя значительно окрепшим голосом. Геза казался совсем не таким страшным, каким рисовало его воображение большинства жителей города. — Второй сосуд — моего соседа. Но он убежал, испугавшись, как испугались все.

— Чего испугался он?

Как ответить на такой вопрос? Моя молчал.

— Ты понял? — Голос Гезы был строг, по в нем не слышалось гнева. — Почему ты не отвечаешь мне?

— Прости, господин!

— Чего испугался твой сосед? Впрочем, можешь не отвечать, я сам знаю. Люди глупы и боятся того, чего не понимают. А ты не боишься?

— Боюсь, господин. Но меньше других. Я солдат.

— Этого, — Геза указал рукой на таинственную звезду, — совсем не надо бояться. Ничего страшного или опасного здесь нет. И того, кто зажигает этот свет, также не надо бояться. Тем более проклинать его.

Моя затрепетал всем телом.

— Кто может проклинать верховного жреца, — сказал он дрожащим голосом. — Вся страна благословляет тебя и твоего священного брата.

Геза улыбнулся.

— Ты проклинал его, — сказал он, — ты сказал только что: «проклятый Ден». Или я неправильно расслышал? Встап! Я уже говорил, что мне поклоняться не надо.

— Господин, пощади! — взмолился Моя.

— Ты знаешь, что обязан мне повиноваться, — сказал Геза. — Почему же ты не выполняешь моего приказа?

Моя вскочил, как подброшенный пружиной.

Геза молчал. Отблески белого света играли в его темных задумчивых глазах. Молодое лицо, словно изваянное из потемневшей бронзы, было спокойно и чуть грустно.

И вдруг, вместо ожидаемого Моя смертного приговора, из уст жреца раздались совершенно другие слова.

— Как странно! — сказал Геза. — Давно вспыхивает в нашем доме этот свет. Ничего не случилось, никакого несчастья не произошло ни с кем. А люди боятся не меньше, чем в первые дни, когда в нашем городе жили

оны. Никого нет. — Геза, точно в недоумении, оглядел пустынную улицу. — А людям надо работать, носить воду для своих садов и огородов. Все попрятались. Только этот один, бывший солдат, стоит как столб и пялит глаза на свет, причины которого не понимает. Скажи мне: почему вы все так глупы?

— Не знаю, господин, — робко ответил Моя.

— Ты тоже уйдешь домой и перестанешь носить воду?

— Я кончил, господин. Этот сосуд — последний.

— А если бы он был не последним? Отвечай же! Стал бы ты носить воду и дальше?

— Не стал бы, господин.

— Отчего?

— Нельзя, господин. Так думают все.

— Очень жаль, что так думают.

И, повернувшись спиной к ошеломленному Моя, Геза отошел от него, и вскоре черная фигура растаяла во мраке.

Моя стоял, ничего не понимая. Геза, первый жрец храма Мора, слышал кощунственные слова простого горожанина и не осудил его тут же на смерть за оскорбление верховного жреца.

Невероятно!

«Он просто забыл, — подумал Моя. — Рассуждая о нашей глупости, забыл то, что я сказал и что он слышал. Завтра он вспомнит, и тогда я погиб».

Но он тут же сообразил, что Геза не спросил его имени и вряд ли в такой темноте мог хорошо рассмотреть и запомнить лицо, которого раньше никогда не видел.

— Будь я проклят, — тихо сказал Моя, — если позволь себе еще раз распустить язык. Гуно был прав.

И, опасаясь, что жрец вернется, Моя схватил свой кувшин и бросился к дому.

Кувшин Гуно остался на улице.

Никто больше не рискнул выйти. Только рабы в садах знати, дрожа от страха, по-прежнему черпали и носили воду. Они знали — ничто, даже землетрясение, не послужит им оправданием, если они прекратят работу. Страх перед гневом господина был сильнее суеверного ужаса.

Звезда горела всю ночь ровным, немигающим светом.

Но если бы кто-нибудь заглянул за ограду дома, принадлежавшего Моя, то мог бы увидеть, как сам Моя и его жена продолжают поливать грядки. Хитрый солдат давно уже пользовался водой из канала, идущего мимо его сада.

Зарытая в земле бамбуковая труба вела к подвалу его дома. Моя носил воду на глазах соседей только для вида, чтобы никто не мог даже заподозрить его в нарушении закона.

Риск казался ему небольшим. Моя верил в покровительство могущественного человека, которому служил верой и правдой.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Комната была похожа на фонарь.

На каждой из ее семи стен было окно. А над полом, сплошь покрытом звериными шкурами, находилось восьмое, во всю величину потолка.

Через восемь окон виднелись звезды.

Посередине комнаты слабо поблескивала поверхность пятигранного стола. На нем ничего не стояло, и в кажущейся глубине полировки отражались мерцающие точки звезд.

Над столом, неизвестно как и на чем подвешенный, испускал узкий пучок слабого света черный шар. Матовая его окраска казалась сплошной, и трудно было определить, откуда, из какой точки, выходил из него луч света.

Комната тонула во мраке. Освещен был только небольшой участок стола и стоявший возле него не то табурет, не то низкий стул без спинки. Сиденье, сильно выгнутое, было покрыто белой шкурой.

Стол занимал три четверти комнаты. Квадратные окна почти соприкасались одно с другим. Видимо, это помещение находилось высоко над городом, так как, кроме звезд, ничего не было видно, даже верхушек деревьев.

Впечатление окружающей пустоты усиливалось отсутствием или полной прозрачностью оконных стекол. Но внутрь комнаты не проникало дуновение наружного воздуха.

У стола стоял человек высокого роста, одетый во все черное. Слабый свет от шара падал на его руки с костявыми пальцами, а иногда выхватывал из темноты гладко обритую голову. Тогда становились видны глубокие морщины, покрывающие лоб и впалые щеки.

Человек был очень стар.

Он пристально всматривался в поверхность стола, а его правая рука непрерывно двигалась, точно нажимая на что-то.

Черный шар висел неподвижно, но исходивший от него луч света время от времени слегка перемещался. Когда он осветил край стола, стало видно, что там расположены две пластинки. Старческая рука часто и нетерпеливо нажимала на одну из них.

Требуемого результата, очевидно, не получалось. С уст старика сорвалось короткое слово, похожее на проклятие. Он наклонился.

Причина неисправности выяснилась сразу. Между пластинкой и нижней рамой стола лежал скомканный кусок материи. Видимо, кто-то, вытирая пыль, забыл эту тряпку в неподложенном месте. Кнопка не могла полностью опуститься, и острый стерженек на ее конце не доставал до другой, узкой металлической пластинки.

Старик протянул было руку убрать помеху, но не притронулся к тряпке. Он выпрямился и повернул голову к одной из стен.

Луч света освещал теперь лицо старика.

Черты его напоминали хищную птицу. Плоский лоб упирался в прямую линию узких бровей. Небольшие темные глаза, широко расставленные, блестели совсем молodo. Над маленьким ртом с плотно сжатыми губами и острым подбородком, как клюв изгибался тонкий горбатый нос. Покрытая морщинами кожа отливалась цветом бронзы с примесью суртика.

Черный шар вдруг вспыхнул. Теперь он стал матово-белым и засверкал, как маленькое солнце. Комната ярко осветилась. Кроме стола, табуретки и шкур на полу, в ней ничего не было. Шар как будто висел в воздухе. На чем он держался, даже теперь, при свете, не было видно.

На груди старика, на тонкой цепочке, висела маленькая золотая трубочка. Он взял ее и поднес к губам.

Пронзительный звук раздался в комнате. Он не дрожал, не колебался, не вибрировал. Точно протянулась вдруг невидимая струна и звучала, казалось бы, невыносимо для человеческого слуха.

Прошло минут десять. Старик стоял неподвижно, как изваяние, только левая нога ритмически подрагивала от нетерпения или возрастающего гнева.

В угол комнаты беззвучно откинулась крышка люка. Из него поспешило подняться юноша.

Он был высок, строен и мускулист. Черные волосы, снянутые золотым обручем, проходившим посередине

лба, спускались на плечи. Одежда состояла из одной только белой набедренной повязки. Правильные черты и большие выразительные глаза делали лицо юноши красивым и мужественным. Остановившись перед стариком, юноша замер красно-бронзовой статуей.

Несколько секунд старик смотрел на него глазами, налитыми кровью. Бешенство искало его черты. Кивком головы он указал на кнопки.

Юноша наклонился и сразу увидел злополучную тряпку, видимо им самим забытую здесь. Внешне спокойно он убрал ее. Только едва заметная дрожь выдала охватившее его волнение.

Старик повелительно протянул руку. Он стоял все также неподвижно и не произнес ни одного слова.

Юноша не колебался и не просил о прощении. Очевидно, он знал, что это бесполезно. С тем же спокойствием он снова наклонился и достал из-под стола длинную тонкую плеть.

Старик вырвал ее и замахнулся.

Юноша не сделал ни малейшей попытки защититься от удара, даже не закрыл лицо. Он смотрел поверх головы старика.

Плеть свистнула. На обнаженном плече вздулась синебагровая полоса.

Юноша не пошевельнулся. Его лицо оставалось таким же спокойным, точно удар был нанесен не ему.

Плеть взвилась вторично.

Но на этот раз удара не последовало. Костлявая рука была кем-то перехвачена в воздухе.

Старик яростно обернулся, дернулся, пытаясь освободиться, но сильные пальцы сжали его кисть, и плеть выпала из сразу ослабевшей руки.

— Пусти! — сказал он тихо.

Стальная хватка разжалась.

Перед стариком стоял молодой человек не старше тридцати лет. Ростом он был немного ниже старика и так же, как тот, одет во все черное.

Несмотря на разницу в возрасте, между ним и стариком было поразительное сходство. Обритый череп, лоб, брови и тонкий с горбинкой нос были одни и те же. Но у молодого человека все черты были смягчены, не столь резки. У старика глаза были черные и почти круглые, у молодого — карие и удлиненные.

— Ах, Ден! — сказал молодой человек. — Ведь ты обознал мне.

У него был приятный голос низкого тембра.

Старик повернулся к юноше, который стоял на том же месте и в той же позе, устремив взгляд куда-то в пространство. Казалось, он даже не заметил появления третьего действующего лица этой сцены и сыгранной им роли.

— Убирайся! — сказал старик.

Юноша спокойно направился к люку.

Когда крышка опустилась за ним, старик обернулся.

— Откуда ты взялся? — спросил он угрюмо.

— Я только что вернулся.

— И поспешил на помощь братцу?

— Я не знал, что тут происходит. Я оказался здесь случайно.

— Где ты был?

— Прогуливался перед сном.

— И думал о ней?

— Да, о ней.

Старик рассмеялся.

— Твой милый Рени обозлил меня, — сказал он. —

Из-за него сорвалось сегодняшнее наблюдение. Но я научу его аккуратности!

— Оставь его в покое, Ден! Рени мой молочный брат, и я люблю его.

— Молочный брат... люблю. — Ден фыркнул. — Он раб, был, есть и будет рабом. Не больше.

— Все равно. Он мой брат, и я не позволю тебе истязать его; к твоим услугам много других.

Ден промолчал. Немного спустя он спросил с кривой улыбкой:

— А меня ты кем считаешь, Геза?

— Тем, кто ты и есть. Ты мой родной брат, Рени — молочный. Но я отношусь к вам обоим одинаково.

— Да, я это знаю.

Ден произнес эти слова внешне равнодушно. Казалось, он решил прекратить разговор, который был ему неприятен. Сочувственно-ироническим тоном он прибавил:

— Тебе следовало бы помнить, что стоит мне рассказать о сегодняшней сцене и нашем разговоре — и твой любимый Рени будет обезглавлен. Ты не сможешь его спасти.

Говоря, он не смотрел на брата, с деланным интересом рассматривая кнопки.

— Я знаю это, — ответил Геза. — Но ты никогда этого не сделаешь. Я же сказал, что отношусь к вам обоим одинаково.

Ден вздрогнул от этой скрытой угрозы. Он знал — Геза никогда не бросает слов на ветер.

Власть верховного жреца была почти безгранична, но первый жрец храма Моора имел неоспоримое преимущество: в его руках находился тайный аппарат возмездия жреческой касты. Ден хорошо знал, что это означает, и, хотя Геза был его братом, и притом младшим, приходилось опасаться его гнева.

— Успокойся! — сказал он. — Я сам не хочу терять Рени. Он раб полезный.

Геза поморщился от этих слов.

— Нелепые законы в нашей стране, — сказал он со вздохом.

— Ты очень уверен в моей братской любви, — захихикал Ден, — раз не боишься говорить такие вещи. Если бы тебя услышал Роз...

— Можешь передать ему, — равнодушно сказал Геза. Ден пытливо посмотрел на брата.

— Что с тобой происходит, Геза? — спросил он ласково. — В последнее время ты словно потерял интерес к жизни.

— Она просто утратила для меня цену.

— Неужели из-за Ланы?

— Не только. Лана не будет моей женой, я знаю...

— Ничего ты не знаешь, — сердито перебил Ден. — Стоит мне сказать слово ее отцу...

— Ты знаешь, что я этого не хочу. Я люблю Лану, но она войдет в мой дом только добровольно.

Несколько минут братья молчали.

— Ты сказал «не только». Значит, есть и другая причина. В чем она? — спросил Ден.

— В тебе. Вернее, не в тебе, а в том, что ты делаешь. Вот в этом столе.

— Ты боишься?

— А ты?

Ден невольно оглянулся.

Под сильным белым светом, исходившим от шара, гладкая поверхность стола потеряла свою «глубину», столь

заметную в полумраке, и казалась теперь, несмотря на блеск, матовой.

— А ты? — повторил Геза.

Ответа он не дождался. Ден продолжал смотреть на стол, и в его округлившихся глазах рос и ширился нестерпимый ужас. Казалось, еще мгновение — и верховный жрец закричит.

— Ты сказал, что я боюсь, — заговорил Геза. — Да, Ден, боюсь. И с каждым днем, с каждым часом этот страх усиливается во мне. Я ничего на свете не боялся, никогда. Я смеялся, когда вокруг меня свистели камни из пращей, сверкали мечи и копья. Сражаясь, я пел, и не было страха в моем сердце. А теперь я познал страх. Я боюсь так же, как боишься ты сам, как боятся жители города, вся страна. Я только что был на улице. Весь город носил воду. Но вспыхнул шар, и улицы сразу опустели. Люди боятся даже смотреть на свет в нашем доме. Ты, я, все живущие здесь стали отверженными. Никто не рискует подойти к нам, заговорить с нами.

— Не все так глупы, — пробормотал Ден.

— Да, есть люди, которые встречаются с нами, не избегают нас. Но кто они? Жрецы, подчиненные нам. Те, кто нуждается в нас. Роз и Бора боятся потерять свою власть и никогда не решатся поссориться с жрецами. Но тот же Бора никогда не отдаст мне свою дочь.

В голосе Гезы прозвучала глубокая грусть, почти отчаяние.

Ден обернулся.

— Ты глупец! — сказал он. — Стоит тебе захотеть — и Лана твоя.

Геза ничего не ответил.

— Нас боятся, — продолжал Ден. — Жрецов всегда боялись, потому что боятся божества, которому мы служим, волю которого передаем людям. Меня и тебя боятся еще больше. И это хорошо. Никогда еще власть жрецов не была столь могущественна...

— Подожди, Ден, — перебил Геза, — дай мне договорить. Слишком долго я носил в себе мои мысли. Настало время их высказать. Каста жрецов всегда была сильна, нас всегда боялись, ты прав. Но почему? Потому, что жрецы знали то, чего не знают другие. Тщательно охраняемые тайны знания — основа нашей силы. Но разве ты или я знаем больше, чем наши предшественники, чем наш

отец? Нет, мы знаем столько же, может быть чуть больше, чем предыдущие. Почему же мы пользуемся большей властью, чем наш отец? Почему нас боятся неизмеримо сильнее? Только потому, что именно при нас появились *они*. — Геза показал пальцем куда-то вниз. — Потому, что мы ближе всех соприкоснулись с *ними*. *Их* боялись, и на нас перенесся этот страх, когда *они* ушли. А разве не лучше, если бы мы были такими же, как прежде? Обычными жрецами, уважаемыми, вызывающими только почтительный страх, не перед нами, а перед божеством, которому мы служим? Разве наша власть была недостаточна прежде? Но мы не были бы отверженными...

— И Лана была бы твоей, — насмешливо добавил Ден.

— Чего ты хочешь добиться? — продолжал Геза, не обращая внимания на реплику брата. — Постичь *их* тайны? Никогда ты не постигнешь их. Это тайны, недоступные человеческому уму. Это тайны богов!

— Они были не боги, а люди, — сказал Ден. — Не совсем такие, как мы, но люди.

— Я не уверен в этом. И ты не уверен, что бы ты ни говорил. Чем, кроме гнева богов, можно объяснить твою неестественную старость? И люди объясняют ее именно так. Сейчас нас боятся. Но может настать время, когда люди поймут, что мы прокляты богами. И тогда ничто нас не спасет.

— Вот чего ты боишься!

— Ошибаешься, Ден! Я уже сказал: жизнь потеряла для меня цену. Я боюсь не будущего, а настоящего. Боюсь этой комнаты, этого стола, этого шара. Боюсь потому, что не понимаю. Почему он не падает, этот шар? Ведь он ни к чему не привязан. Откуда берется в нем свет, которого не надо зажигать? Он вспыхивает сам, когда нужно. Он точно слышит мысли человека и исполняет его желание. Что за картины в глубине этого стола? Откуда они? Как появляются? Кто, кроме богов...

— Люди! Люди, знаяшие то, чего мы не знаем. — Ден понизил голос. — Существуют силы, неведомые людям нашего времени. *Они* были людьми, и только людьми. Но мудрыми и знающими больше, чем мы. Зачем божествам уходить под землю? Божество могло подняться в небо или просто исчезнуть.

— Кто, кроме богов, — Геза продолжал, точно не слыша слов Дена, — может наказать человека преждевремен-

ной старостью за то, что он не выполнил их приказа? Они велели бросить в океан стол и шар. Ты этого не сделал. Так не пора ли вспомнить то, что сказали *они*? Может быть, тогда к тебе вернется молодость?

— Безумные речи! — сердито сказал Ден. — Замолчи и слушай меня! Они ушли навсегда. И если они хотели уничтожить шар и стол, то никто не мешал им самим сделать это. И не все они посоветовали бросить шар в море, а только один из них. Трое решили иначе. Зачем? Чтобы дать возможность людям, если не сейчас, то в будущем понять эту тайну. И люди поймут ее! Вероятно, я скоро умру. Преждевременная старость наказание, ты прав. Но только за то, что я слишком много времени провожу здесь. Вредное влияние оказывает шар, а не гнев богов. Слушай дальше! Я расскажу тебе о таких вещах, о каких не слышал никто и никогда. О вещах более таинственных, чем этот шар. Ты никогда не задумывался над тем, что *они* делают там, под землей?

— Думал. Вероятно, там только трупы. Не могут люди, если они не боги, быть живыми без воздуха, пищи и питья.

— Но ведь *они* вышли из-под земли! Их тайник находился в земле. *Они* вышли из него живыми!

Геза со страхом посмотрел на Дена:

— Ты хочешь сказать, что они там живы?

— Их там нет, — ответил Ден.

РАССКАЗ ДЕНА

Тон, которым были произнесены эти слова, не оставлял никаких сомнений.

Геза ошеломленно смотрел на брата. Ден молчал, ожидая вопросов.

— Ты осмелился? — прошептал наконец Геза. — Почему же ты остался жив?

— Не знаю; видимо, твои «боги» солгали нам. Но боги не могут лгать. Это ли не доказательство, что *они* были не боги, а всего только люди?

— Ты открыл дверь?

— Как иначе мог я убедиться, что их там нет?

— Но как же ты добрался до двери? Ведь тайник захопан.

— Так думают все. Я один знал, что к двери можно подойти. Все, кто кроме меня знал об этом, все, кто запыивал тайник и устраивал подземный ход, умерли. Ты первый узнал мою тайну.

Геза не задал напрашивавшегося вопроса. Он знал, как дешево ценилась его современниками жизнь рабов.

— И ты осмелился открыть дверь? — повторил он.

— Это была тяжелая для меня минута, Геза, — медленно и печально сказал Ден. — Минута малодушия, слабости воли, когда я понял, что неотвратимо становлюсь стариком. Я хотел смерти. А ведь они сказали, что всякий, кто притронется к двери тайника, умрет.

— А разве ты не знаешь, что жрец может покончить с собой только бросившись в священный огонь?

— Как могу я не знать законов нашей касты? Любопытство оказалось сильнее разума. Я хотел увидеть, что находится там внутри, в последнее мгновение жизни постигнуть хотя бы одну только эту тайну.

— И что же ты там увидел? — Геза всем телом подался вперед, к брату.

— Собери свое мужество, Геза, собери его в тугой клубок, ближе к сердцу, и пусть оно отвердеет. Я расскажу тебе все, что произошло со мной. Никто, никогда не слышал более удивительного рассказа. Ты узнаешь невероятные вещи и поймешь, какие тайны у нас в руках. Слушай! — Ден замолчал, словно собираясь с силами или припоминая подробности того, о чем собирался поведать брату. Машинально он сделал движение сесть на единственный в комнате табурет, на котором уже несколько минут сидел Геза. Тот поспешил вскочил, а когда Ден сел, опустился на шкуру у его ног. — Слушай меня! Был вечер, когда я, измученный страхом и отчаянием, решил привести в исполнение свое намерение. Ты, конечно, не помнишь, как нежно простился я с тобой в тот день. Ты ничего не подозревал. Это был второй день новой луны. Первой луны, я хотел сказать. Запомни эту подробность, — она очень важна. Я прошел в сад. Луна стояла низко над горизонтом. Я хорошо запомнил ее узкий край, наполовину закрытый облаком. Запомнил потому, что подумал: «Это последнее, что я вижу в жизни». В беседке есть тайный люк. От него идет ход к двери тайника. Я подошел к ней. Ты помнишь эти странные и непонятные запоры? Они находятся внутри двери, но их

можно открыть и снаружи, с помощью маленького выступа, на который нужно нажать три раза с различным промедлением. Я запомнил порядок, когда они, при нас, открывали эту дверь. И вот тогда, стоя перед дверью, прощаясь с жизнью, я подумал, что могу умереть прежде, чем дверь откроется. Ведь они сказали: «Каждый, кто притронется, умрет сразу». Но я вспомнил, что те, кто закапывал тайник, притрагивались к этой двери, правда не руками, а заступами. Ведь это происходило при мне, я все время наблюдал за работой. И я решил перехитрить их. Я снова вышел в сад, нашел короткую крепкую ветку. И ею нажал на выступ. Три раза. Дверь открылась, и я не умер.

— Значит, они не солгали, — сказал Геза.

— Молчи и слушай! Ты не слышал еще и десятой доли. Слушай и не перебивай.

— Прости!

— Дверь открылась. Я подумал в этот момент о том же, что сказал сейчас ты. И обрадовался, что узнаю тайну, а умереть смогу в священном огне; законы не будут нарушены. Я заглянул в дверь. Там комната, совсем круглая, без окон. Да и не может быть окон в земле. В ней стоят четыре ложа, очень узкие и ничем не покрытые. Как я увидел все эти подробности? У меня был факел, но он был мне уже не нужен. Как только открылась дверь, вспыхнул такой же шар, как здесь. Свет был нестерпимо ярок. Никогда, в самый ясный день, свет солнца не бывает так ярок. Комната была пуста. Четыре человека, которые на наших с тобой глазах вошли в нее, исчезли. Я подумал, что они вышли ходом, по которому пришел я. Но ведь они велели закопать тайник и не могли знать о моем намерении провести подземный ход. Да и куда они могли скрыться никем не замеченные? Каждый человек в нашей стране сразу узнал бы их. Они исчезли! И я подумал, что если войти в эту комнату, то исчезнешь и сам. Может быть, именно это хотели они сказать? Если бы меня нашли у двери, был бы нарушен закон; если я исчезну, никто не поймет куда. Я не колебался и перешагнул порог.

Ден на минуту замолчал. Геза боялся пошевелиться.

— Было ли это с самого начала, — продолжал Ден, — или я заметил только войдя в тайник, не знаю. Но стены дрожали, как при землетрясении. Они колебались подоб-

но волнам моря, а временами будто туман покрывал их. А может быть, это дрожало и колебалось мое зрение. Я не знаю. Как только я перешагнул порог, появилось ощущение, что я падаю в бездну. Я видел, что стою на полу и не падаю никуда, но чувство было именно такое — стремительное падение. Испуганный, я отскочил назад. Сколько я пробыл там? Не больше одной минуты. Даже меньше. Ни на мгновение я не терял сознания, в этом я твердо уверен. Прошло меньше минуты. Вдруг шар погас. Факел я выронил раньше, чем вошел. Меня окружила полная темнота. Высечь огонь было нечем. И я был жив, тайник не убил меня. Тогда я понял, что «боги» обманули нас, а значит, они и не были богами. Я слышал, как захлопнулась дверь, сама собой, я не трогал ее. Ощущение добрался я до люка и вышел в сад. Геза, поверь мне, я не лишился рассудка, мой разум был в полном порядке. Стоял день! И, судя по положению солнца, вторая половина дня. А ведь я вошел в подземный ход несколько минут назад и это было вечером.

— Как же это могло случиться?

— Не знаю, ничего не знаю. Был день! Я медленно шел к дому, ошеломленный во много раз больше, чем ты сейчас. Я встретил Рени. Как всегда, он поклонился мне и сказал: «Наконец-то ты вернулся, мой господин!» Я прошел мимо, не потому что не хотел, а потому что не в силах был ничего ответить. Что это значит? Почему Рени сказал: «Наконец-то»? Пусть прошла ночь, пусть еще половина дня. Это не могло послужить поводом к такой фразе. А потом я увидел тебя. Ты страшно удивился и спросил, где я был «так долго».

— Помню, — сказал Геза. — Я так и не получил от тебя ответа. Так вот когда это было! Тебя не было сорок дней, и мы все тщетно ломали голову над этой загадкой. Даже Роз и Бора тревожились. Народу сказали, что ты болен.

— Да, я узнал в тот же день, что прошла не одна ночь, а сорок. Что стоит уже середина второй луны. Как могло это произойти? Человек не замечает времени, когда теряет сознание. Но если я даже и потерял сознание, я должен был быть сильно истощен. Я не ел и не пил сорок дней, а чувствовал себя так же, как всегда. Но это еще не все, Геза. Слушай, что было дальше. Даже сейчас меня охватывает дрожь, когда я вспоминаю... Потрясенный

всем, что мне пришлось испытать, я почувствовал себя плохо и прилег. Сердце билось неистово. И внезапно... — Ден схватил руку Гезы и сжал ее, — внезапно я заметил, что мое сердце... бьется... с правой стороны.

Геза так сильно вздрогнул, что едва не упал навзничь. Мысль, что Ден помешался, мелькнула у него. Инстинктивно он протянул руку к груди брата. Ден мягко отвел ее.

— Я не лишился рассудка, как ты думаешь, — сказал он. — Мое сердце билось с правой стороны. Было именно так! Больше того! Когда я положил на грудь руку, то положил левую и на правую сторону груди. Я поступил так машинально, не думая. Мои руки поменялись местами. Я никогда не был человеком, у которого левая рука является главной. Такие люди есть, ты знаешь. Конечно, мне показалось, что я сплю и вижу все во сне. Тогда я сильно ущипнул себя. И снова левой рукой. Самое удивительное — мне не показалось это странным или непривычным. Мое тело как бы перевернулось. То, что я привык ощущать справа, стало левым, и наоборот. В ужасе я вскочил, бросился к столу и написал несколько слов. Геза! Я писал левой рукой и не слева направо, как всегда, а справа налево. Писал легко и свободно. А прежде я не мог написать левой рукой ни слова. Не помню, сколько времени просидел я у стола. И странная мысль явилась мне. Если, войдя в тайник, я перевернулся, то, войдя туда вторично, снова стану сам собой. Я бросился в сад. Темнело; видимо, я долго сидел у стола. На небе висела половина луны. А ведь я помнил, что только вчера видел ее узкий край. Тогда я еще не верил, не мог верить в сорок дней. Факела я с собой не взял. Ощущую добрался до двери. В полной темноте нащупал выступ и трижды нажал на него. Я не только дотронулся до двери, но и прижался к ней всем телом. И снова остался жив. Они нам солгали! Дверь открылась, и я упал внутрь. Шар не загорелся. Меня по-прежнему окружала темнота. Я не почувствовал, что падаю в бездну. Но на этот раз я потерял сознание. Очнулся, как после тяжелого сна, весь разбитый, с болью во всем теле. Из шара исходил свет. Но очень слабый, не белый, а желтый, темно-желтый, как от коптящей светильни. Мои ноги находились за пределами тайника. Я выполз из него. Шар сразу погас. Я думаю, что больше часа лежал на мокрой земле. Потом встал и

выбрался наружу. В небе висела все та же половина луны. Но она немного отошла от прежнего места. Было ясно, что на этот раз прошел именно час, или чуть больше. Выходя из беседки, я оперся рукой о дерево. Правой рукой! Я схватился за сердце, и снова правой рукой. Сердце билось, как всегда, слева. Все стало опять нормальным.

— И теперь?.. — спросил Геза.

— С тех пор все как было.

— И больше ты не входил туда?

— Нет, ни разу. Но меня покинули мысли о смерти.

Я понял, что не имею права унести с собой в могилу нераскрытую тайну. Я все время думаю об этом, стараюсь понять и... ничего не понимаю. Иногда мне кажется, что ничего не было. Но записка, которую я сохранил, доказывает мне, что все это было. Я покажу ее тебе. Моей рукой написано три слова, справа налево. Сколько раз пытался я повторить эту надпись, ничего не выходило. Как раньше, так и теперь я не могу писать левой рукой.

Ден долго молчал, мрачный и печальный. Потом он встряхнул головой, точно отгоняя мысли.

— Я должен рассказать тебе все, — сказал он каким-то странным, придушенным голосом.

— Как, разве было еще что-нибудь?

— Да, Геза, было. Но не тогда, а много позже. Это началось примерно четыре луны тому назад. Вернее, я заметил это четыре луны тому назад.

— Но что? — шепотом спросил Геза. Он был так взволнован, что почти потерял голос.

— Я решил никому ничего не говорить. Это страшно и необъяснимо, еще более таинственно, чем то, что ты уже слышал. И страшнее, во много раз страшнее. Я начал и должен рассказать до конца. Может быть, смерть уже близка ко мне. Пусть же тайна не умрет со мной, пусть узнаешь ее ты, мой родной брат и преемник. Ведь когда я умру, ты станешь верховным жрецом страны. Но чтобы ты опять не счел меня безумным...

Ден вскочил и поднял с пола плеть. Потом, неожиданно для Гезы, сорвал с себя верхнюю часть одежды.

— Геза, — сказал он, — возьми эту плеть и ударь меня по спине. Ударь со всей силой, какая у тебя есть. Как только можешь сильнее.

— Ты помешался?

— Именно для того, чтобы доказать, что это не так, я и прошу тебя ударить.

— Но я разорву тебе кожу! — Геза опасливо посмотрел на свою мускулистую руку.

Ден рассмеялся:

— Твой удар будет не сильнее моего удара ножом, который я нанес самому себе в минуту вторичного малодушия. Нанес вот сюда, в сердце. Смотри! Разве есть на моей груди какой-нибудь след? А нож был в моем сердце, был на всю его длину. Бей! И как можешь сильнее!

Геза схватил плеть. Он чувствовал, что если тотчас же не получит доказательств слов Дена, то сам сойдет с ума.

Ден спокойно повернулся к нему спиной.

— Как можно сильнее, — повторил он. — Прошу тебя.

Геза отступил на шаг, размахнулся, и, вложив всю свою силу, нанес брату страшный удар, который, казалось, должен был рассечь Дена надвое...

— Что это?! — Геза схватился руками за голову.

Он видел, видел ясно: плеть прошла через тело Дена, как сквозь воздух!

— Ты получил доказательство, — спокойно ответил Ден. — Теперь ты будешь верить мне. Если мало, повтори! Я не почувствовал твоего удара.

— Я безумен, — прошептал Геза. — И я и ты — мы оба безумны. Этого не может быть!

— Успокойся! Сядь и слушай! Твое волнение понятно, но оно ничтожно в сравнении с моим, когда я ударили себя ножом и не почувствовал удара, когда вынул нож из раны и не увидел никакой раны. Видимо, моя голова сделана крепко, раз сохранился в ней разум после такого испытания.

Слова Дена убедили Гезу в реальности происходящего. Если у него были сомнения в правдивости всего рассказа, то теперь они рассеялись. Он со страхом смотрел на брата.

— Я заметил это четыре луны назад, в день великого жертвоприношения. Я находился в святилище храма и надевал священные одежды. Кроме меня, там никого не было. Ты знаешь, как тяжела золотая цепь, которую носят при церемониях верховный жрец. Я надел ее, и вдруг... она стала погружаться в мое тело, как если на поверхность болота положить тяжелый предмет. Я видел, как натягивается материя моего одеяния, погружаясь в плечи

вслед за цепью. Боли я не испытывал, но был так поражен, что даже не испугался. Страх пришел позже. Цепь погрузилась до ключицы и остановилась. Вероятно потому, что ее удержала в этом положении материя. Я очнулся от оцепенения и схватил цепь. Она легко вышла из тела. Я отбросил ее, как если бы она была раскаленная. А материя одежды так и осталась углубленной в мои плечи. Я был уверен, что увижу глубокие вмятины, но, раздевшись, не увидел ничего. Плечи были такими же, как всегда. Я почти упал на скамью, пораженный, ошеломленный, испуганный — всё вместе. Потом вошел ты, удивленный, что я заставляю так долго ждать себя. Храм был полон народу. Я сказал тебе, что болен и не могу исполнить обряд.

— Да, я помню это, — сказал Геза. — Ты просил меня занять твое место в церемонии.

— Теперь мое тело пропускает всё. Я не могу понять, почему с меня не спадает одежда. Она как-то держится. Не затронуты этой болезнью только ноги и кисти рук. Если они тоже заболеют, я буду беспомощен, не смогу удержать в руках ничего тяжелого, а может быть, превалюсь сквозь землю.

— Уйди отсюда! — вскричал Геза. — Это всё стол и шар! Это они виноваты!

— Нет, — Ден покачал головой. — Ни стол, ни шар здесь ни при чем. Я много думал и, кажется, понял. Когда я упал внутрь тайника, мои ноги и кисти рук остались за его порогом. Вот в чем причина. Если виноват шар, то не этот, а тот, в тайнике. Граница болезни проходит как раз по линии бедер. То, что ниже, осталось здоровым. В этом моя последняя надежда. Таким, как сейчас, я могу жить. Но умереть по своему желанию я не могу.

— Почему? — спросил Геза.

— Потому что тогда моя тайна откроется всем. А мы, жрецы, не имеем права выпускать эту страшную тайну из своих рук. Ты один знаешь ее, кроме меня, и, когда я умру, когда придет твой час, откроешь ее своему преемнику. Я не знаю, как, но эта тайна может пригодиться нашей касте.

— Но почему ты не можешь умереть по желанию?

— Потому, что не только нож бессилен против меня, потому, что бессилен и огонь. Я положил руку в священ-

ный огонь, когда никто не мог видеть меня. Не кисть, конечно, а локоть. И ничего не почувствовал, никакой боли. Я долго, очень долго держал руку в огне. И ничего не случилось. Мое тело свободно пропускает и огонь, который не может его сжечь. Если я брошуся в священный огонь, а обычай требует, чтобы при этом присутствовали старшие жрецы, сгорят только ноги и кисти рук. Подумай, Геза! Может быть, именно это, поражающее воображение, свойство тела человека, побывавшего в тайнике, явится тем, что даст новую страшную власть верховным жрецам. А теперь идем, Геза! Я нуждаюсь в отдыхе, да и ты тоже.

В эту ночь Геза долго не мог заснуть, — он лежал в темноте с открытыми глазами, вспоминая прошлое.

ЧТО БЫЛО ДВЕНАДЦАТЬ ЛУН НАЗАД

Ден имел основания утверждать, что существа, явившиеся из-под земли, не были богами, что они люди. «Не такие, как мы, но люди», — часто повторял он. Ден был верховным жрецом страны, и народ верил в его мудрость.

Обиталище богов и вообще всех добрых духов — на небе. Под землей живут только злые духи. А пришельцы были добры. За три луны, проведенные ими на поверхности земли, они ни в чем не проявили злых мыслей. Так не могли вести себя владыки подземного царства. Но и обитатели неба не могли прийти из-под земли. Значит, верховный жрец прав!

Трудно сказать, верил ли сам Ден тому, что говорил, по крайней мере в первое время. Но его настойчивое стремление доказать народу, что пришельцы не были и не могли быть богами, имело очень серьезные причины.

Ден действительно был мудр, как и подобало верховному жрецу. Веками простому народу внушали, что те, кто олицетворял собой высшую власть в стране, — прямые потомки богов, что они сами равны богам. Что сказали бы люди, если жрецы объявили бы пришельцев богами, то есть родственниками Роза и Боры? Разве не бросилось бы в глаза всем полное внешнее несходство пришельцев с властителями страны? Вера людей в то, что говорят им служители храмов, могла пошатнуться при такой явной неправдоподобности.

Потом Ден, уже вполне искренно, считал их людьми. Очень странными, обладающими таинственным и непонятным могуществом, но людьми. И сами пришельцы всегда утверждали, что они люди. Зачем богам отрицать свою божественность? А пришельцы отрицали. Они говорили...

Геза всегда вздрагивал, когда думал об этом. Говорили! Нет, пришельцы никогда не говорили! Они молчали, но люди слышали их слова!

Необъяснимо... и страшно!

Они называли себя братьями людей Земли. Они говорили, что те и другие — дети Солнца.

На Земле есть народ, который поклоняется Солнцу, как богу. Пришельцы не были похожи на людей этого народа, жившего на далеком северо-востоке.

Геза, когда впервые увидел пришельцев, убежал в ужасе. Он принял их за духов подземного царства. Тогда еще никто не подозревал о тайнике под землей...

Было прохладное утро. Солнце только что взошло. Геза, тогда еще младший жрец храма, встал рано, — была его очередь дежурить в храме, поддерживать священный огонь перед статуями богов. В ожидании первой трапезы он прогуливался по саду.

И вот, когда он подходил к повороту дорожки, невдалеке от беседки, прямо перед ним внезапно провалилась земля. Непостижимым образом на ровном месте образовалась яма.

Геза нисколько не испугался в тот момент, подумав о подземных водах, которые иногда подтачивают почву и вызывают такие обвалы. Его смущило, что земля провалилась как-то странно, как будто и не провалилась совсем, а просто исчезла. Но он решил, что ему просто так показалось.

Все же он остановился, чего-то ожидая. Неясное чувство тревоги овладело им.

Прошло несколько минут. Все было спокойно, но тревога не только не исчезла, а непрерывно усиливалась. Гезе казалось, что он слышит голоса, исходящие из ямы, а возможно, и откуда-то из другого места. Потом раздался резкий металлический звук. Он исходил уже точно из глубины ямы.

Но там никого не могло быть!

Геза подошел ближе и заглянул в яму. Она была тем-

на и глубока. «Странно!» — подумал он. И в ней, приближаясь, виднелись какие-то голубые пятна.

Он не успел ничего сообразить, не успел даже повернуться, чтобы уйти...

Из ямы вышло четверо!

Геза убежал сразу. Но все же он успел рассмотреть подземных жителей. Их фигуры в мельчайших подробностях запечатлелись в его мозгу. Ведь он считал, что первым из всех людей на земле увидел духов зла!

Они показались ему совершенно одинаковыми. Но и потом, когда пришельцы жили с ними три луны, когда люди освоились с их внешним видом, многие до конца так и не могли отличить их друг от друга.

«Духи зла» были среднего роста и одеты в плотно облегающие тело голубые костюмы. В том, что это одежда, люди убедились только впоследствии. Гезе показалось, что духи обнажены и кожа их тел, голубая как небо, резко отличается от лица и рук, которые были совсем белыми. У духов было по две руки и по две ноги. На лицах с заостренными подбородками большое место занимали глаза и лоб. Глаза были огромными и круглыми, очень светлыми — голубые у троих и бледно-серые у одного. Над очень длинными тонкими бровями нависал мощный лоб, занимая половину всего лица. Нос и рот ничем не отличались от носа и рта человека.

В это мгновение первой встречи они показались Гезе кошмарными непостижимыми уродами, мертвенно бледными, какими и должны были оказаться духи подземного царства. Потом, привыкнув к пришельцам, он изменил мнение и находил их если и не красивыми, с земной точки зрения, то и не уродливыми. В чертах пришельцев была непривычная, странная для человека Земли, но несомненная гармония. Под конец своего пребывания среди людей они казались уже вполне естественными.

Но тогда Геза страшно испугался. Он бросился бежать со всех ног к дому, забыв о своем сане жреца, о том, что закон храмов повелевает жрецам любого ранга спокойствие и величавую медлительность в движениях.

Он ворвался в дом и влетел в комнату Дена, который встретил его появление удивленным и гневным взглядом. Весь вид брата сразу показывал, что Геза не шел, а бежал, а это считалось преступлением для жрецов.

Ден встал, в ярости от мысли, что придется подверг-

иуть Гезу, которого он тогда еще очень любил, жестокому наказанию, а может быть, и выгнать его из храма. Это будет позором для их рода, в котором все, много веков подряд, передавали друг другу сан верховного жреца страны.

Видел ли кто-нибудь бегущего Гезу?..

Но Ден не успел ничего сказать.

— Там, в саду, — задыхаясь прошептал Геза, — из-под земли... вышли... четверо... духов... зла.

Ден нахмурился. Только и не хватало, чтобы Геза помешался. В их стране на помешанных смотрели как на одержимых бесами и бросали их в священный огонь. Исключения не делались ни для кого, даже если бы сопедший с ума являлся высоким сановником!

Геза протянул руку к окну:

— Смотри сам!

Пожав плечами, Ден повернулся к окну...

К дому подходили четыре голубые фигуры. Ничего даже отдаленно похожего на них Ден не видел ни разу в жизни. У одной из этих фигур в руках было что-то, издали напоминавшее небольшой черный шар.

Ден облегченно вздохнул. Значит, Геза не сошел с ума.

Верховный жрец не верил ни в каких злых духов. Он совсем не испугался. Первой мыслью, пришедшей ему в голову, было, что кто-то решил подшутить над ними. И вместо страха, охватившего Гезу, Ден почувствовал холодную злость. Хорошо же! Он проучит шутников. С верховным жрецом такие шутки не проходят даром!

Геза еще больше испугался, когда увидел, что брат решительно направился к выходу в сад, явно навстречу «духам». Он хотел идти за Деном, но не мог двинуться с места. Как завороженный он стоял на том же месте, опасаясь чего-то страшного, что могло сейчас произойти с Деном.

Он видел, как верховный жрец твердыми шагами направился к четырем голубым фигурам, которые остановились, видимо ожидая его. Потом шаги Дена сразу замедлились. Геза готов был поклясться, что бесстрашный Ден сделал движение повернуть обратно. Но не повернул. Геза услышал его голос:

— Кто вы? Что вам здесь нужно?

Это мог сказать один только Ден. Но Геза не узнал голоса брата. Он прозвучал как-то странно, без выражения, и самый звук хорошо знакомого голоса был каким-

то иным, не таким, как всегда. Но в тот момент Геза не обратил на это внимания и только подумал: «Молодец Ден!»

Если это действительно духи, то они должны почувствовать, с кем говорят!

И вдруг Геза услышал ответ. Группа из четырех голубых фигур и одной черной была от него довольно далеко. Он никак не мог слышать их на таком расстоянии. И все же слышал. Только в это мгновение он удивился, что смог вообще услышать то, что недавно сказал Ден.

— Мы ваши братья, — говорил кто-то из четырех. — Мы пришли к вам издалека и надеемся встретить у вас друзей и гостеприимство на короткое время.

Голос, произнесший эти слова, показался Гезе странно знакомым. Но в нем было что-то неестественное, будто звучал он не в ушах Гезы, а, непонятно как, прямо в его мозгу.

Ден снова что-то сказал, и на этот раз Геза не распыщал даже звука его голоса. Но ответ он опять услышал вполне ясно и отчетливо:

— Мы пришли к вам с нашей родины. Она очень, очень далеко. Примите же нас, как друзей и братьев, попавших в беду. Мы не причиним вам никакого зла.

Снова неслышный вопрос Дена и ответ:

— Все дети Солнца — братья. И мы и вы — дети Солнца!

Как узнал потом Геза, Ден спрятал «духов», откуда они знают языки, если пришли издалека.

— Мы не знаем вашего языка, — последовал странный ответ. — Мы говорим на своем. Но ты слышишь нас также на своем. Не удивляйся! Потом ты поймешь, как это происходит.

Нет, мудрость пришельцев изменила им. Ни «потом», ни сейчас люди не поняли, как это происходит. Тайна так и осталась тайной!

Геза заметил, что невдалеке появились трое рабов, принадлежавших их дому. С изумлением смотрели они на странную группу. Затем, видимо в ужасе, упали на землю.

Ден также заметил их. Он признался впоследствии, что, если бы не появились рабы, он мог не выдержать и убежать подобно Гезе. Присутствие рабов удержало его. Он не мог уронить в их глазах свое достоинство. Ведь его

привел в ярость не самый факт бегства Гезы, а только опасение, что это бегство, недостойное жреца, мог кто-нибудь видеть.

Ден пригласил пришельцев войти в дом. Они последовали за ним без колебаний.

Геза видел, как они вошли.

И тогда он наконец очнулся от своего оцепенения и получил способность двигаться.

Ден говорил с духами, и с ним ничего плохого не случилось!

Войдя в общую комнату, где обычно принимали гостей и посетителей, Геза увидел пришельцев вблизи. Они были такими, какими сохранила их его память.

Он обратил внимание, что глаза «духов» стали как будто меньше, но потом понял, что они просто прикрыты веками. Перестав быть совершенно круглыми, эти глаза приобрели больше сходства с глазами обыкновенных людей.

Ден предложил гостям сесть на скамьи, покрытые шкурами. Они спокойно сели. Казалось, у них не было ни тени удивления или любопытства при виде безусловно незнакомой им обстановки. Как будто не в первый раз видели они всё это. Один из них не выпускал из рук предмета, который Ден заметил еще из окна. Это действительно оказался черный шар. Ни Ден, ни Геза не подозревали тогда, что видят перед собой одну из самых необычайных тайн пришельцев, и не обращали на шар никакого внимания.

— Не бойтесь нас! — раздался голос «духа».

Слова были ясно слышны, но снова Геза заметил, что звучали они не в ушах. Кто из четырех произнес их — оставалось неизвестным. Ни один из них не шевелил губами.

— Мы вас не боимся, — гордо ответил Ден. — Мы никого и ничего не боимся. Разве вы не знаете, кто я?

Вопрос показался Гезе бессмысленным. Откуда явившиеся из-под земли могли знать Дена?

Но кто-то из пришельцев спокойно ответил:

— Мы это знаем, вернее, узнали только что. Ты и твой брат служители божества.

Сказал ли он «служители» или «жрецы», Геза не мог определить. Оба слова прозвучали одновременно.

— Твой брат думает, что мы духи, — продолжал зву-

чать в голове Гезы странно знакомый голос. Он уже понял, что пришельцы не издают ни одного звука. Почему же он слышит их? Прежний страх медленно поднимался в нем. — Но мы такие же люди, как и вы, только родина у нас другая. Ты сказал, что не боишься нас. Но брат твой боится. — Глаза того, кто держал шар, смотрели на Гезу. Он понял, что говорит именно этот пришелец. — Мы не духи, и нас не надо бояться. Мы видим вас в первый раз и не боимся.

Ден внезапно повернулся к Гезе.

— Ты опоздаешь в храм, — сказал он.

Геза понял, что Дена оскорбили слова незнакомца; упрек в трусости задел его гордость, и он решил удалить брата. Сам он, по-видимому, действительно не боялся.

— Я иду, — покорно ответил Геза.

— Не огорчайся, — ласково сказал пришелец. — Мы никуда не уйдем, и ты увидишь нас, когда вернешься.

Гезе пришлось уйти.

— Никому ни слова! — сурово сказал Ден ему вслед.

И Геза успел услышать, уходя, как пришелец сказал:

— Это правильно. Говорить о нас еще преждевременно. Мы очень ошиблись.

Что означали эти последние слова, никто так и не узнал.

Геза, конечно, исполнил бы приказ Дена и ни словом не обмолвился о пришельцах, но первое, что его спросили, когда он вошел в храм, было: «Кто эти люди?»

Как оказалось, почти весь город уже знал о появлении в доме верховного жреца странных существ, не похожих на обычновенных людей. Ден забыл о рабах, которым он не запретил рассказывать о том, что они видели. И рабы рассказали.

— Я не знаю, кто они, — ответил Геза.

О том, что происходило после его ухода, Геза узнал от Дена.

Пришельцы просили оказать им гостеприимство, и, опасаясь вторичного упрека в трусости, Ден предложил им поселиться в его доме. Они сразу согласились.

Боялся ли Ден своих гостей? Вероятно, все же боялся, но никогда и никому не признался в этом. С самого начала он взял с ними тон спокойного равнодушия, как будто не видел ни в них самих, ни в обстоятельствах их появления ничего необыкновенного. Насколько можно

было судить, пришельцам нравилось такое отношение к ним. До самого конца своего пребывания на поверхности земли, они обращались к Дену с большим уважением, говорили с ним, как с равным.

— Нам нужно иметь... — сказал пришелец. Кто именно, снова осталось неизвестным.

Что им было нужно иметь, Ден не понял. Фраза осталась как бы незаконченной. Последнее слово пришельца не прозвучало в его мозгу, как первые три.

Все четверо внимательно посмотрели на Дена. Было похоже, что они поняли или угадали, что происходит в уме их собеседника. Пришелец повторил фразу:

— Нам нужно иметь помещение, где мы могли бы положить этот шар. Там должен быть стол. Больше ничего не надо.

— А вы сами? — спросил Ден, удивленный, что они говорят о шаре, а не о самих себе.

— Мы можем находиться где угодно, хотя бы в саду. Мы постараемся не мешать вам.

— Вы нам не помешаете, — ответил Ден, все более удивляясь. То, что говорили эти странные люди, казалось ему лишенным смысла. — Дом велик, комнат много. Выбирайте любую.

— Позволь нам поместить шар на крыше. Она плоская.

— Но там нет никакого помещения.

— Его можно сделать. Это будет нетрудно.

— Мои рабы к вашим услугам, — сказал Ден.

И, сказав, почувствовал вдруг — его не поняли. Откуда явилось это убеждение, он не смог бы объяснить. На лицах его гостей ничего не отразилось. Но Ден был уверен — гости не поняли, и тотчас же повторил фразу, немного изменив ее. Он почему-то решил, что этим удивительным, ни на кого не похожим людям непонятно слово «рабы».

— Мои слуги, — сказал он, — сделают все, что вы им прикажете через меня.

На этот раз они поняли его. Доказательством послужил ответ пришельца, видимо того, кто говорил и раньше:

— Мы тебе благодарны. Твоим слугам не трудно будет сделать то, что нам надо.

Они словно извинялись за то, что причиняют рабам Дена какое-то беспокойство.

— Не важно, — сказал Ден, — трудно или не трудно. Они сделают всё!

Он сдерживался. Но его все время мучило желание спросить, откуда явились эти существа. Геза сказал, что из-под земли. Так ли это?

— Скажи нам свое имя, — попросили гости.

— Меня зовут Ден.

Он ожидал, что и они назовут ему свои имена. Но как они смогут это сделать? Ден давно уже понял, что слышит пришельцев не ушами, как обыкновенно, а как-то иначе. Как? Это было тайной. И осталось для него тайной навсегда.

Ден был одним из самых крупных ученых своего времени. Жрецы всегда были гораздо более развиты, чем их современники. В сущности, только они одни получали за-конченное образование. Знание было привилегией жреческой касты, основой ее силы и могущества. Но и в среде жрецов считали, что мудрость Дена превышает обычный уровень.

Ден не понимал и не мог понимать способ разговора, которым пользовались пришельцы. Но он уловил самое главное. В его мозгу звучали только хорошо знакомые ему слова. Стоило пришельцам употребить слово, которого Ден не знал, и «звучание» прекращалось.

Как же он услышит имена, которых раньше, конечно, никогда не слышал?

И он оказался прав.

— Прости нас, — сказал пришелец, — но мы не можем сказать тебе, как зовут нас. Ты не услышишь.

— Понимаю, — ответил Ден. — Вы говорите не так, как говорим мы, — без звуков. И ваши имена, которые мне незнакомы, не прозвучат для моего слуха.

— Ты прав, — сказал пришелец. — И мы очень рады, что ты это понимаешь.

Дену хотелось спросить, как же все-таки говорят его гости, почему их беззвучные слова слышны, но он считал такой вопрос несовместимым со своим достоинством верховного жреца и промолчал. С детских лет ему внушали, что жрец никогда и ни при каких обстоятельствах не должен проявлять любопытства. Люди должны думать, что жрецы всё знают, что для них нет тайн.

Но он тут же убедился, что вопрос и не нужен его странным собеседникам.

— Ты хочешь знать, — сказал один из них, — как мы говорим с тобой. Мы постараемся объяснить, но не сейчас, а позднее. Ты хочешь знать, откуда мы явились. Этого мы не сможем объяснить. Ни сейчас, ни после. Мы можем только показать тебе то, что помогло нам явиться сюда.

ЧЕРНЫЙ ШАР

Геза присутствовал при том, как на крыше их дома была сделана рабами удивительная комната пришельцев. Закончив суточное дежурство в храме, он был свободен три дня и провел их в обществе голубых гостей.

Пришельцы вели себя скромно, старались ничем не стеснить хозяев, предупредительно отвечали на каждый вопрос. Но часто случалось, что ответ следовал раньше, чем спрашивающий успевал произнести первое слово. Это было замечено всеми и еще больше усилило суеверный ужас рабов, которые все до одного готовы были убежать сломя голову, если бы привычка к повиновению не удерживала их.

Все, кроме Рени.

Молочный брат Гезы, товарищ его детства и близкий друг, Рени во всем подражал Гезе и внешне не выказывал никакого страха. Постепенно он стал посредником между пришельцами и остальными рабами, получал указания и передавал их другим.

Рабов ничему не учили. Они были неграмотны и дики. Рени учился вместе с Гезой, правда тайком. Ни отец Дена и Гезы, ни сам Ден, когда отец умер, никогда бы не допустили, чтобы раб получил какие бы то ни было знания. Но Геза считал иначе, и передал своему брату все знания, которыми обладал сам.

Может быть, потому и не боялся Рени пришельцев?

Слух о них быстро распространился по всей стране. Страх и любопытство овладели всеми. Уже на следующий день после их появления дом верховного жреца стал местом паломничества высших сановников страны. С самого утра начали прибывать богато украшенные носилки, несомые рослыми рабами. Каждый старался найти благородный предлог для визита; подражая жрецам, знать считала ниже своего достоинства обыкновенное любопытство.

Даже Роз и Бора, гордые и надменные властители страны, не выдержали и один за другим прибыли к Дену. Не придумывая подобно своим подданным никаких предлогов, они прямо потребовали показать им пришельцев.

Бора явился с дочерью. Именно тогда Геза впервые увидел ту, которая потом заняла все его мысли. Лана была очень красива и держалась еще более гордо и надменно, чем ее отец. Гезу поразило, что молодая девушка отнеслась к необычайным существам, которых увидела первый раз в жизни, с полнейшим равнодушием. Небрежно скользнув взглядом по пришельцам, Лана отвернулась от них и притворно зевнула. Сам Бора был сильно удивлен и, пожалуй, даже испуган. Он ни слова не сказал пришельцам и, пробыв в доме не более десяти минут, поспешил удалиться.

Зато Роз пробыл долго. Он сидел, внимательно рассматривая пришельцев, молчал и все больше и больше хмурился. Ден сказал гостям, кого они видят перед собой. Но на пришельцев это сообщение не произвело никакого видимого впечатления. Розу это не понравилось. Он резко поднялся и вышел из комнаты, пригласив Дена следовать за собой.

Они долго беседовали наедине. Как узнал потом Геза, Роз настаивал на немедленной казни пришельцев, — он считал их опасными для спокойствия страны. Дену с трудом удалось убедить его подождать и выяснить, кто такие пришельцы, откуда они явились и каковы их намерения. В конце концов Роз согласился. Тогда Ден попросил оградить пришельцев от людского любопытства. Эта просьба отвечала намерениям самого Роза, и он отдал приказ, чтобы никто не смел подходить к дому верховного жреца под страхом смерти.

— Они знают то, чего не знаем мы, — объяснил Ден брату. — От них мы получим новые знания. Вот почему я убедил Роза пощадить их жизнь.

— Ты думаешь, их можно казнить? — спросил Геза, все еще считавший, что пришельцы если и не духи зла, то все-таки какие-то духи, а потому бессмертны.

— Не знаю, — ответил Ден, и тень тревоги прошла по его лицу. — Но если бы попытка лишить их жизни не удалась, это было бы в тысячу раз хуже.

В тот день Геза не понял, что хотел сказать Ден этой загадочной фразой.

Пришельцы действительно обладали знаниями. Удивительными и таинственными знаниями. В этом пришлось наглядно убедиться, и очень скоро.

По их указаниям рабы изготовили деревянный каркас семигранной комнаты и установили его на крыше, проделав в ней люк. Все семь стен и потолок имели большие отверстия, квадратные на стенах и семигранное на потолке. Потом был сделан низкий стол, но в форме пятигранника.

Затем рабов удалили.

То, что произошло после ухода рабов, Ден и Геза запомнили на всю жизнь.

Пришельцы внесли в эту необычную комнату (которую даже трудно было назвать комнатой), со всех сторон открытую ветрам, свой черный шар. Один из них достал узкую ленту, сделанную из незнакомого светлого металла, и тщательно отмерил расстояние от поверхности стола до какой-то известной только ему точки в воздухе. А потом... они положили, именно *положили*, в эту точку черный шар и... выпустили его из рук.

Ден и Геза не верили своим глазам. Шар не падал!

Им стоило большого труда, огромного усилия воли заставить себя остаться на месте.

Один из пришельцев посмотрел на их побледневшие от страха лица и улыбнулся.

— Вы удивлены? — сказал он. — Но это не... — опять слово словно провалилось в сознании. — Просто неизвестное вам явление. Придет время, и вы, я имею в виду людей, поймете, как это происходит.

Они ничего не могли ответить от волнения.

Пришельцы отошли от стола на несколько шагов. Шар висел неподвижно. И вдруг... он вспыхнул ярким белым светом.

Пламя факелов и светилен тускнеет при свете солнца. Сейчас был день. Но шар освещал стол и шесть человек, стоявших возле, столь сильно, что ясно были видны тени.

Потом свет начал меркнуть. Он слабел все больше, превратился в узкий луч, который из белого стал зеленым, и неожиданно завертелся над поверхностью стола, освещая ее концентрическими кругами.

Это было уже слишком. Бряд ли нашелся бы хоть один человек на Земле, который смог бы выдержать подобное испытание. И оба брата не выдержали. Они кинулись

к люку, спасая свой разум, забыв о гордости и достоинстве жрецов.

Оказавшись внизу, в комнате Дена, они молча посмотрели друг на друга и... рассмеялись.

Это было то, что много веков спустя люди назвали словом «истерика».

Они успокоились не скоро. Первым заговорил Геза.

— Что это? — сказал он. — Что это было? Ден, удары меня! Я должен убедиться, что не сплю.

Ден долго молчал.

— Это знание! — сказал он наконец. — Это мудрость! Никому, слышишь, Геза, никому ни слова! Тайны этих людей должны принадлежать нам, нашей касте.

— Людей?! Ты считаешь, что они люди?

— Конечно, люди. Не такие, как мы, но люди.

Так родилась фраза, которую Ден потом повторял бесконечное количество раз.

Дена сильно беспокоило, как отнеслись пришельцы к их явному бегству. Не будут ли голубые смеяться над ними? Он знал, что если заметят с их стороны насмешку, то сам без колебаний пошлет пришельцев на казнь, чем бы ни кончилась такая попытка.

Но пришельцы и не думали смеяться.

Ден и Геза встретились с ними за дневной трапезой. Пришельцы питались обычной пищей, но отказывались есть мясо. Ден приказал готовить для них растительные блюда.

А после трапезы один из пришельцев (остальные, видимо намеренно, удалились в подготовленную для них комнату в доме) долго говорил с Деном и Гезой.

Очень осторожно, явно опасаясь задеть гордость хояев, пришелец повторил то, что сказал наверху, когда черный шар повис в воздухе. Он просил верховного жреца убедить людей в том, что пришельцев не надо бояться, что они никогда не причинят и не могут причинить никому никакого зла. Даже наоборот, они могут научить людей этой страны многому. Например, лечить болезни, с которыми врачи не умеют бороться (Ден и Геза поняли это слово, как «жрецы», потому что в это время не было никаких врачей, а их роль исполнялась жрецами, что, конечно, способствовало усилению могущества касты). Он

сказал, что пришельцы недолго пробудут здесь, что «появляться» в этой эпохе они не собирались, но ошиблись во времени. («Что он говорит?» — подумал Геза. «Похоже на бред», — подумал Ден.) А раз так случилось, им необходимо пробыть здесь некоторое время, прежде чем отправиться дальше.

— Куда? — спросил Ден.

— К другим людям, — последовал ответ. — К тем, кто сможет оказать нам помощь. Мы нуждаемся в помощи, чтобы отправиться дальше по нашему пути.

— В другую страну?

— Нет, к другим людям.

— Какая помощь вам нужна?

— Я не могу ответить на этот вопрос. Мне придется употребить незнакомые вам слова. Вы их не услышите.

Ден кивнул головой, хотя весь разговор был для него сплошным туманом.

Пришелец снова заговорил просто и понятно:

— Мы покажем вам много интересного, покажем то, чего вы никогда не видели. Наш приход даст толчок вашим знаниям, усилит вашу власть над природой.

— Да, мы хотим видеть, — твердо ответил Ден.

— Вы увидите. Это в наших интересах.

Они увидели в тот же вечер.

Когда по приглашению пришельцев Ден и Геза снова поднялись наверх, они заметили поразительную перемену в семигранной комнате.

Шар висел по-прежнему в воздухе, на том же месте. Он был белым, а не черным и ярко освещал всё. Но стол изменил свой вид. Он не был теперь довольно грубо отделанной деревянной вещью. Поверхность его стала гладкой и блестящей, как поверхность воды, и в ней отражался шар. Как и любой водоем, он казался теперь бездонно глубоким. На краю появились два маленьких выступа, сделанные как будто из кости. Двойная рама стала явно другой, и никто не смог бы догадаться, из чего она сделана. Это было уже не дерево.

Но самое удивительное произошло с отверстиями в стенах и потолке. Ден и Геза, как только вошли, сразу заметили, что довольно сильный ветер не проникал сюда. А вместе с тем отверстия по-прежнему казались пустыми. Они подошли к ближайшей стене и, протянув руку, дотронулись до чего-то упругого, как ткань, сильно на-

тянутая. Это что-то было совершенно прозрачно и невидимо.

Они снова сильно испугались, но сумели скрыть свой страх от пришельцев.

Темнело, и свет шара становился все ярче.

Потом Ден и Геза узнали, что в этот вечер весь город вышел на улицы. Люди смотрели на необъяснимое сияние над домом верховного жреца, и страхширился и разливался, как наводнение. Двое умерли в ту ночь от ужаса, четверо потеряли рассудок, и их на следующий день бросили в священный огонь.

Роз и Бора, окруженные советниками и слугами, поднялись на крышу своего дворца и несколько часов простояли там, испуганные не меньше своих подданных.

А Ден и Геза видели такое, что можно было только удивляться, как они сами не сошли с ума.

Пришельцы попросили их приблизиться к преобразившемуся столу. Свет шара снова померк, превратился в узкий луч, сосредоточившийся в центре стола. И из этого центра, словно растекаясь по всей поверхности, возникали одна за другой картины...

На Земле были художники. Они высекали на стенах или рисовали углем изображения людей и животных. Были мастера, создававшие из камня и дерева подобия людей. Эти картины и статуи держались долго, но всегда оставались такими, какими были созданы. Они не менялись и, конечно, были неподвижны.

А здесь, под поверхностью стола, как бы в его «глубине», появлялись *движущиеся* картины! Их никто не рисовал, они появлялись сами, неокрашенные, все в одном черно-белом тоне, и производили впечатление действительности. И это было самое страшное, как все, что непонятно уму.

Точно откуда-то сбоку и немного сверху виднелись дома, люди, природа. Странные дома, странная природа! Люди походили на пришельцев, но природа была ни на что не похожа.

Все двигалось. Люди шли, растения шевелились. Между домами, по улицам, совсем не похожим на улицы городов страны Моора, быстро, очень быстро проезжали какие-то повозки. Но в них не были впряжены животные или рабы. Повозки двигались как бы сами по себе. В них сидели люди. А часть повозок, совсем иной формы, летела

по воздуху, и в них также сидели люди, похожие на пришельцев. Но одежды на этих людях были не только голубыми.

— Вы видите нашу родину, — сказал пришелец.

Где, в какой части света могла находиться столь странная и необычайная страна? Никто никогда не слыхал о существовании такой страны на Земле.

— Где ваша родина? — спросил Ден.

— Она очень далеко. И мы не можем на нее вернуться. Нам нужна помощь людей.

— Вы говорили недавно, что не можете сказать, какая вам нужна помощь. Теперь вы сказали. Мы дадим вам корабль, на котором вы сможете доплыть на самый край света.

— Корабль нам не поможет. До нашей родины не доплыешь по воде.

— Где бы она ни находилась, до нее можно добраться.

— Да, можно, но не с той... какая есть у вас. (Опять провал, опять должно было прозвучать незнакомое имя слово.)

Ден замолчал. И он и Геза не спускали глаз с поверхности стола. А под ней одна картина сменяла другую. Проходили, как в большом сне, причудливые виды удивительной родины пришельцев. Города сменялись отдельными зданиями, полями, по которым двигались невероятные, ни на что не похожие сооружения, садами — может быть, это были леса, — с неведомыми растениями.

Всюду виднелись люди, которые что-то делали, но что именно — трудно было понять. И всегда, везде неизменно находились летающие повозки. Они опускались на землю, из них выходили люди. Другие влезали в эти повозки, и те поднимались в воздух и летели, как птицы.

Холодный пот выступил на лбу обоих жрецов. Они чувствовали — еще немного, и они убегут отсюда, как убежали днем.

Но «живые» картины внезапно прекратились. На их месте появились, как письмена, длинные строчки непонятных знаков. Пришельцы наклонились вперед, всматриваясь в эти знаки, а может быть, и читая их, если это были и в самом деле письмена неизвестного народа.

— Они еще ничего не знают, — сказал один из пришельцев.

Фраза явно адресовалась не жрецам, но они услышали

ее. А раньше, когда пришельцы говорили друг с другом, они не слышали ничего. Было ли это признаком волнения или рассеянности пришельцев?

— И мы бессильны им сообщить, — раздался голос другого пришельца.

Больше ни Ден, ни Геза не слышали ничего.

Пришельцы отвернулись от стола; они продолжали свой немой разговор, видимо потеряв к столу всякий интерес.

Письмена исчезли. Шар снова вспыхнул белым светом.

Один из пришельцев повернулся к Дену.

— Простите нас, — сказал он, — но сегодня мы вам ничего больше не покажем. Мы очень опечалены, получив с родины неприятные вести.

— Эти картины... — сказал Ден. — Вы хотите сказать, что они пришли сюда с вашей родины?

— Да, они оттуда. Там такой же шар, как и здесь, но более сильный (здесь снова ничего не прозвучало, но Ден и Геза поняли пропущенное слово, как «сильный»). Они связаны между собой, но наш может только принимать, ничего не может передать. В этом наша беда.

— Чем они связаны? — Ден посмотрел на шар, который висел ни к чему не прикрепленный, и пожал плечами.

— Я не могу этого объяснить, — сказал пришелец.

Им показалось, что прикрытие веками, удлиненные глаза пришельца смотрели на них с печалью и затаенной болью. Но, может быть, им только показалось?..

ПРИШЕЛЬЦЫ

Лучше всего Геза запомнил именно первые дни пребывания пришельцев в их доме. Последующие сливались в его памяти, и он не смог бы сказать, когда произошло то или иное событие.

Почти каждый день в чем-нибудь, в большом или малом, проявлялось непонятное людям Земли могущество голубых гостей.

«Силу дает им знание!» — говорил Ден.

Три случая запомнились Гезе особенно рельефно. В них сказалось не только знание, но и характер пришельцев.

Как-то один из многочисленных рабов, уже пожилой, почти старый человек, работая в саду, упал с лестницы и сломал ногу. Ден видел это в окно.

В таких случаях с рабами не церемонились. Если человек был уже неполноценен, его приканчивали. Молодых и сильных лечили, но при переломах это занимало много времени и следы оставались на всю жизнь.

Ден приказал убить старика.

Два раба подошли к несчастному, чтобы выполнить приказ господина.

Геза стоял рядом. Убеждения, привитые ему с детства, не позволяли вмешиваться, но он жалел раба и думал, что, будь он сам на месте Дена, старик остался бы жив.

Острый нож уже готов был опуститься и пронзить горло жертвы. Но вдруг, Геза хорошо это видел, рука молодого раба судорожно отдернулась назад, и нож выпал. Точно кто-то невидимый схватил разящую руку.

Геза увидел одного из пришельцев, быстро, почти бегом, подchodzącего к ним.

Не обращая внимания на Гезу и рабов, пришелец опустился на колени возле пострадавшего.

Гезу охватил гнев. Кто бы ни были эти пришельцы, каким бы могуществом ни обладали, они не имели права вмешиваться во внутренние дела дома. Прикончить раба велел Ден, верховный жрец, третье лицо в стране.

Он хотел сказать об этом пришельцу, но не успел.

— Убивать человека за то, что он сломал ногу, это слишком жестоко, — сказал пришелец. — Разреши мне вылечить его. Если он будет здоров, не нужно будет и убивать его.

— Здоров он не будет, — ответил Геза. — Но дело не в этом. Ден велел убить его, и это должно быть сделано, здоров он или нет. Прошу тебя, не мешай и удалися.

Пришелец встал. Он пристально, не мигая, смотрел на Гезу и, казалось, колебался. Но, видимо, он понял, что действительно не имеет права нарушать законы чужой страны. Бросив взгляд на обреченного человека, взгляд, полный печали, пришелец повернулся, чтобы уйти.

— Подожди!

Это сказал Ден, незаметно подошедший к месту действия.

Пришелец остановился. Геза видел, что все существо

этого странного человека наполнило чувство надежды, так красноречивы были его поза и выражение глаз.

— Ты ошибся, — холодно сказал Ден, — назвав его человеком. Он не человек, а раб.

— Раб тоже человек, — ответил пришелец, — он не животное.

— Он моя собственность. И я могу убить его, когда захочу этого. Ты сказал, что можешь его вылечить. Разрешаю тебе эту попытку, лечи его!

Геза понял, что Дену интересно увидеть, как будет действовать пришелец. Но он хорошо знал, что осужденный раб все равно умрет. Не в характере Дена было отменять раз отданное распоряжение.

Но оказалось, что пришелец догадался об этом.

— Ты обещаешь, если он будет совсем здоров, пощадить его? — спросил он.

Ден гневно сдвинул брови.

— Это мое дело, — резко ответил он.

— Пока ты не дашь слова, я не буду его лечить. Это бесполезно, если он все равно умрет.

Любопытство оказалось сильнее, и Ден уступил.

— Хорошо, — сказал он, — обещаю, что, если он будет совсем здоров, я отменю свой приказ.

— Достаточно! — сказал пришелец.

И, опустившись снова на колени, он положил руку на лоб раба, который за время этого разговора несколько раз переходил от жизни к смерти и снова к жизни.

Ден, Геза и два молодых раба, оставшиеся здесь, так как не получили приказа удалиться, видели, как пострадавший тотчас же закрыл глаза, словно заснул.

— Теперь он не почувствует боли, — сказал пришелец. — Этот сон очень крепок.

Ден усмехнулся. Никто никогда не заботился о том, что чувствует раб.

Пришелец действовал быстро и четко. Его движения были уверены, казались привычными, будто он только и занимался тем, что лечил сломанные ноги.

Перелом был глубоким. Кость прорвала кожу и торчала из раны.

И вот на глазах Дена, Гезы и двух рабов произошло невероятное.

Несколько ловких движений белых рук — и сломанная кость встала на свое место. Кровь, обильно текшая из

раны, перестала течь. Пришелец положил обе руки на место перелома и пробыл в этом положении несколько минут. Глаза его были закрыты, между ними, на высоком лбу, прорезалась глубокая складка. Его поза выражала огромное напряжение.

Потом он снял руки. Раны не было! На ее месте виделся только едва заметный розовый шрам. Пришелец снова положил руку на лоб раба. Стариk тотчас же открыл глаза.

— Встань и иди! — сказал пришелец.

И раб встал и пошел, твердо ступая на только что сломанную ногу. Он ушел, даже не спросив разрешения Дена.

— Я выполнил свое обещание, — сказал пришелец.

Он дышал тяжело, как от сильного утомления.

— Я выполню свое, — ответил Ден. — Но вы должны научить меня это делать.

— Будет трудно, — сказал пришелец. — Ваш мозг не приучен. Но мы попробуем.

Геза узнал впоследствии от самого Дена, что проба состоялась, но не привела ни к чему. Ден не смог услышать объяснения пришельцев...

Второй случай произошел вскоре после первого.

Пришельцы приняли приглашение Дена присутствовать при большой церемонии в храме. Они пришли рано, когда еще не было народа, и попали как раз к тому моменту, когда в священный огонь должны были бросить человека, потерявшего рассудок.

Младшие жрецы уже взяли эту женщину, которая бессмысленно смеялась, и подносили ее к глубокой нише, где горел священный огонь, когда четверо пришельцев вошли в храм.

Как и всегда, они сразу поняли всё, что происходит. И уже невозможно было сомневаться в том, что именно по их мысленному приказу жрецы неожиданно выпустили женщину в двух шагах от ниши.

И снова один из пришельцев обратился к Дену с просьбой разрешить ему вылечить безумную.

Ден охотно согласился. У него не было никаких причин желать смерти горожанки, которая не была рабыней. Если ее вылечат и она станет нормальной, тем лучше.

Женщина перестала смеяться, когда пришелец положил руки на ее голову. Она смотрела в глаза, которые

видела впервые в жизни, не выказывая ни удивления, ни страха. Так продолжалось очень долго. Но когда пришелец снял руки с ее головы, женщина снова рассмеялась.

Ден ждал. Замерев от страха, возле него стояли не сколько жрецов храма.

Пришелец низко опустил голову, в его позе было отчаяние. Ден понял, что лечение не удалось, и обрадовался. Чего бы он ни говорил людям, но полной уверенности, что пришельцы не боги, у него самого не было. Теперь можно было быть уверенным. Боги должны быть всесильны, — иначе они не боги. Пришельцы не смогли вылечить безумную, — значит, они не всесильны.

— Ее нельзя вылечить? — спросил он.

— К сожалению, нельзя. Но пощади ее! Не подвергай такой мучительной смерти!

— Ее казнию не я, — ответил Ден, — а закон. Смерть в священном огне не казнь, а благодеяние. Так умирают служители божества, если хотят умереть раньше времени.

Он подал знак младшим жрецам.

Но женщина вдруг упала. Ден наклонился к ней и увидел, что она мертва. Он невольно посмотрел на пришельца. Тот спокойно ответил:

— Ее убил я. Смерть в огне мучительна. Я не хочу, чтобы она умерла в муках.

В распоряжении Дена были считанные секунды. Он знал, что фразу пришельца слышал не он один. Ее слышали все, кто был сейчас в храме. Это было открытое возмущение против законов страны, против воли жрецов. Он, Ден, должен был тут же послать к палачу того, кто сказал эти слова. Не сделать этого — значит лишиться сана верховного жреца.

Но Ден знал, что ни за что не скажет слов, которых от него ждали, не прикажет схватить пришельца. Послать на казнь это таинственное существо было слишком рискованно. Ден не был уверен в результате такого решительного опыта.

Он продолжал стоять в той же позе, наклонившись над трупом женщины, напряженно ища выхода.

И выход нашелся. Ден выпрямился.

— Если бы ты действительно сделал это, — холодно сказал он, обращаясь к пришельцу, — то умер бы сам. Но, к счастью, ты ошибся. Она не умерла, а потеряла сознание.

ние. В этом виновата твоя неудачная попытка вылечить ее. Твои слова преступны, но ты чужеземец и не знаешь наших законов. Я прощаю тебя. Бросьте ее в огнь! — приказал он.

Труп женщины исчез в пылающей нише.

— Они догадливы, — сказал Ден, рассказывая брату вечером того же дня об этом случае. — Он не повторил своих слов. Он понял. Но женщина действительно была мертва.

— Как же он убил ее? — спросил Геза.

— Не знаю. Не могу понять. Они умеют убивать не прикасаясь, без оружия.

— Но если они захотят, то могут уничтожить всех.

— Они этого никогда не сделают, — уверенно ответил Ден...

Третий случай особенно запомнился Гезе.

Ужас перед непонятной силой пришельцев увеличивался с каждым днем. Люди боялись приближаться к дому Дена. Не надо было и приказа Роза. Страх пересиливал самое горячее любопытство. Когда пришельцы появлялись на улицах, прохожие прятались куда попало. Редко случалось пришельцам говорить с людьми, к чему они очевидно стремились. Все избегали их, кроме Дена и Гезы. А если кто-нибудь не успевал спрятаться и пришелец заговоривал с ним, человек стоял ни жив, ни мертв и почти не мог отвечать.

Рабы в доме Дена испытывали еще больший ужас. Они вынуждены были находиться возле пришельцев и никуда не могли убежать от них. Они чаще всех сталкивались с таинственной силой, чаще всех видели проявления этой силы.

Если Ден, самый образованный человек своего времени, понимал, что все тайны пришельцев объясняются большим знанием, то рабы, сплошь неграмотные, не могли понять этого. Один Рени вступал в разговор с пришельцами, когда был уверен, что его не увидит Ден.

И вот один из рабов не выдержал. Его разум помутился от постоянного страха, в котором он жил. Раб бросился на пришельца и ударил его палицей.

Геза видел это с порога двери. Из рабов при этой сцене присутствовал один только Рени.

Удар, нанесенный с большой силой, обрушился на голову пришельца.

Геза невольно закрыл глаза, уверенный, что увидит труп с размозженным черепом.

Но когда он осмелился посмотреть, то увидел совсем другое. Пришелец не только остался жив, но казалось, и не получил никакого удара. Он стоял возле раба, удариившего его, и, судя по всему, что-то говорил ему. Палица валялась на земле.

Геза вышел в сад. Сoverшено преступление, сделана попытка убить гостя. Только жесточайшее наказание могло, по понятию Гезы, оправдать хозяев дома.

Пришелец встретил его улыбкой.

— Как хорошо, что этот негодяй промахнулся, — сказал Геза. — Но он будет жестоко наказан.

— Он не промахнулся, — услышал Геза неожиданный ответ. — Он ударил меня с большой силой. Видишь, оружие выпало из его руки, но... но я прошу тебя считать, что удара не было.

— Невозможно! — ответил Геза. — Если бы я исполнил твою просьбу, это имело бы плохие последствия. Такой поступок не может оставаться безнаказанным.

— Я понимаю тебя, — сказал пришелец. — Но этого никто не видел, кроме тебя и твоего названого брата, который будет молчать. Никто не узнает.

— Он знает. — Геза указал на раба, неподвижно стоявшего на том же месте. — Он расскажет другим.

— Он ничего не расскажет. И не расскажет потому, что не помнит.

— Он слышал наш разговор.

— Он его не слышал. А теперь перестанем говорить об этом. Теперь он будет слышать. Спроси его, что он тут делает.

Ни на секунду Геза не усомнился, что пришелец говорит правду, как бы странны и непонятны ни были его слова.

— Что ты тут делаешь? — спросил он раба.

— Господин позвал меня, — ответил раб. — Я подошел выполнить его желание. Я жду, когда господин скажет.

Сомневаться было невозможно: раб ничего не помнил.

— Уходи! — приказал Геза. — Ты не нужен господину.

Раб удалился.

— Ты никому не скажешь? — спросил пришелец.

— Никому, — машинально ответил Геза. — Но объясни, как вы это делаете?

— Ты не поймешь меня.

— Неужели ты не почувствовал такого сильного удара? Разве тебя нельзя убить?

— Я смертен, — ответил пришелец. — Но здесь я могу умереть только от естественных причин. От насильственной смерти мы хорошо защищены. Без этого нельзя пускаться в тот путь, по которому мы пошли.

Геза ничего не понял, но больше не спрашивал. Вечером в присутствии Дена он спросил пришельцев:

— У вас есть рабы?

— Нет и не может быть, — последовал ответ. — Человек не может быть рабом. Это противоестественно.

— Я не знаю стран, где нет рабов.

— Такие страны есть, но не здесь.

— Что же вы делаете с пленниками? Убиваете их?

— У нас нет и не может быть пленников. Мы не ведем войн. Никогда!

— Но ты произнес это слово, — сказал Ден, — значит, ты его знаешь.

Лицо пришельца омрачилось.

— У нас были войны, — сказал он, — но очень давно. Мы знаем о них, как знаем вообще историю своей родины.

— Если нет рабов, — сказал Геза, недоуменно пожимая плечами, — то некому вести работы.

— Мы делаем всё сами.

— Даже те, кто обладает властью?

— У нас нет власти в твоем понимании этого слова. Все люди у нас равны.

— Такая страна не может существовать. — Геза повернулся к Дену. Тот улыбнулся.

— Как можно не считать рабов людьми? — продолжал пришелец. — У них такое же тело, такой же мозг, как у вас. Они во всем такие же, как вы.

— Нет, — ответил Ден, — ты ошибаешься. У рабов неразвитый мозг. Они глупы, как животные.

— Развитие человеческого мозга зависит от учения. Вы ничему не учите своих рабов, и потому они кажутся вам глупее, чем вы сами. Но вот ты... — обратился он к Гезе. — Ты тоже считаешь рабов низшими существами? Как же тогда ты называешь раба своим братом?

Ден насмешливо посмотрел на Гезу.

— Тебя выкормила мать Рени, и ты считаешь его своим братом, — добавил пришелец. — И ты совершенно прав. Но почему же вы допускаете, чтобы ваших детей выкармливали женщины-рабыни? Ведь они, по-вашему, животные.

— Наших детей всегда выкармливают рабыни, — ответил Ден, сдерживая раздражение, которое вызывали в нем «нелепые» слова пришельца. — Мы пьем молоко четвероногих животных, почему же мы не можем пить молоко двуногих?

— Вы едите мясо четвероногих, — возразил пришелец. — Тогда я не вижу причин не есть и двуногих. Хорошо, прекратим этот разговор, который тебе неприятен. Прости меня.

— Я не сержусь на тебя. — Ден встал. — Ты чужеземец, и у тебя другие понятия. Не сердись и ты, если я скажу, что твои взгляды кажутся мне дикими.

Разговор на этом прекратился.

Удалившись к себе, Геза задумался над всем услышанным. Он чувствовал какую-то правду в словах пришельца.

И вдруг он вспомнил про Рени.

Ден не знал, что Рени образован. Молочные братья тщательно скрывали от всех свою маленькую тайну. Открыть ее — значило поставить под угрозу самую жизнь Рени. Ведь даже пленников войны, если они оказывались грамотными, не обращали в рабство, а уничтожали.

Рени обладал теми же знаниями, что и сам Ден. Они были равны в этом отношении. Раньше Геза никогда не задумывался над таким вопросом. В детстве он учил Рени просто из мальчишеского озорства, а затем по просьбе самого Рени. Геза искренне любил товарища детских игр.

И вот неожиданные и столь новые для него слова пришельца поставили перед Гезой вопрос — глупее ли Рени, чем Ден или сам Геза? Если рабы подобны животным, как считали его современники, то никакое образование не сделает их умнее. В этом случае Рени выучил все, чему учил его Геза, механически, не осмысливая. Если же нет...

Шаг за шагом, слово за словом вспоминал Геза пове-

дение и поступки. Рени, стараясь восстановить в памяти все их разговоры. И чем больше он вспоминал, тем яснее становилось ему, что Рени ни в чем не уступал Дену. Больше того, Рени высказывал мысли, которые теперь, после слов пришельца, казались Гезе более зрелыми, чем мысли Дена по тому же поводу.

Рени был рабом, сыном и внуком рабов. Его мозг — это мозг раба. И притом потомственного, а не пленника, обращенного в рабство.

Что же, значит пришелец прав?

Геза вскочил и зашагал по комнате из угла в угол. Его гордость, унаследованная от предков, внущенная ему с детских лет, возмутилась от такого вывода. Рени умнее Дена! Значит, он умнее и его самого, потому что он, Геза, всегда признавал умственное превосходство старшего брата.

Что-то вроде сожаления, что он дал Рени знания, шевельнулось в душе Гезы.

«Но разве это что-нибудь меняет? — подумал он тут же. — Допустим, что Рени так же неграмотен, как остальные рабы. Пришелец все равно прав. Нет, я поступил хорошо, хотя бы потому, что могу теперь с уверенностью сказать: правда не на нашей стороне. Но что же тогда надо делать? Учить всех рабов? А кто же будет работать? Страна, в которой все — господа, не может существовать. Получится хаос. Но и оставлять рабов в том же положении, выходит, несправедливо».

Геза чувствовал, что запутался, что не может разобраться в своих новых мыслях. И он рассердился на пришельцев, возбудивших в нем эти мысли. К чему они? Все останется таким, каким было всегда, во все времена. Пусть это несправедливо, но иначе нельзя. Так устроен мир.

«Я не сержусь на Рени, — подумал он, засыпая под самое утро. — Он ни в чем не виноват, и я его люблю, как любил всегда. А думать об этом больше не надо».

Но он продолжал думать на следующий день, еще на следующий, и все время, прошедшее с тех пор. Простая мысль повлекла за собой более сложные, и, не замечая этого, Геза стал смотреть на все другими глазами, чем раньше. Зерно, брошенное в его ум пришельцами, давало всходы.

РЕНИ

Шло время, и Ден с Гезой все больше и больше привыкали к постоянному пребыванию в их доме голубых гостей, которые уже не казались им ни странными, ни необычными. Разговор пришельцев также сделался настолько привычным, что братья перестали замечать молчание своих собеседников и, незаметно для самих себя, всё чаще задавали вопросы или отвечали не вслух, а мысленно. И не испытывали при этом никакого страха.

Человек ко всему привыкает.

Ден был доволен, что пришельцам не удается завязать сношений с другими людьми и что они вынуждены довольствоваться обществом его и Гезы. Это отвечало его тайным намерениям использовать пребывание пришельцев для усиления жреческой касты вообще и власти верховного жреца в особенности.

И он был бы очень удивлен и разгневан, если бы знал, что не только он или Геза говорят с гостями, что есть человек, который ведет с пришельцами долгие и обстоятельные беседы и что сами пришельцы разговаривают с этим человеком охотнее, чем с ним или Гезой.

Этим человеком был Рени.

Бесправное и унизительное положение молодого раба вызывало в пришельцах глубокое сочувствие, тем более что они очень скоро поняли: из всех людей, которых они встретили, ошибочно «появившись» в этой ранней эпохе, именно Рени обладал наиболее развитым мозгом. Его ум дремал под спудом примитивных понятий и зачаточной культуры своего времени, бессознательно стремясь к пониманию сути окружающего мира, напоминая сухую губку, всегда готовую жадно впитывать в себя влагу знания.

И пришельцы с удовольствием отвечали на пытливые вопросы Рени, стремившегося только к пониманию, без всяких корыстных целей, как это было у Дена. Пришельцы легко разгадали намерения верховного жреца, которые, естественно, не могли вызвать в них симпатии.

Наука и техника мира, откуда явились пришельцы, были столь высоки, что Рени не смог бы понять даже «азбуки», на которой они базировались. Понимая это, пришельцы старались познакомить любознательного юношу с основой основ любой науки — с диалектикой природы, с начальной философией явлений, корни которой

настолько естественны, что доступны каждому, чей ум не испорчен и не засорен ложными теориями.

Мозг Рени был подобен чистой странице, на которой можно написать все, что угодно.

Пришельцы хорошо понимали, что, обучая раба, они подвергали его смертельной опасности. И они были очень осторожны. До самого конца их пребывания на Земле никто даже не заподозрил о «крамольных» беседах. В этом оказал им большую помощь сам Рени, раньше своих господ понявший, что с пришельцами можно разговаривать не разжимая губ.

Пришельцы пробыли на поверхности Земли три луны, иначе говоря, всего восемьдесят дней. Для Рени этот короткий отрезок времени явился как бы вторым рождением. Уходя, пришельцы оставили на Земле совершенно другого человека.

На изъявления благодарности молодого раба всегда следовал все тот же загадочный ответ: «Это в наших интересах».

Что означали эти слова — не мог понять и Рени...

Ден и Геза с неприятным удивлением встретили сообщение пришельцев о том, что им пришло время уйти.

— Куда вы уходите? — спросил Ден. — Разве вам плохо живется у нас?

— Мы навсегда сохраним о вас хорошую память, — ответил один из пришельцев, сообщивший им эту новость. — Но мы не можем навсегда остаться здесь. Мы должны выполнить порученное нам дело. И мы скучаем по родине, хотим на нее вернуться. А в этом нам могут помочь только другие люди Земли.

— Опять ты говоришь о других людях. Если мы не можем помочь вам, то не поможет никто.

— Мы надеемся, что это не так.

— На Земле нет страны, которая обладала бы большим могуществом, чем наша.

— Мы уже говорили, что наша страна не на Земле.

— Да, вы это говорили, — задумчиво сказал Ден. — Но мне трудно представить себе, что она находится под землей.

Пришелец пристально посмотрел на Дена и вздохнул.

— Где бы она ни находилась, — сказал он, — мы хотим на нее вернуться.

— Вам нужен корабль?

— Нет, мы уйдем туда, откуда пришли.

— Под землю? Но ты сам сказал, что вы не можете вернуться на родину без помощи людей Земли.

— Мы выйдем опять. Но к другим людям.

— Прости меня, но я ничего не понимаю. Твои слова лишены смысла.

— Они лишены смысла для тебя, но смысл в них есть. — Пришелец переменил тему. — Мы не решили, — сказал он, — что нам делать с шаром. Трое из нас считают, что его надо оставить вам. Они думают, что это принесет пользу, даст толчок вашим знаниям, поможет будущим поколениям понять, что в мире есть многое, что еще не известно. Я не согласен с ними. Я один и не могу идти против троих. Вероятно, шар останется у вас. Но я имею право дать совет: уничтожьте шар и стол, бросьте их в море. Сделайте это — и вы поступите хорошо.

И в тот же день пришельцы ушли. Ден и Геза проводили их и видели, как четверо скрылись в подземном тайнике. Яма, образовавшаяся когда-то на глазах у Гезы, была тут же засыпана. Об этом просили пришельцы. Только впоследствии у Дена явились мысль прорыть подземный ход к двери.

Он не выполнил совет пришельца. Сначала Ден думал сделать это немного погодя: его очень интересовали картины, вызывать которые на поверхности стола пришельцы его научили. Потом он привык каждый день посещать семигранную комнату и уже не в силах был расстаться с чудесными аппаратами.

Картины никогда в точности не повторялись. Они всегда были разными, точно живые. А если появлялся город или какой-нибудь пейзаж, которые Ден уже видел, то все равно они были не совсем такие же.

Почему это так, Ден не мог понять. Он не верил словам пришельцев, что картины «рисуются» в столе не шаром, а приходят при помощи шара с родины пришельцев, передаются оттуда для того, чтобы их мог показать шар. Это было выше его понимания.

Больше картин Дена интересовали письмена. Он часами всматривался в них, пытаясь разгадать смысл значков, которые считал буквами. Но они остались такими же непонятными, как и в первый день.

Пришельцы ушли. Они похоронили себя в глубине

земли, в круглом тайнике, и, как знал теперь Ден, там их уже не было. Куда же они исчезли? Они говорили, что выйдут опять, но к другим людям. Что могли означать эти слова?..

Мысль Дена билась, не находя ответа.

Он изменялся на глазах. Геза со страхом и жалостью наблюдал за братом. Ден старел стремительно и непонятно. Он ничем не походил на прежнего Дена. Это был теперь дряхлый старик, с молодыми глазами, раздражительный, злобный, хищный.

Жизнь рабов превратилась в ад. Словно мстя за свои неудачи, Ден с холодной жестокостью наказывал их за малейшую провинность, не щадя ни молодого, ни старого, ни даже ребенка. Его ненавидели и боялись, как злого духа.

Его власть в стране стала почти безгранична. Всеобщий страх был основой этой власти. Пришельцев постепенно забывали. Былой страх перед ними перенесся на Дена. В его доме каждый вечер зажигался таинственный свет, по-прежнему внушавший всем ужас. Все непонятное пугает, Дена перестали понимать. Он обладал неведомыми тайнами лечения, ему удалось вернуть к жизни людей, болезнь которых считали неизлечимой. Он знал новые способы получения и обработки металлов. Испокон веков люди этой страны пользовались оловом для посуды и медью для оружия. Ден научил смешивать оба металла и получать новый, обладающий чудесной твердостью¹. Он научил земледельцев иначе обрабатывать землю, и урожай повысился.

Но никто не испытывал к Дену никакой благодарности. Его только боялись.

Роз и Бора ненавидели Дена, но из страха скрывали свои чувства. Он лишил их абсолютной власти, поставил себя выше их. Никогда еще власть жрецов не была столь сильна. Это пугало и заставляло задуматься о будущем. Роз и Бора с нетерпением ожидали смерти Дена, радовались, видя, как он стареет. Но и сама эта преждевременная старость пугала.

Ден понимал, что после его смерти все станет по-прежнему. Призрачная власть верховного жреца рассеется, как дым. Значит, надо передать эту власть такому

---

¹ Сплав меди с оловом дает бронзу.

человеку, которого так же будут бояться. Таким человеком мог быть только Геза, и Ден сделал его первым жрецом храма Моора, хотя по возрасту Геза и не имел права на столь высокий сан.

За двенадцать лун братья стали почти чужими друг другу. Наделенный мягким и относительно добрым характером, Геза все меньше любил старшего брата, видя его утонченную жестокость. Он редко соглашался присутствовать при появлении картин. А Дену необходимо было передать Гезе всё, что он успел узнать от пришельцев и что следовало сохранить в тайне от всех. Как ни малы были полученные им знания, они намного превосходили науку его времени, и человек, обладающий этими знаниями, всегда будет властвовать. Для Дена интересы жреческой касты были дороже всего.

Поняв причины отчужденности Гезы, Ден решил сдерживаться. Он заставлял себя хорошо относиться к Рени, любимцу брата, и даже обещал никогда не наказывать его. Нарушив это обещание, Ден тут же постарался исправить ошибку и посвятил Гезу в свою тайну.

Геза был очень заинтересован. Он думал об услышанном всю ночь, а наутро, что уж никак не входило в планы Дена, позвал Рени и рассказал ему все.

К удивлению Гезы, Рени нисколько не удивился услышанному.

— Я знаю об этом, — сказал он. — Я давно это заметил. Иногда Ден (наедине с Гезой Рени называл Дена по имени) приказывал мне помочь ему надеть парадные одеяния. Я обратил внимание, что мои пальцы проходят в его тело и Ден этого не замечает.

— И ты не испугался?

— Немного испугался, когда это случилось в первый раз, — ответил Рени. — Но больше был заинтересован. Есть много такого, чего мы не знаем. Пришельцы были людьми, но они понимали, как это происходит. И не боялись. Почему же мы должны бояться? Надо не бояться, а стараться понять.

— Почему ты думаешь, что пришельцы знали о таком явлении? — спросил Геза.

— Потому что они сами были такими.

— Они?

— Да. Ты помнишь, как Лези (это было имя раба, удариившего пришельца палицей) напал на одного из них?

Я видел. Удар пришелся по голове, но палица прошла насеквоздь.

— Я закрыл глаза от ужаса и ничего не видел.

— Я видел хорошо.

— Почему же ты не рассказал мне?

— Я думал, что ты видел сам.

— А почему ты молчал о Дене?

— Я думал, ты сам знаешь. Ты молчал. Я считал, что тоже должен молчать. Обнаружить знание такой тайны опасно.

Эти слова напомнили Гезе о вчерашнем ударе плетью, который Ден нанес Рени. Он посмотрел на обнаженное плечо молочного брата и не увидел сине-багровой полосы, которую хорошо помнил.

Рени перехватил его взгляд.

— Ден сильно ударил меня, — сказал он с мрачным выражением в красивых глазах. — Очень сильно. След должен был остаться надолго. Но я смазал плечо мазью, изготавливать которую меня научили пришельцы. И, как видишь, за одну ночь все исчезло.

— Научили пришельцы?

— Что тебя удивляет?

— А что это за мазь? — спросил Геза вместо ответа.

— Я покажу ее тебе.

— И ты научил других?

— Нет, это опасно. Но я употреблял ее несколько раз, помогая другим, которых еще хуже избивали по приказу Дена. И всегда мазь помогала.

Геза улыбнулся.

— Рабы считают тебя волшебником, наверно? Они не боятся тебя? — спросил он.

— Нет. А если и боятся, то немного, и совсем не так, как тебя и Дена. Меня они любят.

— Ты же знаешь, что я никогда не наказываю рабов так, как Ден.

— Ты господин, и тебя боятся, как господина. А я такой же раб, как и они.

— Если бы это зависело от меня, Рени, ты давно уже перестал бы быть рабом.

— Я знаю.

Геза с нежностью обнял Рени:

— И твое плечо совсем не болит?

— Как только я наложил мазь, боль прошла.

— Расскажи мне, когда и почему пришельцы научили тебя такому лечению?

— Когда, я не помню. Они сами предложили научить меня. Они относились к нам очень хорошо.

— По-моему, Ден не знает о такой мази.

— Ты прав. Пришелец сказал мне: «Если кто-нибудь узнает, у тебя отберут мазь и запретят изготавливать ее. Храни тайну и посвяти в нее только верного человека». Они считали нас людьми, — с горечью добавил Рени.

Геза промолчал. Не раз приходила ему в голову мысль, что он оказал Рени плохую услугу, дав ему образование. Развитие умственных способностей только подчеркивало рабское положение. Но сделанного не воротишь!

— Ты мой брат, — сказал Геза, не зная чем успокоить Рени, только накануне испытавшего в полной мере, что он вещь, которую господин может сломать и выбросить в любую минуту.

— Только в твоих глазах, Геза, — ответил Рени. — Но это, — он дотронулся до обруча, пересекавшего его лоб, — не позволяет забыть.

— Снимай его, когда приходишь ко мне.

— А что это изменит? Горьки не внешние признаки рабства, а сознание его.

— Ты жалеешь, что я дал тебе знания?

— А ты думаешь, что другие рабы не чувствуют ничего? — печально спросил Рени. — Они неграмотны и дики, но душа их болит так же, как моя. Ты хороший человек, Геза, ты лучше других, но ты много не понимаешь.

— Чего я не понимаю?

— Не понимаешь того, что раб такой же человек, как ты, — ответил Рени.

Гезу поразило сходство этих слов с тем, что говорили пришельцы. Люди, стоявшие намного выше его и Дена, и рабы, стоявшие, по его убеждению, намного ниже, мыслили одинаково.

— Ты ошибаешься, Рени, — сказал он. — Я давно это понял. Но ведь ничего нельзя изменить. Так устроен мир. Он всегда был таким.

— Устройство мира зависит от людей, — возразил Рени. — Изменить можно все. И когда-нибудь мир изменится. Жаль, что мы этого не увидим.

Геза вздохнул.

— Да, — сказал он, — конечно, жаль. Но я не представляю себе такого мира, где нет рабов. Не могу представить. Скажи мне, — переменил он тему, — ты веришь, что у Дена перевернулось все тело и сердце оказалось с правой стороны? Может ли это быть правдой?

— Я думаю, что Ден сказал правду. Такого не выдумаешь.

— Но это же невозможно!

— Почему? Оказалось же возможным, что палица прошла сквозь голову пришельца, как сквозь воздух. Оказалось же возможным, что мои пальцы проникали в тело Дена, не встречая сопротивления. Расскажи кому угодно, никто не поверит. Все скажут, что это невозможно.

— Тонкой иглой можно проткнуть щеку, — сказал Геза, — и щека пропускает иглу. Но то, что находится с левой стороны, не может оказаться на правой.

— Никогда?

— Никогда!

— Тогда смотри! — Рени подошел к стене и снял с нее боевую перчатку, которую вместе с остальными доспехами Геза хранил в своей комнате. — Видишь, большой палец находится слева. — Рени вывернул перчатку. — А теперь он справа.

Геза рассмеялся.

— Человека нельзя вывернуть, как перчатку, — сказал он.

— Видимо, тут и кроется ошибка, — возразил Рени. — Мы знаем три направления — длину, ширину и высоту. Если бы мы знали два, то не могли бы себе даже представить, что и перчатку можно вывернуть.

Геза в полном изумлении смотрел на Рени. Такой странной мысли еще никто и никогда не высказывал. Но он сумел понять смысл услышанного.

— Четвертого направления не существует, — сказал он.

— Как знать. Может быть, оно существует, но мы еще ничего не знаем о нем.

— Жаль, что мы не догадались спросить у пришельцев, где находится их сердце — справа или слева.

— Это ничего бы не дало. Они не земные люди. На их родине все другое.

— Ден думает, что их родина под землей.

— Мне кажется, что это не так. Слова пришельцев надо понимать иначе.

— Но если не на земле и не под землей, то где же тогда? — удивленно спросил Геза.

— Может быть, над землей.

— Почему же мы ее не видим?

— Она очень далеко.

Геза задумался. То, что говорил Рени, было ново. Откуда у него такие необычайные мысли?

— Хорошо, допустим. Их родина велика, на ней есть города. Почему же она не падает на землю?

— А почему не падает Луна?

— Ты бы еще спросил, почему не падает Солнце, — Геза улыбнулся.

— Я часто думаю об этом, — сказал Рени.

— Не о чем думать. Солнце и Луна прикреплены к небесному своду.

— Значит, и родина пришельцев может быть прикреплена точно так же. Но я как-то спросил пришельца, высоко ли небесный свод, и он ответил, что никакого свода нет.

— Ты его не так понял. Все предметы падают на землю. Упала бы и Луна, если бы не была прикреплена.

— Шар же не падает. А он ни к чему не прикреплен.

Геза не нашелся, что ответить на такой довод. Шар действительно не падал, вопреки всем законам.

— А что ты сам об этом думаешь? — спросил он.

— Я думаю, что не все законы нам известны, — ответил Рени.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ДВА РАЗГОВОРА

Геза легко нашел тайный люк в садовой беседке, о которой говорил ему Ден.

Люк был так хорошо замаскирован, что, не зная о нем, невозможно было заподозрить его существования.

Геза спустился в подземный ход и увидел загадочную дверь. Она нисколько не изменилась с тех пор, как он был здесь вместе с Деном, провожая пришельцев. Тогда они подошли с другой стороны, по ходу, появившемуся когда-то на глазах Гезы. Теперь этот ход был засыпан и от него не осталось никакого следа.

Ден подробно объяснил, как надо нажимать на выступ сбоку от двери, но Геза так и не решился сделать это.

Он видел факел, брошенный Деном, видел короткую ветку, валявшуюся тут же, которой Ден нажимал на выступ, чтобы не дотронуться до него рукой.

Все соответствовало рассказу. Геза вернулся в беседку в глубокой задумчивости.

Желание окончательно убедиться, войти в тайник, самому испытать все, что испытал Ден, преследовало Гезу. Он с трудом сдерживался, — не из страха, а только потому, что Рени убеждал его не делать этого.

Памятный разговор с молочным братом повторялся еще много раз по самым различным поводам, и Геза вынужден был признаться самому себе, что мысли Рени ошеломляют его, что Рени лучше понимает тайны пришельцев.

На эти темы Геза говорил и с Деном, но вскоре убедился, что старший брат мыслит одинаково с ним самим. А в словах Рени было много нового и не всегда понятного. Это вызывало невольное уважение.

«А что если пустить Рени к столу пришельцев? — часто думал Геза. — Может быть, он поймет то, что тщетно старается понять Ден».

Но об этом не приходилось даже мечтать. Ни один раб

не смел входить в это «святилище». Уборку семигранной комнаты Ден поручил Рени только потому, что кто-то должен же был заниматься этим. А может быть, Ден выбрал Рени, желая таким знаком доверия сделать приятное Гезе.

Нет, к тайне стола Ден никого не допустит!

«Ден так быстро стареет, что, вероятно, скоро умрет, — решил Геза. — А, сделавшись верховным жрецом, я поручу стол Рени. Но это значит, — тотчас же подумал он, — сделать его таким же стариком, как Ден».

— Я бы на это согласился, — сказал сам Рени, когда Геза поделился с ним своими мыслями. — Ден ничего не откроет и ничего не поймет.

— Почему ты так думаешь?

— Потому, что он ничего не добился до сих пор.

— А ты уверен, что добьешься?

— Нет, не уверен, — рассмеялся Рени.

Беседка стала любимым местом отдыха Гезы. Его не-преодолимо тянуло к подземному ходу. Он знал, что рано или поздно не выдержит и откроет таинственную дверь, что бы ни говорил ему Рени.

Однажды, сидя в беседке, Геза увидел, что к воротам ограды их сада приблизились носилки, и сразу узнал их.

Носильщиками всегда были самые рослые из рабов. Только один человек во всей стране пользовался для этого малорослыми пленниками недавней войны. Этим человеком была дочь Боры красавица Лана. Только у нее носилки были отделаны серебром — драгоценным металлом, ценившимся гораздо дороже золота. Даже сам Бора не позволял себе подобной роскоши.

Геза видел, как опустились носилки, как один из рабов лег на землю, изображая собой ступеньку, видел выходившую из носилок Лану, и все еще не мог поверить, что это она, что именно сюда, в их дом, прибыла Лана. Но она вошла в сад и направилась в его сторону.

Закон не позволял первому жрецу идти навстречу кому бы то ни было, кроме властителей страны. Лана была только дочерью властителя, и ей не полагались такие почести. Геза встал и слегка наклонил голову в знак приветствия и уважения.

На молодой девушке было длинное платье из блестящего материала, изготовленного в далекой стране, где жили желтые люди с косыми глазами. Светло-каштановые

волосы, что являлось большой редкостью, были уложены в высокую причудливую прическу, перевитую серебряными нитями.

Он молча ждал неожиданную гостью, не трогаясь с места. Когда она вошла в беседку, он предложил ей сесть. Спрашивать о цели прихода жрецу не полагалось. Это было бы проявлением любопытства.

— Здравствуй, Геза! — сказала Лана.

— Здравствуй! — ответил он.

— Я пришла к тебе, а не к Дену. Я рада, что застала тебя одного.

— Мы с Деном редко бываем вместе.

— Ты рад меня видеть?

— Я не ожидал твоего прихода.

— А почему ты сам не приходишь ко мне?

— Потому, что мой приход не может тебя обрадовать.

— Ты так думаешь?

— Я в этом уверен.

Он сгорал от желания узнать цель ее прихода. Но если бы Лана вдруг встала и ушла, он ничего не спросил бы. Жрецу нельзя проявлять любопытство ни при каких обстоятельствах.

Лана хорошо знала, что он не спросит ее, что она должна говорить сама.

— Я хочу побеседовать с тобой, — сказала она. — Мне скучно без тебя. С тех пор как ты хотел взять меня в жены, я все время думаю о тебе и...

Он чуть было не нарушил закона, но вовремя сумел взять себя в руки.

— И жалею о своем отказе, — закончила Лана.

— Я могу повторить свою просьбу, — хрипло сказал Геза. Он с трудом верил, что она действительно сказала такую фразу. Волнение душило его.

— Ты меня еще любишь, Геза? — спросила Лана.

Самолюбие подсказывало ответить отрицательно, но он только что сказал, что готов повторить просьбу.

— Да, люблю и всегда буду любить, — ответил Геза, бледнея от унижения, которому она его подвергала.

Лана встала:

— Тогда ступай к моему отцу.

В отличие от Гезы ее лицо пылало. Только влюбленный юноша мог не заметить выражения уязвленной гордости и гнева в ее продолговатых глазах.

— Бора отказал мне один раз, — сказал он нерешительно.

Лана справилась со своим волнением и снова села.

— Ты, наверное, очень удивлен моими словами? — спросила она.

— Да, Лана, очень.

— Я не сумела справиться со своими чувствами. С вами, жрецами, приходится говорить первой, хотя это и унизительно для женщины. Или проститься с мечтами.

— Я понимаю, — сказал Геза, — и благодарен тебе. Но почему ты думаешь, что теперь...

— Потому, — перебила Лана, — что я слышала, как мой отец сказал своему брату Розу, что если бы Ден не был так стар, то мог бы взять меня в жены.

— Ден одно, я другое.

— Отец хочет видеть меня женой верховного жреца, — явно нетерпеливо сказала Лана.

Трудно было в таком разговоре соблюдать требования закона. Геза, по всей вероятности, нарушил бы этот закон, если бы в нем вдруг не шевельнулось подозрение. Странно все-таки! Роз и Бора ненавидят Дена, мечтают о его смерти. Они должны точно так же ненавидеть и его самого. Уж не задумали ли они примириться с будущим верховным жрецом, перетянуть его на свою сторону, сделать Гезу врагом своего брата? Геза никогда не сочувствовал захвату власти жрецами, но ведь Роз и Бора этого не знают. А если так, то приход Ланы и ее неожиданные слова — инициатива не ее, а самого Боры.

Его оскорбила мысль, что Лану могли специально подослать к нему, а ее личные чувства, возможно, не играют при этом никакой роли.

— Ты не сама пришла ко мне, — прямо сказал он. — Тебя прислал твой отец.

Лана посмотрела на него с удивлением.

— Почему ты так решил, Геза? Отец не знает. Он никогда не позволил бы мне.

На ее глазах показались слезы. Геза смутился. Он ласково взял ее руку, но Лана резко отняла ее.

— Не сердись, — сказал он. — Ты должна понимать сама, чем вызваны мои слова. Если я ошибаюсь и ты любишь меня...

— Разве ты можешь в этом сомневаться, видя меня здесь, — гордо сказала Лана.

Ее не удивляла его внешняя холодность. Она знала, что это обязательно для жреца любого ранга.

— Тогда, — сказал Геза, — я сделаю вторую попытку, Чем бы она ни кончилась.

Лана поднялась:

— Я буду ждать. Прощай!

— Прощай, Лана.

Он не осмелился обнять ее, хотя по обычаям должен был сделать это. Ведь то, что произошло, было объяснением в любви. Он видел, что молодая девушка оскорблена его недавними словами, и уже жалел о том, что сказал их.

Лана ушла, не оборачиваясь. Он провожал глазами ее носилки, пока они не скрылись за поворотом.

Что-то в этом разговоре оставило смутный и неприятный осадок. Но Геза был слишком сильно влюблен, чтобы анализировать слова и поступки. Он решил, что фальшивые ноты в словах Ланы ему только показались.

Ден несколько раз предлагал Гезе поговорить с Борой, но Геза всегда отказывался. Он не хотел, чтобы любимая женщина пришла к нему по принуждению. Теперь Лана сама сказала, что хочет этого.

Несмотря на сомнения, Геза был счастлив...

А Лана торопилась домой. Носильщики почти бежали. Они научились понимать настроения своей госпожи и знали, что промедление будет им дорого стоить.

Прибыв во дворец, Лана тотчас же прошла к отцу.

Бора нетерпеливо ждал ее. Это был грузный мужчина огромного роста. Когда он шел, казалось, что сама земля стонет от непосильной тяжести его тела. Рабы изготавливали для него особо прочную мебель. В гневе он ломал руками железные палицы, разрывал пополам медные мечи, кулаком превращал головы провинившихся рабов в кровавое месиво.

Мягкое, с крохотными глазками, лицо Боры повернулось к вошедшей дочери.

— Все сделано, отец, — сказала Лана. — Геза любит меня по-прежнему.

И неожиданно, упав в кресло, она заплакала.

Бора не обратил на это никакого внимания: он не придавал значения женским слезам.

— Пойду обрадую Роза, — сказал он и, грузно поднявшись, вышел из комнаты.

Роз тоже ждал. Результат поездки, предпринятой Ланой по его совету, очень беспокоил его. Многое зависело от того, как относится Геза к его племяннице. Любит ли он ее по-прежнему или, оскорбленный отказом, перестал думать о ней? В этом последнем случае весь задуманный им план мог ни к чему не привести, оказаться бесцельным.

Роз был уверен, что стремление к власти свойственно Гезе нисколько не меньше, чем Дену. К чему бы иначе Ден сделал младшего брата первым жрецом храма Моора, то есть своим преемником? Роз отлично знал жреческую касту и понимал, что жрецы сделают все, чтобы не выпустить из своих рук то, что в них однажды попало.

Заслышав шаги Боры, Роз сел к столу и притворился погруженным в чтение. Пусть Бора видит, что он всегда работает за них двоих. Ведь сам Бора с трудом одолел начальную грамоту. Все управление страной лежит на Розе. Пусть брат лишний раз убедится, что не может обойтись без Роза. А то, чего доброго, ему может прийти в голову мысль властвовать одному. Бору любят солдаты, он хорошо дрался вместе с ними, ему обеспечена их поддержка. А значит, он сильнее Роза. Особенно теперь, когда Ден правит страной наравне с ними.

Жалобный скрип половиц приближался. Роз внимательно читал. Он даже не поднял головы при входе брата.

— Лана вернулась, — сказал Бора.

— Погоди! — ответил Роз. — Я дочитываю важное донесение.

— О чём оно?

— Не все ли равно, раз ты его не поймешь.

Гигант нисколько не обиделся на такой ответ. Он давно привык к характеру брата и всецело полагался на него, добродушно признавая умственное превосходство Роза. Он, Бора, не политик, а воин. Оглянувшись, он нашел свою скамью, специально для него поставленную здесь, и сел.

— Ну, так что же узнала Лана? — спросил наконец Роз.

— Геза любит ее.

— А она не ошиблась?

— Моя Лана умная женщина. — Бора усмехнулся. — В таких вещах она хорошо разбирается.

— Значит, самое время привести в исполнение наш план, — сказал Роз.

— Твой план, хочешь ты сказать.

— Да уж, конечно, не твой. Но ведь ты со мной согласился. Не правда ли?

— Я всегда с тобой соглашаюсь.

По губам Роза скользнула улыбка.

Братья походили друг на друга только ростом. У Роза было более хрупкое сложение и худощавое лицо с большими глазами. Его руки были тонки и изящны, ничем не напоминая два «молота» Боры.

— По твоему приказу, — сказал Роз, — Лапа отказалась Гезе. Неужели он все-таки ее любит?

— Она сказала ему, что сама его любит, как ты ей советовал. Лана достаточно красива, он поверил. Все сделано по твоему плану. Но Лана плачет. По-моему, покончить с Деном можно и не отдавая ее в жены Гезе.

— Нет, без этого нельзя обойтись. Тогда смерть Дена окажется для нас бесполезной.

— Будь добр, объясни почему.

— Охотно.

Роз встал и заходил по комнате. Ему было легче высказывать свои мысли, не видя перед собой бессмысленно-сосредоточенного лица брата, которое его всегда раздражало. Но выказывать раздражение явно было опасно.

— Смерть Дена нам необходима, — начал он, — и при том как можно скорее. Ден пользуется тем исключительным положением, в которое его поставило появление проклятых пришельцев со всеми их тайнами. Пока он жив, власть жрецов будет усиливаться с каждым днем. Кончится это тем, что наш род будет только формально управлять страной Моора. Но что произойдет после смерти Дена? Верховным жрецом, конечно, станет его брат Геза. Что изменится для нас с тобой? Ничего. Только вместо старика во главе жреческой касты окажется молодой и полный сил. Значит, нужно, чтобы Геза обязательно стал членом нашей семьи. Тогда он будет нам не опасен. Оскорбленный отказом, верховный жрец — непримиримый враг. Тебе это понятно?

— Да, понимаю. Но ведь и Геза может умереть точно так же, как его старший брат.

— Это труднее во много раз. Ден так состарился, что его смерть никого не удивит. Геза молод. Жрецы на стороне Дена и Гезы. Они знают, кому обязаны своей неслыханной властью в стране. Они многочисленны и умны. Они знают, что мы, то есть ты и я, ненавидим и боимся Дена и Гезы. Неужели ты можешь думать, что они ничего не заподозрят, если умрут и Ден и Геза? Нет, они сразу всё поймут. А тогда могут произойти непредвиденные вещи, вплоть до смены династии.

— У меня есть солдаты. Не забывай об этом, — надменно сказал Бора.

— При жизни нашего деда — Дора — было такое столкновение солдат с жрецами. Ты знаешь, чем оно закончилось. Народ слушается жрецов.

Бора задумался.

— Как ты думаешь убить Дена? — спросил он.

Роз поморщился от такой прямолинейности. Он не любил называть вещи своими именами.

— Он должен умереть от «старости»!

— Может быть и так, — сказал Бора. — Но я сделал бы все это гораздо проще и надежнее.

— А как? — с любопытством спросил Роз. Его заинтересовало, что в голове Боры могла возникнуть какая-то мысль.

— Я пригласил бы Дена на ужин. — Бора замолчал, соображая. Роз ждал продолжения. — Потом я слегка стукнул бы его кулаком по голове. Народу мы скажем, что Ден умер от удара.

И он громко расхохотался своей шутке.

— Умнее ты придумать не мог? — Роз пожал плечами. — Ден умрет у нас в доме! Даже слепому все станет ясно. Он должен умереть в своей постели.

— А кто отравит его? Не ты же сам.

«Хоть это сообразил!» — подумал Роз.

— Предоставь действовать мне, — сказал он громко. — Геза явится к тебе завтра, или, в крайнем случае, послезавтра. Прими его ласково и согласись отдать ему Лану. Хорошо бы сделать так, чтобы при этом присутствовало несколько человек. Тогда Геза не сможет отказаться от своих слов. Смерть Дена — рискованное дело!

— Все будет как ты хочешь, — ответил Бора. — Я знаю, что ты сумеешь сделать все как надо.

И братья расстались, довольные друг другом.

ПЛАН ДОБА

Геза на другой же день отправился к Боре. Он не хотел откладывать свое счастье ни на час.

Бора встретил его приветливо, насколько это было возможно при его врожденной грубости. Кроме него в комнате оказалось еще трое людей, принадлежавших к высшей знати, — два правителя областей и один военачальник. Они встали при входе первого жреца храма Моора и почтительно приветствовали его. Геза ожидал, что они уйдут, но, — видимо, из уважения — все трое остались.

Со свойственной ему бесцеремонностью, которую Геза хорошо знал, Бора сразу же спросил, чему он обязан видеть у себя столь высокого гостя.

Пришлось говорить при посторонних.

Выслушав его просьбу, Бора неуклюже сделал вид, что задумался.

— Ты оказываешь мне большую честь, — сказал он наконец. — Я не ожидал этого. Значит, ты хочешь взять в жены Лану?

— Об этом я и прошу тебя, — ответил Геза, удивленный таким нелепым вопросом.

— Большая честь, — повторил Бора. — Правда, я хотел видеть Лану женой верховного жреца, но ты почти верховный жрец. Ты станешь им после Дена.

— Это может случиться очень не скоро. — Геза счел себя обязанным сказать эту фразу.

— Ден стар, очень стар. — Бора явно не знал, что ему говорить дальше, и сердце Гезы замерло от страха. Неужели он получит второй отказ, да еще при свидетелях? Тогда Лана будет навеки потеряна для него. — Ты прав, — продолжал Бора, — Ден может прожить еще долго.

«Я сделал глупость, — подумал Геза. — Надо было действовать по совету Дена».

— Но я согласен, — неожиданно сказал Бора. Выполнить и дальше совет Роза — затянуть разговор и не соглашаться сразу, было ему не по силам. — Бери Лану и будь с ней счастлив, как я был счастлив с ее матерью Вадой.

Всей стране было известно, что Вада, мать Ланы, умерла от частых побоев мужа.

Он грузно встал и сделал шаг к Гезе.

Не будь тут посторонних людей, Геза, возможно, сумел бы найти предлог уклониться от выполнения обычая, но в присутствии свидетелей это было бы смертельным оскорблением для Боры. Геза напряг мускулы и покорно дал обнять себя своему будущему родственнику.

Его кости буквально затрещали, но Геза нашел в себе силы не показать боли и даже улыбнулся.

— Благодарю тебя, мой будущий отец! — сказал он, с трудом переводя дыхание.

О согласии самой Ланы никто не обмолвился ни единственным словом. Спрашивать дочерей вообще не полагалось, но высокое положение давало Лане право выбора мужа. Бора должен был упомянуть о согласии Ланы, если он ничего не знал о ее разговоре с Гезой в беседке. Но осуществление мечты так опьянило Гезу, что он не заметил этой странности.

Присутствующие поздравили жениха.

Потом его отвели к Розу, дяде невесты, и Гезе пришлось выдержать еще одно родственное объятие. Оно было совсем не мучительно физически, но могло причинить куда большую боль, если бы Геза почувствовал сколько ненависти и гнева вложил Роз в это объятие.

Гордый властитель не мог простить Гезе, что вынужден согласиться на его брак со своей племянницей.

Геза вернулся домой чуть не помешанным от счастья.

Он тотчас же приказал разыскать Рени и, когда тот явился, рассказал ему о своем успехе.

Рени нахмурился.

— Мне это не нравится, — сказал он. — Такой поворот должен иметь причину.

Геза смотрел на него, не понимая. Рени улыбнулся, видя его растерянное лицо.

— Я рад за тебя, — сказал он. — Мы поговорим завтра.

— О чём?

— Так, о некоторых моих мыслях.

— Ничего не понимаю.

— Ты поймешь завтра.

Но и на следующий день Геза не понял, вернее, не захотел понять того, что говорил ему Рени.

— Дело совсем просто, — возражал Геза. — Гораздо проще, чем ты думаешь, Рени. Лана меня любит, и она убедила своего отца, что незачем отдавать ее Дену, который все равно скоро умрет. Бора хочет, чтобы его дочь

стала женой верховного жреца. Она ею и будет. Вот и всё.

— Расскажи мне еще раз, — попросил Рени, — как можно подробнее, не пропуская ни одного слова, ни одной самой мелкой подробности, что говорила тебе Лана? Что говорил Бора и каким тоном? Что сказал Роз?

— Ты какой-то странный сегодня, Рени. Зачем тебе это знать? Ты подозреваешь какой-то заговор? Против кого? Против меня? Это нелепо, раз мне отдают в жены Лану. Против Дена? Им незачем составлять против него заговоры, они уверены, что Ден и так скоро умрет. Согласие Боры вызвано желанием иметь будущего верховного жреца своим родственником. В этом есть смысл. Но какое мне дело! Я люблю Лану, и она будет моей. Больше мне ничего не надо. А вернуть Розу и Боре всю полноту власти я решил давно, и сделаю это, как только стану верховным жрецом. Мне не нравится то неестественное положение, которое создал Ден. Ты же знаешь, Рени.

— Да, но Роз и Бора этого не знают. Ден молод, он только выглядит стариком. Но если он мог постареть всего за двенадцать лун, то может и помолодеть за такое же время. Мы не знаем причин его преждевременной старости. Она только внешняя. Я думаю, что Роз рассуждает именно так. Он должен так рассуждать. Он и Бора ненавидят и боятся тебя и Дена. Как же я могу не беспокоиться, видя, что они внезапно и необъяснимо переменили свое отношение к тебе.

— Милый Рени! — Геза обнял молочного брата. — Ты меня любишь, я это знаю. Радуйся вместе со мной и ничего не опасайся. Все будет хорошо!

Рени вздохнул. Бесполезно говорить с Гезой! Он опьянен счастьем и не в состоянии понимать очевидных вещей.

— Как хочешь, — сказал он. — В моей радости ты не можешь сомневаться. Я счастлив твоим счастьем. Но позволь мне охранять тебя.

— Охранять? — Геза от души рассмеялся. — Можно подумать, что мне грозит смертельная опасность. Ты не в своем уме, Рени. Но поступай как хочешь.

— Я чувствую какую-то опасность, — с глубоким убеждением сказал Рени. — Но смутно и неопределенно. Мне подозрительна вся эта история. Внезапный приход Ланы, быстрое согласие Боры — все это очень странно.

Геза вспомнил мелькнувшее у него подозрение во время разговора с Ланой в беседке и почувствовал правду в словах Рени. Но ему хотелось верить в безоблачное счастье, и он тут же отогнал неприятное воспоминание.

Лицо Рени было так мрачно, что Геза не захотел прекратить разговор, не попытавшись еще раз успокоить своего верного друга.

— Подумай сам, Рени, — сказал он. — Что могут замышлять против меня Бора или Роз, если Лана будет моей женой? Ты знаешь, что брак с жрецом нерасторжим. Если я умру, Лана до конца жизни останется вдовой.

И он ушел, оставив Рени одного с его мыслями.

Молодой раб долго сидел в беседке, пытаясь разобраться в своих подозрениях. Последние слова Гезы навели его на новые мысли. Да, Геза совершенно прав! Жена жреца никогда не сможет стать женой кого-нибудь другого, даже если этот другой тоже жрец. Но Лана еще не жена Гезы. Не тут ли таится опасность? Умертвить Дена выгодно Розу. Но Бора отказал Гезе, и Роз должен думать, что новый верховный жрец будет относиться к ним враждебно. С другой стороны, если Геза также умрет, это возбудит подозрения жрецов. Жрецы никому ничего и никогда не прощают. Сколько людей, так или иначе задевших интересы этой могущественной касты, были найдены мертвыми в своих домах, и никто не мог объяснить их внезапную смерть. В распоряжении храмов много верных, испытанных средств, о которых никому не известно. Но если Геза умрет, будучи женихом Ланы?..

Рени внезапно вспомнил небольшую подробность, о которой Геза упомянул, видимо, случайно. При его разговоре с Борой присутствовали свидетели!

Рени вскочил в сильном волнении. Ну, конечно! Именно это обстоятельство раскрывает весь план Роза. О согласии Боры отдать свою дочь в жены Гезе узнает вся страна. Кто заподозрит, что Геза умерщвлен Розом, если он жених племянницы Роза? Опасность грозит Гезе не после, а до его брака!

Рени казалось, что он понял все до конца. Гезу надо охранять каждый день, каждую минуту, до тех пор, пока Лана не станет его женой.

Об опасности, угрожавшей Дену, Рени не думал. Если Ден умрет, все только свободно вздохнут.

Рени искренно любил Гезу, но он знал также и то,

что его собственная судьба неразрывно связана с Гезой. Не будь Гезы, он, Рени, был бы простым рабом, таким же бесправным и угнетаемым, как остальные.

И он решил неотлучно находиться рядом с Гезой. Он часто спал с ним в одной комнате, — теперь это будет ежедневно. Он сам будет следить за приготовлением пищи для Гезы. Ведь умертвить его Роз может только при помощи яда. Не рискнет же он подослать убийцу в дом верховного жреца. Но такая возможность тоже не исключена.

Приняв решение, Рени немного успокоился. Он всегда был человеком действия.

В общих чертах он правильно понял план Роза, ошибившись только в одном. Роз был гораздо хитрее и опытнее Рени. Он знал, что такой наивной уловкой, как мнимое согласие на брак, жрецов нельзя обмануть. Его план относительно Гезы был тоньше, чем думал Рени...

Роз не терял времени. Как только решился вопрос о браке Ланы и прошло достаточно дней, чтобы об этом событии узнала вся страна, он приступил к действиям.

Спешить заставляло Роза и то соображение, о котором Рени говорил Гезе. Ден состарился неестественно. Кто знает, вдруг он начнет молодеть. Никому не известно, какие тайны узнал он у пришельцев. Может быть, мнимая старость только хитрость, чтобы поразить всех возвращением молодости и еще больше возвыситься в глазах населения. А тогда внезапная смерть неизбежно возбудит подозрения.

Роз боялся жрецов. Он знал тайную силу этой могучей касты. Силу, которая всегда помогала власти и поддерживала правителей страны. Роз не хотел обращать эту силу против себя. Если бы Ден не посягнул на его верховную власть, Роз никогда не коснулся бы и пальцем никого из жрецов. Тесное сотрудничество с ними — основа власти. Замышлять против верховного жреца заставил его сам Ден!

Доверенный человек Роза, раб из страны черных людей, по имени Доб был позван в спальню властелина. В преданности этого человека у Роза никогда не возникало никаких сомнений. Доб скорее даст разрезать себя на куски, сжечь живым, чем выдаст планы своего господина.

В обязанности властителей входит знать все, что ка-

саётся их подданных, в особенности тех, кто стоит близко к верховной власти. Шпионить в домах высших сановников было обязанностью Доба. Он пользовался для этого рабами, так как сам был рабом и не возбуждал в них той ненависти, которую угнетаемые всегда испытывают к угнетателям. И, хотя все его осведомители хорошо знали привилегированное положение Доба, это было в их глазах не недостатком, а, наоборот, достоинством, так как Доб мог хорошо вознаграждать их за службу.

И Доб сообщал своему господину все, что тот хотел знать.

Выслушав Роза, Доб задумался.

— Найти исполнителя твоей воли, мой господин, не очень трудно, — сказал он. — Но дело идет не о простом, а о верховном жреце. Если мой человек будет пойман и уличен, его ждет не обычная казнь.

— Подумай об этом, — сказал Роз. — Его не должны поймать. Тогда жрецы всё узнают.

— Они опытны, господин. А если они вскроют тело Дена и найдут яд?

— Ты осторожен и осмотрителен, как всегда, — довольно сказал Роз. — Об этом я не подумал.

— Ты хочешь, чтобы все думали, что Ден умер именно от старости? — спросил Доб.

— Конечно.

— Мне кажется, это ошибка.

— Я не понимаю тебя.

— Яд найдут, — уверенно сказал Доб. — Жрецы очень умны. Если бы это был простой жрец, тогда они поверили бы в естественную смерть.

— Ты прав, — с беспокойством сказал Роз. — Значит, мой план никуда не годится?

— Нет, господин, почему же. Тебе нужно, чтобы Ден умер. Он умрет, но не от старости, а именно от яда.

— Ты сошел с ума?

— Нет, господин, я в полном рассудке. Скрыть нельзя. Значит, Ден должен быть отравлен так, чтобы об этом все знали, весь народ, вся страна.

— Нет, ты помешался, мой бедный Доб!

— Нисколько, мой господин.

— Отравителя сразу найдут.

— Обязательно, и это очень хорошо.

— Он назовет твое имя, а оно приведет ко мне.

— Он не сможет этого сделать.

— Я тебя окончательно не понимаю.

— Все очень просто, мой господин. Рабы Дена испанидят его. В то, что один из них убил своего господина, все поверят. У Гезы есть раб по имени Рени. Геза относится к нему, как к брату, а Ден не считается с этим. Недавно он избил Рени плетью. У Рени больше оснований ненавидеть Дена, чем у других. Знаешь ли ты, мой господин, что этот Рени получил такое же образование, как сам Геза?

— Что?! Он осмелился нарушить закон?

— Да, мой господин. Геза научил его всему, что знал сам.

— Этот Рени завтра же умрет.

— Подожди казнить его, — он мне нужен.

— Не думаешь ли ты именно ему поручить это дело?

— Нет, господин. Рени не согласится и расскажет Гезе. Он нужен мне, чтобы ответить за смерть Дена. Рени казнят жрецы. И Гезу не в чем будет обвинять. Муж Ланы должен быть незапятнан, чтобы стать верховным жрецом.

— Ты очень умен, Доб, — сказал Роз.

— Я стараюсь быть полезным тебе, мой господин, — скромно сказал Доб. — Ты скажешь Гезе при случае, что знаешь о его преступлении, и он навсегда останется благодарен тебе за то, что ты его не выдал. Ведь если о таком поступке узнают, это неизбежно лишит Гезу сана верховного жреца.

— Ты просто сокровище, Доб! Но кто же выполнит твой план? — Роз был в восторге.

— У меня есть подходящий человек. Его зовут Моя, и он давно служит мне, хотя и не является рабом. Я держу его в руках, зная его преступную тайну.

— Какую тайну?

— Он ворует воду из канала, идущего в твой сад, господин, — понизив голос, сказал Доб.

— И, давно зная об этом, ты молчал? — в гневе спросил Роз. — Я вижу, Доб, что ты не все говоришь мне. Ты умолчал о Рени... Теперь этот Моя...

— О том, что Рени образован, я сам узнал только вчера, — спокойно объяснил Доб, — когда мне сообщили о подслушанном разговоре его и Гезы, мой господин. А Моя был мне нужен. Значит, он был нужен и тебе.

И сейчас он нужен. Кража воды не такое уж большое преступление, — пожав плечами, закончил он.

— Знаешь что, Доб! — возмущенно сказал Роз. — Если бы это был не ты... Такие дерзкие слова стоили бы головы любому рабу. Понимаешь ты это?

Доб улыбнулся.

— Ты можешь казнить меня, когда только захочешь, мой господин, — сказал он.

Роз промолчал. Грозный властитель привык к свое-вольству своего раба и прощал ему все. Доб был ему необходим.

— Хорошо, — сказал он. — Ты сообщил мне о двух преступниках. Оба нужны тебе. Но я казню их обоих.

— После смерти Дена, мой господин.

Роз опять промолчал. Не замечая этого, он давно уже подчинялся умственному превосходству Доба, всегда и во всем соглашался с ним. Доб это знал и, единственный человек в стране, нисколько не боялся гнева Роза.

— Но этот Моа тебя знает, — сказал Роз. — Как же ты не боишься открыть ему такую тайну?

— Он будет молчать, мой господин, — ответил Доб.

НАКАНУНЕ ТОРЖЕСТВА

Подошел наконец торжественный день, когда по древнему обычаю Геза должен был отпраздновать согласие Боры отдать ему в жены свою дочь.

Ден обрадовался случаю, который давал ему возможность показать свое гостеприимство и одновременно возобновить утраченные за прошедшее время связи с влиятельными людьми, разрушить стену непонимания и страха, отделившую его от всех с того дня, когда в его доме появились пришельцы. «Отверженность», о которой говорил Геза, давно уже тяготила Дена, да и просто была опасна. До сих пор удобного случая не представлялось. Жрецам не разрешалось устраивать в своем доме празднества, кроме редких случаев, строго предусмотренных. Одним из таких дозволенных случаев был брак жреца.

А Геза радовался еще больше, но по другой причине. В их доме собираются все высокопоставленные лица, никто не осмелится не принять приглашение Дена. После этого Лана окончательно станет его невестой. Взять свое согла-

сие обратно Бора уже не сможет, даже если бы и захотел это сделать.

— Наконец-то, — облегченно вздохнул и Рени, когда Геза сообщил ему, что празднование состоится завтра. — Значит, мне осталось охранять тебя только до завтрашнего вечера. Я уж начал думать, что этот день никогда не настанет.

— Ты устал, мой бедный Рени! Но ты видишь теперь, что твои опасения не имели оснований. Ничто не угрожало мне с самого начала.

— Ты так думаешь? — многозначительным тоном спросил Рени. — А я буду еще внимательнее в этот последний день, до тех пор, пока Бора при всех не скажет, что Лана твоя, пока он не выпьет за здоровье жениха его дочери. Только тогда я соглашусь, что опасности больше нет. Не захочет же Бора сделать Лану вдовой в столь юном возрасте. Он ее любит. И очень прошу тебя: ничего не ешь и не пей в начале цирка. Жаль, что я не смогу сам стоять за твоей спиной и прислуживать тебе.

— Ты будешь стоять рядом со мной, — ответил Геза. — Ден разрешил поставить тебя за спиной Боры. Но я же не могу не выпить за здоровье гостей.

— Я наполню твой кубок заранее. На это никто не обратит внимания.

Геза рассмеялся.

— Пусть будет так, — сказал он, — если это доставит тебе удовольствие.

Рабы в доме давно уже сбились с ног. Целую половину луны их заставляли работать с утра до вечера. Весь дом сверху донизу украшался цветами и гирляндами зелени. Сотни факелов и масляных светилен были искусно спрятаны в саду и должны были одновременно загореться в нужный момент. Пиршественный зал походил на оранжерею. Ден приказал любой ценой достать шкуры белых зверей, обитавших на дальнем севере и бывших в их южной стране большой редкостью. Этими шкурами, собранными во многих городах, покрыли весь пол и скамьи. По приказу Дена все храмы страны прислали самые редкие яства и напитки из своих подвалов.

Ден решил поразить гостей роскошью. Он знал, что от него ждут чего-то необычайного, что все уверены в том, что пришельцы дали ему в руки неизвестные людям силы. Он мучился сознанием своего бессилия. Сможет ли рос-

кошь празднства заменить отсутствующие чудеса? Не уменьшил ли это тот ореол таинственности, который окружал его и был ему так выгоден? Ведь одна только роскошь доступна многим, не только ему.

Из затруднительного положения вывел Дена его брат. Выслушав сомнения Дена, Геза обещал подумать и на следующее утро действительно предложил такое, до чего сам Ден никогда бы не додумался.

— А разве это можно? — спросил Ден с сомнением и надеждой в голосе.

— Почему же нет. — Геза ни словом не обмолвился, что средство поразить всех гостей придумал Рени. — Пришелец советовал бросить шар в море. Значит, его можно брать в руки и переносить с места на место.

— Я боюсь до него дотронуться, — откровенно сказал Ден.

— Я тоже, но мы поручим это Рени.

Такое предложение в глазах Дена было вполне естественным. Если существует какая-то опасность, то пусть ей подвергнется раб. Ден не мог знать, что, говоря это, Геза только выполняет просьбу самого Рени.

— А если шар здесь не загорится?

— Вот это и интересно проверить, — снова повторил Геза слова Рени. — Но я не думаю, что шар может гореть только над столом. В тайнике стола нет, а ты сам рассказывал, что там горит такой же шар.

— Когда же мы это сделаем?

— Перед самым празднеством. Можно было бы поступить еще лучше: внести шар при всех. Но это будет нелепо, если он не загорится.

— Мы можем проверить заранее, — сказал Ден, воодушевленный выдумкой Гезы.

Если затея увенчается успехом, вся страна будет поражена. Потрясающее впечатление не развеется никогда! Такие вещи не забываются.

— Позови Рени!

Рени тотчас же явился. Низко поклонившись, он замер в ожидании, готовый исполнить любое приказание. И, хотя он отлично знал, зачем его позвали, догадаться об этом по его лицу было невозможно.

Ден заранее удалил всех рабов. В зале никого не было.

— Рени, — сказал Геза, — поднимись в семигранную комнату и принеси сюда шар.

— Черный шар?! — Рени прекрасно разыгрывал безграничное удивление.

Потом, словно спохватившись, он почтительно поклонился обоим братьям и направился к двери.

Потянулись минуты напряженного ожидания.

Геза волновался, вероятно, гораздо сильнее Дена. Что ни говори, а таинственный шар пришельцев вызывал невольный страх не только в народе, но и в нем. Геза ни за что на свете не хотел подвергать Рени какой бы то ни было опасности. Ведь до сих пор никто никогда не дотрагивался до шара. И хотя он сам только что убеждал Дена в том, что шар можно не только трогать, но и переносить, полной уверенности в этом у него не было. Но Рени сам просил произвести этот рискованный опыт и поручить исполнение именно ему.

Что касается Дена, то его беспокоил только результат опыта.

Ждать пришлось довольно долго, Репи почему-то медлил. Геза начал уже серьезно тревожиться.

Наконец послышались шаги и на пороге появилась бронзово-красная фигура молодого раба. В его руках был черный шар.

Геза облегченно вздохнул.

Твердыми шагами, внешне совершенно спокойно, Рени вышел на середину комнаты, ступил на скамью, с нее на стол и, вытянув руки, поднял шар над головой.

Это была ошибка, Рени «не мог знать», что задумали Ден и Геза, зачем они велели ему принести шар. Стоило Дену обратить внимание на эту странность — и он сразу понял бы всю разыгранную комедию. Но, к счастью, Дену было сейчас не до размышлений.

— Приказывай, господин, — сказал Рени.

Геза понял, что осторожный Рени хочет, чтобы ответственность за то, что могло сейчас произойти, легла на самого Дена. Кто знает, вдруг шар не повиснет в воздухе, а упадет и разобьется. На Рени мог тогда обрушиться безрассудный гнев Дена.

Верховный жрец молчал, очевидно не решаясь произнести слова, которых ждал Рени.

— Надо довести до конца, — сказал Геза.

— Отпусти шар! — приказал Ден.

Рени отнял руки и быстро соскочил на пол.

Шар не упал!

Он висел над столом, ни к чему не прикрепленный, таинственный, непонятный, одним только неестественным своим положением вызывая чувство непреодолимого страха.

И все трое смотрели на шар со страхом, даже Ден, который видел его каждый день. Рени не мог поверить, что именно он осмелился взять в руки этот шар и привести его сюда. Собственная смелость удивляла его.

— Наши гости разбегутся, — сказал Геза.

— Они никогда не осмелятся это сделать, — ответил Ден. — Но шар не светит.

Он совсем забыл, что сотни раз входил в семигранную комнату и каждый раз заставал шар не светившимся. Он вспыхивал после его прихода.

И действительно, едва он успел произнести эти слова, шар вспыхнул.

Над столом повисло маленькое солнце. Огромный зал, с двумя рядами столбов, поддерживавших потолок, освещился так ярко, как не был освещен со дня своей постройки. Самые отдаленные углы оказались залитыми ослепительным белым светом.

— Этого не видел никто и никогда, — прошептал Ден. — Благодарю тебя, Геза!

Рени незаметно улыбнулся. Если бы гордый жрец мог знать, что он благодарит не Гезу, а своего раба!

— Теперь надо отнести его обратно, — сказал Геза. — Но сперва он должен погаснуть.

— Он всегда гаснет сам, но как это сделать, я не знаю.

Рени приблизился:

— Разреши мне сказать.

— Говори!

— Позволь мне снова взять его в руки, мой господин.

— Ты обожжешься! — воскликнул Геза.

— Я думаю, он потухнет, — скромно ответил Рени.

— Вот как, — заметил Ден, — ты, оказывается, умеешь думать.

Рени молчал, ругая себя за проявленную инициативу.

Что с ним случилось сегодня? Почему он дважды забыл осторожность, давно ставшую привычкой?..

— Что ж, попробуй! — решил Ден. — Нельзя же оставить шар здесь. Ты преступно избаловал Рени, — обратился он к брату, когда Рени отошел от них. — Раб осмеивается думать! Это неслыханно!

— Я часто разговариваю с Рени. — Геза тоже попытал допущенную Рени оплошность и старался исправить ее. — Я сам приказал ему думать, когда он говорит со мной. Сейчас он обращался ко мне. Он выполняет мой приказ.

Ден ограничился тем, что пожал плечами.

Предположение Рени оправдалось раньше, чем он сам думал. Он не успел не только дотронуться до шара, но даже поднять руки. Шар погас, как только он поднялся на стол.

«Похоже, что шар слышит мысли человека», — с невольным страхом подумал Рени.

Он осторожно дотронулся до поверхности шара. Она была холодной, будто не от нее только что исходил яркий свет.

«Все, что светит, одновременно и греет, — думал Рени, неся шар обратно в семигранную комнату. — Ручки светильнен сильно нагреваются. Солнце греет. Почему же шар ведет себя иначе? Видимо, это не свет, а что-то другое. Но что?»

Успех празднества был обеспечен, — люди убеждаются в могуществе верховного жреца. Ден был в восторге.

— Напрасно я велел приготовить факелы и светильники в саду, — говорил он. — Этот шар заменит собой всё.

— Они не помешают, — возражал Геза. — Не будем же мы выносить его в сад.

— Это было бы еще поразительнее.

— Согласен с тобой. Но нельзя же оставлять пиршественный стол в темноте, чтобы осветить сад.

Они долго и тщательно обсуждали церемониал появления шара. Внесет его Геза. Все должны думать, что дотрагиваться до шара может только жрец.

А вечером того же дня, когда Ден по обыкновению поднялся в семигранную комнату, его поразил неожиданный и тяжелый для него удар.

Картины в столе исчезли.

Сколько ни нажимал Ден на оба выступа — ничего не появлялось в таинственной глубине стола. Шар продолжал сиять ровным белым светом, узкий луч не показывался, и только самый свет становился неровным, мигающим в тот момент, когда рука Дена касалась таинственных кнопок.

До сих пор ни разу ничего подобного не было.

В полном отчаянии Ден приказал позвать Гезу и, когда тот пришел, обрушил на него град проклятий.

— Но в чем же я виноват? — оправдывался Геза. — Ты сам согласился, чтобы Рени принес шар вниз.

— Я сожгу твоего Рени в священном огне, — неистовствовал Ден. — Будь проклят ты сам и твоя глупая выдумка!

— Сегодня днем ты благодарили меня за эту «глупую выдумку», — сказал Геза, пожимая плечами. — Кто же мог знать, что так случится? И я совершенно не понимаю, в чем вина Рени и за что его надо сжечь. Он выполнил наш приказ.

— Так что же теперь делать? — спросил Ден, внезапно успокоившись.

— Не знаю.

— Неужели картины больше никогда не появятся?

Ден произнес эти слова таким жалостным голосом, что Гезе стало жаль его. Он мог бы посоветовать брату единственное средство — позвать Рени и спросить его мнение, но этого никак нельзя было сделать.

— Не знаю, — повторил он. — Я подумаю об этом и, может быть, пойму, в чем тут дело.

— Прошу тебя это сделать!

Геза ушел.

Ден остался наверху и сошел вниз только под утро. Достаточно было посмотреть на его лицо, чтобы понять — картины так и не появились.

Ни Ден, ни Геза, ни даже Рени никогда не смогли бы догадаться, что здесь произошло простое, хотя маловероятное совпадение. Шар был в исправности. Много веков спустя в аналогичном случае люди сказали бы: «Окончилась передача». Но в эту эпоху подобная мысль не могла прийти в голову никому, несмотря на то, что пришельцы говорили о том, что картины рисуются не шаром, а приходят, с помощью шара, с их родины. Ден помнил эти слова, но был бессилен сделать из них правильный вывод.

А Рени, с большим интересом выслушав рассказ Гезы, задумался и сказал:

— Скорей всего, дело в расстоянии между шаром и столом. Ты говорил, что пришельцы, прежде чем повесить шар, что-то измеряли. Видимо, я положил его не в ту точку, в которую надо. Посоветуй Дену передвигать шар

до тех пор, пока картины не появятся снова. Больше я ничего не могу придумать.

— Хорошо, — ответил Геза, — я так и скажу ему. Но не сейчас, а после празднества. А то он, чего доброго, но позволит внести шар в комнату пира...

А в то самое время, когда происходил этот разговор, Доб стоял перед Розом и докладывал ему, что все готово и приговор, вынесенный Дену, может быть приведен в исполнение.

— Ты предусмотрел всё? — спросил Роз.

— Всё, господин!

— Твой человек не обманет?

— Никогда, господин! Он готов и выполнит мой приказ.

— И ты уверен, что он будет молчать?

— Его заставит молчать сам Геза.

Роз с любопытством посмотрел на своего наперсника.

— Ты очень умен, Доб! — сказал он, повторяя эту фразу уже в бесчисленный раз. — Я не всегда могу понять тебя сразу.

Безгранична была гордость Роза и его уверенность в своем превосходстве над рабом. Постоянно повторяя эти слова, он никогда не думал, что признаёт ими умственное превосходство Доба над собой. Такая мысль просто не могла прийти ему в голову. Доб это понимал и не опасался за себя.

— Объясни, Доб!

— Ты увидишь все своими глазами, господин.

— Каким образом?

— Окажи Гезе честь и присутствуй на пиру вместе с твоим братом.

— Я не собирался там быть.

— Если ты хочешь видеть, то должен быть, — спокойно ответил Доб, уверенный, что Роз не устоит перед искушением. Присутствие Роза при смерти Дена входило важной деталью в план Доба. И он не ошибся, изучив характер своего властелина до тонкостей.

— А что я должен делать? — спросил Роз.

— Ничего. Присутствовать, и только.

— Я там буду.

Доб удалился, торжествуя. Теперь его план осуществится без малейшей заминки. Роз не удержится и скажет Гезе, что ему известно о том, что жрец нарушил за-

кон, дав рабу образование. Остальное сделает сообразительность Гезы.

Доб заботился о своей безопасности. Он хорошо знал, что никакая близость к властителю не спасет его, если жрецы узнают о его участии в убийстве верховного жреца. Что может сделать Роз, если Доба в одно утро найдут мертвым? Погоревать, и только. Пусть Роз тешит себя иллюзиями своей силы. Он, Доб, знает, что по воле господина вступил в борьбу с более могущественной силой. Он защитит себя сам.

Все произойдет так, как им задумано. Моя уже находится в доме Роза, выданный Добом за нового раба. Бора согласился взять его с собой к Депу. Как полагается по обычаям, Моя и второй раб Боры будут прислуживать на пиру Дену и Гезе. И одним ударом достигнутся три цели: исполнится воля Роза, приговорившего к смерти Дена и Рени, умрет исполнитель этой воли и будет обеспечена безопасность самого Доба.

В эту ночь он спал спокойно.

И так же спокойно, в комнате Гезы, спал Рени. Охраняя своего брата и друга, он никак не мог думать, что смертельная опасность нависла над ним самим, а не над Гезой.

СМЕРТЬ ДЕНА

Ден пригласил на празднество более ста человек — всех, занимавших более или менее значительные посты. Никто не отклонил приглашения. Помимо того, что это само по себе было небезопасно, всех привлекала самая таинственность этого дома, так давно пугавшего город и всю страну. Многие, правда, явились только из опасения прогнавать верховного жреца, так как разделяли суеверный страх народа.

Но ничего страшного или таинственного они сейчас не увидели. Все было таким, каким всегда бывало в домах знати. Удивляло только плохое, более чем скучное, освещение пиршественного зала. Всего десять прикрепленных к стене факелов слабо озаряли огромную комнату, оставляя стоявший на середине стол в полумраке.

Но никто не осмелился открыто выразить удивление.

Гости входили в зал, почтительно, а иногда и подобострастно приветствовали хозяев и садились к столу, кто

где хотел. Большинство предпочло сесть подальше от мест, предназначенных для Дена, Гезы и Боры.

По мере увеличения числа гостей легкий шелест разговора переходил в гул. Бесшумными тенями скользили многочисленные рабы дома, предлагая гостям прохладительные напитки. Вечер был жарким.

Бора должен был явиться последним. Таков был обычай. По тому же обычаю невеста, то есть Лана, не имела права присутствовать на празднестве.

Все приглашенные уже явились, шло время, а Боры все еще не было. Ден начал хмуриться, подозревая какую-нибудь сумасбродную выходку склонного к глупым шуткам властителя. Неожиданно ему доложили о прибытии Роза.

Это было большой честью даже для верховного жреца. Никогда Роз и Бора не посещали кого бы то ни было вместе, считая, что и одного из них вполне достаточно, чтобы осчастливить подданного.

Встретить властителя вышел Геза. Его сопровождал Рени с факелом в руке. Оба поклонились, — Геза — слегка наклонив голову, Рени — до самой земли.

Высокомерное приветствие первого жреца разозлило Роза, но он сдержался. Очень скоро надменность Гезы сменится страхом перед тем, кто знает его преступную тайну.

Перед отъездом из дворца Доб как бы случайно напомнил Розу об этой тайне, и всю дорогу Роз наслаждался своим предстоящим торжеством над Гезой.

Рени стоял на коленях, подняв факел над головой. Кто такой этот раб, Роз легко догадался. Момент показался ему удобным.

Он не торопился войти в дом. Гости должны ожидать его, и как можно дольше.

— Кто этот раб? — спросил Роз.

— Его зовут Рени, — ответил Геза, удивленный странным интересом властителя к рабу.

— Он твой молочный брат?

Гезе не понравилась осведомленность Роза, но отрицать не имело смысла.

— Да, это так.

— И ты его любишь?

Незаметно для Роза Рени бросил на своего господина предостерегающий взгляд.

— Не более, чем других рабов, — как только мог равнодушнее ответил Геза.

— Я слышал другое.

Геза вздрогнул. Роз заметил и усмехнулся. Сейчас он покажет этому лицемеру!

— Встань! — приказал он Рени. А когда тот поспешил поднялся с колен, Роз внимательно всмотрелся в его лицо. — Я еще не встречал раба, — обратился он к Гезе, — у которого было бы такое выражение глаз. Можно подумать, что он образован.

«Что это значит?» — ужаснулся Геза.

— Рени очень смышен, — сказал он, только чтобы сказать хоть что-нибудь.

— Да? — Роз повернулся к Рени. — Скажи мне, сколько человек пригласил твой хозяин?

— Не знаю, господин, — ответил Рени. — Много.

— Разве ты не сосчитал?

— Я не умею считать, господин.

— Не умеешь? Хорошо, отойди!

Рени низко поклонился и отошел в сторону.

— Ты первый жрец храма Моора, Геза, — сказал Роз. — И ты первый должен соблюдать законы.

— Я никогда не нарушал их.

Роз почувствовал страх в голосе Гезы. Умница Доб! Пожалуй, на первый раз достаточно.

— Тем лучше, если это так. — В глазах Роза Геза видел холодную насмешку. — Закон запрещает рабам даже грамотность.

Геза в полном замешательстве не знал, что ему говорить.

Роз переменил тему. Еще несколько минут они беседовали о разных вещах, пока Роз не решил, что прошло достаточно времени и он может войти в дом.

Геза шел за ним, терзаясь сомнениями. Знает ли Роз, и что именно он знает? Если ему известно все, Рени грозит смертельная опасность. Но почему Роз не говорит прямо, если ему сообщили о Рени?

Геза чувствовал, что Роз ведет с ним какую-то игру, но что он задумал, молодой жрец не мог догадаться.

Ден не сделал ни шагу навстречу Розу, но встал и поклонился ему со всеми признаками глубокой почтительности.

Почти тотчас же доложили о прибытии Боры. Ден на-

прасно тревожился, — Бора просто ожидал, чтобы его брат прибыл раньше.

Роз ничего не спросил, потому что был умен и осторожен. Бора, едва войдя в зал, тут же громко обратился к Гезе:

— Ты собираешься праздновать мое согласие в темноте? Если ты беден и у тебя нет факелов, я мог бы прислать их.

Все гости дружно рассмеялись шутке властелина.

— О нет! — ответил Геза. — Мы ждали твоего прихода, чтобы осветить зал.

Бора принял это как знак внимания к себе и остался доволен ответом.

Вместе с Борой прибыли два раба, богато одетые в золоченые туники. Они поднялись на помост и встали позади мест, предназначенных для Дена и Гезы. Тотчас же по знаку Дена Рени и другой раб, оба в белоснежных одеждах, застыли за спиной Роза и Боры.

Лицо раба, стоявшего возле Дена, показалось Гезе смутно знакомым.

— Где-то я видел его, — сказал он, обращаясь к Боре.

— Его зовут Моя, — ответил тот. — Ты мог видеть его у меня в доме.

Ден встал и в наступившей тишине торжественно сказал:

— Геза! Твой брак с дочерью великого правителя страны делает честь нашему роду. Сегодняшний праздник должен запомниться всем. Окажи честь нашим гостям, освети зал!

Геза вышел.

Слова Дена и уход Гезы удивили всех. Приказать внести факелы и светильники можно было и не удаляясь. Неясное предчувствие чего-то необычного овладело гостями. Они вспомнили, где находятся, и давний страх перед этим домом снова поднялся в их сердцах.

В зале наступила напряженная тишина.

— Что ты задумал? — тихо спросил Роз.

— Сейчас увидишь, — ответил Ден.

Четыре раба внесли небольшую лестницу, покрытую, как ковром, черной шкурой, и поставили ее у середины стола. Сидевшие возле этого места испуганно отодвинулись. Даже в простой лестнице они видели что-то таинственное.

Появился Геза. Он медленно вошел в зал, держа на вытянутых руках черный шар.

Об этом предмете по стране ходили самые невероятные слухи. Но никто никогда не видел его. По залу прошел шепот.

Красноватый свет факелов играл бликами на черной одежде Гезы, на бронзовой коже его лица, но, странное дело, не отражался в черной и гладкой поверхности шара.

Невыносимо медленно Геза приближался к лестнице.

Даже Бора почувствовал волнение. Все встали. Жрецы, съехавшиеся со всей страны, по одному от каждого храма, низко склонились перед Гезой.

Все так же медленно Геза подошел к середине стола, поднялся по лестнице и, подобно черной статуе в храме, застыл неподвижно, подняв шар над головой.

Ден восхищенно следил за каждым движением брата. Геза великолепно разыгрывал придуманную ими сцену. Только бы шар не вспыхнул сейчас!

Но вот Геза опустил руки. Общий крик, вернее вопль, вырвался из всех уст. Более ста человек окаменело, не веря своим глазам.

Шар повис в воздухе!

Действительно, только сознание того, что они находятся в гостях у верховного жреца, смогло удержать людей от панического бегства!

Ден встал и простер руки к шару.

Роз вскочил. Неизвестно, что он хотел сказать или сделать, — это навсегда осталось тайной для него самого, но он тут же почти упал обратно на скамью.

Шар вспыхнул!

Ослепляющий свет разлился по залу.

Вполне возможно, что в этот момент ничто уже не смогло бы удержать гостей Дена, но никто не двинулся. Люди потеряли способность даже пошевелиться.

Ден сел. Геза невозмутимо сошел на пол и направился к своему месту рядом с Борой, который невольно отодвинулся при его приближении.

— Приступим к пиру! — громко сказал Геза традиционные слова хозяина дома. — Рабы, наливайте кубки!

Но исполнить его приказ было некому. Все, рабы и гости, лежали на полу лицом вниз. Один Рени остался стоять за спиной Боры, который сидел ни жив ни мертв от ужаса.

Ден снова поднялся:

— Слушайте меня! Поднимитесь и ничего не бойтесь! Сила богов, проявившая себя в этом шаре, служит мне. Спокойно пируйте. Рабы, исполняйте свое дело.

И рабы встали первыми. Страх перед господином пересилил суеверный ужас. За ними встали жрецы. Робко поднялись все гости, удивляясь, что остались живы.

Первый непереносимый страх прошел. Теперь можно было не опасаться, что кто-нибудь подумает о бегстве из дома. К людям вернулась способность мыслить, а с нею и благоразумие.

Ден спокойно опустился на свое место.

— Что это значит? — спросил Роз, и его голос заметно дрожал от волнения. — Разве пришельцы были богами?

— Они никак не могли ими быть, — ответил Ден, настолько громко, чтобы его услышали все. — Разве они были похожи на тебя и твоего брата?

Никто не смотрел на шар. Его блеск ослеплял, подобно блеску солнца.

Ден был полон скрытого торжества. Он знал, что с этого момента на него и Гезу будут смотреть почти как на богов.

Знал это и Роз.

И если бы он мог изменять события, шедшие уже по чину его воли, шар спас бы жизнь Дена. Но Роз даже не знал, кто именно выбран Добом для исполнения приговора.

Оправившиеся от потрясения рабы подошли к гостям и наполнили оловянные кубки. Рени налил в кубок Боры и, как бы случайно, сделал то же с кубком Гезы, опередив раба, стоявшего за ним.

Этого никто не заметил.

Бора поднялся.

— Я согласился отдать свою дочь Лану в жены первому жрецу храма Моора Гезе, — произнес он старинную формулу, но произнес совсем с другим чувством, чем сделал бы это, не будь сцены с шаром. Теперь он радовался, что ее мужем станет столь могущественный человек.

Он выпил первым. За ним Геза. Ден и Роз поднесли кубки к губам одновременно с гостями.

Только один человек во всем зале знал, что должно сейчас произойти. Моя, стоявший за спиной Дена, замер.

Ден выпил. Несколько мгновений он сидел неподвижно с кубком у рта, потом покачнулся и упал головой на стол.

Все вскочили со своих мест. Все, кроме Роза.

Геза поднял брата.

Ден был мертв. Зеленоватая пена зыстыла у краев его посиневших губ.

В зале поднялась невообразимая паника. Жрецы кинулись к Дену и Гезе. Часть гостей бросилась к выходу, не сомневаясь, что верховного жреца поразил гнев богов. Не обрушится ли этот гнев на всех, кто видел таинственный шар?..

Старейший из жрецов наклонился над трупом Дена.

— Ты видишь, — сказал он Гезе, — эту зеленую пену и синие губы твоего брата. Верховный жрец отправлен!

Едва успели прозвучать эти страшные слова, как зал опустел. Все, даже жрецы, кинулись прочь. Остались только рабы, три старейших жреца, два военачальника, Роз и Бора.

— Ты уверен в том, что сказал? — спросил Роз.

— Уверен, господин! Этот яд мне известен.

— Кто мог отравить верховного жреца?

В голосе Роза звучал такой яростный гнев, что не поверить его искренности было невозможно.

— Я этого не могу знать, господин, — пролепетал перепуганный жрец.

Моа опустился на колени перед Гезой:

— Дозволь мне сказать, господин.

— Говори, — почти машинально ответил Геза. Он еще не в силах был осмыслить происшедшее.

— Я видел, господин. Видел, как в кубок твоего брата было что-то положено.

Роз мгновенно все понял.

— Почему же ты ничего не сказал, презренный? — гневно спросил он.

— Я не мог заподозрить того, кого господин поставил прислуживать властителю.

— Кто? — грозно спросил Геза.

— Вот он! — Рука Моа протянулась к Рени.

Геза отшатнулся.

Рени невероятным усилием воли сумел заставить себя спокойно сказать:

— Этот человек лжет.

Роз хорошо знал предусмотрительность Доба. Доказательство преступления Рени должно быть!

— Обыщите этого негодяя! — приказал он.

Три жреца набросились на Рени, как стая волков. Не прошло и минуты, как один из них с торжествующим криком вытащил из-за его пояса маленький сверток.

В нем лежала крупица зеленого вещества.

— Яд! — сказал жрец.

— Кого еще задумал ты отравить? — спокойно спросил Роз.

Рени пошатнулся. Только бронзово-красная кожа его лица не позволила заметить, как вся кровь отхлынула к сердцу.

— Взять его! — приказал Роз.

Рени связали руки. Два раба встали возле него.

— Приказывай! — сказал Роз, обращаясь к Гезе. — Теперь ты верховный жрец.

Эти слова вывели Гезу из состояния столбняка, в котором он находился с момента, как у Рени нашли яд.

Верховный жрец! Да, Роз сказал правду, он, Геза, — верховный жрец! И именно он должен произнести приговор, осуждающий Рени на жестокую казнь. Нет возможности спасти его. Полученное доказательство бесспорно в глазах всех.

Ни на секунду Геза не поверил в виновность Рени. Сверток с крупицей смертельного яда кто-то ему подсунул. Кто? Конечно, Моя. Он выдал себя, сказав, что видел, как Рени положил такую крупицу в кубок Дена. Рени не мог этого сделать, — значит, сам Моя.

В это ужасное для него мгновение Геза до конца понял, насколько прав был Рени, подозревая заговор. Он правильно понял всё: вероломство Ланы, лицемерное поведение Боры — всё, всё! Не догадался только об опасности, угрожавшей ему самому.

А он, Геза, не послушался человека, который был во много раз проницательнее его самого. И вот расплата: он должен убить Рени, чтобы его смерть скрыла истинного виновника.

Весь замысел Роза стал ясен для Гезы. Он мог бы еще сомневаться, если бы сам Роз не затеял разговора о Рени. Цель этого разговора — держать Гезу в руках под угрозой разоблачения, заставить казнить Рени, не пытаясь найти настоящего убийцу Дена, была предельно ясна.

Всё это промелькнуло в уме Гезы за секунду. Бешеный, нерассуждающий гнев охватил его. Рени погиб, но это не спасет убийцу. Он, Геза, попался в ловко расставленные сети. Роз ответит за это в свое время.

Геза огляделся налитыми кровью глазами. Он был так страшен, что все, кроме Роза и Боры, невольно попятились.

Взгляд Гезы упал на короткий бронзовый меч, висевший на поясе одного из военачальников. Прежде чем кто-нибудь смог сообразить, что он хочет делать, Геза выхватил меч из ножен, и голова Моя слетела с плеч.

Расчет Доба оправдался полностью.

Словно ничего не произошло, Роз хладнокровно повторил:

— Приказывай! — И добавил так тихо, что его мог слышать только Геза: — Опомнись! На тебя смотрят.

Не столько эти слова, сколько укоряющий взгляд Рени вернул Гезу к сознанию действительности. Он вдруг понял, что его бешеный порыв сыграл только на руку Розу. От Моя теперь уже ничего не узнаешь!

Глаза Рени молили и требовали.

«Играй! — говорили они Гезе. — Играй свою роль. Заставь всех поверить тебе. Обо мне ты успеешь подумать».

Геза почувствовал, что совершенно успокоился. Если он не проявит жестокости по отношению к Рени, это удивит всех и неизбежно возведет подозрения.

— Я убил твоего раба, — сказал он Боре. — Прости меня.

— Не имеет значения, — ответил тот. — Я дарю его тебе.

— Я рад, что ошибся и в приступе горя не обезглазил этого, — Геза указал на Рени. — Слишком легкая смерть! Уведите его! — приказал он жрецам. — Заточите его в подземной темнице храма!

Рени увели.

Геза знал, что его несчастный брат проведет несколько дней в ужасающих условиях, без пищи и воды!

Но что он мог сделать?!

Роз успокоился, видя жестокость Гезы к мнимому преступнику. Видимо, ему только показалось, что новый верховный жрец не поверил обвинению.

КАК СПАСТИ РЕНИ?..

Убежавшие из зала вместе со всеми гостями жрецы вскоре опомнились и вернулись. На их счастье, новому верховному жрецу было не до них. Геза даже не заметил их временного отсутствия. Такой поступок грозил каждому наказанием, вплоть до лишения сана.

Остальные гости ничем не рисковали, разве что гневом верховного жреца, который при случае мог отомстить за оскорбление, и страх не позволил им вернуться.

Но Геза и на это не обратил никакого внимания.

Надо было играть роль, и все душевые силы Гезы напряглись, чтобы не дать почувствовать Розу и старшим жрецам своего истинного состояния.

Единственная надежда на то, чтобы оказать Рени какую-нибудь помошь впоследствии, заключалась в том, чтобы все поверили, что виновность Рени не возбуждает в верховном жреце никаких сомнений.

Когда мнимого преступника увеличили, Геза приступил к обряду перенесения тела Дена в храм Моора.

Церемония была пышной и длительной.

С помощью солдат, вызванных по приказу Роза, сгнали народ. Люди расположились от дома до храма сплошным живым коридором.

Озаренная пламенем сотен факелов, траурная процесия медленно проследовала в храм. Труп Дена несли на руках, высоко подняв его над головами. Несли Роз, Бора и два старейших жреца. Геза шел позади, делая вид, что плачет. Обычай надо было соблюдать даже в мелочах. Позади, громко стена и оглажшая ночь воплями, двигались все рабы его дома.

Постамент для тела был уже приготовлен, и на него положили Дена, возле которого встали жрецы. Они должны были стоять здесь до утра.

Двери храма закрылись, и возле них выстроился караул из солдат.

Геза наконец был свободен.

Он вернулся в свой дом и заперся в спальню.

Отчаяние, гнев, жалость к Рени наполняли его душу, поочередно уступая место одному другому. Геза то плакал, как ребенок, то в безудержной ярости крушил все, что попадалось ему под руку. Рабы дома с ужасом прислушивались к грохоту ударов и треску ломаемой мебели. Ра-

были молили богов, чтобы господин не выходил из своей комнаты.

Весь дом не спал.

Пока Рени, хоть и связанный, находился у него под глазах, Геза на что-то надеялся. Теперь он предавался отчаянию, не находя никакого способа избавить любимого Рени от грозящей ему участи. Законы страны требовали необычной казни для убийцы жреца, тем более верховного жреца. Тут невозможно было воспользоваться правом помилования и присудить Рени к вечному заточению или ссылке на необитаемый остров, откуда его можно было вызволить спустя некоторое время. Такого приговора преемник убитого верховного жреца, да еще его родной брат, не мог вынести.

Смерть Дена не очень огорчила Гезу. Они так отдалились друг от друга после ухода пришельцев, что давно стали почти чужими.

Для Гезы смерть его брата означала только, что умер злобный, жестокий старик, вызывавший ненависть у всех, кто его близко знал. Но эта смерть влекла за собой гибель другого человека, единственного, кого Геза искренне любил.

Он хорошо помнил взгляд Рени там, в роковом зале. Этот взгляд был так красноречив, что Геза не мог сомневаться — Рени надеялся на его помощь, верил, что брат и друг найдет способ спасти его от жестокой смерти.

А может быть, Рени сам что-то придумал.

Но что мог придумать Рени в таком безвыходном положении?

Чем дольше думал Геза, тем очевиднее казалось ему, что Рени пришла в голову какая-то мысль.

Но какая? Как узнать?

Свидание верховного жреца с преступником, наедине, без свидетелей — вещь совершенно невозможная. Никакого предлога для такого свидания придумать было нельзя. Он, Геза, увидит Рени в первый и последний раз только в день суда и казни.

Что предпринять?

Геза сжимал голову руками с такой силой, что трещали кости черепа, но спасительная мысль не приходила. Тогда он снова начинал неистовствовать, ища успокоения в необузданном гневе. Он переломал и разбил все, что находилось в его спальне и могло быть сломано.

Только под самое утро, утомленный бесплодными мыслями и приступами бешенства, Геза бросился на ложе, и сон избавил его от мучений.

А утром, едва он открыл глаза, первой мыслью было именно то, о чем он тщетно думал всю эту ночь. Простое и ясное решение как-то само собой сразу пришло в голову.

Геза радостно засмеялся.

Как просто! Теперь он узнает, что думает сам Рени!

И Геза настолько успокоился, что даже с аппетитом принял утреннюю трапезу.

Он с удивлением убедился, как безгранична, оказывается, его вера в ум и находчивость Рени. Стоило найти способ узнать его мысли, и пришло спокойствие.

Рени *должен был* что-то придумать!..

Время, оставшееся в его распоряжении, Геза посвятил тщательному обдумыванию плана действий...

Страна не могла ни одного дня оставаться без верховного жреца. По существовавшим представлениям, такое положение могло привести к бедствиям. Моор не потерпит, чтобы не было человека, заменяющего его на земле. Поэтому имя будущего верховного жреца, который примет власть после смерти Дена, было давно произнесено и всем известно. Золотая цепь — символ высшей духовной власти — должна быть возложена на Гезу как можно скорее.

Геза знал, как длительна и тяжела предстоявшая церемония. Но он надеялся, что его большое, в глазах всех, горе позволит ему сократить ее.

Он вызвал одного из младших жрецов и послал его к Розу сообщить, что ожидает в храме. И тотчас же отправился туда сам. Их дом стоял рядом с храмом, и оба здания окружал один и тот же сад. Гезе нужно было только пройти по главной аллее.

Его ждала толпа жрецов, всю ночь проведшая у тела своего умершего главы.

Роз явился без промедления, но почему-то один, без Боры.

— Мой брат нездоров, — объяснил он удивленным жрецам. — Трагедия, произшедшая вчера в доме верховного жреца, сделала его больным.

Геза откровенно улыбнулся. Так он и поверил этой нелепице! Бора — и чувствительное сердце! Просто он не хочет возлагать цепь на своего будущего зятя.

— Твоего присутствия нам вполне достаточно, — ответил он Розу как любезнее.

Церемония не заняла много времени. Благодаря вчерашнему, неудавшемуся, празднству, в городе находились все первые жрецы храмов страны. Под предлогом своего траура Геза отказался от пышной процессии по городу и длительной процедуры преклонения перед ним высших сановников, что было принято всеми как знак искренней скорби.

Роз низко склонился перед новым верховным жрецом и удалился, торжествуя. Его план осуществился, и верховная власть в стране снова в полной мере в его руках. Поведение Гезы, во время возложения на него цепи, показывало, что он и не мыслит о продолжении линии своего покойного брата. Геза оказывал Розу все полагающиеся знаки почтения. Властитель не сомневался, что причиной этого является официальное объявление Гезы женихом Ланы.

В действительности Геза просто не думал ни о чем, кроме Рени и своего плана, к осуществлению которого он и приступил, как только Роз удалился. Возле него остались только жрецы, а он их новый глава.

— Я решил отложить приговор, — сказал он. — Моего брата, бывшего верховного жреца Дена, мы похороним со всеми почестями, которых он заслуживает. Это потребует времени на подготовку. Преступный раб будет казнен после похорон, чтобы не омрачать душу Дена путь к богам.

Это заявление было принято всеми жрецами как забота брата о брате и не встретило возражений. Забота о душе Дена, естественно, лежала на Гезе.

— Нужно позаботиться, — продолжал Геза, — чтобы преступный раб не умер до дня казни. Душа Дена не простит мне, если его убийца умрет столь легко. Казнь должна стать вечным напоминанием всем, кто задумает что-либо подобное.

И это было вполне понятно. Жрецы радовались, видя жестокие намерения своего властелина. Народ должен знать, что покушение на жреца не проходит даром, что преступника ждет страшное возмездие.

— Развяжите его, чтобы он не умер от нарушения кровообращения, — говорил Геза. — Дайте ему воды и лепешек, чтобы он не умер от голода и жажды. Киньте ему подстилку и покрывало, чтобы он не умер от холода или

сырости. Стерегите его, как зеницу ока, чтобы он не мог прибегнуть к самоубийству. Вы отвечаете передо мной за его жизнь. Преступник, поднявший руку на верховного жреца страны, должен предстать перед моим судом здоровым, чтобы в полной мере ощутить свою смерть.

— Будет исполнено, господин! — ответили жрецы храма.

Геза величественно удалился. Никто не мог заподозрить, что ум верховного жреца полон смятения и страха.

«Что я сделал? — думал Геза. — Избавил Рени от мучений или только усилил их? Если я ошибаюсь и Рени ничего не придумал, моя забота обернется против него. Но он должен был что-то придумать! Рени так умен! И я скоро узнаю, что он придумал. Жрецы не подозревают, что Рени грамотен».

Мысли Гезы обратились к Розу:

«Проклятый убийца! Ты думаешь, я не знаю, кто убил Дена, а теперь убивает Рени. Ты думаешь, я поверил в его виновность. Я все знаю. И ты поплатишься, дай срок!»

Геза больше не любил Лану. Ее участие в заговоре и лицемерие в памятном разговоре были слишком очевидны. Но он не мог уже отказаться от брака с ней.

Что ж! Тем лучше! Семейная близость к Розу облегчит Гезе его месть!

Крупинка смертельного яда, от которого мгновенно умер Ден, осталась у Гезы. Он развернул сверток и долго задумчиво смотрел на зеленый кристалл. Передать это Рени так, чтобы никто не заметил, было трудно, но возможно, в день казни. А Рени сумеет воспользоваться страшным подарком брата и избавится от мучений. Это в том случае, если Геза ошибся и никакого плана спасения у Рени нет. А благодаря отсрочке приговора он не будет физически мучиться все это время.

А нравственно?..

Геза мучился сам, возможно, гораздо больше Рени, когда думал об этом.

Шли дни. Бальзамирование тела Дена было поручено лучшему мастеру, человеку из далекой восточной страны Та-Кем, подвластной стране Моора уже много столетий, перенявшей от нее, в числе других, и обычай бальзамирования трупов. Человека этого звали Даиром, и он был великим мастером своего дела.

Несмотря на вековую тесную связь, обе страны резко

отличались друг от друга своими верованиями, имели различных богов и различный ритуал погребения. Но самый процесс бальзамирования был один и тот же.

Могилу для Дена Геза выбрал в саду храма, рядом с беседкой, которую покойный очень любил. Недалеко был похоронен и отец Дена и Гезы. Так делалось всегда, — кладбищ не существовало, каждый хоронил своего умершего родственника возле своего дома. Ни оград, ни памятников никто не знал. Могилы постепенно сглаживались, и люди ходили по месту захоронения своих предков, не считая это кощунством. Так было всегда.

Накануне дня, назначенного для всенародного прощания с телом Дена, Геза получил наконец несколько слов от Рени.

По обычаю верховный жрец должен был заботиться о питании заключенных в темнице храма. Преступление, приписываемое Рени, было таково, что Геза имел право переложить эту обязанность на кого-нибудь из старших жрецов. Он так и сделал из осторожности, но решил, что никто не заметит, если из дома верховного жреца принесут что-нибудь и для Рени, а не только двум другим заключенным. Прошло довольно много времени и, если даже кто-нибудь обратит внимание, то припишет это забывчивости Гезы в его горе или инициативе раба, носящего заключенным пищу. Никаких подозрений это не могло вызвать.

Геза знал, кому из рабов Рени доверял больше всех. Именно ему он и приказал однажды заменить другого раба, собрать остатки от трапезы рабов и отнести их в храм.

— Зайди туда, где заключен Рени, — сказал он рабу, — и посмотри на него. Я хочу знать, в каком он состоянии. Смотри внимательно и потом расскажи мне. Теперь я поручаю это дело тебе. Ты каждый день будешь заходить к Рени.

Раб склонился до земли. Он понял Гезу так же, как поняли его жрецы, которым раб передал слова господина, а именно, что Геза беспокоится, достаточно ли здоров Рени, чтобы «ощутить» смерть, как говорил им сам Геза.

Рени был здоров, как может быть здоров человек, находящийся в темном сыром подвале, без свежего воздуха и спящий на сыром полу.

Он обрадовался приходу знакомого раба, поняв, что

его прислал Геза. Еще больше его обрадовало известие, что этот раб будет каждый день заходить к нему по приказу господина.

План действий возник мгновенно.

— Мне ничего не нужно от твоего господина, — злобно сказал Рени, отталкивая принесенную пищу.

Жрец, сопровождавший раба, усмехнулся. Бессильный гнев преступника против верховного жреца показался ему забавным. Он молча сделал знак рабу забрать корзину и удалиться.

Тяжелая дверь закрылась.

Рени вскочил в сильном возбуждении. Только бы Геза правильно понял! Тогда он, Рени, будет спасен.

В полной темноте, изредка озаряемой факелом надсмотрщика, Рени снял с себя верхнюю одежду. Ее не отняли по приказу Гезы, всё с той же целью: «не дать преступнику умереть от сырости». Материя была плотной и крепкой, — одежда рабов всегда свидетельствовала о богатстве хозяев. Зубами надорвав кожу на пальце, Рени кровью написал на обратной стороне туники достаточно ясную записку. Потом снова надел ее на себя и стал ждать.

Как он и надеялся, раб не посмел скрыть от Гезы ни одной подробности. Со страхом, но он передал господину и дерзкие слова заключенного.

Геза слишком хорошо знал Рени, он сразу понял, что мнимый гнев должен иметь какую-то причину. Но он не смог ни о чем догадаться, пока не узнал на следующий день, что при вторичном посещении раба Рени не только оттолкнул корзину, но и ударил по ней ногой.

— Он сорвал с себя одежду, господин, — рассказывал раб, бледный, как полотно, при мысли, не возбудит ли гнев Гезы такое поведение Рени и не обрушится ли этот гнев на него самого. — Он бросил ее в мою корзину и кричал, что не хочет даже одежды, которая принадлежит тебе. Жрец смеялся и велел мне отнести эту одежду тебе, господин. Я выполняю приказ жреца, господин, — умоляюще закончил раб.

Корзина стояла возле. Геза видел в ней белую тунику Рени. Все было ясно!

Геза понимал, зачем жрец приказал отнести ему эту тунику. Вызывающее поведение заключенного могло только разгневать судью и усугубить наказание.

— Егги! — крикнул он. — Сейчас же позови ко мне трех старших жрецов. Быстро! — Он сделал шаг к рабу, чтобы тот не мог захватить с собой корзину.

Перепуганный раб со всех ног бросился выполнять приказ.

Геза схватил тунику. Неровные расплывчатые буквы алели на внутренней стороне. Они были похожи на кровавые пятна, и даже сам Геза, случайно увидев их, никогда бы не догадался, что это письмо.

Ему стоило большого труда разобрать послание Рени.

Геза свистнул. Немедленно прибежал раб.

— Убери! — приказал Геза. — Брось в огнь!

Раб унес корзину. Геза знал, что его приказание будет точно исполнено. Не только туника, но и сама корзина сгорит в огне.

В ожидании вызванных им жрецов Геза нервно ходил по комнате. Пусть жрецы увидят, что он в бешенстве. Они, конечно, знают уже об оскорблении верховного жреца заключенным. Их не удивит то, что он им сейчас скажет.

Но, нервничая, Геза не притворялся. Он действительно был сильно обеспокоен. План Рени очень рискован! Но он прав, ничего другого невозможно придумать. И большое достоинство замысла в том, что, выполняя его, Геза мог проявить неслыханную жестокость. Его приговор запомнится надолго! Умница Рени!

Жрецы низко поклонились. Видя возбужденное лицо и блеск глаз Гезы, они принимали это за признаки гнева.

— Я опасаюсь, — сказал Геза, — что убийца моего брата теряет рассудок. Безумный не воспримет казни.

— Он может и притворяться, господин, — успокаивающее сказал один из жрецов.

Геза резко остановился:

— А если нет?

Жрецы молчали.

— Я решил ускорить казнь. Она состоится завтра.

— Завтра мы хороним Дена, — напомнил жрец.

— Знаю. Слушайте, каков будет мой приговор.

Геза говорил медленно, тщательно обдумывая каждое слово.

Жрецы слушали с удивлением. Они знали много способов подвергнуть человека мучительной смерти, но до такого еще никто не додумывался.

— Душа твоего брата будет удовлетворена, — сказали они, когда Геза замолчал.

— Проследите, чтобы все было сделано по моим указаниям, — добавил Геза. — Главное, чтобы могила не обрушилась.

— К утру все будет готово, господин.

— Пойдемте, я покажу вам место.

ПРИГОВОР ГЕЗЫ

«Жажда мести» не давала покоя верховному жрецу. В течение ночи он несколько раз подходил к работающим, проверяя, как идет дело. Жрецы, наблюдавшие за рабами, переглядывались, довольные непреклонностью Гезы.

Место для могилы было указано немного в стороне от выбранного Гезой раньше.

Утром посланцы храма разошлись по городу, всюду объявляя, что суд над преступником состоится сегодня, а вслед за ним начнется церемония похорон убитого верховного жреца.

Народ стекался толпами. Вскоре сад, примыкавший к храму, не мог уже никого вместить.

Ровно в полдень прибыли Роз и Бора. Лана была с ними, блестая молодостью и красотой.

Властителей встретили старшие жрецы и почтительно провели к приготовленной для них скамье, на ступенях храма.

Все знали, что церемония продлится долго. Жрецы все свои обряды всегда проводили в томительно медленном темпе. Но никто не выказывал нетерпения, — такое зрелище редко выпадало на долю горожан.

На верхней ступени широкой лестницы стояла золотая скамья, покрытая черной шкурой. Возле нее застыли фигуры младших жрецов. Это было место судьи.

Наконец появилась стража, ведущая преступника. Впереди с горящими факелами, хотя ярко сияло солнце, шли четыре жреца. За ними шел Рени. Замыкали шествие десятка два воинов.

На Рени была только набедренная повязка. Его обнаженное тело и спутанные волосы, освобожденные, впервые в жизни, от обруча раба, были испачканы землей.

Его поставили перед скамьей судьи, несколькими ступенями ниже, и заставили опуститься на колени.

Толпа с жадным интересом рассматривала убийцу. Его красивое и мужественное лицо поразило всех своим спокойствием.

— Он красив, — сказала Лана. — Я пожалела бы его, если бы он не был рабом.

— Геза его не пожалеет, — злорадно ответил ее отец.

— Что-то он долго не выходит, — сказал Роз.

Но как раз в этот момент в дверях храма показался верховный жрец в полном облачении, с золотой цепью на плечах. Его сопровождала толпа старших жрецов.

Народ шумно приветствовал властелина.

Геза с трудом заставил себя выйти. Теперь, когда наступила решительная минута, весь план Рени казался ему ошибкой. Он боялся, что его нервы не выдержат при виде того, кого он любил сейчас больше, чем когда-либо раньше.

С величавой медлительностью верховный жрец подошел к своему месту и сел на скамью. Жрецы окружили его с трех сторон.

Рени низко опустил голову. Его поза выражала покорность.

Один из жрецов, черная одежда которого была украшена тонкой золотой цепочкой, выступил вперед.

— Великий судья! — закричал он как можно громче, чтобы его услышали все. — Перед тобой бывший раб по имени Рени, уличенный в убийстве верховного жреца страны Дена. Вынеси ему свой справедливый приговор. И будет так!

Геза сидел неподвижно, глядя прямо перед собой, застывший, как изваяние. Живое олицетворение правосудия!

Наступила напряженная тишина ожидания.

Геза заговорил, разделяя каждое слово длинной паузой. Четыре жреца, повернувшись на четыре стороны, протяжно и громко повторяли за ним.

— Я забыл сейчас, — говорил Геза, — что убитый был моим братом. Я помню только, что он был моим властелином, верховным жрецом, первым человеком в стране, после Роза и Боры...

Братья переглянулись, очень довольные таким проявлением покорности Гезы. Этого они не ожидали.

— ...Я помню сейчас только то, что Ден был молод, что он долго еще мог жить. Презренный и низкий раб заставил его умереть прежде времени. Душа Дена требует от меня сурового наказания его убийце. Я решил...

Геза надолго замолчал, не столько потому, что этого требовал обычай, но главным образом оттого, что волнение душило его. Он не решался опустить глаза и посмотреть на Рени, а, как и прежде, смотрел прямо перед собой.

— Я решил, — повторил он. — Убийца будет похоронен раньше Дена. Его опустят в могилу живым, снабдят водой и пищей. Чтобы он не задохнулся, в его могилу будет проникать воздух. Сверху мы положим тело Дена. В темноте и холода своей могилы убийца долго будет ждать смерти. У него будет время вспоминать свое преступление и жалеть о нем. Будет так!

Приговор произвел потрясающее впечатление. Такая утонченная пытка никогда не применялась. Заживо похороненный человек мог прожить целую луну.

Жрецы и воины приблизились к Рени. Он встал сам. Жестокий приговор, казалось, нисколько не повлиял на его спокойствие.

— Благодарю тебя! — сказал он, обращаясь к Гезе.

Дерзость осужденного вызвала гневный ропот в толпе жрецов.

Рени гордо вскинул голову. Он хорошо знал, что никто ничего ему не сделает. Что можно сделать человеку, приговоренному к такой казни? Впервые в жизни Рени был абсолютно свободен, недаром сняли с него обруч раба.

— Я умру, благословляя твое имя, — продолжал он с явной насмешкой. — Ты мудр и справедлив. Моя душа придет к тебе, когда покинет тело.

— Позволь заткнуть ему рот, — прошептал жрец, наклонившись к уху Гезы.

Верховный жрец ответил гневным взглядом. Жрец помешал ему прислушиваться к словам Рени, тайный смысл которых понимал он один.

— Не трогай! — ответил Геза сквозь зубы. — Он хочет вызвать легкую смерть. Пусть говорит.

— Я буду говорить, — сказал Рени, услышав эти слова. — О нет, я не ищу легкой смерти. Я доволен твоим приговором, великий судья! Ты выполнил мое тайное же-

ление. Мне будет хорошо под телом твоего брата. Оно охранит меня от злых духов. Но не думай, что меня ожидают долгие мучения. Я перестану дышать воздухом, которым ты великодушно меня обеспечил, через три дня. И умру, радуясь, что обманул твои ожидания.

— Уведите его! — сказал Геза, словно ему надоели речи преступника.

Рени сказал все, что Геза хотел знать.

Роз удивился, что Рени ни словом не обмолвился о своей невиновности. Смутные подозрения проснулись в нем.

— Проверь, — шепотом приказал он Добу, — нет ли из могилы подземного хода.

— Его не может там быть, мой господин. За рытьем могилы наблюдали три жреца. Все делалось открыто.

— Исполнил то, что тебе приказано, — сердито сказал Роз.

Геза заметил и понял весь этот разговор. Он усмехнулся. Пусть Роз проверяет. Его посланный ничего не увидит, что могло бы раскрыть замысел Рени.

Между тем жрецы расчищали широкий проход к могиле. Народ теснился, уступая им дорогу.

Началось шествие к месту казни.

Впереди воины вели Рени. За ними медленно шел Геза. Затем следовали Роз, Бора и Лана. Замыкала шествие толпа жрецов.

Народ перенес свое внимание на властителей, которых ему редко приходилось видеть так близко. Раздалось несколько криков зажатых толпой людей.

Опасаясь, как бы не смяли высоких особ, воины окружили их. Сквозь ряды прописнулся Доб и тихо сказал Розу:

— Всё в порядке, мой господин. Могила выложена камнями. Из нее не выскохнет и змея.

Роз успокоился. Видимо, Геза поверил в виновность Рени. А если и не поверил, то смирился и делает вид, что верит.

Могила была очень глубока. В самом низу она, действительно, была укреплена камнями, чтобы земля не осыпалась и не завалила ее. Тяжелая, из толстых досок, крышка лежала возле.

Геза внимательно посмотрел на нее. Выдержит ли?

Такой же взгляд бросил на крышку и Рени. Очевидно,

он решил, что крышка надежна, потому что громко сказал, ни к кому не обращаясь:

— У меня нет надежды умереть раньше, чем я сам захочу.

Хладнокровие осужденного нравилось зрителям. Раздалось несколько одобрительных возгласов.

Геза понял, что эти слова адресованы ему, и теплое чувство благодарности наполнило его. Рени в своем ужасном положении думал о спокойствии друга.

Ведь если крышка не выдержит, Рени будет раздавлен!

Воины опустили в могилу длинную лестницу.

— Ты проверил надежность трубы? — тихо спросил Геза у жреца, наблюдавшего за приготовлением могилы. — Я не хочу, чтобы преступник задохнулся.

— Она надежна, господин, — ответил жрец.

— Куда она выведена?

— Как ты приказал, в беседку, чтобы ее случайно не засыпало.

Геза кивнул головой. Кто мог догадаться о действительной причине его тревоги!..

— Проследи, чтобы крышку хорошо укрепили.

— Я сделаю это, господин. Преступник проживет долго, — «успокоил» жрец.

Рени остановился у верхней ступени. Словно прощаюсь с землей и небом, он медленно обвел взглядом все, что его окружало. Он старался как можно лучше сыграть свою роль, дабы ни малейшего подозрения не могло возникнуть ни у кого.

— Иди! — Геза заставил себя произнести это слово, только напрягши всю силу воли.

Точно поняв наконец, что его ожидает, Рени стоял тяжело дыша и низко опустив голову.

Один из воинов слегка тронул его острием копья.

— Иди же, — прошептал он, — или нам придется столкнуть тебя.

В голосе солдата было волнение.

Человек не может смотреть на казнь спокойно.

Наступила глубокая тишина. Толпа затаила дыхание.

Тряхнув головой, Рени быстро спустился по лестнице, которую тотчас же убрали.

Каменное ложе имело достаточно большие размеры, чтобы он мог свободно двигаться лежа. Стояли два сосуда

с водой и блюдо с грудой лепешек. Этой пищи могло хватить дней на пятнадцать.

Рени постарался запомнить, пока был свет, расположение камней. Не ошибся ли Геза? Правильно ли указал он место могилы?..

Из отверстия трубы тянуло свежим воздухом. С этой стороны всё было в порядке.

Рени лег, повернувшись головой в нужном ему направлении. Подземный ход, о существовании которого знали только он и Геза, должен проходить недалеко, но все же в достаточном отдалении, чтобы его не обнаружили рабы, рывшие могилу.

А если Геза ошибся?!

Впервые Рени почувствовал страх. До сих пор он ни в чем не сомневался, не думая о подробностях своего плана.

Крышка медленно опускалась... Рени закрыл глаза, чтобы не видеть ее приближения.

Черная мгла скрыла от него весь мир...

Как только крышка опустилась, лестница снова была установлена и по ней спустился жрец, чтобы проверить, правильно ли она легла.

Потом крышку забросали землей на глубину обычной могилы.

Можно было приступить к обряду похорон Дена.

Обряд продолжался еще дольше и был еще торжественнее, чем казнь. Ритуал, легший на его плечи, казался Гезе невыносимо медленным. Все его мысли были там, в глубине могилы, где лежал Рени. Страх и тревога терзали верховного жреца, величаво исполнявшего свои обязанности на глазах всех.

Грубо набальзамированное тело брата не произвело на Гезу никакого впечатления, — он его просто не замечал. Но обычай заставлял играть роль, и Геза в момент опускания тела снял с себя золотую цепь, превращаясь из верховного жреца в родственника покойного. Он разорвал одежду и посыпал голову землей в знак скорби. Для всех было очевидно, что он заплакал, хотя из его глаз не выкатилась ни одна слезинка.

Жрецы обязаны пунктуально соблюдать обычай, и Геза соблюдал их, думая о Рени.

Когда наконец церемония окончилась, все разошлись и Геза остался один, он долго сидел опустошенный, раз-

давленный несчастьем, свалившимся на него. Он исполнил желание Рени, не думая о том, что будет дальше, теперь он осознал в полной мере, что потерял брата и друга навсегда. Рени останется жив, — это прекрасно! Но ему придется скрыться из страны и никогда в нее не возвращаться. Он, Геза, не увидит его никогда!

Что он будет делать среди чужих людей, не имея ни одного друга? Долгая жизнь с ненавистной ему теперь Ланой ужасала Гезу.

Огромные трудности ожидали его с Рени. Как сделять, чтобы вышедший из могилы не попался никому на глаза? Как скрыть бегство его из страны? Записка, переданная Рени из темницы, ничего не говорила об этом. Не получится ли так, что Рени сразу же будет схвачен? Тогда его вторично постигнет казнь, а сам Геза потеряет все, может быть и жизнь. Роз и жрецы не простят такого обмана.

Смерть не пугала Гезу. Но жизнь была ему нужна, чтобы отомстить Розу. Жизнь и сан верховного жреца.

Из задумчивости его вывел приход раба.

— Что тебе нужно? — спросил Геза.

— Тебя хочет видеть какой-то человек, господин.

— Кто он?

— Он назвал себя Даиром.

— Хорошо, введи его.

Даир вошел. Это был глубокий старик, много лет назад поселившийся в стране Моора. Никто не знал причин, побудивших его покинуть родину. Он жил одиноко и считался богатым.

— Ты пришел за наградой? — спросил Геза.

— Я ее получил, господин. Я пришел по другому делу. Будь добр, удали раба.

Геза сделал знак рукой.

— Мы одни, — сказал он. — Говори, что привело тебя в вечер моей скорби?

— Прости меня, господин. Но то, что я хочу сказать, важно для тебя.

— Я тебя слушаю.

— Тело твоего брата, — понизив голос сказал Даир, — не бальзамировано. Я только придал ему вид, который должно иметь тело после этой операции. И то с большим трудом.

Геза был так удивлен, что забыл притвориться гнев-

ным. Признание в обмане было опасно для Даира. Что же побудило его сделать это? Уличить его теперь уже никто не мог.

— Ты не умеешь этого делать? — спросил он насмешливо.

— Умею, господин. Но тело твоего брата нельзя было бальзамировать.

Внезапно Геза все понял. Безумец, как мог он забыть! Теперь великую тайну Дена знает этот старик.

Тайна, о которой знает третий человек, это уже не тайна.

— Да, — сказал Геза, — об этом я забыл в своем горе. Ты прав, старик. Благодарю тебя за то, что ты не разгласил великую тайну милости богов к моему брату.

Чуть заметная усмешка тронула губы Даира. Но как ни мимолетна она была, Геза заметил ее.

— Я никому ничего не сказал. — Даир поклонился. — И никто не знает, если ты, господин, будешь щедр к своему рабу.

— Ты хочешь продать мне свое молчание?

— Мне нужен корабль, чтобы вернуться на родину. Я хочу умереть на родной земле. Слишком долго я жил здесь.

— Разве у тебя нет средств?

— Увы, нет, господин.

— Хорошо, — сказал Геза, — ты получишь корабль. Но если тебе дорога жизнь, молчи!

— Я буду нем, как могила, господин.

— Приди ко мне через три дня.

— Твой раб повинуется тебе.

Даир с поклоном удалился.

Как только он скрылся за дверью, Геза вскочил. Настало время воспользоваться властью, бывшей в его руках. Как хорошо, что он не успел еще назначить себе преемника на посту первого жреца храма Моора. Он может достигнуть нужной ему цели, не посвящая никого в страшную тайну.

Вошедшему на его свисток рабу Геза приказал позвать жреца, имя которого назвал.

— Быстрее!

Раб бросился со всех ног.

Жрец явился без промедления. Это был один из тех, кто приводил в исполнение тайные приговоры храма.

Невозмутимый, готовый на все, суровый, как сама смерть, жрец низко поклонился.

— Ты знаешь человека по имени Даир? — спросил Геза?

— Знаю, господин. Это бальзамировщик.

— Даир проник в одну из тайн нашего храма.

Эти слова сами по себе сказали жрецу всё, что ему нужно было знать. Но с внешним смирением он сказал:

— Приказывай, господин.

— Даир должен умереть не позднее наступления утра.

— Он умрет через два часа, господин.

Ни малейшего удивления не вызвал у жреца приговор, вынесенный без суда.

Так было всегда. Первый судья храма Моора знает, кто и когда должен умереть.

Жрец поклонился и вышел, чтобы, не рассуждая, выполнить волю властелина.

Одной загадочной смертью в городе станет больше, только и всего!

ПРОЩАНИЕ

Время тянулось томительно. Геза знал, со слов Рени, что увидит его через три дня. Видимо, этот срок Рени считал необходимым, чтобы проделать выход из могилы в подземный ход, ведший к тайнику пришельцев.

Тревога и нетерпение гнали Гезу в беседку. Он проводил в ней все свободное время. Могила Дена была рядом, и все принимали это за скорбь брата по брату.

Но взгляд Гезы был устремлен не на могилу, а на едва заметное отверстие трубы, случайно оказавшееся почти рядом с замаскированным люком. Хорошо, что никто его не заметил!

Геза понимал, что его спасла случайность, что в своей тревоге за судьбу Рени он допустил ряд ошибок.

Но теперь ошибки уже недопустимы. Выход Рени на поверхность земли надо подготовить так тщательно, чтобы исключить возможность провала.

Чем больше Геза думал об этом, тем сильнее была его тревога.

Куда и как спрятать Рени?

Геза не принадлежал бы к правящей касте, если бы

не знал, что за всем, что происходит в домах высших сановников, внимательно следят глаза Роза. Он знал о Добе и его роли старшего шпиона при властелине. Он знал, что у него в доме есть рабы, выполняющие указания Доба. Появясь в доме «воскресший» Рени — Роз тотчас же узнает об этом.

Все эти препятствия казались Гезе непреодолимыми. Он остро ощущал невозможность посоветоваться с самим Рени.

В конце концов Геза решил ждать, ничего не предпринимая, пока не увидится с Рени и не получит его указания. Несколько дней Рени вполне может провести в подземном ходе, не показываясь наверху.

На второй день, сидя в беседке, Геза внезапно подумал о том, что труба, ведущая в могилу, может служить не только для подачи воздуха: через нее должно быть слышно, что происходит там, под землей. А если это так, то с Рени можно вести разговор.

Геза внимательно огляделся. Как будто никого! Но все же он не решился проверить свою мысль днем. Незаметно для него кто-нибудь может увидеть странное поведение верховного жреца, и этот человек может оказаться как раз шпионом Доба.

Глухой ночью Геза снова пришел в беседку. Мысль, что Рени спит, не пришла ему в голову. Ведь там, в могиле, нет ни дня, ни ночи.

Было темно, небо скрывали густые облака, и Геза не опасался, что его могут увидеть. Он проскользнул в угол беседки и приник ухом к отверстию.

Тишина!

Холодный пот выступил на лбу Гезы. Страшная мысль, что Рени задохнулся, пронзила его мозг. Жрецы были внимательны, но работу производили не они, а рабы — товарищи Рени. Могло случиться, что кто-нибудь из них, жалея Рени, сделал так, чтобы труба перестала пропускать воздух и этим ускорила смерть заживо погребенного.

Геза приблизил губы к отверстию и позвал:

— Рени!

Полная тишина!

— Рени, ты меня слышишь?

Ни звука в ответ. Холодом смерти веяло из отверстия трубы.

Геза провел рукой по влажному лбу. Тонкий слух Рени не мог отказать ему. Рени должен был услышать голос. Что же делать? Разрыть могилу? Невозможно!

Не думая о том, что он собирается делать, весь во власти одной мысли — спасти Рени, если он еще жив, Геза нащупал и поднял крышку люка.

Сходить за факелом? Нельзя, могут увидеть.

Он спустился в подземный ход. Влажной сыростью дышали близкие стены. Руки скользили по комьям земли. Геза осторожно шел вперед. Где, в каком месте этот ход примыкает к могиле, он не знал. Место было указано приблизительно, по косвенным признакам.

Неожиданно Геза на что-то наткнулся. Наклонившись, он нащупал рукой обнаженное плечо человека. Плечо было холодным.

Человек, лежавший на земле, пошевелился. Геза почувствовал, что тело приняло сидячее положение. И тотчас же раздался голос Рени:

— Кто здесь?

Геза чуть не задохнулся от радости. Комок подступил к горлу, и он не смог сразу ответить.

Мрак был непроницаем. Геза не видел, но каким-то шестым чувством понял, что Рени сейчас бросится на него. Ведь он не знал, кто перед ним, и мог заподозрить все, что угодно.

— Рени! — выдавил из себя Геза. — Милый Рени! Это я.

Две руки коснулись его лица. В следующую секунду Геза оказался в объятиях друга. Он содрогнулся, почувствовав, как слабы эти объятия. Куда делась могучая сила его брата?

— Милый Рени! Ты выбрался. Ты жив!

— Еще вчера, — ответил Рени, — а может быть и сегодня. Я спутал время в этой темноте. Что сейчас, день или ночь?

— Ночь.

— Зачем ты пришел сюда?

— Я хотел говорить с тобой через трубу. Но ты не ответил, и я испугался.

— Геза!

Снова объятие в кромешной тьме.

— Ты должен уйти отсюда. Кто-нибудь может прийти из храма.

— Никто не придет. Ты очень мучился?

— Я очень ослабел, — ответил Рени своим обычным голосом. — Твое правосудие сурово.

— Я сам мучился, милый Рени.

— Я знаю. Но ты, Геза, хорошо вел себя во время суда и казни. Я доволен тобою, мой брат.

Впервые Рени назвал Гезу братом. Раньше он всегда называл его по имени. Геза понял, чем вызвано это слово. Рени больше не был рабом. Он был свободен, как может быть свободен умерший.

— Да, — сказал он, — я твой брат, Рени. И этот брат сделает все, что ты ему прикажешь.

— А что ты сам думал делать?

— Не знаю, Рени. Я ничего не мог придумать. Я ждал завтрашнего дня, вернее ночи, чтобы решать вместе.

— Я уже решил, — сказал Рени.

— Что ты решил?

Вместо ответа Рени заговорил о другом:

— Ты хорошо рассчитал, Геза. Могила оказалась совсем рядом с подземным ходом. Я легко проник сюда. Мне показалось, что здесь теплее, чем там. Но теперь...

Геза вспомнил ощущение холода от плеча Рени. Ведь он почти обнажен, на нем только набедренная повязка. Сняв с себя плащ, Геза ощупью накинул его на плечи Рени.

— Спасибо! Мне кажется, что я болен, Геза.

— Болен!

Непредвиденное осложнение привело Гезу в полное отчаяние. Большого немыслимо оставить здесь!

— Что же теперь делать?

— Может быть, мне это только кажется, — сказал Рени. — Я продрог. Теперь мне гораздо лучше в твоем плаще.

— Где спрятать тебя?

— Там.

Геза не видел, куда указывает Рени, но легко догадался.

— В тайнике?!

— Больше негде. Спрятать меня необходимо, уйти некуда. Наверху мне нельзя появляться, пока обо мне не забудут.

— Не можешь же ты провести там несколько лет.

— А сколько лет, по-твоему, нужно, чтобы обо мне забыли?

— Много, Рени.

— Но сколько?

— Не знаю. Рабы долго не забудут тебя.

— Ты еще не понял моего плана, Геза, — неожиданно сказал Рени.

— Я думал, что понял все.

— Нет, не все. Ты понял и осуществил первую его часть. Но она бесцельна без второй. Ты помнишь рассказ Дена?

— Какой рассказ?

— О том, как Ден проник в подземный ход и открыл дверь тайника.

— Помню.

— Ты должен помнить и то, что, пробыв в тайнике одну минуту, Ден вышел из него через сорок дней.

— И это помню, — ответил Геза, все еще ничего не понимая.

— Он вышел таким, — продолжал Рени, — как если бы действительно пробыл там одну минуту. А мы знаем, что прошло сорок дней. А если бы Ден пробыл там весь день?

Геза вздрогнул. Теперь он понял безумный план Рени.

— Я не пущу тебя!

— Значит, ты хочешь, чтобы меня вторично казнили, а тебя самого выгнали из храма?

— Тебя постигнет там смерть.

— А что ждет меня наверху? Я верю, Геза, да и нельзя не верить. Мы сами видели Дена после выхода из тайника. Мы знаем, что он пробыл там полторы луны. Я верю пришельцам.

— Они исчезли оттуда.

— Через шесть лун. А я пробуду там полтора часа. Как ты думаешь, узнает меня кто-нибудь, если я появлюсь через сто двадцать лун точно таким, какой я сейчас?

— Ты безумен, Рени!

— Нет, просто я верю, что существует многое, чего мы не понимаем.

— Ты знаешь, какая болезнь постигла Дена после того, как он побывал в тайнике.

— Мы не знаем, что в этом виновато. Пришельцы тоже были «больны» и находили это нормальным.

В голосе Рени звучала решимость. Геза понял, что он все равно выполнит задуманное.

Кроме того, надежды на спасение при выходе наверх почти не было. После того как сам Рени подтвердил это, Геза уже не сомневался. Он сдался:

— Я буду ждать тебя полтора часа.

Рени засмеялся:

— Ты забыл, что для тебя пройдет не полтора часа, а сто двадцать лун!

— Так долго я не увижу тебя!

— Лучше долго, чем никогда. Я давно бы вошел туда, по мне хотелось дождаться тебя и проститься с тобой. Чтобы ты знал, что я вернусь.

— Я убью Роза, — со злостью сказал Геза. — Я захватчу власть еще крепче, чем это сделал Ден. Я стану единственным властелином страны. И как только добьюсь этого, приду за тобой. Мы придумаем, что сделать, чтобы твое «воскрешение» укрепило страх передо мной, увеличило мою власть. И ты перестанешь быть рабом, Рени. Я сделаю тебя жрецом.

— Все это мечты, Геза, — ласково сказал Рени. — Рабом я уже перестал быть. Но бывший раб не может стать жрецом. Благодарю тебя за добрые намерения. Не будем терять времени. Научи меня, как надо нажать на выступ, чтобы дверь открылась. Я совсем забыл, что без тебя не смог бы это сделать.

— Я сам открою, — сказал Геза.

— Нет, ты уйдешь. Кто знает, может быть, открыв дверь, ты выйдешь наверх спустя долгое время.

— Ты прав, Рени, прав, как всегда. Иди! Я буду ждать тебя. И ускорю твое возвращение, насколько смогу.

— И я буду ждать тебя полтора часа.

— А как ты определишь время?

— Я буду считать. Что еще делать там.

Наивные дети! Они ни в чем не сомневались, готовясь привести в действие неведомые им силы. Ребенок не боится огня, пока не обожжет пальцы. Невежество подобно ребячьему недомыслию!

— Прощай, Геза!

— Ты прощаешься со мной на полтора часа, а я...

— Думай обо мне и приводи в исполнение свой план. Отомсти Розу за нас обоих.

Геза услышал удаляющиеся шаги.

— Не забудь заделать отверстие из могилы, — донесся до него голос Рени.

Послышался шорох осыпавшейся земли. Видимо, Рени сильно задел за стену.

Раздался резкий металлический звук, точно железные палицы столкнулись.

Ярко вспыхнул свет в конце подземного хода. После полной темноты он казался ослепительным.

Геза увидел, как темный силуэт Рени скрылся за дверью загадочного тайника.

И снова могильный мрак охватил его со всех сторон.

Прошло много времени.

Смерть Дена и страшная казнь его убийцы изгладились из памяти людей. Пришельцы давно были забыты.

По приказу верховного жреца была уничтожена семигранная комната, а стол и шар в специально сделанном для этой цели ящике, куда для тяжести наложили еще и камней, отвезены на корабле подальше от берега и брошены на дно океана.

Жизнь шла по-прежнему, как и до появления пришельцев.

Но страх перед Гезой все еще владел людскими сердцами, хотя никто не мог бы объяснить, чем именно вызван этот страх.

Роз умер, внезапно и непонятно, но никто не связал его смерть с именем Гезы. Верховный жрец был выше подозрений. Даже его жена Лана ничего не заподозрила, хотя и хорошо знала о тайной ненависти своего мужа к Розу.

Лана не была счастлива в браке. Она трепетала перед мужем, обладавшим таинственным могуществом, и знала, что Геза не забыл ее прошлого лицемерия и не любит ее.

Бора правил один, со всей полнотой древней власти, на которую Геза, казалось бы, и не думал посягать. Все, что когда-то было сделано Деном для возвеличения жреческой касты, кануло в Лету.

Так казалось. Но тайные мысли верховного жреца были известны только ему одному.

Геза ждал.

У Боры не было сына, и после его смерти, ждать которой, по всем признакам, оставалось уже недолго, власть перейдет к Гезе естественно, сама собой. На смену одной династии придет другая.

Ему нетрудно было ожидание, так как и теперь его власть мало уступала власти Боры. Каждое слово верховного жреца было законом для страны Моора.

И никто не подозревал, что грозные и действительно могущественные силы природы готовили гибель не только отдельным людям, как бы «могущественны» они ни были, а всей стране.

Омываемая со всех сторон океаном, страна Моора доживала последние годы своего существования.

Но этого никто не знал. Едва зарождавшаяся наука не могла предупредить людей о грозившей им участи.

Геза все время помнил о Рени. В его сознании никак не укладывалось, что все эти луны прошли для Рени как минуты. Но он верил, что это так.

Наконец он решил, что настало время. Если Рени даже узнают, никто не осмелится ничего сказать.

Подземный ход еще существовал, но был сильно разрушен временем. Из осторожности Геза уничтожил люк и снес самую беседку. Он давно уже не жил в их старом доме.

Геза приказал расчистить ход к двери. И даже не подумал уничтожить рабов, которые это сделали, как в свое время поступил Ден. Его действия никем не обсуждались, а принимались как повеления божества.

Что подумали рабы, увидя странную дверь в глубине земли, Гезу не интересовало. Он просто велел им молчать, и нарушить приказ властелина жизни и смерти не осмелился ни один.

Снова, как в давно прошедший день, Геза остановился перед загадочной дверью.

Там ли Рени?

Как ни странно, но Геза сомневался, что его названный брат все еще находится в тайнике.

Нет, Геза не подозревал, что Рени мог исчезнуть, как исчезли пришельцы. Он думал, что Рени мог уйти отсюда, скрыться из страны, тайно от него, Гезы.

Время и всесильная власть испортили мягкий и благородный когда-то характер Гезы. Предполагаемая «изме-

на» Рени его не возмущала. Если скрылся, то хорошо сделал!

Геза привык к мысли, что все, что он делает, правильно. И, не задумываясь, он трижды нажал на выступ.

Если Рени окажется прав и он, Геза, выйдет отсюда через долгое время, никому и в голову не придет спрашивать его, где он был.

Дверь не открылась...

В ЦИЛИНДРИЧЕСКОЙ КАМЕРЕ

Рени был молод и силен. Но длительное пребывание в кошмарной подземной темнице храма, двое суток в кромешной мгле и пронизывающей сырости могилы подорвали его здоровье и, нажимая на выступ сбоку от овальной двери цилиндрической камеры, он дрожал всем телом от лихорадочного озноба, помешавшего ему почувствовать даже естественный страх.

Глаза, отвыкшие от света, нестерпимо резнуло ослепительное сияние вспыхнувшего шара. Рени упал на пол камеры.

С резким звоном за ним захлопнулась дверь.

Ему казалось, что он стремительно летит в какую-то бездонную пропасть. Нескончаемое «падение» вызывало тошноту. С трудом открыв глаза, юноша увидел перед самым своим лицом неподвижный и твердый пол камеры. Он никуда не падал, но ощущение падения не прекращалось.

Собрав все силы, Рени поднялся. Стены кружились перед его глазами в бешеном хороводе. Они выглядели вертящимся туманом, и нельзя было определить, где же они находятся — здесь рядом или в бесконечном отдалении.

А стоявшие перед ним четыре ложа оставались неподвижными.

Рени сразу обратил на это внимание и понял, что стены действительно вертятся или производят впечатление вертящихся. Если бы у него кружилась голова, то и четыре ложа, похожие на саркофаги, кружились бы тоже.

В измученном утомленном мозгу не возникало вопросов. Рени относился к окружающему с тупым безразли-

чием. Он заранее знал, что здесь, в этом помещении приспельцев, его ожидает то, чего понять он не сможет.

Машинально сделав шаг, юноша опустился на ближайшее ложе и лег, чтобы, закрыв глаза, не видеть вращения стен.

Но прежде чем он успел сомкнуть веки, шар погас и абсолютная темнота словно ринулась на него, гася сознание...

Сколько времени прошло, Рени не знал, когда, открыв глаза, почувствовал, что снова способен соображать. Был ли он без сознания или заснул? Если заснул, то сколько времени проспал?

В камере был свет. Шар висел над головой, испуская бледное желтое сияние. Стены казались неподвижными, только временами их скрывали точно волны тумана, и тогда снова нельзя было понять, близко они или далеко.

Рени чувствовал себя совершенно здоровым. Не было лихорадочного озноба, не испытывал он и слабости, от которой шатался на ногах, входя совсем недавно в эту камеру. Голова была ясна, и мысли текли четко.

Его тонкий слух улавливал какие-то звуки, едва различимые, но несомненные, похожие на шорох сухих листвьев или человеческие голоса, доносящиеся с большого расстояния. Один раз он отчетливо услышал, как очень далеко, на пределе слышимости, раздался металлический звук закрывающейся двери.

Человечество не придумало еще слова «галлюцинация», и Рени не мог подумать о ней, но мысль, явившаяся ему, близко подходила к этому понятию.

Он снова закрыл глаза и погрузился в свои мысли, стараясь не обращать внимания на звуки, которые, как он был уверен, только кажутся ему. А может быть, эти звуки издавал шар, что было вполне возможно.

Прошло ли намеченное им время? Находится ли он здесь задуманные полтора часа и не пора ли ему открыть дверь и выйти на поверхность земли?

Голода он не ощущал. Значит, никак не могло пройти очень много времени. И Геза не приходил еще, как обещал, чтобы выпустить его. Вероятно, он спал недолго и полтора часа еще не прошли. Рени было досадно, что он заснул и потерял представление о времени. Так может случиться, что он выйдет не через сто двадцать лун, а че-

рез двести или более. Но тогда почему же не пришел Геза и не разбудил его?

Рискнуть?..

«Нет, — подумал Рени, — этого нельзя делать, я могу ошибаться. Могло пройти всего несколько минут. А тогда меня сразу узнают там, наверху. Меня схватят и казнят. Я погублю не только себя, но и Гезу. Надо ждать».

И вдруг... Рени с ужасом понял, что без помощи Гезы вообще не сможет выйти отсюда.

Дверь была хорошо видна, но никаких выступов или запоров на ней не было. Не было и ручки, а дверь открывалась внутрь камеры. Не за что уцепиться даже ногтями, место соприкосновения двери со стенами виднелось как тончайшая нить.

«Если с Гезой что-нибудь случилось, — подумал Рени, — я погиб. Я задохнусь здесь».

Воздух был чист, но Рени понимал, что его очень мало и не может хватить надолго.

— Об этом мы не подумали, — сказал он громко.

Избежав смерти от рук жрецов, Рени не хотел умирать сейчас.

Он попытался вскочить, но не смог этого сделать. Какая-то сила удерживала его на ложе. Он не мог подняться даже руки, не мог вообще пошевелиться.

Он не был привязан. Он лежал совершенно свободным, его мускулы были крепки, как всегда. И все же подняться он не мог. Его ничто не давило, ничто не притягивало к ложу, дыхание было свободно, но было такое впечатление, что сам воздух камеры приобрел большую плотность и силы мускулов оказалось недостаточно, чтобы преодолеть ее.

Испугался ли Рени? Нет, чувство, которое его охватило, не было страхом. Это было гнетущее сознание беспомощности и обреченности.

«Пришельцы сказали правду, — подумал он, — всякий, кто сюда войдет, обречен на смерть. Но почему не умерли они сами?»

Он не знал, что случилось с пришельцами, но был непоколебимо убежден, что четыре белолицых незнакомца не пошли на верную смерть, входя в эту камеру. Они говорили, что уходят к другим людям.

Эти слова были непонятны, но полны уверенности. Пришельцы знали, что говорили.

«Где они? — думал Рени. — Они вошли сюда, где сейчас нахожусь я. Куда же они делись отсюда?»

Он не мог даже отчасти приблизиться к решению этой загадки. Исчезновение пришельцев из помещения, закрытого со всех сторон, было выше его понимания.

Только приход Гезы мог спасти его самого. Рени стал думать о том, что происходит над его головой, на поверхности земли.

Вероятно, прошло уже много лун. Что случилось за это время, что делает Геза? Удалось ли ему отомстить Розу за смерть Дена?

В том, что каждая минута пребывания в камере равняется на земле сорока дням, Рени был уверен. Он верил рассказу Дена, сам видел его после сорокадневного отсутствия, которое нельзя было ничем объяснить, если Ден солгал.

Как это происходит, Рени не понимал, но его трезвый и реалистичный ум раз навсегда сказал ему, что эта область знания еще не доступна людям его времени, но ничего сверхъестественного здесь нет и быть не может. Выросший среди жрецов, Рени перенял от них скептический взгляд на все, что темному уму его современников казалось проявлением воли добрых и злых духов. Когда-то люди не знали, что такое огонь, не умели добывать металлы. Теперь они это знают. Что же удивительного в том, что есть много такого, чего люди еще не знают, но узнают впоследствии.

Так и должно быть.

Он не подозревал, что скептицизм в том положении, в каком он находился, был его спасением. Другой на его месте мог сойти с ума от ужаса. Впрочем, этот другой никогда бы и не вошел в камеру.

Рени лежал спокойно, покорившись своей участии. И не мешал силам, во власти которых находился.

А силы эти действовали с перассуждающей точностью, перенося неподвижное тело человека сквозь времена, ощущаемое людьми, из одной эпохи в другую.

Давно уже исчезли с лица земли Геза и все люди, которых знал Рени. Исчезла, поглощенная океаном, сама страна Моора, где он родился и вырос. Поколения сменили друг друга над его головой, в мире действительной

жизни, которая одна только известна людям и вне которой Рени сейчас находился.

Века проносились над цилиндрической камерой.

Он не ощущал ничего. Времени не существовало, но он думал, что минуты текут, как обычно. И они казались ему очень длинными.

Он продолжал на что-то надеяться. На Гезу?.. Рени забыл о нем. Он думал теперь о пришельцах. Ведь эти странные и могущественные существа были здесь, в этой камере. Они исчезли из нее, но могут опять вернуться. И тогда он будет спасен.

Шелестящие звуки становились громче, отчетливее, но Рени по-прежнему не улавливал в них никакого смысла.

И вдруг шар снова погас. Снова абсолютная тьма словно набросилась на Рени, и он перестал что-либо ощущать.

Но если бы он даже сохранил сознание действительности, мог понимать и оценивать происходящее, то все равно никогда бы не догадался, что эта тьма означает конец пути, о котором он не подозревал, означает, что обычное время снова вступает в свои права относительно него. Точно так же, как раньше, совсем недавно по его восприятию, такая же внезапная темнота указывала на то, что путь в будущее начался.

Переход в нулевое пространство и обратно в обычный мир вреден для психики человека, и заботливые точные механизмы камеры выключали на время таких переходов сознание человека.

Но Рени не знал этого. И когда открыл глаза и увидел возле себя четырех пришельцев, он подумал со вздохом облегчения: «Я недаром надеялся. Они вернулись!».

Яркий свет шара, вместо бледного желтого сияния, сразу показал четырем пришельцам, что они очнулись не вовремя, что машина «остановилась» в аварийном порядке.

Они тревожно посмотрели друг на друга. Одна и та же мысль явились всем: вслед за пространственной испортилась и машина времени! Это означало невозможность двигаться дальше, вечное пребывание в той эпохе, где они оказались сейчас.

Во время «движения» нельзя было увидеть многочисленных приборов камеры из-за мнимого вращения стенок. Сейчас камера была «неподвижна», и четверо легко убедились, что машина времени в исправности.

Сколько же пробыли они «в пути»? Как далеко ушли от эпохи, которую покинули?

Приборы ответили на этот вопрос. Прошло девятьдесятых намеченного времени.

Почему же «остановилась» машина?

Указатели внешней среды сообщили, что вокруг камеры все спокойно, что никакая опасность со стороны сил природы не угрожает.

Оставалось единственное и, очевидно, правильное, объяснение: в камеру кто-то вошел! И не только вошел (автоматы не обратили бы на это внимания), а остался в камере, отправившись по тому же пути, по которому «шли» они четверо.

Они не могли его видеть, как и он не мог видеть их, между ними лежало время, но то, что в камере находятся сейчас пятеро, а может быть и больше, не подлежало сомнению.

Когда это случилось, когда вошел в камеру неизвестный человек или люди — они не знали. Но пребывание в камере посторонних лиц грозило смертельной опасностью.

Машина «остановилась» сама, принять меры безопасности должны были они.

Кто-то находился в камере!

Когда бы этот человек ни вошел в нее, он был уже очень близок по времени. Пустить в ход машину по своей воле он не мог, она уже была пущена. Изменить время «прибытия» он также не мог и должен был оказаться там же, где оказались вошедшие сюда раньше него. Корректировка срока прибытия происходила автоматически. Аварийная остановка предотвратила угрозу одновременного прибытия.

Если бы машина продолжала «движение», то неизвестный, догнав своих предшественников, очутился бы с ними в одном и том же отрезке времени. И тогда трагические последствия были бы неизбежны.

Человек или несколько человек должны были лечь на ложа. Их тела могли занять одно и то же место в пространстве с телами тех, кто лег раньше. И при наступ-

лении точки соприкосновения их времени с временем хозяев камеры наступило бы полное молекулярное слияние тел и мгновенная смерть.

Четверо молодых ученых невольно соскочили со своих мест.

Это движение было инстинктивно, но не вызывалось необходимостью. Машина «стояла». Обыкновенное время вступило в свои права не только для них, но и для тех, кто догонял их. И те и другие останутся на том же «расстоянии», на котором были сейчас, до тех пор пока машина не будет снова пущена в ход. Между ними установился постоянный интервал в одну или две недели. На большем расстоянии машина не почуяла бы постороннего присутствия.

Вспомнив об этом, они успокоились и обменялись мнениями. Им ничего не стоило закрыть неизвестным преследователям дальний путь, но это означало бы физически уничтожить их. Удалить из камеры, оставить в том времени, в котором они сейчас находились, было невозможно.

Остановка означала необходимость выйти из камеры, снова провести известное время на поверхности земли, чтобы дать нужный отдых организму.

Пришельцы испытывали досаду — почему они сразу не выключили механизм двери. Но им и в голову не приходило, что кто-нибудь может войти в камеру.

Ни один из них не подумал о том, что у них есть выбор. Убить разумное существо было для них непредставимо. Они не сделали бы этого даже в том случае, если бы «прибытие» этих существ грозило неотвратимой опасностью.

Они думали и говорили только о том, как им поступить с неизвестными людьми. Отдых нужен, но длительная остановка смертельно опасна для этих людей: они не знают, как открыть дверь изнутри камеры, как выбраться из нее, если люди или время засыпали выход. Они неизбежно задохнутся.

Вывод был настолько ясен и очевиден, что обсуждение заняло не много времени. Ученые приступили к действиям.

Им самим следовало выйти из камеры. Незнакомцы могли и не лечь на ложе. Но аппаратура не была рассчитана на дистанционное управление.

Приходилось идти на риск. И один из четырех без колебаний вызвался это сделать. Трое других приняли его предложение как должное. Они сами готовы были на тот же поступок, но он высказался первым.

Они думали, что им придется снова проделать ход на поверхность земли, но, когда дверь открылась, они увидели небо. Камера оказалась только на одну треть погруженной в почву. Кругом стоял густой лес.

Удивленные, они оглянулись на приборы. До сих пор, поглощенные мыслями о тех, кто «шел» за ними, они не обращали внимания на указатели места, где находилась камера.

Сомнений не было! Они были не там, где вошли в камеру. Это была вообще не та камера! Чем-то встревоженные, автоматы перенесли их в другую, поставленную на Земле на случай катастрофы с первой. Значит, такая катастрофа действительно произошла за те века, что пронеслись над ними.

Выйти было нетрудно, поверхность земли находилась в метре от пола камеры, но тому, кто пустит в ход машину времени, надо было покинуть ее как можно скорее, и они расчистили выход, устроив пологий подъем. Под действием небольшого аппарата лишняя земля мгновенно исчезла, словно растворившись в воздухе.

Они не тратили времени на осмотр местности, — это успеется. Все их мысли были с теми, кто скоро присоединится к ним, станет их спутниками на пути в будущее Земли.

Кто они? Ученые, сознательно пошедшие на этот эксперимент, или люди, случайно попавшие в машину?

Вероятно, камера была обнаружена при каких-нибудь раскопках. Но как могли догадаться нажать на кнопку с нужной последовательностью? Теория вероятности не допускала таких совпадений.

Но факт был налицо, — в камере были люди. И их надо было выручить из того безвыходного положения, в какое они попали.

Опасность заключалась в том, что четверо ученых не знали точно, где, в каком моменте времени находятся сейчас эти люди. Они знали только, что интервал не мог превышать двух недель. Их будущие спутники могли находиться в прошлой неделе, во вчерашнем дне, в только

что прошедших минутах и даже секундах. Все было возможно.

Но опасения оказались преувеличенными. Их отделяло от «преследователей» полчаса.

Когда это время прошло и машина снова «остановилась», они поспешили открыть дверь и вошли, чтобы... замереть от удивления.

Перед ними с закрытыми глазами лежал один человек.

И этим человеком был хорошо знакомый им Рени!

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

АЛЫБ-БАРЫН

Гемибек сутуился в седле. Жидкая бородка, окрашенная хенной, то и дело касалась отсыревшего чепана. Для всех было очевидно, что он дремлет. Голова лошади при каждом шаге тяжело опускалась, и было такое впечатление, что уставшее животное, подражая своему хозяину, дремлет тоже.

Маленький отряд, насчитывавший не больше двух десятков всадников, растянулся так, что замыкающий воин еле виднелся в белесой мутни туманного горизонта.

Все было мокро: воздух, земля, люди и лошади.

Впереди на однообразно серой пелене низкого неба мутным желтым пятном едва просвечивало солнце. Приближался вечер, а с ним и пятая мучительная ночь.

Однообразна была и степь. Перед глазами всадников Гемибека расстилалась давно уже надоевшая, безотрадная картина. Без конца и края тянулась пятый день одна и та же пропитанная водой, вязкая, как болото, местами покрытая желто-коричневым ковром прошлогодней травы земля. Снег кое-где еще держался, но был серым, рыхлым и ноздреватым. Мохнатые, низкорослые лошади с трудом вытаскивали ноги из этой трясины. От их мокрых боков валил пар.

Ни деревца, ни кустика! Не на чем остановить взгляд.

Лошади измучились, люди устали. И хотя насквозь промокшая земля сулила мало уюта, всадники смотрели на нее с вожделением. Слезть с седла, размять затекшие ноги, повалиться на землю и заснуть, прижавшись друг к другу, накрывшись попонами, согретыми потными спинами лошадей, казалось сейчас верхом мечтаний. О костре не приходилось и думать, — развести его было не из чего. Пора, давно пора подумать о привале.

И нетерпеливые взгляды поминутно обращались на ссутулившуюся спину начальника отряда.

Гемибек только делал вид, что дремлет. Он знал, что отряд заблудился в бесконечной степи и движется сейчас

куда глаза глядят. Где искать столь остро необходимое поселение, крышу над головой, тепло, а главное пищу? Где находится вторая половина отряда, пропавшая неизвестно куда два дня назад, когда густой непроглядный туман разделил их? И куда вообще вести людей, покорно следующих за ним?

Гемибек встярхнул головой. Что-то надо предпринять, но что? Повернуть на восток, вернуться к куреню Субудай-нойона?.. Гемибек поежился, представив себе возможные последствия такого возвращения без каких-либо результатов. Грозный Субудай не простит начальника, который не сумел выполнить его приказа и потерял половину людей. В лучшем случае дело окончится плетьми, несмотря на достоинство военачальника и хенну на бороде. Любимцу великого кагана все дозволено, его воля не встречает противодействия.

Сырость пронизывала до костей. Гемибек неслышно застонал, вспомнив роскошный шатер Субудая. Нойон сидит сейчас на мягких шелковых подушках, окруженный слугами, стерегущими каждое его желание, в тепле, перед богатым достарханом. На нем чекмень, расшитый золотом, — одежда чужого народа, перенятая Субудаем от властителей покоренного Хорезма. Огненно-красная борода величаво спускается на широкую грудь. Субудай пьет сладкие вина и ест, ест!..

Спазма сдавливает желудок Гемибека. Со вчерашнего дня во рту не было ни крошки.

Голодная смерть угрожает ему и его людям. Запасных лошадей нет, они остались в пропавшей половине отряда. А пеший никуда не уйдет по раскисшей земле, по которой и лошади бредут с великим трудом. Лошадей трогать нельзя, без них верная гибель. И нельзя терять ни одного человека, их и так очень мало. Могут напасть воины племени, живущего здесь. Гемибек никак не мог вспомнить название этого племени.

Род Гемибека знатен и приближен к трону великого кагана. Но он не чистокровный монгол и беден, а следовательно, и не имеет влияния. Потому и подчинен Субудаю Гемибек, хотя и имеет все права быть полководцем. Остается только вздыхать и завидовать.

Но все же Гемибек знает, что великий каган задумал большой поход в западную страну и что отряд Субудая послан сюда для предварительной разведки.

Состарившийся нойон ленив. Вот уже год, как он сидит на одном месте, время от времени рассылая небольшие отряды во все стороны. А сам коротает время с половиной своего гарема (опять-таки пример покоренного Хорезма), взятого в поход вопреки всем обычаям.

Субудаю тепло и сытно!

Гемибек тоскливо осматривает мутный горизонт.

Нигде ничего! Не темнеет вдали полоска спасительного леса, не видно дымков, не мелькнет тень джайрана. Да и нету их здесь — джайранов. А если бы и были, как догнать легкое животное на измученных, едва передвигающихся ногах, конях?

Он знал, что едущие за ним едва держатся в седлах от усталости и голода. Никто не осмелится напомнить о привале, люди скорее упадут с лошадей, чем рискнут вызвать гнев своего начальника.

Пора объявить ночлег, но Гемибек никак не мог решиться на это. Его ужасала перспектива еще одной ночи на мокрой земле. Старое тело протестовало каждой клеточкой. И он ехал и ехал, жадно всматриваясь вперед, на что-то надеясь.

Желтое пятно солнца спустилось совсем низко. Позади отряда начали сгущаться сумерки.

Один из нукеров приблизился к Гемибеку и слегка дотронулся до его плеча.

Не нужно и оборачиваться, чтобы узнать, кто это. Только один Джелаль мог осмелиться на подобную дерзость.

— Чего тебе?

Джелаль — молодой воин. Он племянник Гемибека, сын его младшего брата, взятый в поход простым нукером, но в будущем сам военачальник.

— Обрати свой благородный взгляд в левую сторону, — почтительно произнес Джелаль.

Глаза давно утратили зоркость юности. Но об этом никто не должен знать. Для воинов их начальник все видит.

Гемибек повернулся в седле.

На южной стороне, уже заметно потемневшей, среди колеблющейся дымки прозрачного тумана, смутно виднелось что-то движущееся. Что именно — человек, лошадь или зверь, — Гемибек не мог различить. Но, что бы это ни было, впервые за пять дней на пути отряда появилось живое существо.

Человек — это сведения, зверь — пища голодным людям!

— Алыб-барын! — приказал Гемибек.

Джелаль свистнул. Двое всадников отделились и последовали за ним. Смешно и жалко выглядела эта попытка «кинуться в погоню», — лошади едва передвигали ноги.

Отряд остановился. Отставшие воины медленно приближались. Но без приказа никто не спешился.

Джелаль хорошо видел человека, шедшего наперерез его пути и, видимо, не замечавшего отряда. Равномерно взмахивая двумя палками, человек удивительно легко одолевал вязкую грязь. Было ясно, что он движется значительно быстрее всадников.

Джелаль был молод, горяч и честолюбив. Этот поход, в который его взяли после долгих и настойчивых просьб, должен был стать началом его воинской славы. Получив приказ «взять!», он считал делом чести выполнить его, несмотря ни на что. И он с ужасом думал, что в этой грязи лошади не в состоянии догнать пешехода.

Оставалось одно, и Джелаль не колеблясь принял решение. Он спешился. Оба воина вслед за ним также сошли с лошадей. Животные измучились, люди только устали.

Ноги погрузились по щиколотку. Каждый шаг давался с большим трудом. Но все же Джелаль сразу понял, что принял верное решение: пешие подвигались вперед быстрее. Он свернулся немножко вправо и шел теперь под углом к линии движения неизвестного человека.

А тот по-прежнему не замечал погони. Чем больше всматривался Джелаль в движения преследуемого, тем больше он удивлялся. Никогда не видел он такой походки. Ноги незнакомца не отрывались от земли, он словно не шел, а скользил по ней. И двигался быстро, очень быстро. Не прошло и минуты, как стала совершенно очевидна бесплодность погони. Они не могут догнать человека, если он не остановится.

А человек явно не собирался останавливаться.

Расстояние все еще оставалось слишком большим, по иного выхода не было, и Джелаль снял с плеча тугой лук. Окликнуть незнакомца рискованно, — он мог свернуть в сторону и скрыться. Надо показать ему силу, заставить остановиться.

В курене Субудая не было никого, равного Джелалю

в искусстве стрельбы из лука. Стальные мускулы его рук натянули тетиву до предела. Длинная оперенная стрела со свистом пронзила воздух.

Оба воина восхищенно вскрикнули.

Стрела вонзилась в землю в трех шагах впереди преследуемого.

Джелаль бросился вперед.

Неизвестный сразу остановился. С удивлением смотрел он на неведомо откуда взявшуюся стрелу, которая все еще дрожала, вонзившись в землю совсем близко от него. Потом он медленно повернулся и увидел трех преследователей.

Бежать было бесполезно. Расчет Джелала полностью оправдался. Расстояние сразу сократилось настолько, что, сделай преследуемый попытку к бегству, — вторая стрела пронзит уже не землю, а его самого.

Это был человек высокого роста и богатырского телосложения. Широченные плечи и тяжелая посадка головы указывали на огромную физическую силу. Одет он был в серый кафтан, подпоясанный веревочным поясом, и мягкие портни. На голове войлочный треух. Никакого оружия при нем не было, если не считать висевшей на поясе железной палицы. В бороде и усах просвечивали седые нити. Сухое костистое лицо, выдубленное ветрами и солнцем, пересекал длинный шрам, шедший через лоб и правую щеку. Над небольшими глазами нависали густые мокнатые брови.

Человек был не стар, но уже в пожилом возрасте. Он молча ждал.

Джелаль подходил медленно и осторожно, не выпуская лука с наложенной на тетиву стрелой. Могучая фигура незнакомца невольно вызывала уважение. Он был выше своих преследователей на целую голову.

Никаких враждебных намерений незнакомец не выражал. Палица, его единственное оружие, продолжала мирно висеть на поясе. Он стоял, опираясь на палки, в позе отдыхающего.

Ноги трех воинов глубоко погружались в вязкую почву. Незнакомец стоял, словно на камне. Подойдя ближе, Джелаль увидел две длинные узкие дощечки, прикрепленные к ступням незнакомца ремешками. Видимо, именно они, эти дощечки, и не давали ему увязнуть. Джелалю никогда не приходилось встречать подобное

приспособление. Он даже не слышал о таком способе ходить по снегу и грязи.

Молодой воин с любопытством смотрел на незнакомца.

Тот что-то сказал на неизвестном Джелалю языке. Повидимому, это был вопрос, заданный спокойным и дружелюбным тоном.

Джелаль понял, что опасаться нечего, и опустил лук. Он жестами предложил незнакомцу следовать за собой.

Незнакомец молча повиновался. Он пошел вперед скользящим шагом, и сразу оставил позади своих конвоиров, которые с трудом следовали за ним. В его движениях была привычная сноровка и мощная сила.

Джелаль с восхищением смотрел на могучего гиганта. Сила, в его глазах, всегда была самым лучшим украшением мужчины. Он сам был очень силен, но в сравнении с пленником казался самому себе ребенком.

Лошади ожидали своих хозяев, не трогаясь с места. Незнакомец усмехнулся, увидя опущенные бессильно головы животных, их мокрые, тяжело вздывающие бока, от которых шел пар. Он понял, что люди, взявшие его в плен, измучены долгой и трудной дорогой, что они не угрожают ему, а ждут от него помощи.

Он подождал, пока его конвоиры сели в седла, и пошел рядом с конем Джелала, сдерживая шаг и не уходя вперед.

Джелаль вздохнул с облегчением. Теперь все выглядело как нужно и не могло вызвать насмешки. Приказ выполнен, человек взят и его ведут в плен, а не он ведет тех, кто его взял. Джелаль с благодарностью посмотрел на незнакомца. Тот перехватил этот взгляд и понимающе улыбнулся, открыто и добродушно.

Собравшийся вместе отряд Гемибека выглядел довольно грозно, но незнакомец не проявил никакого страха. Казалось, он привык к подобным передрягам и захватившие его люди ему давно знакомы. Он спокойно остановился перед Гемибеком, легко распознав в нем начальника, и внимательно осмотрел его с головы до ног.

Джелаль, по молодости лет, не знал многоного. Гемибек был стар и умудрен опытом. Его не удивили дощечки на ногах пленника. Он давно знал, что жители севера с незапамятных времен пользуются лыжами для ходьбы по снегу. Но он не ожидал встретить человека на лыжах так далеко к югу, да еще идущего не по снегу, а по грязи.

Гемибек знал несколько восточных языков, но как он будет допрашивать этого человека с запада? Человек куда-то шел, скорее всего к дому. Значит, близко находится поселение. Надо жестами пояснить пленнику, что он должен указать дорогу к этому поселению.

Но незнакомец неожиданно заговорил сам на понятном Гемибеку языке.

— Что вам нужно от меня? — спросил он. — Кто вы такие?

Пленник заговорил первым, и это не понравилось Гемибеку. Но человек был ему нужен, и он сдержался. Кроме того, он помнил приказ Субудая — не прибегать к насилию, не вызывать в местных жителях враждебных чувств. До поры до времени никто не должен даже заподозрить планов великого кагана относительно этой страны.

— Откуда ты знаешь язык кипчаков?

— Это язык половцев, — ответил пленник.

Гемибек покачал головой.

— Я не знаю такого народа, — сказал он. — Ты говоришь на языке кипчаков. Половцы! Кто владеет ими?

— Они под властью Хорезм-шаха.

— Значит, это и есть кипчаки. Но все равно. Откуда ты знаешь их язык?

— Я бывал в Великом Хорезме и в Самарканде. Жил там несколько лет. Но ты и твои люди не оттуда.

«Наверное, он был в плену, — подумал Гемибек. — Шрам на лице нанесен не мечом, а плетью. Богатырской силы был этот удар».

— Как твое имя? — спросил он. — Откуда ты родом?

— Я местный. А зовут меня Чеславом.

— Далеко твой дом?

— Там, — пленник неопределенно повел рукой. — Возле леса.

— Далеко этот лес? — терпеливо спросил Гемибек, которого начинал раздражать независимый тон пленного.

— А разве ты его не видишь? — Чеслав обернулся. — Верно, — сказал он, — туман закрывает его от твоих глаз. Если бы не было тумана, ты бы его увидел. Он близко.

Гемибек знал, что, кроме Джелаля, никто не понимает языка, на котором шел разговор. Поэтому он решил, что самое лучшее — сказать этому человеку правду.

— Мы заблудились в ваших степях. Мы устали и го-

лодны. Наши кони истощены. Много дней ночуем мы под открытым небом.

— Но кто вы такие?

— Мы воины великого кагана.

— Чагониза?! — Пленник казался сильно удивленным. — Далеко же вы заблудились. Мы слышали, что воины Чагониза захватили народы Хорезма. Что нужно вам здесь?

Вопрос был опасен. Гемибек понял, что, если он не рассеет возникшие подозрения, то останется только одно — убить этого человека, иначе не выполнить наказ Субудая. Но это означало бы лишиться надежды на кров и пищу.

Гемибек решил прикинуться глупцом, не знающим, как находить стороны света. Пусть пленник смеется над ним, это не важно. Главное — получить отдых, а там видно будет.

— Ты говоришь «далеко», — сказал он. — Разве мы не на дороге к Хорезму?

— Вы идете в другую сторону. Хорезм на востоке, а вы движетесь на запад.

— И далеко мы ушли?

— Порядочно.

— Укажи нам дорогу к Хорезму. Дайте нам пищу и отдых. Мы уйдем, не причинив вам вреда. Туманы сбили нас с пути.

Чеслав на минуту задумался. Гемибек, скрывая тревогу, наблюдал за ним.

— Много вас?

— Тут все. Три раза по пять и еще четыре.

— Примерно столько домов в нашем поселении, — сказал Чеслав. — Нельзя не принять гостей. Но мы бедны нищей.

— Нам много не надо. Дайте нам лошадь и сена. Я щедро заплачу за все.

— Кто же берет плату с гостей! Сена у нас много, лошадь найдется. Ступайте за мной!

Он повернулся и пошел вперед своей скользящей походкой, за которой с изумлением наблюдали воины Гемибека.

Расстояние между ними увеличивалось. Не оглядываясь, Чеслав уходил все дальше и дальше. У Гемибека возникло подозрение.

Поверил ли этот человек? А если он понял нехитрую уловку и намеренно хочет оторваться от отряда, уйти вперед, предупредить своих и устроить засаду Гемибеку?..

— Окликни его! — приказал он Джелалю.

Молодой нукер издал протяжный крик. Проводник не обернулся. Как раз в этот момент он ступил на пласт снега, и скорость его хода заметно увеличилась.

Джелаль схватился за лук. Но могучая фигура уже скрывалась в туманной дымке и сгущающихся сумерках вечера.

— Иблис вмешался в это дело, — прошептал Гемибек.

Но он понимал, что Иблис тут ни при чем, что он сам допустил ошибку. Следовало набросить аркан на плечи проводнику.

Что же теперь делать?

Следы лыж ясно отпечатались на прошлогодней траве, а кое-где и на снегу. Следовать за проводником было несложно, даже не видя его самого.

Гемибек решился. Чеслав сказал, что в поселении мало домов, и, следовательно, мало людей. Воины Гемибека справятся, если их встретит засада. Кроме того, ничего другого и не оставалось в их положении.

Из тумана уже ясно проступала темная стена леса...

БЕГЛЕЦЫ

— Любава-а-а!

Звонкий девичий голос звучит глухо в промозглом воздухе. Даже эхо не откликается.

«Интересно, — думает Лада, — почему в морозный день звуки летят далеко, а когда сырьо, их плохо слышно?»

Она любит задавать себе такие вопросы, на которые никто не может ответить. В природе очень много непонятного.

Лада пожимает плечами, всматриваясь в ближайшие кусты на опушке, не мелькнет ли цветастый платок сестры. Куда делась несносная девчонка? Убежала с самого утра и не возвращается. Мать беспокоится и послала старшую дочь на поиски младшей. Но где искать Любаву? Не блуждать же наугад по всему лесу!

— Любавка-а-а! Отец вернулся-а-а!

Это ложь, отец еще не пришел, но Лада хорошо знает, что, услышав такое известие, сестра обязательно откликнется или прибежит. Отца она боится.

Ни звука в ответ.

Где же она? Любава могла уйти только в лес. Размокшая, превратившаяся в вязкое болото, степь стала не-проходима. Любаве там нечего делать.

В этом году весна выдалась на редкость мокрой. Каждый день либо дождь, либо туман. Ни одного ясного дня. И солнца давно не видно.

— Любава-а-а!

Ну что будешь делать!

Лада не особенно беспокоится за сестру. Любава сама вернется. Походит по лесу и вернется. Заблудиться она не может, — каждое дерево, каждый куст знакомы ей с детства. Но мать велела найти. Как вернуться, не выполнив наказа!

Лада не боится матери, но не хочет ее волновать. Долгое отсутствие младшей дочери всегда беспокоит Бориславу. Мать опасается того единственного зверя, который обитает в этом лесу, невдалеке от поселка, хотя всем известно, что зверь так стар, что сам боится людей и прячется от них. Лада как-то видела его несколько лет тому назад, но видела мельком, медведь сразу исчез. Он и тогда был очень стар.

Зверь еще жив, его следы видели прошлой осенью. Но сам отец неоднократно говорил, что медведь не опасен. А отец лучший охотник.

Старого медведя никто не трогает. Пусть доживает свой век. Тем более, он здесь один, и люди считают, что своим долголетием (его видел совсем старым еще дед Лады) медведь обязан Поляне.

Даже мысленно Лада произносит это слово как бы с большой буквы. Поляна священна для всех живущих возле этого леса. Там живет бог, там находится его странное загадочное жилище. Старикам повезло, когда они, много лет назад, остановились на этом месте и основали поселок, не подозревая, что судьба привела их туда, где поселился сам Перун. Это большая удача!

Все уверены, что близость Поляны охраняет их от набегов половцев, которые ни разу не появлялись здесь. Правда, отец посмеивается и говорит, что причина другая, что половцев полонили воины Чагониза.

Уж не на Поляну ли убежала Любава?

Весной там появляется много душистых белых цветов, которые любят собирать дети поселка.

Лада нерешительно направляется к лесу. Ей не хочется туда идти, но, если сестра действительно на Поляне, она не может на таком расстоянии услышать зова.

На плечах Лады материнский платок, но все же ей холодно и пронизывает сырость. Небо грозит дождем каждую минуту. Удивительно, что за весь день не упало ни капли.

Лада тоскливо думает о доме. Там ярко пылает огонь в печи, там не тепло, как всегда, а жарко. Мать печет и варит к завтрашнему празднику. Во всех избах поселка происходит то же самое. Дым валит изо всех труб.

Праздник весны!

Каждый год в их поселок приходят все окрестные жители. Потому что Поляна ближе всего именно отсюда. А праздник весны связан с Поляной. Люди идут просить у Перуна удачи в полевых работах и хорошего урожая. И бог никогда не отказывает. Старики говорят, что никогда и нигде не видели, чтобы земля так щедро давала людям свои дары. Это ли не доказательство благодетельного влияния близости Поляны!

Правда, отец Лады и здесь имеет свое мнение. Он говорит, что причина хороших урожаев в том, что сама земля здесь более плодородна, чем на севере.

Старики прощают отцу его речи. Они любят и уважают его как лучшего работника поселка, лучшего охотника и мастера на все руки. Авторитет отца стоит высоко не только в поселке, но и далеко вокруг него.

Даже внешность отца вызывает почтение. Он самый сильный человек в этом краю и напоминает былинного витязя. Он единственный человек, побывавший далеко на востоке в стране половцев. Пять лет томился Чеслав в пленау и сумел вернуться на родину. Старики не помнят такого случая, чтобы захваченный половцами возвращался. Видимо, богатырская сила помогла Чеславу.

В памяти Лады праздник весны всегда озарен солнцем. Никогда она не видела весну в таком неприглядном виде. Мать рассказывает, что семнадцать лет тому назад была такая же, но Лада не может этого помнить: ее тогда еще не было на свете.

Влажная полутьма смыкается вокруг девушки. Огромные деревья старого леса обступают ее со всех сторон. Здесь кричать бесполезно, звуки тают в лесу даже в самый ясный день.

— Любава-а-а!

Лада все же пытается звать сестру. Ей так не хочется идти в глубину леса! Утоптанная тропинка размокла, и ноги вязнут в ней. На маленьких поршнях, сработанных отцом, налипают комья тяжелой грязи.

Лес молчит.

Лада очень любит младшую сестренку, но решает обязательно рассказать все отцу, когда он вернется. Пусть Любавка получит хорошую трепку. Что это в самом деле! В такую погоду убегать в лес, вместо того чтобы помочь матери и старшей сестре. Мало того — оторвать сестру от работы и заставить наугад блуждать по лесу.

— Любава-а-а! Отец вернулся-а-а!

Голос Лады звучит уже гневно.

И вдруг она видит сестру. Маленькая фигурка десятилетней девочки мчится ей навстречу. Любава бежит, не разбирая дороги. На голове нет платка, и длинные косы бьются за ее спиной. На глазах удивленной Лады девочка несколько раз падает, стремительно поднимается и снова устремляется вперед изо всех сил. Лада видит искаженное лицо и застывшие глаза, в которых стоит страх.

В чем дело? Что могло так напугать ее?

Еще в трехлетнем возрасте Любава сломала ногу. Кость срослась неровно, и девочка сильно хромает. Бегать ей трудно. И вот сейчас она бежит сломя голову, ничего не видя впереди.

Лада убеждается в этом, когда Любава проносится мимо нее. Но она успевает поймать сестру за край платья.

Любава дрожит всем телом. Широко открытый рот готов издать вопль, но не раздается ни звука. Спазма страха сдавливает горло ребенка.

Лада поднимает сестру на руки, ласково гладит ее голову, стараясь успокоить. Может быть, старый медведь вылез уже из берлоги и Любава встретилась с ним? Нет, она не могла так испугаться, она много слышала про безобидного зверя. Что-то другое испугало ее, но что?

— Успокойся! — ласково говорит Лада. — Ну, успокойся же! Тебя никто не тронет. Никого нет, мы одни. Я отнесу тебя домой. Успокойся, девочка!

Но Любава дрожит все сильнее. Она смотрит на Ладу и, видимо, не узнаёт сестру. Голубые глаза кажутся темными на белом, как мел, лице. Даже губы совсем побелели.

Лада сама пугается. Она робко оглядывается, ожидая увидеть что-то ужасное. Но лес пустынен, как всегда. Никого нет, ни человека, ни зверя.

— Где ты была?

Любава не отвечает, — видимо, она не может говорить. Ее глаза всё еще сохраняют жутко застывшее выражение.

Лада решительно направляется к дому. Но время от времени все же невольно оглядывается. Все спокойно, их никто не преследует. В обычном лесном шуме не слышно посторонних звуков.

Идти трудно, но Лада уверенно держит сестру на одной руке, а другой все время гладит ее по голове и плечам. Лада вся в отца, высокая, сильная.

Сгущаются тени вечера. Впереди одно за другим желтоватым огнем загораются окошки изб.

Поселок рядом с лесом, почти на опушке. Избушка Чеслава в самой середине.

Войдя в поселок, Лада видит необычное зрелище. Вокзле их избы столпилось много народа. Люди окружили группу незнакомых всадников человек в двадцать.

Кто это?.. Половцы?!

Но испуг длится недолго. Лада замечает мощную фигуру отца и сразу успокаивается. Отец вернулся, — значит, бояться нечего.

Она подходит ближе, и люди поспешно расступаются перед ней, удивленные и встревоженные. Отец бросается ей навстречу. На крыльце, испуганная и простоволосая, выбегает мать.

Лада передает сестру на руки отцу и коротко рассказывает обо всем.

Причитая и всхлипывая, мать уносит Любаву в избу. Девочка перестала дрожать, но пережитый страх еще таится в ее широко открытых глазах. И она все еще не может произнести ни слова.

Лада осматривается.

Нет, это не половцы! По рассказам стариков Лада знает, как выглядят извечные враги ее родины. У этих лиц и одежда — все другое...

Поселок, где родилась и выросла Лада, основан не-

давно. Старики еще помнят время, когда они жили у самого Киева, помнят распадение Киевского государства на несколько независимых княжеств. Стало еще тяжелей. Раздоры и междоусобицы не давали спокойно вести хозяйство. Земледельцы мерли от систематических неурожаев. Невыносимо трудной стала жизнь. Смерды толпами убегали на северо-восток в леса около Волжского бассейна, где не так чувствовалось княжеское притеснение и половецкие набеги.

Группа беглецов, в которую входил дед Лады, не дошла до Волги. Голод заставил остановиться недалеко от Дона. Здесь было еще не безопасно, но дальше не пошли. Киев был сравнительно близко, и опасность появления княжеских слуг вечно висела над головой. И только тогда, когда князь Андрей Боголюбский разорил Киев и перенес свою столицу на север, в город Владимир, стало легче. До Владимира далеко, и княжеская рука не достанет до придонской степи. Зажили спокойно.

В первые годы очень боялись половцев. И действительно, половецкие отряды неоднократно появлялись в степях. Но притаившиеся на опушке леса поселки ни разу не были замечены ими. А потом половцы совсем исчезли и не появлялись нигде. Ходили слухи, что на них самих напали и полонили воины Чагониза. А потом появился исчезнувший пять лет тому назад отец Лады и подтвердил правдивость этих слухов.

С тех пор половцев никто не видел.

Не появлялись и княжеские слуги. Три поселка, расположенные недалеко друг от друга, у самого леса, жили, не зная ничьей власти, независимо и спокойно. Каждым из них управлял выборный староста.

Появились и переплелись родственные связи. Полевые работы велись совместно, стада и табуны были общими, люди поклонялись одному богу и праздник весны, единственный в году,правляли в одном поселке.

И знахарь был один. Он молился Перуну за всех и следил, чтобы на Поляну аккуратно носили дары. Он же был врачевателем болезней и ран, иногда получаемых на охоте. Старика уважали.

Кто первый обнаружил в лесу обиталище Перуна, теперь уже забыли. Возможно, что человек этот уже умер. Но в том, что странное сооружение является жилищем бога, никто не сомневался.

Действительно, странным был этот «дом». Из чего он сделан — никто не мог понять. Как будто металл, но такого металла еще не видели. Во всяком случае это было не железо.

В густых зарослях стоял круглый «дом» с плоской крышей. Ни дверей, ни окон в нем не было. Внутри он был пустым, что явствовало из глухого звука, которым отвечали стены на удар железной палицей.

Тогдашний знахарь объявил его жилищем Перуна и установил на крыше самого бога, взятого с собой при бегстве из Киева. И с тех пор место это стало священным.

Деревья вырубили и удалили из земли даже их корни, чтобы они не могли вырасти снова. Перун стоял на поляне, окруженней кольцом поваленных стволов. Когда деревянная фигура бога под действием дождей и снега прогнила и рассыпалась, знахарь установил новую. Такая замена производилась несколько раз, и люди постепенно стали считать богом не эту фигуру, а самый «дом», на котором она стояла. Здесь сказывалось влияние медленно, но настойчиво распространявшегося христианства. В сознании людей «бог» и его изображение разделились, тогда как раньше сделанная человеком фигура бога считалась им самим.

Годы не оказывали на «дом» никакого видимого действия. Он был таким же, каким его впервые увидели, — блестящим, как новенький, без малейшего следа ржавчины.

Это пугало, как все, что непонятно уму. Все предметы портятся от частых дождей и таяния снега. Металлические предметы покрываются ржавчиной. «Дом» был несокрушим. Ничто не могло повредить ему. Был случай, когда юный храбрец ударил по стене мечом. Даже царапины не нашли, а дамасский клинок сломался от силы удара.

Никто, кроме бога, не мог построить себе такого жилища. В этом никак нельзя было сомневаться.

И люди радовались, что случай привел их к этому месту, что они жили именно здесь, под защитой Поляны, как привыкли называть вырубку.

Все верили, что именно Поляне они обязаны тем, что половцы не обнаружили поселка, что ни разу не появлялись княжеские слуги, что жизнь течет спокойно и по-своему счастливо.

ЧТО ВИДЕЛА ЛЮБАВА

Медведь был голоден и зол. Неопрятная, свалившаяся шерсть покрывала его впалые бока. Желудок был пуст и настоятельно требовал пищи. Медведь только что вылез из берлоги после зимней спячки.

На земле властно царила торжествующая весна. Избавившись от тяжелого груза снега, деревья расправляли ветви, покрытые еще не раскрывшимися почками. Всюду бежали ручейки. Почва была мокрой и вязкой, медвежьи лапы погружались в нее глубоко.

Низко опущенный нос зверя втягивал в себя прошлогодние запахи, которые указывали ему путь к месту, где за много прошедших лет он привык находить обильную пищу.

Каждый год совершил медведь этот путь и каждый год, каждую весну находил одно и то же. Изменений не происходило. Разве что дорогу пересекало новое, упавшее за зиму, дерево.

Инстинкт заставлял зверя принюхиваться. Но бояться ему было нечего.

Он забрел в этот лес давно, когда почувствовал приближение смерти, ушел от сородичей, чтобы острые и злые зубы молодых не разорвали его старую шкуру.

Но смерть почему-то не приходила, и старику продолжал жить в одиночестве, привыкнув к нему год за годом.

В ближайших окрестностях его берлоги и того места, где он питался, вообще не было никаких зверей, кроме него самого. Их отгнало присутствие здесь большого числа неприятно пахнувших двуногих существ.

Старику очень повезло, но он не сознавал причин, по которым регулярно находил на одном и том же месте запасы плодов, ягод и сосуды с душистым медом. Он питался этими запасами, не думая, откуда они взялись. И постепенно отвык самостоятельно находить пищу.

Двуногие существа были ему неприятны, но он не уходил, удерживаемый на этом месте легкостью, с какой пища ему доставалась.

Путь от берлоги был долог, а при слабости медведя казался ему еще дольше.

Но вот наконец и хорошо знакомая поляна. Сваленные деревья окружали ее сплошным кольцом. В середине тускло блестел непонятный предмет, пугавший медведя

в первые годы, но постепенно ставший привычным, и, как знал зверь, совершенно безопасный. Сверху на нем стоял другой предмет, не блестевший и формой своей напоминавший медведю внешний вид неприятных ему двуногих.

Маленькие слезящиеся глазки, наполовину прикрытые бурыми космами шерсти, уже различали знакомые сосуды, и влажный нос чуял аппетитный запах меда. Спазма голода сдавила желудок медведя.

Он занес переднюю лапу, чтобы привычно перебраться через завал, но внезапно остановился и весь напрягся.

Незнакомый запах коснулся его ноздрей.

Он был не похож на известные ему запахи двуногих и четвероногих зверей, в которых он научился хорошо разбираться за свою долгую медвежью жизнь. И в то же время это был несомненный запах живого существа.

Медведь стоял неподвижно. Голод гнал его вперед, страх перед неизвестным удерживал на месте.

Пока он раздумывал, как ему поступить в таком неизвестном случае, в странном предмете, стоявшем на середине поляны, образовалось отверстие и появился двуногий зверь, совсем не похожий на тех, которых медведь видел раньше.

Знакомые медведю двуногие были темны — этот светел и казался на фоне леса бело-голубым пятном.

Ничего подобного никогда еще не приходилось видеть старому и опытному зверю.

Страх пересилил голод. Медведь сделал движение повернуть обратно.

И в этот момент он почувствовал на себе взгляд незнакомого существа.

Если бы звери могли рассуждать, сопоставлять и анализировать события, обладали бы логическим мышлением, то медведь, вероятно, немало удивился своему собственному поведению. Вместо того чтобы скрыться в спасительной чаще, что властно приказывал ему врожденный инстинкт, он перелез через завал и направился к тому месту, где стояло двуногое, непонятное и безусловно враждебное существо, избегать соседства с которым повелевал ему опыт бесчисленного числа предков.

Что-то сильнее инстинкта и опыта заставило его поступить так неосторожно.

Двуногое спокойно ожидало его приближения и не выражало никакого страха перед властелином леса.

Медведь не мог знать, что это существо видит подобного ему зверя первый раз в жизни и «позвало» его только для того, чтобы рассмотреть лучше.

Скованный неизвестной силой, не испытывая даже естественного страха, медведь покорно подошел к ногам двуногого существа и остановился, забыв о сосудах и своем голоде. Он стоял и ждал, сам не зная, чего он ждет.

Двуногое повернуло голову, но не издало ни звука. И тотчас же, словно услышав неслышный призыв, из того же тускло поблескивающего предмета вышло еще четверо таких же существ, вернее трое таких же. Четвертый был несколько иным, не бело-голубой, а черный и бронзовокрасный.

Это был Рени в черном плаще Гезы на плечах.

— Ты видел когда-нибудь такого зверя? — спросил его один из пришельцев.

— Нет, никогда, — ответил Рени. — Я знаю, что на далеком севере водятся похожие, но они белого цвета.

Звук голоса, неожиданно раздавшийся в полной тишине, заставил медведя сильно вздрогнуть, и это не укрылось от внимания людей.

— Он слышал и знает звук человеческого голоса, — сказал пришелец.

— Статуя па крыше, сосуды, — заметил Рени, — все указывает на то, что это место посещается людьми.

— Наша камера используется как пьедестал для статуи «бога». Но это означает, что люди здесь дики.

В «голосе» пришельца чувствовалась грусть.

Опять неудача!

Опять они явились слишком рано!

Но разве могли они надеяться на другое? Разве не они сами установили срок, а прошло только девять десятых этого срока?

Им показалось, что человечество Земли не только не продвинулось вперед, а даже отошло назад. Думать так заставляло крайне грубо и примитивно сделанное изображение человека, стоявшее на крыше их цилиндрической камеры. Оно не могло идти ни в какое сравнение со статуями эпохи Рени. Не менее грубо были сделаны и сосуды, стоявшие на земле.

Если бы они увидели все это тысячи лет назад, не на родине Рени, а в какой-нибудь другой стране, принадлежавшей той же эпохе, они не удивились бы, понимая, что

в одно и то же время могут существовать на планете различные уровни культуры. Но сейчас, когда прошло столь много веков, это их удивляло и тревожило.

Назначение сосудов было вполне очевидно, — это жертвенные дары, приносимые идолу, которому поклонялись здешние жители. А может быть, они поклонялись самой камере, назначение которой не могло быть им понятным.

В эпоху Рени искусство обработки металлов стояло довольно высоко, пришельцы видели хорошо отделанные блюда, кубки, мечи и копья. Здесь, судя по всему, царил еще почти что каменный век.

Таково было их первое впечатление.

Невольно вспоминалась гибель первой камеры. Так нежели же катастрофа, постигшая родину Рени, была так велика, что уничтожила всю достигнутую культуру и отбросила земное человечество на много веков назад?

Если такое предположение верно, это грозило самыми неприятными последствиями. Машина времени настроена на определенный срок, и изменить его уже невозможно. Она все равно «остановится» еще раз, когда пройдет первоначально назначенное время, — теперь через промежуток времени, равный приблизительно тысяче оборотов Земли вокруг Солнца.

Каждая остановка вредно влияла на организм, после каждой требовалось все более и более продолжительное время отдыха.

В стране Моора они могли прожить нужное число дней. А тут?

Снова непредвиденное обстоятельство скомкало и опрокинуло все их расчеты.

— Злая судьба преследует нашу экспедицию, — сказали пришельцы.

И Рени понимал, что они хотят сказать этими словами. Он уже многое узнал с тех пор, как встретился снова с пришельцами.

— Где-то здесь есть люди. Их надо найти.

— Они сами придут к нам, — заметил Рени. — Этот зверь пришел на знакомое место, за пищей. Он привык находить ее здесь. А те, кто приносит ее, думают, что бог питается их дарами.

Он улыбнулся, вспомнив жрецов, среди которых жил и которые поступали с приношениями горожан точно так же, как и этот зверь.

Слова Рени напомнили пришельцам о медведе. Они совсем забыли о нем, погрузившись в свои невеселые мысли.

Медведь стоял на том же месте, низко опустив голову, словно обнюхивая землю. По его виду нетрудно было догадаться, что он сильно истощен.

— Что это такое? — спросил один из пришельцев, указывая на сосуды.

— Пчелиный мед, — ответил Рени, но тут же, сообщив, что его не поймут, добавил: — Это вещество изготавляется насекомыми из соков растений. Оно питательно и вкусно.

— Разделим трапезу, — сказал пришелец. — Здесь два сосуда. Один возьмем себе, а другой оставим ему.

Так они и поступили. Чтобы освободить медведя от сковывающей его чужой воли, все пятеро вернулись в камеру, и дверь закрылась за ними.

Медведь сразу «очнулся». Он недоуменно повел носом, не понимая, куда исчезли двуногие существа. Их запах остался в воздухе, но почему-то не тревожил большие и не вызывал опасений. Голод проснулся с прежней силой, и медведь принялся за еду.

Одного сосуда было мало, чтобы утолить его голод, но второй исчез, и, ткнувшись несколько раз носом в пустую посудину, медведь недовольно заворчал и скрылся.

Первый раз в жизни зверь не почуял постороннего присутствия.

Ничего не заметили и пятеро людей, только что бывших на поляне.

А за всей этой сценой наблюдала пара голубых глаз, обладательница которых, окаменев от ужаса, притаилась в кустах у самого завала.

И долго после того, как поляна опустела, Любава си-дела, не будучи в силах пошевелиться, почти в обморочном состоянии...

Следы ее присутствия были обнаружены пришельцами поздно вечером. Сперва они заметили рассыпанные по земле белые цветы, которые девочка трудолюбиво собирала весь день, чтобы украсить ими праздничные столы. А потом Рени нашел оброненный ею пестрый платок.

Это было очень важным открытием.

Искусно вышитые узоры платка заставили усомниться в первом, неблагоприятном впечатлении, которое произ-

вела на них окружающая обстановка. Такая вещь не могла быть сделана дикарями каменного века. Платок свидетельствовал о высокой культуре. Во всяком случае не меньшей, чем в эпоху Рени.

И, хотя ни пришельцы, ни Рени не могли догадаться о назначении этого куска разноцветной материи, находка возводила надежды.

Только наутро следующего дня Любава смогла рассказать о том, что она видела на Поляне.

Рассказ был настолько странен, что старики только покачивали головами, подозревая внезапное безумие девочки.

А Чеслав тотчас же один отправился на Поляну проверить слова дочери.

Его сердце, закаленное суровыми испытаниями, выпавшими на его долю, не ведало страха.

Жители поселка и успевшие уже собраться группы соседей, явившиеся на праздник, в тревожном беспокойстве ожидали его возвращения.

Чеслав подошел к Поляне очень осторожно, прячась за кустами и деревьями. Несмотря на свой рост и могучее сложение, он двигался с гибкостью кошки, подкрадывающейся к добыче, ступая мягко и бесшумно.

Прежде чем выйти на открытое место, он долго и внимательно осматривал Поляну.

Все было, казалось, таким же, как всегда.

Он легко нашел место, где пряталась Любава, по рассыпанным там цветам. Но оброненного ею платка нигде не было. Это служило первым доказательством правдивости рассказа, — никто не мог взять платок, кроме людей.

Перешагнув завал, Чеслав вышел на Поляну.

Она была давно и хорошо ему знакома, и он сразу заметил происшедшую перемену. Появился проход от поверхности земли вниз к «дому», который оказался значительно больших размеров, чем думали до сих пор. Считалось, что «дом» стоит на земле, подобно лежачему камню, а на самом деле он был потужен в почву, над которой возвышалась только верхняя его половина. «Дом» всегда был сплошным, а теперь ясно виднелась овальная трещина, похожая на странной формы дверь.

Оба сосуда, пустые, стояли на обычном месте, и возле них Чеслав увидел следы медвежьих лап. Это его нисколько не удивило: он давно знал, кто съедает жертвенные дары, но тут же были и другие следы, человеческие.

Это было вторым и окончательным доказательством. Любава говорила правду!

Опытный глаз охотника и следопыта читал следы, как открытую книгу.

Медведь действительно стоял у ног людей. Люди действительно взяли один из сосудов и унесли его. Потом они поставили его на место. Медведь, конечно, опустошил бы оба сосуда, но он не подходил ко второму.

Если бы Любава ничего не рассказала, Чеслав мог бы сделать это за нее. И он прибавил бы еще и то, что, когда медведь уже ушел, люди снова выходили на Поляну и долго блуждали по ней. Они были на месте, где сидела Любава, и, конечно, именно они взяли ее платок. Единственное, чего Чеслав не мог знать, это внешности неведомых людей, но он уже не сомневался, что и тут дочь рассказала чистую правду.

Следы начинались и оканчивались внизу у овальной трещины, напоминавшей дверь. Кто бы ни были эти люди, они находятся сейчас внутри «дома»!

Они могут появиться в любую минуту!

Но и теперь, когда ему стало все ясно, Чеслав не испугался. Ему даже хотелось, чтобы «дверь» открылась и те, кто прячется в «доме», вышли и показались ему.

Но никто не показывался. Ни звука не слышалось за блестящими стенами.

Чеслав колебался. Любопытство тянуло его руку к железной палице, висевшей на поясе, чтобы, вооружившись, постучать в «дверь». Он был уверен, что сумеет спрятаться даже с пятью людьми, если они нападут на него. Кроме палицы у него был еще и меч.

Его удерживало от этого поступка только смутное опасение, что он, Чеслав, гордящийся своей силой и беспстрашием, может невольно испугаться, а потом всю жизнь стыдиться этой минуты.

Бело-голубые и один черно-красный! Точно из сказок, которые так искусно рассказывает на посиделках старая Милана!

Любой другой давно бы убежал со всех ног. Но Чеслав думал, что, даже спокойно удалившись, он проявит тру-

сость, что именно так поймут его уход люди. И он продолжал стоять, чего-то ожидая.

После долгих дней мокрого ненастяя выдался наконец ясный, погожий, настоящий весенний день. Тучи исчезли, по небу плыли редкие облака. Солнце ярко и горячо палило землю, от которой шел пар. Самая подходящая погода для праздника!

Но ежегодное шествие на Поляну не состоится, пока он, Чеслав, не вернется в поселок и не расскажет, что видел. Всех смущали слова Любавы. Все ждут подтверждения ложности этих слов.

Что же будет, когда он вернется и подтвердит их правдивость?

Никто не рискнет пойти на Поляну, не зная, кто эти необычайные люди, появившиеся здесь столь странным образом. Люди, которых не боятся дикие звери!

Минуты шли, а Чеслав все не мог ни на что решиться, ни уйти, ни постучать в «дверь».

В состоянии напряженного ожидания он не замечал, что за каждым его движением следили внимательные глаза человека, который шел за ним от самого поселка, прокрадываясь между деревьями с такой же бесшумной кошачьей ловкостью, как шел он сам.

Этим человеком был Джелаль, которого послал Гемибек, обеспокоенный непрерывным подходом к поселку все новых и новых людей и заподозривший заговор против своего отряда.

И молодой нукер, притаившись в кустах, видел все, что произошло на Поляне.

Он понял в этот день, что значит безумный страх, холодащий сердце...

ВТОРАЯ ВСТРЕЧА

Только теперь, когда решительный шаг был сделан, когда между ними и родной эпохой легла бездна времени «ширины» в тысячелетия, пришельцы до конца осознали, на какие тяжелые моральные испытания обрекли себя, решившись на путешествие в далекое будущее.

На их планете прошло такое же время. Ничего не осталось от той жизни, которую они знали и любили, к которой привыкли с детских лет. На родине, как и здесь

на Земле, все стало другим. И не только другим, но и одинаково чуждым.

Они бежали из эпохи Рени потому, что хотели любым путем вернуться к родному Солнцу. Помочь им в этом могли только будущие люди Земли. И они без колебаний пустились в путь к этим людям.

И вот теперь, когда обратный путь был бесповоротно отрезан, они внезапно поняли, что возвращение на родину потеряло в их глазах всякий смысл.

Тысячелетия — срок невообразимо огромный. Ничто, решительно ничто, знакомое не встретит их по возвращении. Все изменилось: люди, условия их жизни, техника, самый облик родины, — все стало совершенно другим. Между ними и новыми людьми, живущими сейчас на их планете, не осталось ничего общего.

Раньше они как-то не до конца понимали, что значит оказаться «живым анахронизмом». Теперь они это поняли и испытали настоящий ужас от сознания непоправимости случившегося.

Они не жалели о том, что покинули эпоху, в которую впервые попали. Нет! Но они понимали теперь, что только здесь, на Земле, они могут оказаться в привычных им условиях жизни. Потому, что эти условия на их родине были, а на Земле еще будут. Пути в прошлое не было и не могло быть. Путь в будущее существовал, но только в будущее Земли!

Земли! Она была для них чужой планетой. Ее люди были чужими, только внешне похожими на них самих!

Никогда Земля не могла стать для них родиной. Но и та родина, которую они покинули, также не могла снова стать для них тем, чем она была прежде.

Они четверо стали одинаково чуждыми обеим планетам. Они потеряли родину вообще, стали существами, не принадлежащими ни к какому человечеству, находящимися вне жизни, вне общества им подобных разумных существ, как на Земле, так и на планете, на которой родились.

Так понимали они свое положение.

Оставалось только одно, одна задача, в которой они видели смысл своего существования, ставшего, казалось бы, бессмысленным.

Их послали на Землю для того, чтобы установить контакт разума двух планет. Именно эту цель взяли они на

себя, несли ответственность за выполнение этой задачи. Последовать за ними по тому же пути не мог никто. Этот путь был закрыт аварией. И, если они не выполнят того, что им поручили, жертва их предков, отдавших свои жизни, чтобы сделать возможной эту задачу, пропадет даром.

Это было целью. Существование этой цели спасало их от отчаяния. Потому что бесцельная жизнь невыносима для высокоразвитого сознания.

И четверо молодых ученых, переставших быть учеными с точки зрения нового человечества их родины, стали смотреть на себя как на исполнителей задуманного дела, отречившись от всякой надежды на личную жизнь, которая казалась им уже невозможной ни здесь, на Земле, ни на родине.

Так они думали, не зная, что готовит им грядущее. Да и кто может это знать!

Они шли навстречу неведомому в уверенности, что, выполнив задачу, связав будущее человечество Земли с будущим человечеством своей планеты, останутся посторонними свидетелями как той, так и другой жизни. Без малейшей возможности найти в них место для себя.

Но разуму человека несвойственно видеть будущее только в черном свете. И в глубине сердец четырех пришельцев теплилась слабая надежда, что через тысячу лет, — а если они ошиблись в сроке, то еще позже, — они окажутся в обществе, стоящем на той же ступени развития, на которой находилась их родина в момент, когда они ее покинули. Тогда они снова станут учеными, могущими принести людям пользу. Правда, только здесь, на Земле, но и это казалось им счастливым исходом. Жизнь получила бы смысл.

Надежда была слабой, потому что попасть точно на нужную «ступеньку» они могли только в силу случайности, а не по расчету. Гораздо вероятнее было попадание в более развитое общество Земли. Тогда они опять окажутся безнадежно отсталыми.

Будущее было туманно!

А настоящее достаточно скверно!

Пока что их преследовала одна неудача за другой. «Остановившись» на своем пути по вине Рени, они были обречены на пребывание в этой эпохе по крайней мере в течение половины земного года. Отправляясь дальше

до этого срока было нельзя. А как прожить это время, они себе плохо представляли.

Окружающее не обнадеживало.

Первая встреча с земными людьми прошла для них удачно. Ошибка, допущенная наукой в оценке уровня земной жизни, не поставила их в безвыходное положение: они сразу попали к людям, встретившим их гостеприимно и доброжелательно. Они нашли кров и пищу и смогли пережить нужный срок отдыха в благоприятных условиях.

Теперь получалось совсем иначе.

Они находились в диком лесу и имели основание думать, что обитатели этого леса так же дики. Как встретят их появление, как отнесутся к ним? И если они могли кое-как жить в камере, то вопрос питания встал перед ними во весь рост.

Как и чем питаться?..

Все пятеро никогда прежде не задумывались о том, где достать пищу, — она всегда находилась в их распоряжении. Пришельцам не приходилось об этом думать потому, что на их родине такой проблемы не существовало ни для кого, а Рени не задумывался в силу своего положения раба, которого кормили его хозяева.

Что делать теперь?..

Рени по-прежнему находился на своей родной планете. Но его положение было нисколько не лучше, чем у его товарищей по несчастью.

Все же маленькая разница существовала, и пришельцы понимали, в чем она заключается.

Рени мог найти пищу даже в лесу, потому что ему были знакомы земные растения, и он знал, какие из них имеют питательные свойства. И он мог есть мясо животных, а пришельцам такая пища была противопоказана.

Но пока что оставалось неизвестным, растут ли в этом лесу съедобные растения.

Большую тревогу вызвала встретившая их на поверхности земли погода. Мокрая почва, мокрый туман, холод и моросящий дождь — все это не могло не подействовать угнетающе. Было неизвестно, весна ли это начинается или, наоборот, осень.

Все пятеро были одеты очень легко, особенно Рени, на котором, кроме плаща и узкой набедренной повязки, не было ничего, даже сандалий.

Рени привык к жаркому климату своей родины, а при-

шельцы только теоретически знали о существовании времена года.

К тому же им было неизвестно, на какой широте находится их камера, насколько сурово здесь зимнее время года.

Что делать, если приближается морозная зима?..

— Наша экспедиция оказалась недостаточно продуманной, — сказал один из пришельцев.

— Нет, неверно, — возразил другой. — Мы считали, что окажемся в развитом обществе. Никто не мог предвидеть аварию. И тем более никто не мог предвидеть, что нам придется воспользоваться машиной времени в таком масштабе.

— В крайнем случае рискнем, — заметил третий пришелец. — Будем продолжать путь без длительного отдыха. Оказавшись в нужной нам эпохе, получим помощь, и вред, причиненный здоровью, будет ликвидирован.

— А Рени?

При этом вопросе по лицам пришельцев прошла тень тревоги и озабоченности.

Они говорили, не скрывая своих слов от Рени. Он стал их полноправным товарищем. Как им, так и ему, предстоял один и тот же путь в будущее, путь, который продлится до тех пор, пока они пятеро не окажутся в эпохе расцвета науки и техники Земли.

Их ожидала одна и та же судьба.

Казалось бы, что пришельцы должны были испытывать к Рени неприязненные чувства, — ведь именно благодаря ему они оказались в таком неприятном положении. Но они отнеслись к неожиданному попутчику точно так же, как относились друг к другу.

Его встретили дружески, с очевидной, искренней радостью, что все окончилось благополучно и неосторожное проникновение в машину времени не привело к роковым последствиям, что могло случиться очень легко.

Пришельцы ни на словах, ни в мыслях не обвиняли Рени ни в чем.

А если и обвиняли кого-нибудь, то только себя, за то, что забыли выключить механизм двери и этим едва не погубили земного человека.

И еще они испытывали угрызения совести, сознавая, что обрекли Рени на такие же испытания, какие ожидают в будущем их самих.

Молодые ученые хорошо понимали разницу между собой и Рени. Если в той отдаленной эпохе, к которой они стремились, они четверо могли оказаться на месте, то совсем иным будет там положение Рени.

Пришельцы не хотели быть «анахронизмом», и им было очень тяжело думать, что такая судьба ожидает их молодого товарища.

И как только они его увидели, как только поняли, что этот человек, которого они считали давно умершим, присоединился к ним и останется с ними до конца, все четверо одновременно подумали о том, что на них легла моральная обязанность подготовить Рени к появлению в мире будущего.

«Остановку» можно было продлить на столько времени, сколько понадобится. Это уже не играло большой роли. А они четверо были еще достаточно молоды, чтобы не торопиться.

Им было хорошо известно, что человеческий мозг (о том, что люди Земли в этом отношении ничем от них не отличаются, они уже знали) обладает замечательным свойством — он однотипен во всех эпохах, не слишком удаленных друг от друга. Человек всегда способен воспринять и усвоить всю сумму знаний последующих веков, до которых еще не дошла наука его времени. В этом смысле мозг обладает колоссальной перспективой.

Они считали, что им повезло в том, что именно Рени, обладавший наиболее развитым умом своей эпохи, стал их товарищем. Пришельцы успели хорошо его узнать за время, проведенное в доме Дена. Но они знали, что дело не в качестве мозга, а в том, насколько «наполнен» этот мозг.

Не сговариваясь, каждый из четырех решил заняться образованием Рени.

По существу, они собирались только продолжить то, что начали тысячи лет тому назад.

И вот обстановка, встретившая их, угрожала нарушить и этот план.

Пришлось всерьез задуматься над продолжением пути, над сокращением «остановки» до минимума. В этом случае Рени окажется в будущем совершенно неподготовленным, так как в самой камере, когда она находилась в действии, времени не существовало.

В конце концов пришельцы решили до последней воз-

можности не уходить, сделать все, чтобы остаться в этой эпохе на нужное им время.

Вот почему найденный на второй день после присоединения Рени к пришельцам платок Любавы обрадовал и возбудил надежду.

Сосуды с медом также были замечены только на второй день. Более суток пришельцы и Рени оставались голодными. Произошло это потому, что пришельцы не могли думать ни о чем, кроме спасения разума Рени от грозившего ему безумия.

Им удалось спасти его только потому, что к своим объяснениям пришельцы присоединили волевое внушение и даже два раза усыпляли Рени на короткое время, когда видели, что смятение его ума становится угрожающим.

Только наутро следующего дня Рени наконец успокоился настолько, что смог если не понять, то поверить невероятному факту, что, войдя в камеру, закопанную в саду Дена, и пробыв в ней, по его восприятию, не более нескольких часов, он вышел из той же камеры через тысячи лет и в совершенно другом месте.

Было вполне очевидно, что, если бы не прошлые беседы Рени с пришельцами, оставившие в его душе безграничную веру в разум и могущество пришельцев, им не удалось бы его спасти и Рени сошел бы с ума от нестерпимого ужаса, увида за дверью камеры густой лес вместо знакомого сада.

Такое превращение было для него абсолютно непонятным, несмотря на все объяснения, которые он выслушал. Но пришельцы были убеждены, что после серии уроков, которые они решили дать Рени, он способен будет понять.

Из осторожности они ни словом не упомянули о катастрофе, уничтожившей или повредившей первую камеру, так как были почти уверены, что эта катастрофа не пощадила и самую родину Рени. До поры до времени было лучше, чтобы он этого не знал.

Приступ ужаса и отчаяния миновал скорее, чем можно было думать, и вечером следующего дня Рени вышел из камеры, как человек, перенесший тяжелую и опасную болезнь, но уже совершенно здоровый.

Он знал и чувствовал, что второй раз стал другим человеком, что в его жизни наступил третий период. Первый продолжался от рождения и до знакомства с при-

шельцами, второй начался после этого знакомства. И вот теперь он опять внутренне переродился, вступил в новую полосу жизни, и, что бы ни случилось с ним дальше, ничего и никогда не вызовет больше такого тяжелого кризиса.

Четверо его друзей также видели и понимали, что между тем человеком, которого они знали в стране Моора, и Рени сегодняшним нет ничего общего.

И сознание этого превращения радовало их.

С большим интересом выслушали они рассказ Рени о событиях, произошедших после их ухода и заставивших его последовать за ними, хотя он и не собирался этого делать, не имея ни малейшего представления о том, куда вошел, чтобы «переждать» время.

Пришельцы воспользовались этим рассказом, чтобы дать Рени первый урок. И с огромным облегчением убедились, что он понял их достаточно хорошо, а следовательно, их план образования Рени не утопия, а вполне реальная возможность.

Нужно только время, желание и готовность самого Рени, в которых нельзя было сомневаться, проделать огромный труд.

Труд не пугал Рени, но хватит ли времени? Судьба дала ему таких учителей, каких никогда не могла дать его эпоха. Все зависело от него самого.

Так же, как пришельцы, Рени мечтал о том, чтобы им не пришлось «уйти» раньше времени, чтобы «остановка» дала возможность его друзьям осуществить свой план.

Сперва казалось, что этого не случится. Но вот неожиданно попавший в их руки платок изменил положение. Стало ясно, что поблизости есть люди, и притом гораздо более развитые и культурные, чем они думали.

Этих людей надо было найти, и как можно скорее.

Небольшое количество меда, разумеется, не могло насытить пять человек. Пассивно ожидать, пока неизвестные жители леса явятся сами, было нельзя, — это могло случиться не скоро.

На родине Рени пришельцы видели людей разного типа и цвета кожи. Они уже знали, что на Земле, в отличие от их родины, люди неодинаковы. Кого они встретят здесь?

Сами они резко отличались от земных рас. И понимали, что их внезапное появление может вызвать страх.

«Не так давно» они убедились в этом, когда Геза убежжал от них в ужасе. А он был одним из самых образованных людей своего времени. Не повторится ли такая история?

Присутствие Рени в этом отношении было очень полезно. Ведь он был земным человеком, и такие, как он, должны были быть хорошо известны всем людям планеты. Кроме того, пришельцы надеялись, что память о их первом появлении не изгладилась, что на Земле помнят о них и знают их внешний вид.

Они сделали все, чтобы о них помнили. Многое рассказали, многое показали с помощью шара и, наконец, оставили людям самый шар.

Правда, надежда на то, что новые знания, оставленные ими, помогут людям Земли быстрее идти вперед, как будто рухнула. Оба человека, которым они дали эти знания, быстро ушли из жизни. Один умер, а второй находился здесь, с ними. Но шар должен был сохраниться, — ни время, ни случайности не могли повредить ему, не только что уничтожить. А с шаром должно было сохраниться и воспоминание о тех, кто его оставил.

Шансы, что их «узнают», были. И они надеялись, что вторая встреча с земными людьми произойдет иначе, чем первая.

Она произошла раньше, чем они думали.

Словно ожидая их выхода, у самой двери стоял человек. Он был очень высок, совсем не похож внешностью на Рени, другого цвета кожи, одетый не так, как одевались современники Рени. Нижняя часть его лица была покрыта волосами.

Это была какая-то другая, а возможно, и новая порода людей.

„СЛУГИ ПЕРУНА“

Чеслав не уходил потому, что верил рассказу дочери и сам убедился, что внутри жилища Перуна кто-то находится. Кроме того, он боялся, что люди воспримут его уход как проявление трусости. Играло роль и простое любопытство.

Он стоял и ждал.

Он не мог понять, откуда явились эти люди и как они умудрились забраться внутрь «дома», но нимало не со-

мневался, что имеет дело с обычновенными людьми, скорее всего с какими-нибудь новыми беглецами.

Оставалось непонятным, почему медведь не испугался людей и подошел к ним так близко.

Но ведь и сами люди не испугались зверя, не попытались его убить и даже оставили медведю половину жертвенного меда.

Странно!

Чеслав ждал, надеясь, что дверь откроется, — и все же она открылась неожиданно для него.

Усилием воли он заставил себя остаться на месте, не сделать ни одного шага назад.

Первым вышел человек в черном плаще. Его лицо, руки и босые ноги были красного цвета с золотистым оттенком. Черные волосы спускались до плеч. Ростом он был немного ниже Чеслава, а черты лица напоминали греческую статую, которую Чеслав видел в Самарканде. Они были удивительно правильны и красивы.

При первом взгляде на незнакомца Чеслав понял, что это, конечно, не беглец и вообще человек неизвестного ему народа.

Но все же он не испугался.

Страх поднялся в его душе минутой позже, когда вслед за первым из «дома» вышли еще четверо.

Это были те, кого Любава назвала «бело-голубыми».

И они действительно были голубыми и белыми. Но если голубой цвет, как и предполагал Чеслав, относился к одежде, то белый...

Возможно, что он забыл бы в эту минуту свои опасения показаться трусом и не столько ушел, сколько убежал бы со всех ног, если бы волнение не лишило его способности двигаться.

Плотно облегающая одежда скрывала тело, но липо, кисти рук и совершенно голый череп четырех существ были не бледны, а именно белы, как только что выпавший снег.

Неудивительно, что десятилетняя девочка испугалась насмерть, увидя таких страшилищ! Чеслав почувствовал, как его сердце судорожно забилось, а ужас тошнотным комком сдавил горло.

И вдруг он услышал слова, произнесенные на чистом русском языке:

— Не бойся нас. Мы такие же люди, как ты, только

принадлежим к другому народу. Как и вы, мы дети Солнца и ваши братья. Мы не причиним вам никакого зла.

В тот момент Чеслав не заметил и не мог заметить никаких странностей в звуках этого голоса. Но то, что люди говорили по-русски, сразу успокоило его. Страх исчез, сменившись безграничным удивлением.

«Дети Солнца»! Он слышал о народе, который поклоняется Солнцу, почитает его, как бога. Их страна называлась Египтом. Но как могли жители этой страны оказаться здесь, если даже в Хорезме никогда не видели живого египтянина, а только знали об этом народе? И как мог египтянин знать русский язык?

Чеслав проглотил комок, застрявший в горле, и хрипело спросил:

— Откуда вы?

Ответ он получил не сразу.

Пришельцы обменялись несколькими фразами, которых Чеслав не слышал.

Всем четырем стало совершенно ясно, что их надежды снова оказались ложными. Этот человек никогда не слышал о них, не знает о их первом появлении на Земле. Если бы на их планете появились вдруг существа, не похожие на них самих, то любой, увидевший их, сразу подумал бы о пришельцах с другой планеты. Это было бы естественной мыслью, потому что ничего другого подумать было нельзя. Но этот человек так не подумал. Значит, он даже не подозревает о существовании иных планет. А это означало, что все сказанное ими Дену бесследно забылось. По крайней мере здесь, в стране, где они оказались. А раз так, имеет ли смысл называть себя обитателями другой планеты? Что может дать такое признание, если наука еще не дошла до понимания Вселенной и до идеи множественности обитаемых миров? Очевидно, ничего, кроме лишних и нежелательных осложнений. Пришельцы помнили урок, который они получили в эпоху Рени, когда правда привела только к всеобщему страху перед ними. Такую ошибку повторять нельзя, если они хотят остаться здесь на продолжительное время. И во всяком случае этого нельзя делать до тех пор, пока не станет ясен уровень развития науки этой эпохи.

— Ты понял правильно, — ответил Чеславу пришелец. — Мы из той страны, где поклоняются Солнцу.

— Но как вы очутились здесь?

Голос Чеслава звучал уже вполне спокойно. Он не обратил внимание на более чем странное обстоятельство, что «египтянин» ответил на его первый вопрос так, как если бы услышал мысль Чеслава. Он думал о другом, и странность ответа ускользнула от его сознания.

Бояться было явно нечего. «Слуги Перуна», как сразу же прозвали неизвестных людей женщины поселка, ясно сказали, кто они такие. Их пятеро, и у них нет оружия. Угрозы они не представляют...

Вопрос лесного жителя поставил пришельцев в затруднительное положение. Они считали, что открывать тайну своего появления еще рано. Как же ответить?

Оставалось одно — не отвечать совсем.

Они так и поступили.

— Где ты живешь? — спросил пришелец вместо ответа.

— Тут, недалече, — ответил Чеслав и, указав на цилиндр, задал новый вопрос: — Давно вы здесь?

Снова вопрос был прост и естествен, и снова на него нечего было ответить.

Пришельцы чувствовали, что взятая ими линия поведения неверна.

— Мы пришли издалека, — сказал пришелец, делая последнюю попытку уклониться от прямого ответа. — Мы голодны и хотим просить вас о гостеприимстве.

— Гостям всегда рады.

Только сейчас Чеслав начал замечать странность этого разговора. Он внезапно обратил внимание на то, что губы его собеседника не шевелятся.

Как же он говорит?

До сих пор казалось, что слова произносятся громко, а теперь начало мерещиться, что кругом тишина, нарушаемая только его собственным голосом.

Но ведь он слышит, что ему говорят!

Он смотрел на того, кто стоял прямо перед ним. Может быть, говорит кто-нибудь другой?

Чеслав перевел взгляд на Рени. Из всех пятерых этот был наиболее понятен. Его лицо странно красиво, но обычно и не вызывает удивления, если не считать цвета кожи. Чеслав встречал людей с коричневой, желтой, черной кожей. Красный цвет не поражал его так, как поражал белый у четырех товарищев этого человека.

Почему между ними такая огромная разница? Видимо, этот, в черном плаще, не египтянин.

Чеслав заметил, что получил ответ только на один, первый вопрос. Но врожденная деликатность удержала его от настойчивости. Не хотят отвечать — их дело.

Он обратился к Рени:

— А ты тоже из Египта?

Рени понял, что вопрос задан ему, но он не знал языка, на котором говорил этот человек, и не мог ответить. За него ответил пришелец:

— Он пришел с нами, но принадлежит к другому народу.

Теперь уже не оставалось никаких сомнений: люди с белой кожей говорили не раскрывая рта. Чеслав наблюдал за всеми.

Чего только не встретишь на свете!

Если бы пришельцы говорили вслух, Чеслав безусловно обратил бы внимание на непривычные обороты их речи и отдельные незнакомые ему слова, но он воспринимал фразы в привычной ему форме, и ему казалось, что «египтяне» (может быть, только один из них) хорошо владеют обычным русским языком.

Эти люди просят гостеприимства и говорят, что голодны. Кто бы они ни были, отказать им нельзя. Обычаи требовали пригласить их в поселок. Но Чеслава смущала мысль, как встретят таких гостей, как отнесутся к их необычайному виду. Он понимал, что если не боится сам, то только потому, что привык встречать на своем жизненном пути самых разнообразных людей. Он не был суеверен и не верил ни в бога, ни в черта. Но остальные могли перепугаться не меньше Любавы. Ведь даже он в первый момент все-таки испугался.

Смущало его и то, что в поселке находятся воины Гемибека.

Из затруднительного положения Чеслава вывели сами пришельцы.

Они поняли всё, о чем он думал. И, обменявшись мнениями, решили, что иного выхода у них нет.

— Не бойся, — сказал один из пришельцев. — Мы никому не причиним никакого вреда, и никто нас не испугается.

И Чеслав не только не заметил, что египтянин снова ответил на его мысли, но и сразу уверился, что все его

опасения ложны. Он просто забыл то, о чем только что думал.

Пришельцы не считали это насилием. Они поступили так потому, что не хотели своим появлением причинить кому бы то ни было хоть малейший вред. А мысли Чеслава поведали им, что кто-то их видел и заболел от страха. Пришельцы никогда не простили бы себе, если бы их появление лишило кого-либо разума.

— Кто был тут вчера? — спросил пришелец.

Чеслав улыбнулся.

— То моя доня, — ответил он. — Любавка.

— Она здорова?

— Маленько занедужила. Со страху, — пояснил Чеслав.

— Она будет совсем здорова, — сказал пришелец, — как только мы придем в твой дом.

Рени вернулся в камеру и вынес платок.

— Вот, — сказал пришелец, — возьми. Любавка обронила его вчера.

Чеслав машинально взял платок.

— Вы смыслите в лекарском деле? — спросил он.

— Да, мы хорошие врачи.

Слово «врачи» прозвучало в мозгу Чеслава, как «занахари».

— У нас пять человек недужных, — сказал он.

— Все будут здоровы.

Пришельцы обрадовались, что смогут чем-то отплатить за ту пищу, которую получат.

— У тебя шрам на лице. Если хочешь, его не будет, хоть сейчас.

Чеслав невольно притронулся к щеке:

— Не будет?

— Не останется никакого следа.

— Ты умеешь заговаривать раны?

Пришелец ответил утвердительно, хотя и не понял всей фразы.

Удивление и любопытство были так велики, что Чеслав, не думая, согласился.

— Делай! — сказал он решительно.

Если белый человек говорит правду, то эти люди могут принести много пользы и их появление настоящее счастье. В соседних поселениях много больных и раненых на охоте. Есть и калеки. Сумасшедшая мысль, что

эти люди могут вылечить ногу Любавы, сразу же пришла в голову Чеслава. Увесье младшей дочери всегда его огорчало, и именно потому он так легко согласился на неописанный ему опыт.

— Делай!

Он ничего не заметил и не почувствовал. Мгновенная потеря сознания и такое же мгновенное «пробуждение» не оставили ни малейшего воспоминания, и ему казалось, что никто даже не пошевельнулся, а обещанное лечение еще не началось.

— Делай! — повторил он еще раз.

— Уже сделано, — улыбнулся пришелец. — Ощупай свое лицо.

Вот когда Чеслав испугался по-настоящему.

Но еще больше был испуган тот, кто видел всю эту сцену и слышал каждое слово пришельцев. Джелаль не мог рассмотреть на расстоянии, чем кончилось странное «лечебство», но почему-то был уверен — белолицый человек выполнил свое обещание. Это могло быть только колдовством. Перед ним волшебники из восточных сказок — джинны!

И Джелаль бросился бежать. У него хватило присутствия духа отползти в сторону и подняться на ноги только тогда, когда его уже не могли увидеть с поляны.

Со всех ног он кинулся в поселок, торопясь рассказать Гемибеку обо всем, что видел и слышал. И еще о том, что Чеслав обманул, — он знает их язык, он говорил с удивительными незнакомцами на языке монголов.

Правда, Джелаль не слышал его голоса, до него почему-то доходили только слова собеседников Чеслава, но факт разговора был несомненен.

Молодой нукер Гемибека не сомневался, что такой обман имеет причину и таит в себе какую-то угрозу.

На поляне никто не заметил ни присутствия Джелала, ни его бегства.

Страх, овладевший Чеславом, когда он ощупью убедился, что давно полученный шрам исчез с его лица, продолжался только несколько секунд. Он прошел как-то сразу и незаметно.

Пришельцы твердо решили не позволить никому бояться себя.

НА „ОСТАНОВКЕ“

После ненастной мокрой весны наступило сухое, жаркое лето. Степь быстро просохла и зазеленела всходами озимых — ржи, пшеницы, ячменя, вики. Урожай обещал быть богатым.

Уже закончились весенние работы, в которых, наравне со всеми, деятельно принимали участие пятеро гостей поселка.

Пришельцы, казалось, знали все, были специалистами в любой области, а Рени быстро научился ходить за сохой, хотя раньше не только никогда не принимал участия в сельскохозяйственных работах, но даже не видел их. А стоило понять несложный процесс пахоты, как в полной мере сказалась физическая сила молодого атланта. К его сохе припрягли вторую лошадь, и поселяне с изумлением наблюдали, как под руками красного человека ровным слоем ложится глубоко врезанный пласт жирного чернозема.

До сих пор только одному Чеславу удавалось достичь таких результатов.

Полевая работа пришлась Рени по вкусу, и он жалел, что она так быстро окончилась.

Но он скоро узнал, что пахота это еще не все, что у земледельцев лето — горячая пора, что есть много другого дела. И Рени работал с увлечением.

По его расчету, со дня их прихода прошло около двух лун. Все это время пришельцы никуда не отлучались из поселка, кроме ближайших полей.

Да и куда было идти? Они знали, что эта эпоха все еще очень далека от той, которая была им нужна. И они с нетерпением ожидали дня, когда станет возможным дальнейший «путь».

Рени казалось, что он попал в страну, намного отставшую в своем развитии от его родины, но пришельцы держались иного мнения. От их внимательного взгляда не ускользнули признаки несомненного «роста» человечества Земли. Например, в эпоху Рени людям были известны железо, медь, олово. Они сами научили современников Рени получать бронзу. Теперь умели изготавливать сталь, доказательством чему был меч Чеслава. Правда, он сам рассказал, что вывез этот меч из какой-то восточной страны, но для пришельцев это не имело значения. Главное за-

ключалось в самом факте. Барка и закалка стали — это большой шаг вперед.

Были и другие признаки.

Для ученых, хорошо знавших историю техники (а техника невозможна без науки), знавших, что на сходных планетах эта история должна идти сходным путем, не-трудно было подсчитать, сколько веков потребуется для того, чтобы существующая сейчас техника достигла нужного им уровня.

Если, конечно, не произойдет еще одной катастрофы.

Но пришельцы знали, что родина Рени была расположена на острове, лежавшем среди океана. Теперь же они находились, по-видимому, в континентальной стране и могли, с большой долей вероятности, думать, что катастрофы не произойдет.

Подсчеты указали на срок в тысячу земных лет или около того.

— Мы правильно настроили машину, — сказали пришельцы. — В следующий раз мы окажемся там, где нужно.

И Рени радовался вместе с ними, хотя весьма смутно понимал, к чему именно стремились его друзья. Но он готов был следовать за ними куда угодно.

Он полюбил добрых и умных белолицых людей еще тогда, когда они появились на его родине. Теперь он любил их еще больше. С тех пор как он против воли присоединился к пришельцам, Рени видел с их стороны такую заботу и внимание, каких не встречал ни от кого со дня рождения, если не считать Гезы. Но в отношении к нему Гезы всегда проскальзывало сознание превосходства над рабом, хоть и братом, а пришельцы относились к Рени, как к равному.

И сами они искренне любили своего молодого товарища. Знание делает человека старше, пришельцам казалось, что Рени молод, хотя по числу прожитого времени они были почти ровесниками.

И они говорили ему странным, беззвучным языком, — к которому Рени так привык, что перестал замечать молчание во время беседы, — что они будут вместе до конца.

Какого конца? Этого Рени не знал, но верил пришельцам, что конец будет хорошим.

Он верил им всегда и во всем.

Вторая встреча с земными людьми проходила для пришельцев так же благоприятно, как и первая.

Рени хорошо помнил, как боялись его друзей в стране Моора. И не переставал удивляться полному отсутствию страха перед ними у местного населения. Он не знал о решении, которое приняли его спутники, и не подозревал, что «бессстрашие» жителей поселка является проявлением еще одной чудесной силы пришельцев. Если бы он спросил у них о причине, то получил бы исчерпывающий ответ, но он не спрашивал, а пришельцы просто не подумали, что это может быть для Рени загадочным.

Обстоятельства помогли им осуществить свой план. По счастливой случайности они появились как раз в день весеннего праздника, когда в поселке собирались окрестные жители. Их увидели все сразу.

Это облегчило задачу.

Велико было удивление. Была растерянность. Но не возник страх, не появились суеверные мысли ни у кого, даже у Знахаря. Люди легко поверили словам Чеслава о египтянах, и естественный вопрос — как же они здесь очутились, — не пришел в голову никому.

Пришельцы знали, что такой вопрос заставит их открыть недоступную пониманию этих людей тайну, открывать которую они не считали нужным.

На глазах у всех — и это опять-таки не возбудило никакого страха — произошло и первое исцеление.

Как только Чеслав, которого сопровождали четверо белолицых и один медно-красный человек, вернулся в поселок, отсутствие на его лице хорошо всем знакомого шрама сразу обратило на себя внимание. А когда Чеслав коротко рассказал, как это произошло, люди только обращались, что среди них появились столь искусные лекари.

Понимая, что именно врачебная сила могла быстрее всего возбудить к ним дружеские чувства, пришельцы сразу же предложили свои услуги. И первым их пациентом стала Любава.

«Чудо» увидели все.

Уже вполне оправившаяся от вчерашнего потрясения, девочка доверчиво подошла к пришельцу. Плотная стена людей окружила место действия. И безусловно, если бы не предосторожность пришельцев, поразительное зрелище, представшее глазам жителей, довело бы их до па-

ники, последствия которой могли оказаться пагубными для всех планов пришельцев.

Но паника не возникла.

Среди зрителей не было воинов Гемибека. Отряд исчез из поселка еще до возвращения Чеслава из лесу. Напуганный рассказом Джелала, убежденный, что над ним и его людьми нависла неизвестная опасность, Гемибек принял решение немедленно уходить отсюда. И, как ни тяжел был предстоящий путь, как ни мало отдохнули люди и лошади, он приказал садиться в седла. Оставалось одно — вернуться к курению Субудая. Гемибек надеялся, что рассказ о том, что видел Джелаль, отведет от них гнев нойона.

Поспешное бегство монголов прошло незамеченным. Появление Рени и пришельцев отвлекло внимание. Даже Чеслав не спросил, куда делись вчерашние гости.

Рени помнил, как пришелец вылечил ногу раба в саду Дена, и то, что он увидел, нисколько не удивило его. Пришелец действовал точно так же. Зато для всех остальных исцеление Любавы было настоящим волшебством.

И мысль о волшебстве неизбежно должна была возникнуть, но... она никак не могла возникнуть.

Воля пришельцев изменила самый строй мысли жителей поселка, и ничего, кроме удивления, не почувствовал никто. Зато почтительное уважение к чудесному искусству «египтян» окрепло и стало безграничным.

В трех поселках жило около ста пятидесяти человек. В подавляющем большинстве они были неграмотны. Кроме Чеслава, никто до сих пор даже не слышал, что на свете существует страна, называющаяся Египтом. Они были земледельцами и скотоводами, людьми простыми и бесхитростными. Их жизнь и мышление были примитивны. Только самые старые помнили еще другие места. Остальные всю жизнь прожили здесь, и их кругозор ограничивался тремя поселениями, лесом и ближайшими полями. О существовании городов и крупных деревень они только слышали. И воины Гемибека почти для всех были первыми людьми, пришедшими к ним из внешнего мира.

И естественно, что никому из этих людей не могло прийти в голову, когда они увидели пришельцев, что перед ними обитатели другой планеты, потому что само существование других планет было им совершенно неизвестно.

Они никак не могли подумать, что то, что происходит перед их глазами, это проявление могучей науки и знаний, еще неведомых не только им, но и всем людям на Земле. Тех знаний, овладеть которыми еще предстоит их потомкам в далеком будущем.

Чеслав сказал, что это египтяне, и ему поверили без размышлений. Египет! Слово само по себе было достаточно загадочно, чтобы объяснить как внешний вид, так и необычайные способности голубых гостей.

Египтяне и больше ничего!

Так странно и удивительно сложились первые встречи земных людей и обитателей иного мира! Никто не понял значения этих встреч. Ни в эпоху Рени, ни теперь.

Понять все до конца суждено было тем, кто еще не родился, чье время еще скрывалось в дали веков и неизбежное наступление которого предвидели пока только одни пришельцы.

Они твердо надеялись, что на этот раз память о них не изгладится, весть о их пребывании на Земле дойдет до тех, кого они увидят, выйдя в третий раз из своей камеры.

И пришельцы не скучились на показ своего «могущества», стремясь произвести как можно более глубокое впечатление на умы окружавших их людей.

Если бы они могли только знать, что все это так же бесплодно, как и демонстрация их знаний в стране Моора!

Но как могли они это знать!

Своей цели пришельцы добились, в сущности говоря, в первый же день пребывания в поселке. Исцеление Любавы — быстрая, бескровная, непонятная операция — произвело настолько ошеломляющее впечатление, что все, видевшие его, никогда не смогли бы забыть и благоговейно передавали бы память об этом событии из поколения в поколение.

Так должно было произойти, — пришельцы не ошиблись в своем расчете, если бы...

Но даже зная, как сложится дальнейшая судьба, они, конечно, поступили бы точно так же.

Среди зрителей находилось несколько калек, но в этот день никто не обратился к пришельцам за аналогичной помощью. Свойственная простым людям деликатность удержала от этого. Тем более, что все почувствовали за внешней простотой и легкостью исцеления Любавы боль-

шой и нелегкий труд, о чём красноречиво свидетельствовал утомлённый вид пришельца.

Зато на следующий день началось настояще паломничество к избе Чеслава, где поселились гости.

Борислава обезумела от радости, увидя младшую дочь совершенно здоровой, без малейших признаков хромоты. Ее радость разделяли все, — не было человека во всех трех поселках, который не жалел бы девочку, ставшую увечной в таком юном возрасте.

И пришельцы сразу стали дорогими и желанными гостями, оказались в центре внимания. Каждый старался хоть чем-нибудь у служить им.

Не спрашивая ни о чём, гостям принесли одежду и обувь местного изготовления, совершенно новые. Но воспользовался ими один только Рени, который сильно страдал от холода. Пришельцы остались в своих голубых костюмах и в чём-то вроде сандалий, сделанных как будто из металла, но гибких и мягких на ощупь. Казалось, на них не оказывали никакого влияния ни жара, ни холода.

Рени оделся первый раз в жизни, — до сих пор он всегда носил только одну набедренную повязку, — и прошло несколько дней, пока он наконец привык и перестал испытывать неудобство.

Одетый, он почти не отличался от других парней его возраста, если не считать длинных, до плеч, волос и полного отсутствия растительности на лице. Даже необычайный красный цвет его кожи стал как-то менее заметен, походил на сильный загар. Классически правильные черты лица, обрамлённого черными волосами, гладкий и нежный подбородок сделали бы Рени похожим на пересошедшую красавицу, если бы не мощная, чисто мужская фигура. Ростом он уступал только Чеславу.

Жители поселка освоились с Рени значительно скорее, чем с пришельцами, хотя именно он один не мог ни о чём говорить с ними. Только в нем, бессознательным инстинктом, чувствовали люди что-то свое, родственное. Пришельцы до самого конца оставались чужими.

Для гостей истопили баню, и они с удовольствием воспользовались ею. Потом их усадили за стол.

Все самое лучшее, что было приготовлено к празднику, поставили перед ними, но пришельцы, как и прежде, ели только растительную пищу. От всего, что имело животное происхождение, даже от молока и масла, они отказались.

— Нельзя, — ответили они на вопрос Рени. — Животная пища вредна для условий, в которых находятся наши тела и в каких очень скоро окажется и твоё тело.

Рени знал, о чём говорят его друзья.

НА „ОСТАНОВКЕ“

(продолжение)

Пришельцев и Рени приняли, как дорогих гостей, и гости сполна отплатили хозяевам за проявленное гостеприимство. Прошло несколько дней, и в трех поселениях не осталось ни одного больного. Даже увечные стали совершенно здоровыми. И только один человек не смог воспользоваться услугами удивительных врачей.

Прозвище «слуги Перуна», неведомо для пришельцев, накрепко утвердилось за ними. В разговорах между собой жители иначе и не называли своих гостей, тем более что не знали их имен.

Рени пришел вместе с ними, его появление было так же странно и необъяснимо, как и появление пришельцев, но отношение к нему с самого начала было совершенно другим. Никто не называл его «слугой Перуна». Не сознавая ясно, люди чувствовали в нем человека Земли, инстинктивно отделяли его от его товарищей.

Пришельцев не боялись, но они были непонятны во всем, начиная с внешности. В отношении к ним всегда проскальзывала невольная робость.

Рени называли по имени, но объясняться с ним приходилось жестами.

«Бело-голубые» говорили на обычном языке, часто вели беседы, но никто, до самого конца их пребывания в поселке, так и не заметил, что говорили они не издавая ни единого звука.

Пришельцы твердо проводили в жизнь намеченный план.

Исцеление больных и увечных нанесло удар по авторитету поселкового знахаря, — слишком очевидна была разница в результатах лечения, — но, странное дело, сам знахарь нисколько не огорчался этим и не испытывал к пришельцам враждебных чувств.

«Слуги Перуна»! Этим все объяснялось. Не мог чело-

век, будь он трижды знахарем, равняться со слугами бога.

Случилось так, что именно знахарь оказался тем единственным человеком, которому искусство пришельцев ничем не могло помочь. У старика не было левой руки, давно, в дни юности, отрубленной мечом половца.

Видя, с какой внешней легкостью гости излечивают людей, делают здоровыми изувеченные руки и ноги поселян, знахарь начал было надеяться, что и его левая рука чудесно появится снова. Но надежда не оправдалась, и старик... почувствовал своеобразную гордость. Именно перед ним, знахарем, бело-голубые гости оказались бесподобными!

Видимо, только сам Перун мог бы вылечить своего служителя, если бы явился сюда.

Но Перуна не было, и старик так и остался калекой.

К удивлению Рени, пришельцы очень огорчались невозможностью восстановить отсутствующую руку.

Они говорили об этом так, как если бы подобное чудо вообще было возможно, но у них не оказалось чего-то необходимого для такой «операции».

— Дело в том, — ответил пришелец на недоуменный вопрос Рени, — что у нас на родине старики были бы с рукой. И если бы мы могли всё предвидеть, он также получил бы новую руку. Мы знаем, что не виноваты, но нам это неприятно.

— У вас на родине умеют делать новые руки? — спросил Рени, вне себя от удивления.

— К сожалению, — получил он странный ответ, — у нас случаются еще происшествия такого рода. И естественно, что мы должны иметь средства борьбы сувечьями. Как же может быть иначе?

— И человек, потерявший, скажем, руку, получает новую?

— Да, конечно.

— А если он потеряет голову?

Рени задал этот вопрос в шутку, но пришелец ответил с полной серьезностью:

— Все зависит от времени. Я не представляю себе возможности такого случая, но если бы так случилось, быстрота оказания помощи могла бы спасти жизнь.

— Но отрубить голову — это значит убить!

— Не совсем. Смерть будет только внешняя. Человеческий организм умирает не сразу.

У Рени начало мутиться в голове. После продолжительного молчания он робко спросил:

— Но как же может произойти у вас такой случай? Вам нельзя отрубить не только голову, но даже один палец.

— Ты ошибаешься, Рени. Такими, как сейчас, мы стали только здесь, на Земле. На родине мы были обычными людьми, и сквозь наше тело не могло пройти ничего. Вернее, мы стали такими незадолго до прихода к вам.

Такие разговоры только усиливали желание Рени познакомиться с таинственной наукой пришельцев.

Прошло две луны, и Рени узнал многое. Ежедневно один, а иногда и двое пришельцев занимались с ним по несколько часов. Глубокие знания учителей, понятливость, живой ум и горячее желание ученика делали эти уроки чрезвычайно продуктивными. Рени ясно сознавал, как меняется его восприятие мира, самый способ мышления, как все, что казалось ему раньше таким простым, покрывается сперва дымкой таинственности, а затем постепенно проясняется для него, открываясь совершенно с другой стороны, о которой он никогда и не подозревал.

Пришельцы не теряли времени на обучение Рени элементарным основам науки, а, так же как в доме Дена, делали упор на философию явлений природы. И, посвящая ученика в самые сложные проблемы науки, делали это так, что он понимал суть того, что ему говорили.

В данных условиях такой необычный метод давал прекрасные результаты и соответствовал плану подготовки Рени к появлению в мире будущего. Он не знал «аэбуки», не изучил простейших законов и в то же время мог воспринять неизмеримо более сложные вещи. Он не усвоил «таблицы умножения», а когда ему говорили о парадоксах теории относительности, понимал, о чем идет речь.

Пришельцы не могли давать уроки словами на языке Рени. Это вносило большие трудности, особенно в первые дни. Но они сумели преодолеть их. Прошло не так уж много времени, и такие слова, как «проницаемость», «энергия движения» или «нулевое пространство», уже вполне ясно воспринимались мозгом Рени. Чем дальше, тем легче проходили уроки.

И когда, во время очередного урока, случайно зашел разговор о проницаемости, Рени получил ответ на инте-

рассказавший его давно вопрос, и не только получил, по и вполне понял.

— Ты сам рассказывал, — сказал пришелец, — как Ден доказал Гезе правдивость своих слов. Он попросил Гезу ударить его плетью и притом как можно сильнее. Плеть прошла насквозь. Если бы удар был нанесен слабо, этого не случилось бы. Ты видел, с какой силой один из рабов Дена ударил меня самого по голове дубиной. Золотая цепь вошла в плечи Дена потому, что была очень тяжелой. В этом все дело. Человеческое тело, и не только оно, но и любое материальное тело, приобретает проницаемость в известных пределах. Нужно усилие. Вот почему одежда не падает с наших плеч. Чтобы провалиться в землю, нам надо спрыгнуть на нее с высоты. Тогда энергия движения будет достаточна. Удовлетворись пока этим объяснением. Когда ты лучше познакомишься с законами физики, все это станет более ясным.

— Хорошо, — сказал Рени. — Благодарю тебя, я, кажется, достаточно понял. Но ответь мне еще на один вопрос. Ден побывал в вашей камере и, выйдя из нее, обнаружил, что его сердце оказалось с правой стороны. Почему же со мной этого не произошло?

— Ты плохо помнишь. Ден входил в нашу камеру не один, а два раза.

— Но я-то один раз.

— Нет. Ты вошел в камеру один раз, это верно, но в нулевом пространстве ты побывал дважды. Не сама камера как бы переворачивает тело человека, а нулевое пространство. На твоем пути к нам была остановка. В тот момент твое сердце находилось справа. И не только сердце, а все органы твоего тела заняли «зеркальное» положение. Потом твое тело перевернулось вторично.

— Неужели такие перевороты безвредны?

Пришелец ласково улыбнулся.

— Это слишком трудный для тебя вопрос, — ответил он. — Сейчас ты еще не поймешь меня. В физическом смысле тело не переворачивается. А потому и нет никакого вреда.

Рени не настаивал на более подробном ответе. Он понимал, что только начал постигать заманчивую науку и, конечно, знает еще слишком мало.

Он сознавал правоту пришельцев и охотно подчинялся их плану своего «образования», понимая, что иного пути

сейчас нет, — слишком мало времени было в их распоряжении. Но в глубине души таилась неудовлетворенность. Рени предпочел бы начать «с самого начала», с «аэбуки». Он хотел не только понимать то, что говорили ему пришельцы, но и знать.

Сейчас на это не было времени, но в будущем Рени твердо решил получить недостающие ему, как говорили пришельцы, элементарные знания.

— Твое решение разумно и верно, — сказал ему пришелец, который чаще всего занимался с ним (Рени все еще не мог узнать его имени). — И в будущем, когда мы окончательно остановимся в нашем пути по времени, ты будешь учиться сначала. Мы уверены, что то, что ты узнал и узнаешь от нас, облегчит тебе начальное образование.

Рени верил и радовался.

Он почему-то совсем не задумывался о необычайности своей судьбы, о том, что его спутниками и друзьями являются люди, родившиеся на другой планете (он уже знал и понимал это), о том, что очень скоро он окажется среди людей, которые должны были родиться через тысячу лет. Он как бы забыл, что сам, будучи еще совсем молодым, родился тысячи лет тому назад. Все, что с ним произошло и произойдет в будущем, казалось ему естественным.

Это было результатом опасений пришельцев за его психику. Они считали, и были правы, что подобные мысли не нужны и вредны. А зная это, не позволили Рени думать на подобные темы. «Запрет» будет снят тогда, когда Рени освоится в том мире, где ему суждено прожить до конца его дней, когда, закончив свое образование, он станет равным будущим современникам во всем. А тогда и мысли о пройденном «пути» не будут опасны для него.

Рени не знал о «запрете», и странный пробел в сознании нисколько его не беспокоил. Он просто ничего не замечал.

Он жил настоящим, изредка и спокойно вспоминая свою прошлую жизнь и не тревожась за будущую, которая возбуждала в нем только любопытство. Пришельцы говорили, что рассчитывают оказаться в мире, подобном их родине. Рени не видел картин в столе, вызываемых черным шаром, но ему много и подробно рассказывал о них Геза. И он довольно ясно представлял себе необычайный облик этой неизвестной ему страны.

«Неужели, — думал он, — я своими глазами увижу такие картины здесь, на Земле? Летающие повозки, в которых сидят люди! Сам смогу подняться в воздух и увидеть все сверху, как птица. И люди, среди которых я буду жить, окажутся столь же могущественными, как пришельцы. И я сам стану таким же».

Друзья сказали ему, что это будет именно так. Рени им верил, и у него буквально дух захватывало, когда он думал о предстоявшем.

И однажды Рени увидел сон...

Он снова оказался в доме Дена, чувствовал на лбу обруч раба. Он знал, что совершил проступок и что его должны наказать за это. Ден и Геза подходили к нему с плетьями в руках. Ден был таким, каким Рени его знал до появления пришельцев, совсем еще молодым с виду. В двойственности сновидения Рени помнил о пришельцах и в то же время знал, что их никогда не было и не будет. Появление пришельцев было «сном». Он, Рени, был и навсегда останется только рабом.

И острое чувство тоски и безнадежного отчаяния наполнило все его существо. Зачем жить, если нет и не было пришельцев, если нет и не будет могущества и знаний, если он никогда не увидит будущего, прекрасного и свободного, мира.

Он бросился на своих господ, которых остро ненавидел (даже Гезу), чтобы избить их и получить в наказание неизбежную смерть. Только смерть, — жизнь была ему не нужна!

Он сделал это так стремительно, как не может двигаться человек в действительности. И... промчался сквозь Дена.

Он не понял во сне, как это могло произойти. Он видел, что оба жреца повернулись к нему и снова приблизились. Град ударов обрушился на его тело. Но плети проходили сквозь него и не причиняли ни малейшей боли.

Рени радостно рассмеялся. Пришельцы не были сном! Они были, были, были!

Он хотел все громче, сидя на земле, под ударами плетей, которых не чувствовал, сознавая, что неуязвим, что люди, избивавшие его, бессильны против него, не могут причинить ему ни малейшего вреда.

Он снял обруч и бросил его в лицо Дену.

И Ден исчез.

Тогда Рени встал и, размахнувшись, бросил свой обруч, как это может быть только во сне, во все, что его окружало.

И все так же исчезло: Геза, сад, храм и их дом. Рени очутился в могиле и видел, как медленно приближается крышка, чтобы закрыть от него весь мир.

Крышка опустилась, наступил мрак, но Рени все еще продолжал видеть ее над головой. Видеть все более ясно и отчетливо.

Потом крышка превратилась в потолок избы Чеслава, и Рени проснулся.

Прошлое было только сном. И он снова радостно засмеялся, на этот раз уже наяву.

Этот сон запомнился ему надолго.

Он понял, что жизнь, которую он вел сейчас, единственно возможная и желанная ему, что вне этой жизни для него нет ничего. И когда однажды неожиданно явилась мысль, что все виденное им во сне могло оказаться действительностью, а настояще только сном, — Рени содрогнулся от ужаса.

Быть рабом! Нет, он был уже не способен на это. Он и наяву предпочел бы смерть, пускай самую мучительную, чем такую жалкую жизнь.

Даже крупицы знаний, которые успели дать ему приспельцы, изменили Рени. Он был теперь совсем не тем человеком, которого знал Геза.

И с каждым днем, с каждым уроком, процесс внутреннего преобразования шел в нем все быстрее и неудержимее, подобно лавине.

Рени всегда был одинок. Кроме Гезы, он не знал иной привязанности. Родителей своих он не помнил, с рабами в доме Дена у него почти не было ничего общего. Представители господствующих каст смотрели на него с презрением, видя в нем низшее существо. Рени не принадлежал ни к тем, ни к другим.

И вот все изменилось. Он вступил в подлинную полнокровную жизнь, имел цель этой жизни и верных друзей.

Ему так казалось. Но в действительности Рени еще не знал жизни. Ему суждено было узнать ее, постигнуть так же, как он постигал неведомую ему науку, именно здесь, на этой «остановке»!

ОТКАЗ

Четверо ученых, с земной точки зрения, были еще очень молоды. По возрасту, то есть по числу прожитого времени, между ними и Рени разница была совсем незначительна. Но по знаниям, опыту и количественному объему умственной работы, которую они успели совершить, пришельцы были во много раз старше. В качественном отношении никакого сравнения вообще не могло быть.

На той ступени, которой достигло человечество на родине пришельцев, сознательная жизнь наступала значительно раньше, чем это происходило на Земле, не только в эпоху Рени, но и теперь.

Трудовая жизнь, иначе говоря — полезная обществу деятельность отдельного индивида, начиналась рано. И, несмотря на свою молодость, четверо пришельцев уже давно привыкли к этой деятельности. И не представляли себе возможности иной жизни.

Пришельцы не умели ничего делать. Обстоятельства, поставившие их в положение пассивного созерцания чужой жизни, воздействовать на которую они могли в чрезвычайно небольшой и примитивной степени, далеко не удовлетворявшей потребность полезного труда, причиняли им страдания, неведомые окружающим их людям.

В период подготовки своей экспедиции на Землю четверо пришельцев проделали чрезмерно большой труд. Их ум был сильно утомлен. И, попав на родине Рени в такие же условия пассивности, как здесь, они были даже довольны. Полный отдых казался им приятным.

Но и тогда, к концу своего пребывания в стране Моорса, они уже почувствовали неясную тоску, резко отличающуюся от естественной тоски по родине, и понимали, что это чувство вызвано... усталостью.

Безделие утомляет даже сильнее, чем чрезмерный труд. Они это знали.

Выдержать установленный срок «отдыха» пришельцам помогла надежда — в следующий раз они окажутся в привычных условиях активной деятельности.

Но надежда обманула. Предстоял еще более длительный период покоя, заполнить который было совершенно нечем.

И усталость овладела ими очень скоро, и с гораздо большей силой, чем раньше.

Что могли они делать здесь?

Научные и технические знания были бесполезны: их не к чему было применить. Простой физический труд — помошь поселянам в полевых работах — совершенно не соответствовал даже представлению о труде и, разумеется, не мог удовлетворить их. Главная цель — оставить по себе длительную память — была достигнута чуть ли не в один день. Занятия с Рени носили характер простой беседы и никак не могли считаться трудом.

Физически пришельцы были слабее не только Чеслава или Рени, но и всех людей, которые их окружали. Но они уставали от работы неизмеримо меньше, почти совсем не уставали.

Высокоразвитый мозг неизбежно вызывает и столь же высокую организацию нервной системы. Болезни (а физическая усталость родственна заболеванию) во многом преодолеваются психикой. Равновесие физической и психической сторон организма предохраняет его от заболевания. Человек гораздо легче, чем кажется, может застать себя не замечать усталости.

Пришельцы обладали высочайшей степенью такого равновесия, их нервно-психическая организация полностью господствовала над физическими свойствами тела, и они даже не замечали, что отсутствие усталости является следствием воздействия их мозга. Это происходило в них подсознательно.

Но, управляя телом, совершенная психика не может так же легко управлять сама собой. И, не испытывая усталости физической, пришельцы мучились усталостью нравственной.

Дни шли друг за другом в одуряющей монотонности, которую совершенно не замечали люди, окружавшие пришельцев. Для поселян такая жизнь была единственной, которую они знали.

Труд утомлял, и отдых был благosten.

Для Рени жизнь, которую он сейчас вел, казалась более полной, чем прежняя, в доме Дена. Физический труд ему нравился, а огромная умственная нагрузка, даваемая ему уроками пришельцев, создавала полезную гармонию. Бездумная жизнь была уже невозможна для него, а одна только умственная еще недоступна и даже вредна.

Привязанность, не говоря уж о любви, делает человека проницательнее. И Рени, глубоко привязанный к при-

шельцам, любивший их, вскоре заметил, что друзья становятся все мрачнее и угрюмее. Он видел, что пришельцы все чаще уединяются в своей камере, точно тяготясь присутствием людей возле них.

В преданном его сердце возникло опасение, что и он, так же как поселяне, становится неприятен своим друзьям, что удаляются они не только от поселян, но и от него.

Эта мысль, раз появившись, постепенно крепла, превращаясь в уверенность, причиняя Рени боль.

Его опасения как будто подтверждались молчанием пришельцев, которые, по мнению Рени, должны были «слушать» тревожные мысли своего товарища.

Но Рени ошибался. Пришельцы даже не подозревали о его мыслях, не «слушали» их, и им не могло прийти в голову, что Рени начал сомневаться в дружеских чувствах своих друзей.

Ведь то, о чем думал Рени, не предназначалось для них, было его личными, индивидуальными, сугубо субъективными мыслями.

Здесь проявлялась высокая моральная культура пришельцев. Они не считали себя вправе «подслушивать» не предназначенные им мысли окружающих и раз навсегда запретили себе слышать их.

Тревожные мысли Рени остались им неизвестны.

Пришелец, который чаще всего занимался с ним, казался Рени более близким, более «родным», чем остальные трое. И именно ему Рени поведал однажды свои опасения.

Внимательно выслушав взволнованную речь своего ученика, пришелец спокойно сказал:

— Естественная, но глубоко ошибочная мысль. Мы относимся к тебе так же, как прежде. Иначе не может быть. Но нам казалось, что ты сам предпочитаешь общество твоих соплеменников. Поэтому мы и не зовем тебя, когда удаляемся в камеру, чтобы побывать одним. Ты должен понимать, что в нашем положении и твоем есть разница.

— Здешние люди так же чужды мне, как и вам, — сказал Рени.

— Неверно. Они люди Земли, как и ты.

— Они мне совсем чужие, — повторил Рени.

Пришелец пристально посмотрел на него и улыбнулся.

Рени показалось, что хорошо знакомая улыбка на этот раз почему-то чуть грустна.

— Совсем чужие, — повторил пришелец. — Действительно так? Все чужие?

Только красный цвет кожи скрыл алый налет, покрывший щеки Рени при этом вопросе. Он почувствовал, как поток крови хлынул к его лицу. Пришелец уличил Рени во лжи.

И он внезапно понял, почему пришельцы считают, что общество поселян приятнее ему, чем их общество, почему улыбка пришельца была грустной. Он понял глубину своего заблуждения: не пришельцы отдалились от Рени, а он сам невольно отдалился от них. Не пришельцы тяготились его присутствием, а он сам дал им повод думать, что их присутствие тяготит его. Пришельцы любили его по-прежнему, и им было грустно думать, что их спутник может отказаться от дальнейшего пути и предпочтет остаться в этой эпохе. Наивная попытка скрыть правду не привела и не могла привести к успеху. От внимательного взгляда и проницательного ума пришельцев нельзя было утаить то, что, по всей вероятности, не было уже тайной даже для поселян.

— Нет, никогда! — сказал Рени. — Я все равно последую за вами. Чего бы это мне ни стоило. — И после секундного колебания, произнес чуть слышно: — Но если бы вы...

Лицо пришельца стало суровым.

— Невозможно!

Неслышная речь пришельцев давно уже перестала звучать в мозгу Рени с монотонным однообразием, как это было в первое время. Он легко разбирался в оттенках «голоса». И произнесенное слово прозвучало для него беспощадно и резко. Он опустил голову.

Рука пришельца ласково и сильно обняла плечи Рени.

— Решай сам! Мы ни в чем не хотим стеснять твою свободную волю. Нам будет грустно, не скрою! Пойми! Не жестокость заставляет нас отказать в твоем желании, а суровая логика, не всегда согласная с велениями сердца. Не каждый человек может здесь, на Земле, пойти твоим путем. Ты ступил на этот путь случайно, но, тоже случайно, оказался, вероятно, единственным человеком твоей эпохи, который по свойствам своего ума может идти этим путем. То, что случилось с тобой, — редкое исключение.

А для другого человека твой путь окажется гибельным.
Разве ты хочешь этого?

— Нет, — ответил Рени.

— Решай сам, — повторил пришелец. — Может быть, здесь ты найдешь большее счастье, чем в будущем. Пусть все идет своим естественным путем. Жизнь подскажет правильное решение. Время у тебя есть.

Рени молчал.

Он не видел долгого и на этот раз открыто грустного взгляда своего учителя. Пришельцы не сомневались в его выборе и сожалели об этом, — по их мнению, ошибочном, — решении. Они понимали силу самого могущественного из человеческих чувств, овладевшего сердцем Рени.

— Мы уйдем без тебя, — сказал пришелец, — только по твоему желанию. Мы подождем, сколько бы ни пришлось ждать. В этом ты не должен сомневаться.

Рени почувствовал крепкое, дружеское пожатие руки пришельца. А когда наконец поднял голову, увидел, что остался один.

В их разговоре не было названо имя. Рени был благодарен учителю за проявленную чуткость. Но это имя все время мелодично и нежно звучало в его ушах...

В это время на жизненном укладе Руси еще сильно сказывалось влияние высокой культуры Киевского государства. Отношение к женщине еще не приняло уродливых форм обязательного затворничества, которые пышно расцвели в будущем под влиянием средневековых представлений христианской веры и еще больше от занесенных монголами обычаями Востока. Женщина была полностью свободной, тем более в условиях деревенской жизни, когда каждый трудоспособный человек ценился на вес золота.

А здесь, в поселках беглецов, при еще большей ценности каждого работника, женщины и мужчины просто не могли не быть равными во всем.

И то, что не могло бы случиться несколько веков спустя, здесь случилось совсем просто. И было принято всеми, как вполне естественное и закономерное явление. Тем более, что Рени считался лучшим работником после Чеслава. Поселяне не знали, что «слуги Перуна», и Репя вместе с ними, намереваются покинуть поселок.

К гостям привыкли, а польза от их пребывания была очевидна. Всех огорчило бы известие об их уходе.

Но гости и не могли никуда уйти, по мнению поселян.

Кому могло прийти в голову, что пьедестал Перуна, где впервые появились пришельцы и Рени, — ворота в неведомые дали. Все считали, что гости пришли откуда-то по земле и случайно оказались именно на Поляне.

Жители поселков не сомневались, что пятеро их гостей навсегда останутся с ними. Четверо знали язык и свободно говорили со всеми, а Рени обязательно научится.

РЕШЕНИЕ РЕНИ

Все загадочное и непонятное всегда привлекает молодой и пытливый ум. Рени и вся история его появления в поселке были окутаны тайной. Кроме того, он был красив, не здешней, а какой-то другой, также непонятной, красотой. Его мощная фигура привлекала всеобщее внимание.

С детских лет Лада воспитывалась на уважении к труду.

Они с Рени жили в одной избе и очень часто работали вместе. Она не могла не почувствовать уважения к этому чужеземцу, видя результаты его работы и понимая, что красивый юноша трудится не только охотно, но с увлечением и любовью. Она знала, что все жители поселка относятся к Рени с почтением. И не последнюю роль сыграла сила Рени, который в этом отношении уступал, пожалуй, одному только Чеславу. Лада всегда гордилась силой отца.

Все это вместе взятое не могло не привести Ладу к любви. И она полюбила, почувствовав безошибочным женским инстинктом ответную любовь в сердце Рени.

Так должно было случиться, и так случилось.

Но если причины, приведшие Ладу к этому чувству, легко было понять и перечислить, то в отношении Рени сделать это было значительно труднее. Даже он сам не смог бы ответить на вопрос, что именно заставило его полюбить Ладу.

Он не искал этих причин и не пытался анализировать свои чувства. Он просто любил.

А причины были, и любовь неизбежно должна была зародиться в нем. Если не к Ладе, то к другой девушке. Но именно в этот период жизни.

Любовь приходит по-разному.

Привлекательность женского лица, общий облик могут увлечь, но никогда не приведут к глубокому чувству, для которого нужны иные, не только внешние побуждения. Чаще всего это бывает сходство внутреннего мира. В данном случае такого сходства не могло быть хотя бы потому, что Рени и Лада, не зная языка друг друга, не могли обменяться мыслями.

Реже, но глубокая любовь возникает и в силу обстоятельств.

Почти с самого момента рождения Рени был поставлен в особые условия жизни. Он был рабом, то есть принадлежал к самому низшему и презираемому слою населения страны Моора. А по умственному развитию, образованию и привилегированному положению в доме к рабам не принадлежал. Его внутренний мир не имел ничего общего с миром его товарищей по несчастью, не отличался от господствующих классов. Его положение было трагическим, но он еще не успел в полной мере осознать это.

Найти родственную душу среди рабынь Рени не мог, а девушки из круга его молочного брата Гезы были совершенно недоступны. Первые относились к нему с тайным страхом, почти как к господину, а вторые никогда бы не унизились даже до разговора с ним.

Если бы не появились пришельцы, не произошли бы события, вызванные их пребыванием в доме Дена, Рени в конце концов женился бы на одной из рабынь. Он жил бы с ней по привычке, так и не узнав настоящей любви.

По свойству своего ума, ясного и немного холодного, Рени был не способен на пустое увлечение. В доме было много хорошеньких и даже красивых девушки-рабынь, обращавших внимание на редкую красоту Рени, поводов для любовной интриги было достаточно, но ни одной такой интриги, свойственной молодости, Рени не испытал. Он знал в жизни только одну привязанность — братскую.

Вызванное случайными причинами, это неестественное положение должно было измениться, и, как всегда в таких случаях, измениться внезапно и резко. Закон природы рано или поздно показал бы свою силу, — ведь Рени было уже двадцать семь лет.

В том, что это случилось именно здесь, в этой эпохе, в казалось бы совсем неподходящих условиях временной

«остановки», была повинна реакция организма на все, что выпало на долю Рени за короткое время.

Внезапный вихрь, ворвавшийся в спокойную, мерно текущую жизнь, глубоко потряс все его существо. Он пережил вероломство, клевету, тюремное заключение, суд и казнь — все сразу. Он прошел через «смерть», заживо похороненный и не вернувшийся к своим современникам. И в заключение — скачок сквозь время, через тысячи лет, в другую эпоху. В реальность этого скачка Рени не мог не верить, но он все еще оставался для него жутко непонятным.

Его положение изменилось очень резко. Из бесправного и пожизненного раба Рени превратился в свободного человека. Окружающие его люди не только не презирали, а глубоко уважали его, относились к нему почтительно, чего он не встречал никогда, ни от кого.

Реакция должна была наступить, и она наступила. Психика требовала отдыха, простой труд и спокойствие были необходимы.

Рени нашел здесь и то и другое.

Лада была первой молодой девушкой, встретившейся на его жизненном пути, которая считала его равным себе, и, кроме того, она ему нравилась.

Как ни странно, но принадлежавшие к разным расам юноша из страны Моора и девушка из русского народа очень походили друг на друга, если не считать цвета кожи. Оба были высоки ростом, хорошо развиты физически, трудолюбивы и скромны. Даже в чертах лица проскальзывало несомненное сходство.

Предпосылок для возникновения большого чувства было более чем достаточно.

Язык?

Но разве для влюбленных когда-нибудь нужны были слова?!

Рени и Лада так подходили друг к другу, что все только радовались, видя эту любовь.

Все, кроме пришельцев, которые не сомневались в том, что любовь заставит Рени отказаться от дальнейшего «пути», оставаться в этой эпохе.

И они были правы в своей уверенности.

Рени был убежден, что его друзья согласятся взять с собой Ладу. Ему казалось, что нет никаких причин не сделать этого. Ведь его самого они взяли. Он не видел и

не мог видеть никакой разницы между собой и любимой девушки.

Получив решительный отказ, Рени в первый момент не понял всего значения этого факта и ответил пришельцу, что последует за ними в любом случае. Но прошло совсем немного времени, и он понял, что привести эти слова в исполнение он не сможет. Жизнь без Лады казалась ему немыслимой, лишенной всякого смысла.

В борьбе любви с любознательностью и стремлением к будущему прекрасному миру, о котором говорили пришельцы, победила любовь.

И спустя несколько дней после первого разговора Рени твердо сказал учителю, что не последует за ними в будущее.

Пришелец встретил его слова внешне спокойно.

— Хорошо ли ты обдумал свое решение? — спросил он.

— Да!

— И оно непреклонно!

— Да!

— Если так, желаю тебе счастья.

Противоречивые чувства терзали Рени: он смутно надеялся, что пришельцы сумеют доказать ему ошибочность его выбора, и в то же время сознавал, что не в силах уйти, оставив здесь Ладу. А может быть, он рассчитывал, что, услышав его слова, пришельцы изменят свое решение и согласятся взять Ладу с собой из любви к нему. Такие мысли таятся в человеке бессознательно.

И вот последовал спокойный ответ: «Желаю тебе счастья». Все было сказано, и Рени понял, что все конечно, отступать он уже не может, но потеряв уважения своих друзей. Он останется здесь, а пришельцы уйдут в будущее без него.

Сознание непоправимости того, что случилось, хлынуло в душу Рени волной страха. А если он ошибся? Если любовь к Ладе не так глубока, как он думал? Если он разлюбит ее? Что тогда? Во что превратится его жизнь, без любви, среди чуждых ему людей, в чуждой эпохе? Не будет ли он жестоко раскаиваться в своем поспешном решении?

Взять свои слова обратно было еще не поздно!

Образ Лады неизменно предстал перед ним, и вторично победила любовь, на этот раз окончательно.

— Благодарю тебя, — сказал Рени. — Я нашел свое счастье и не хочу потерять его.

Пришелец ничего не ответил, он думал о чем-то.

Через несколько минут молчания Рени робко спросил:

— Когда вы уходите?

Ему показалось, что ответ прозвучал холодно, хотя на самом деле пришелец ответил обычным «голосом».

— Еще не скоро, — сказал он. — Ты знаешь, что необходим длительный отдых. Прошло меньше половины назначенного нами срока.

Рени обрадовался этому ответу. Почему-то он опасался, что его отказ побудит пришельцев ускорить свой уход.

— Ты не будешь больше учить меня? — спросил он.

— Это зависит от твоего желания.

— Я хотел бы продолжать, пока вы здесь.

— Будет так.

На этот раз холодность в «голосе» была очевидна.

— Вы разгневаны моим решением?

— Нет. Мы считаем его ошибкой и жалеем об этом.

Очень скоро ты поймешь, что я хочу сказать. — Пришелец замолчал, точно колеблясь, говорить или нет. Потом он «произнес» сам себе, но «слышно» для Рени: — Он забыл, забыл, что его судьба не может быть счастлива... в эту эпоху.

— Может быть, действительно ошибка, — вырвалось у Рени.

Пришелец положил руку на его плечо.

— Время еще есть, — повторил он прежние слова. — В любой момент ты можешь переменить решение. Мы будем только рады.

Рени поразила такая проницательность, — ему ответили на его мысли. Но он тут же вспомнил, что пришельцы слышат мысли людей.

Он снова ошибся. Даже в этом разговоре, близко касавшемся их самих, пришельцы не позволяли себе слышать не предназначенные для них мысли Рени. Поразившая его фраза была вызвана знанием психологии человека и надеждой на «возвращение» Рени. Пришельцы понимали, что ложный стыд может удержать его от признания своей ошибки.

— Мы будем очень рады, — повторил пришелец.

Разговор на этом закончился.

Жизнь шла по-прежнему. Пришельцы всё чаще уединялись в своей камере, иногда оставаясь там на всю ночь. Знахарь объяснял эти отлучки голубых гостей «службой Перуну». Старику верили, и почтительный страх перед пришельцами медленно поднимался в душе поселян, прорываясь сквозь их «запрет». И чем дальше казались четверо, тем ближе и понятнее был пятый, не имевший с ними ничего общего, хотя он и явился вместе с ними. Но об этом постепенно начали забывать, настолько сблизился Рени с жителями поселка.

Если бы Рени мог говорить на русском языке, его спросили бы, чтобы узнать, как он оказался со «слугами Перуна». Но Рени еще не говорил, хотя стараниями Лады знал уже несколько десятков слов. Их было достаточно для того, чтобы молодые люди понимали друг друга во время работы и для того, чтобы говорить слова любви.

Лада по-детски мечтала о всеобщем удивлении, когда в один прекрасный день Рени заговорит со всеми совершенно свободно, и приурочивала этот эффект ко дню свадьбы, которую решили отпраздновать после окончания полевых работ.

Рени во всем подчинялся желаниям своей подруги и в присутствии посторонних никогда не произносил ни одного русского слова, хотя это и доставляло ему известные неудобства.

Рени был счастлив и с каждым днем любил Ладу все сильнее. Сожаление о принятом решении все реже посещало его. Пришельцы постепенно становились все более чуждыми, и мысль об их уходе уже не причиняла Рени никакого огорчения.

Занятия продолжались, как и прежде, по нескольку часов в день. Пришельцы придерживались своего прежнего плана, казалось бы, потерявшего в изменившихся условиях всякий смысл. Но на смену одной цели пришла другая.

Четверо ученых понимали, как важно для них, чтобы люди Земли знали о их посещении и ожидали их появления через тысячу лет. В этом отношении «измена» Рени могла оказать им большую услугу. Он мог оставить будущим поколениям письменный документ с рассказом обо всем, что случилось лично с ним, и, конечно, о появлении пришельцев в стране Моора и здесь. Он мог указать место, где стояла камера, и тогда (пришельцы не сомнева-

лись в этом) люди будут охранять их машину времени от стихийных сил. А чтобы он мог это сделать достаточно ясно и убедительно, он должен много знать.

Рени считал, что, сказав: «Желаem тебе счастья», его друзья сказали последнее слово и не думают больше о нем и Ладе. Человеку трудно, даже невозможно, отчетливо представить себе чувства, мысли и переживания других людей, обладающих иной психикой, иными взглядами. Тем более таких людей, какими были пришельцы.

Если между земными людьми, принадлежащими к разным народам, существует разница в восприятии мира, то насколько глубока она между разными человечествами! Пришельцы и Рени были несоизмеримы.

Бережное отношение к людям, забота о них — естественное свойство человека высокоорганизованного общества. У пришельцев эти черты были развиты в очень большой степени, являлись их второй натурой. Вынужденные отказать Рени в его просьбе, они мучились сомнениями в правильности своего поступка. Рени был ближе им, пришельцы любили его больше, чем Ладу, которую почти не знали, но их беспокойство о ее судьбе было нисколько не меньше, чем о судьбе Рени.

Стремление попасть в мир будущего из простого любопытства — было глубоко чуждо пришельцам. Они понимали, что ничего, кроме тяжелых моральных переживаний, такое проникновение не сулит. И сами они решились на этот шаг только в силу непреодолимых препятствий, неожиданно вставших на их пути, казалось бы обдуманном до мельчайших деталей.

В ошибке, поставившей их в такое положение, они не винили никого, — то, что случилось, нельзя было предвидеть, но, покорившись своей участи, не хотели ставить других в подобное же положение.

Рени присоединился к ним случайно. Так произошло, и ничего нельзя было изменить. Его судьба до некоторой степени была аналогична их собственной: как его, так и их на дорогу времени толкнули обстоятельства, от них не зависящие. С Ладой все обстояло совсем иначе. Уйти в будущее она могла только добровольно, побуждаемая любовью, но не сознающая последствий такого поступка для себя самой. Если у Рени возникал вопрос — что будет в том случае, если любовь угаснет, то для Лады потеря любви означала бы полное крушение жизни, так как

найти место в будущем, в чуждой ей эпохе, она не сможет в силу природной ограниченности своего ума. Но даже и в том случае, если любовь сохранится до конца жизни, Лада, по понятиям пришельцев, будет глубоко посчастлива. Они не могли себе представить жизни, единственным интересом которой служила бы любовь.

И все же они мучились сомнениями. Настолько, что решились даже нарушить наложенный на себя запрет и, затеяв специально подготовленный разговор с Ладой, подслушали ее мысли, вызванные этим разговором.

Сама того не зная, Лада решила свою судьбу, укрепив пришельцев в решении не брать ее с собой.

— Мы не имеем права из любви к одному человеку делать несчастным другого, — сказали они друг другу.

Вопрос был решен окончательно, и Рени был предоставлен его судьбе, которую он сам для себя выбрал.

Он ни о чем не подозревал, — разговор с Ладой произошел без него, и пришельцы не считали нужным рассказывать о нем Рени. Но, несмотря на то, что отказ пришельцев казался ему поспешным, неоправданным и немного эгоистичным, Рени их не обвинял. Его уважение к уму и опыту его учителей было безгранично, и, не понимая до конца, он верил в правильность их поступков.

Люди, в дружеских чувствах которых он не сомневался, отказались взять с собой Ладу. Значит, он сам должен оставаться с ней! Это решениеказалось Рени единственным возможным.

И его жизнь, так недавно неразрывно связанная с жизнью пришельцев, отдалилась от них, пошла своим путем, как это было до первого появления пришельцев в стране Моора. Но жизнь совсем иная.

И никто не подозревал, как близок час сурового испытания.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ПОСОЛ ВЕЛИКОГО КАГАНА

Солнце только что взошло, но за облачной дымкой, скопившейся на восточном горизонте, его еще не было видно. Свежий ветер колыхал волны тумана, медленно начинавшего рассеиваться. Место было сырое, — сказывалась близость большой реки.

В курене все спали, кроме часовых, попарно стоявших вне круга телег и повозок, сплошным кольцом ограждавших курень. Только в одном месте это кольцо не было замкнуто, образуя вход, обращенный на восток, то есть в сторону, противоположную той, откуда мог появиться враг. В этом месте часовых было трое.

Там же, за границей куреня, то в одном, то в другом месте маячила фигура одинокого всадника. Ноги лошади тонули в тумане, и казалось, что плывет неведомая лодка с лошадиной головой на носу.

Было прохладно.

Джелаль поеживался, с трудом отгоняя сонную одурь. Спать хотелось неимоверно. Но начальнику караула нельзя даже дремать в седле. Ему доверена безопасность куреня и самого Субудая. Он должен за всем следить, все видеть. Нойон прикажет сломать спину задремавшему начальнику. Сон смерти подобен!

Всю ночь Джелаль был бодр, только теперь, под утро, ломила усталость. Спешиться, походить по земле! Но и этого нельзя. Все время в седле, все время наготове, чтобы в любую минуту оказаться в любой точке огромного круга.

Часовые в лучшем положении: им разрешается присесть на землю. Этим правом они не пользуются из-за тумана. Но дремать можно и стоя. Джелаль зорко следит, чтобы этого не случилось. Двоих он уже угостил ударом камчи.

Недавний нукер Гемибека возвысился за это время. Теперь он военачальник, хотя еще и небольшой. Но все

приходит в свое время. Начало военной карьеры положено, — это немало. Честолюбивые мечты сбываются.

Все будет! Джелаль не князь, но принадлежит к княжескому роду. Это много значит. Путь к подножию трона великого кагана ему открыт. Всего можно достигнуть при уме и ловкости. Джелаль убежден, что он умен и ловок. Вот только бедность мешает. Но и это можно изменить. Судя по всему, готовится большой поход для покорения еще одной страны, а в походе всегда возможно разбогатеть, опять-таки при уме и ловкости.

Все будет! Почет, слава и богатство!

Недаром Джелаль с детства знает, что джинны являются избранным. Он видел джиннов, значит он избран для великой судьбы.

Пока все так и происходит. Джинны принесли ему счастье.

Гемибек позвал своего нукера предстать перед очи нойона.

Субудай с интересом выслушал рассказ Джелала. А затем... приказал дать ему три раза по пять плетей.

Но плети — это пустяк. Важно, что взор нойона упал на Джелала, выделил его из толпы. Субудай запомнил его имя.

И вот Джелаль уже не нукер. За это стоило вытерпеть плети, хотя спина побаливает до сих пор. Тем более что его наказали тут же, в шатре Субудая, и никто этого не видел.

Джелаль часто вспоминает лесную поляну. И каждый раз вздрагивает, каждый раз в сердце воскресает пережитый страх.

Джинны! Он видел их так близко и остался жив!

Они были совсем не похожи на тех джиннов, которых рисовало воображение. Совсем другие!..

Утреннюю тишину прорезал короткий возглас:

— Ха!

Лошадь едва не опрокинулась от крутого поворота, который заставил ее проделать всадник. Джелаль помчался на голос.

Туман успел уже подняться и походил на низкое прозрачное облако. В белесом свете разгорающегося дня Джелаль увидел трех верховых, послушно остановившихся в тридцати шагах от часовых, прямо напротив входа в курень.

Одии был впереди, видимо главный.

Часовых было трое, он, Джелаль, — четвертый. Спали на их стороне.

Джелаль приказал неизвестным людям приблизиться.

Передний всадник походил на дервиша, настолько запылена была его одежда. Но Джелаль легко узнал в нем улема, по форме чалмы и торчавшему за ухом камышшовому каляму. Двое других, следовавших позади, видимо были нукерами.

Улем был стар, с сухим и морщинистым лицом. Под густым слоем пыли угадывалась богатая одежда. Но на лице и руках никакой пыли не было. Не было ее и на лошади, которая выглядела недавно вычищенной. На обоих нукерах пыль, правда, была, но в значительно меньшем количестве, чем на их начальнике.

Все это Джелаль заметил одним взглядом.

И ему стало ясно, что перед ним посол большого начальника, а может быть даже и хана. Только в этом случае посланный счел бы себя обязанным представить перед тем, к кому он был послан, покрытым пылью, чтобы показать, как торопился. Этого требовало уважение к пославшему.

Улем вынул из складок своей одежды тускло блеснувшую золотом небольшую пластинку и показал ее Джелалю.

Знак, вырезанный на ней, сказал все. Пайцза была от самого великого кагана!

Джелаль мастерски покачнулся в седле. Остроконечный треух упал с его головы при низком поклоне. Он спешно вынул из колчана стрелу и сломал ее в знак покорности.

— Здесь ли благородный Субудай-нойон? — спросил улем.

— Он здесь, о великий посол!

— Хан ханов, повелитель мира, великий Чингис желает видеть слугу своего Субудая.

Это означало, что нойона хочет видеть сам посол от имени повелителя.

— Если ты будешь добр, — сказал Джелаль, — и последуешь за мной, я отведу тебя к нойону, о великий посол!

С этими словами Джелаль спешился и передал повод

одному из часовых. Нельзя провожать посла самого кагана верхом на лошади. Это непочтительно.

Повинуясь знаку начальника караула, другой часовой со всех ног бросился к шатру Субудая.

Улем притворился, что ничего не заметил. По обычаю, он сам явился чуть свет, — посол великого не спит, выполняя поручение. Но и Субудай никак не должен спать, когда в его шатер войдет посол.

Оттягивая время, улем задал несколько ничего не знающих вопросов. Джелаль отвечал пространно, как и полагалось. Дважды он ловко вставил в ответы свое имя. Может быть, улем запомнит. А это всегда полезно. Посол великого кагана несомненно принадлежит к его приближенным.

— Веди меня к Субудаю, — сказал наконец улем.

Джелаль не поднял с земли свой треух. Пусть посол видит, как поражен и взволнован выпавшей ему честью молодой воин.

Опытный улем рассчитал время точно. В шатре Субудая он застал не только самого нойона, сидевшего, полностью одетым, на шелковых подушках, но и всех старших военачальников отряда. Это выглядело так, словно в столь раннее утро происходит военный совет.

Субудай был умудрен длительным пребыванием при дворе хана ханов и знал, что повелитель обязательно поинтересуется, где и за каким делом застал нойона его посол. Чингис не терпел бездеятельности.

— Кто хочет видеть меня? — недовольным тоном спросил нойон.

Вопрос был задан достаточно громко, чтобы посол, находившийся еще за пологом шатра, мог услышать эти слова и убедиться, что начальник отряда не спит вовсе не потому, что прибыл этот посол.

— Тебя хочет видеть благородный улем, у которого есть пайцза, данная ему ханом ханов, повелителем мира, — ответил Джелаль.

Субудай ударили кулаком по своему мечу, чтобы звук был громче.

— Как посмел ты, собака, оставить за пологом моего шатра посла великого повелителя мира! — закричал он. — Введи его! — прибавил он тихо и совсем спокойно.

Джелаль откинул полог и низко склонился перед вошедшим улемом.

Притворный гнев Субудая нисколько не исцугал Джоалая. Он хорошо знал, что это только вежливость по отношению к послу. Нойон доволен его расторопностью, — начальник караула предупредил вовремя, не дал послу застать Субудая врасплох.

Но остаться в шатре Джелаль все-таки не осмелился.

Субудай встал и поклонился. Потом он снова сел и хлопнул в ладоши.

Двое слуг внесли блюдо с кебабом, серебряный кувшин и отделанные бирюзой тухтаки.

Хозяин показывал гостю свое богатство, но трапеза была скучной, как и подобало в походе. Полководец проводит время в ратных трудах, ему некогда думать о пище. Он мало спит и ест что придется.

Хитрый нойон был уверен, что повелитель заинтересуется и этой подробностью. Характер хана ханов был известен Субудаю до тонкостей.

Они знали друг друга давно и когда-то были даже друзьями.

Много воды утекло с тех пор в реках, много друзей ушло в могилу. В сущности, один только Субудай и остался у повелителя из тех, кто верно и преданно служил ему в тяжелые годы. В этом была его сила.

Тот, кого звали Темучином, нуждался тогда в преданности, и никто не был преданнее Субудай-нойона. Вместе боролись они с князьями, всеми силами противившимися объединению монгольских племен. А когда пришла победа, когда восторжествовали ум, воля и упорство, и на курултае представителей родоплеменной знати Темучин был провозглашен Чингисханом — повелителем всей Монголии, Субудай-нойон не был забыт и занял подобающее ему место при дворе хана ханов.

Много воды утекло с тех пор, но ни разу не постигла Субудая немилость повелителя. Темучин, а ныне Чингисхан, был крут и беспощаден, сложили свои головы многие из бывших друзей, но Субудай неизменно оставался любимцем великого кагана. В войне с уйгурами упрочилась его слава искусного полководца и усилилось влияние при дворе.

А потом была война с Китаем, в Средней Азии, Иране и Афghanистане. В Хорезме Субудай-нойон был уже самым большим военачальником.

Нынешнее его положение — начальника сравнительно

небольшого разведывательного отряда — кое-кому могло показаться немилостью, но те, кто посвящен был в замыслы повелителя, знали, что это назначение почетно.

Воинственный Чингис стремился к завоеваниям, Русь давно привлекала его внимание. И опытный полководец придавал большое значение разведке. Задуманный поход надо было хорошо подготовить.

Стар стал Субудай-нойон, давно растерял энергию и пыл воина. Больше всего интересовали его теперь личный покой и удобства. Надо было ему отказаться от назначения, но попробуй откажись! Состарившийся Чингис стал еще круче характером, чем прежде. Ничего хорошего не получилось бы от такого отказа.

Не знал Субудай-нойон, что его повелителю вообще не суждено совершить поход на Русь, что эту задачу возьмет на себя и выполнит внук повелителя — Бату, которого ребенком видел Субудай неоднократно, не подозревая, что перед ним будущий полководец, чья слава затмит впоследствии славу его деда.

Знай об этом Субудай-нойон, он не тревожился бы так, как тревожился сейчас, увидя посла великого кагана и не зная, что принесет ему это появление — гнев или милость.

Не знал будущего Субудай, но знал настоящее. А оно говорило, что для гнева больше оснований, чем для милости. Год прошел, а не сделано ровно ничего. Никаких разведывательных данных не мог он сообщить повелителю, если улем послан за новостями. Сам ничего не знал!

Но внешне Субудай-нойон ничем не показал тревоги. Он сидел на шелковой подушке, как восточный божок, скрестив ноги и сложив руки на груди, неподвижный и важный. Золотом отблескивала одежда, длинная борода пламенела хенной, сверкали драгоценные камни, — чем не хан!

Он ни о чем не спрашивал. Посол великого — желанный гость, а гостя надо сперва накормить, а потом уже приступать к разговору.

Сперва достархан, потом дело!

Улем ел с жадностью. Он не был голоден, но хотел показать, что голоден, что торопился и о еде не думал.

Когда гость брался за кубок, хозяин делал то же, хотя не любил и никогда не пил кумыса. Но гость исповедует ислам, ему нельзя пить вина.

Молчание ничем не нарушалось.

Наконец гость насытился и поблагодарил хозяина. Можно было спрашивать.

— Благородный улем, — сказал нойон, — назови мне свое имя, чтобы я мог сохранить его в своем сердце.

— Имя мое Тохучар-Рашид.

Субудай слегка повел бровью. Это имя он слышал. Улем был из тех мудрецов покоренных стран, которые сумели приблизиться к великому кагану и заслужить его милость. Чингисхан питал слабость к мудрецам.

— Как оставил ты повелителя мира? Здоров ли он?

— Великий каган здоров.

— Сыновья и внуки его, здоровы ли они?

— Все здоровы. Милостью аллаха всё хорошо.

— Здоров ли ты сам? Не утомил ли тебя далеский путь?

— Тело мое забыло, что значит усталость. — Улем закрыл глаза и стал мерно раскачиваться. Голос его приобрел елейность, стал поющим. — Послание великого кагана запшито в моей одежде. День и ночь скакали мы, загнав по три лошади каждый. Какая усталость? Доверие великого дало мне молодые силы. Крылья выросли за спиной.

— Что же ты молчал? Час прошел, а я не знаю, что повелевает мне сделать великий.

— Прости меня, славный нойон! Голод помутил мой разум. За весь путь во рту моем не было ни крошки, ни глотка воды.

Улем явно переборщил, но на лицах присутствующих не мелькнуло улыбки. Все остались серьезными, как будто поверив такой несусветной лжи.

Путь, совершенный Тохучар-Рашидом, никак не мог занять меньше трех раз по пять дней.

— Поведай мне, что повелевает великий, — сказал Субудай.

Улем встал. Духовное лицо не может носить оружие, и он попросил дать ему кинжал. Один из военачальников протянул ему кривой нож.

Медленно и торжественно улем распорол подкладку чекменя и достал туго свернутый в трубку лист самаркандской бумаги. Золоченая печать великого кагана болталаась на витом шнурке.

Присутствующие склонили головы в знак почтения.

— Вот, — сказал улем, — послание великого кагана к тебе, Субудай-нойон!

Субудай сломал печать и, поцеловав подпись Чингисхана, протянул свиток обратно улему.

— Читай! — сказал он и закрыл глаза.

Он не ждал ничего особенно грозного, потому что твердо верил в милость повелителя мира. Но все же волновался. И закрыл глаза, чтобы никто не мог заметить этого волнения, недостойного такого человека, как он.

Улем развернул свиток и протяжным голосом прочел обращение:

— «Старый сайгак!..»

ПОРУЧЕНИЕ

Бранное слово упало в наступившую тишину, как внезапный удар молнии. Субудай вздрогнул. Военачальники опустили головы. Трое согнулись так, что лица их коснулись ковра, и замерли в этом положении.

Никто не осмеливался взглянуть в лицо нойону.

Но Субудай вздрогнул только от неожиданности. Ничего страшного пока не было. Мало ли почему мог ругаться великий каган. Может быть, когда диктовал он это письмо, у него болела печень или Заира, первая жена, злая и вредная старуха, досадила ему. Мало ли что!

Чингисхан часто ругался. Хорошо еще, что он назвал нойона сайгаком. Могло быть хуже. Слово «ишак» произвучало бы куда более грозно.

Субудай был мудр и разбирался в оттенках. «Ишак» свидетельствовало бы о гневе. «Сайгак» — это только плохое настроение.

Посмотрим, что будет дальше!

Один улем, казалось, ничего не заметил. Он продолжал чтение, все так же протяжно произнося каждое слово, временами подывая от усердия.

Послание хана ханов было коротко. Великий выражал недовольство и приказывал Субудаю вернуться и доложить о результатах разведки.

В конце письма стояла подпись, но не было обычного и обязательного рахмата.

Это было уже страшно.

Теперь Субудай-нойон вздрогнул уже от беспокойства. Начало письма могло быть вызвано плохим настрое-

нием. Отсутствие рахмата говорило о другом. Обычно его не диктовали, сам писец вставил бы обязательные слова. А раз их не было, значит, Чингис специально так приказал.

Плохо!

Улем свернул бумагу в трубку и с поклоном передал нойону.

— Великий каган доверил моей памяти сказать остальное, — прошептал он.

Это было уже совсем плохо.

Субудай едва заметно повел рукой. Присутствующие тотчас же встали, поклонились послу великого кагана и поспешно удалились. Никто не слышал последних слов улема, военачальники недоумевали — почему удалил их нойон? Почему не отдал приказа поднять курень? Великий каган повелел возвращаться. Субудай должен был тут же начать выполнять это повеление. Другое дело, что обратный поход мог начаться не скоро, показать поспешность требовало уважение к хану ханов.

— Говори! — сказал Субудай, когда шатер опустел и они остались вдвоем.

Он снова закрыл глаза и поднес сложенные ладони к самому лицу. Внутренне он весь сжался в предчувствии неизбежного удара. Вот только каков он будет, этот удар?

Улем произнес тихо:

— Хан ханов, повелитель мира повелел тебе передать отряд Гембеку, а самому ехать в моей повозке. Повозки у меня нет, ты отдашь мне свою.

Этого Субудай не ожидал. Полная немилость!

Больше того — позор!

Ему, Субудай-нойону, любимцу великого кагана, возвращаться в чужой повозке, под стражей!

Конец всему — воинской славе, уважению, почету при дворе! И, скорее всего, конец самой жизни!

Опозоренный полководец, кому он нужен!

Субудай молчал, не меняя позы, напряженно думая, ища, откуда мог поразить его этот удар.

И вдруг он вспомнил.

Угедей! Средний военачальник, которого несколько месяцев тому назад он приказал наказать плетьми и выгнать из отряда. Вот откуда дует холодный ветер немилости. Угедей вернулся к Чингисхану и наговорил ему на Субудая. Вот причина удара!

У нойона сразу стало легче на душе. Наговор! Это еще не так уж непоправимо. Стоит ему самому появиться перед Чингисом, и все будет по-старому. А Угедей поплатится, еще как поплатится!

Видимо, хорошо выбрал момент доноса и наговорил под горячую руку.

Чингисхан наверняка жалеет уже о своем послании, но не может вернуть его.

Все это хорошо, но что делать Субудаю, как поступить? Приказ великого кагана должен быть выполнен во что бы то ни стало.

А выполнить его — это значит навлечь на самого себя несмыываемый позор.

Нойон открыл глаза и посмотрел на улема. Тохучар-Рашид сидел перед ним в позе смирения, в руках он держал один из тухтаков и рассматривал его с деланным интересом.

— Душа моя полна скорби, — сказал Субудай. — Чем вызвал я гнев великого кагана? Скажи мне, благородный улем, не назвал ли повелитель другого имени, кроме Гемибека?

— Другого имени нет в моей памяти.

Субудай вздохнул с облегчением.

— Горе мне! — сказал он. — Сниму пояс свой и повешу его на шею. (Нойон специально для улема произнес эту мусульманскую фразу, означавшую покорность судьбе.) Как могу я выполнить волю великого, если Гемибек умер и сегодня мы его хороним.

Говоря эти слова, Субудай мельком взглянул на полог шатра. Он видел, как плотная ткань шевельнулась. Хорошо! Преданные ему нукеры, как всегда, подслушивали, лежа на животах. Они слышали!

Ни один мускул не дрогнул на лице улема. Он знал Гемибека и видел его всего несколько минут назад в этом самом шатре, живым и здоровым.

Но он хорошо помнил, что хан ханов отправлял его к Субудаю в состоянии сильного гнева. Тохучар-Рашид знал, что нойон старый друг повелителя мира. Немилость Чингисхана может оказаться временной. А что, если Субудай отведет ее от себя?

Кому охота наживать себе такого опасного врага!

Тохучар-Рашид знал Гемибека, но тот никогда не был его другом.

Улем громко прочел отрывок из Корана, относящийся к умершим, провел ладонями по лицу и сказал:

— Раз это так, тебе некому передать войско. Решай сам!

— Увы, это так!

— Говорящий правду умирает не от болезни!

Субудай пытливо взглянул на улема. Изречение очень походило на насмешку. Но на лице Тохучар-Рашида не было ничего, кроме скорби и покорности воле аллаха.

«Если немилость великого кагана временна, — думал улем, — Субудай оценит мою скромность и будет мне благодарен. А если он навсегда потерял любовь повелителя, убийство Гемибека будет стоить ему головы».

— Я решил так, — сказал Субудай. — Я сам поведу моих воинов. А ты, Тохучар-Рашид, приготовь донесение. Завтра же отправим гонца к великому. Кому он укажет, тому и передам я мою власть. Это можно сделать в походе.

— Ты решил мудро, — сказал улем.

«Видимо, Субудай-нойон уверен, что милость великого кагана вернется к нему, — подумал он. — Я сделал хорошо, не открыв свое знакомство с Гемибеком».

Все может случиться в походе. Здесь, вдали от двора хана ханов, Тохучар находился в полной власти Субудая. Кого удивит внезапная смерть старика! Мудрый предвидит события и предупреждает их.

Нельзя ссориться с нойоном!

Тохучар-Рашид вошел в этот шатер с поднятой головой, как и подобало великому послу. Теперь он удалился с низким поклоном.

Субудай задумался.

Кого послать к Чингисхану?

Гонец должен сказать великому кагану то, что велит сказать Субудай, и сказать искренне. Ум повелителя остер, глаз его проницателен, и обмануть его не легко. В этом много раз убеждался Субудай-нойон.

А кому можно верить безусловно?

Субудай вспомнил Джелала. Он знал, что этот молодой воин, возвышенный им, нойоном, племянник Гемибека. Но Джелаль честолюбив, мечтает о воинской славе и почестях. Вряд ли родственное чувство перевесит в нем личные интересы. Кроме того, Джелаль не знает, кто виновник смерти его дяди. А выбор в качестве гонца с из-

вестием о смерти Гемибека его же родственника покажет Чингисхану полную невиновность Субудая.

«Это мудро», — подумал нойон.

Он вспоминал о Гемибеке так, как вспоминают умерших, хотя и не знал, выполнен уже его приказ или Гемибек еще жив.

«Да, это мудро», — еще раз сказал Субудай самому себе.

Он хлопнул в ладоши.

— Что делает великий посол? — спросил он у вошедшего слуги.

— Великий посол великого хана ханов спит.

— Позови его ко мне, когда он проснется.

Слуга с поклоном удалился.

Но едва он успел выйти, Субудай снова окликнул его.

— Пусть явится Гемибек, — приказал он.

Пора все-таки убедиться. Что-то долго не приходят сообщить о смерти Гемибека. Может быть, эти ослы не поняли, что они должны сделать.

Слуга вошел в третий раз.

— Начальник караула Джелаль пришел и хочет видеть тебя, — доложил он.

— Пусть войдет.

Только одно могло привести в шатер Субудая начальника караула.

Джелаль вошел.

Субудай пристально взглянул на него.

Лицо Джелала было скорбно, но опытный глаз нойона заметил, что скорбь эта напускная.

«Я не ошибся в нем», — подумал Субудай.

— Печальную весть принес я тебе, — сказал Джелаль. — Военачальник твой, Гемибек, окончил свои дни.

— От чего умер он?

— Надо думать, от старости.

— Жаль Гемибека, — сказал нойон. — Кто обнаружил его смерть?

Если бы нойон был искренен, он должен был спросить иначе: «Кто убил его?»

— Начальник твоих нукеров Джогатай.

— Так, так, — сказал Субудай. — Все мы смертны. Гемибек — твой родственник? — спросил он, будто не знал об этом.

— Он брат моего отца.

— Твой долг похоронить его с честью. Поторопись, завтра я отправлю тебя к великому кагану. Ты сам сообщишь ему о смерти твоего дяди.

Джелаль затрепетал от радости. Такое поручение — верный путь к возвышению.

«Благословенные джинны!» — подумал он.

— Хан ханов, великий повелитель мира, любит слушать необыкновенные истории, — продолжал Субудай, словно услышав мысль Джелала. — Расскажи ему то, что ты рассказывал мне и за что получил три раза по пять плетей. Великого это позабавит.

Субудай рассмеялся.

«А я получу опять плети, — подумал Джелаль. — А может быть, и похуже».

— Как могу я рассказывать что-либо великому кагану? — со смирением сказал он. — Великий не станет слушать такого ничтожного червя, как я.

— Ты повезешь мое донесение великому, — сказал нойон. — А в нем я упомяну о твоем рассказе. Великий сам велит тебе говорить.

На этот раз Джелаль затрепетал от страха.

Нойон жестом разрешил ему удалиться.

Джелаль вышел из шатра далеко не в радужном настроении. Если нойон принял его рассказ за ложь и приказал наказать лжеца, то великий каган может приказать сломать ему спину.

Вот тебе и путь к возвышению!

По дороге к шатру Гемибека Джелаль встретил Тоху-чара-Рашида.

Слуга Субудая ошибся: улем и не думал спать. Он хотел лично убедиться в смерти Гемибека и зашел в его шатер. Он видел мертвого Гемибека и подивился, сколь искусно выполнили свою задачу люди нойона. При всем желании нельзя было обнаружить ни малейшего следа насильственной смерти. Все выглядело вполне естественно.

Улем узнал молодого военачальника, шедшего ему на встречу. Тот самый, кто встретил его у входа в курень, — значит, начальник караула.

Тохукар-Рашид остановил Джелала.

Осторожность нужна, но и знать больше всегда полезно. Караваны сменяются по утрам, — значит, этот со вчерашнего утра в карауле и должен знать все, что произошло в курене за последние сутки. Слова, сказанные Су-

будаем, о смерти Гемибека никто не слышал, кроме тех, кто подслушивал разговор, а начальник караула никак не мог подслушивать. Он скажет правду и не сможет отказатьсь от своих слов.

Тохучар-Рашид хотел иметь тайное оружие против Субудая. Кто знает, как повернется все это дело!

— Скажи мне, достойный Джелаль, — спросил улем, — почему умерший Гемибек всё еще лежит в своем шатре?

Не знал улем, с кем он имеет дело, не смог по глазам оценить хитрость и ум Джелала. Задай он вопрос в другой форме, спроси просто: «Когда умер Гемибек?», получил бы нужный ему ответ Тохучар-Рашид.

Джелаль обрадовался, что улем запомнил его имя. Но форма вопроса не ускользнула от его внимания. Он заметил слова «всё еще». Значит, улем почему-то думает, что Гемибек умер давно, а не только что. Кто мог ввести его в заблуждение и для чего? Только один Субудай-нойон. В курене о смерти Гемибека еще почти никто не знает.

Зачем понадобился Субудаю этот обман?

«Вот почему он встретил известие так спокойно, — мелькнула мысль. — Он знал об этом раньше, чем узнал я. И нойону зачем-то понадобилось обмануть улема».

Никакого подозрения не возникло у Джелала, но он понял, что Субудай, от которого зависела его собственная судьба, скрыл правду от посла великого кагана. Значит, и он, Джелаль, не должен говорить правду.

— Душа моя скорбит, о великий посол! — сказал Джелаль, ловко уклонившись от прямого ответа. — Я племянник покойного Гемибека. И меня посыпает нойон сообщить об этой смерти великому кагану.

— Тебя?!

Тохучар-Рашид сразу понял, какой грозной опасности он только что случайно избежал. При таких обстоятельствах гонцом Субудая мог быть только беззаветно преданный ему человек. Слава аллаху, что молодой начальник караула не ответил на его вопрос. Субудай обязательно узнал бы об этом.

— Когда будут хоронить твоего родственника Гемибека? — спросил улем, мечтая, чтобы Джелаль забыл первый его вопрос.

— Сегодня, о великий посол!

— Я прочту главу из Корана над его телом.

Джелаль поклонился, благодаря за честь. Монголы относились с уважением к исламу, хотя сами его и не исповедовали.

«Никого и ни о чем нельзя спрашивать», — решил Тохучар-Рашид.

Вечером он снова сидел в шатре Субудая и слушал его рассуждения о предстоящем походе. Раньше чем через десять дней выступать было нельзя. Путь пролегал через разоренные области Хорезма. Нужно накосить травы и заготовить сена для лошадей. Нужно позаботиться о питании людей в походе. Субудай-нойон выставлял себя перед послом великого кагана как заботливого и предусмотрительного начальника, который обо всем думает, обо всем заботится.

Когда иссякли военные темы, заговорили о разном. Субудай рассказал о разведке покойного Гемибека и упомянул о том, что видел Джелаль на лесной поляне.

Тохучар-Рашид слушал с интересом.

При дворе Чингисхана начитанные и много видевшие люди были в почете. Сам повелитель считал себя преемником византийской культуры, владел несколькими языками и любил читать сочинения древних. Его библиотека, ради которой были ограблены бесчисленные книгохранилища покоренных стран, насчитывала несколько тысяч свитков и папирусов.

Тохучар-Рашид был образован и много путешествовал. Потому и приблизил его повелитель. Улем хорошо знал, чем можно обрадовать хана ханов и заслужить его милость.

— Ты говоришь, благородный Субудай-нойон, что Джелаль видел четырех людей с белой кожей и одного с красной? — спросил он.

— Так говорил Джелаль, — ответил нойон. — И я приказал наказать его за ложь.

— А если он сказал правду? Трудно такое выдумать. Платон писал в диалоге «Тимей» о красных людях, населявших некогда большую страну за Геркулесовыми столбами.

Субудай-нойон не слышал о Платоне и диалоге «Тимей», но он притворился, что ему понятно, о чем идет речь.

— Откуда же могли эти красные люди появиться здесь?

Улем улыбнулся про себя. Невежество Субудая полностью проявилось в этой фразе. Он думает, что страна, о которой сказал Тохучар-Рашид, еще существует.

— Я не знаю, откуда появился красный человек, — сказал он. — Но повелитель мира будет очень недоволен.

На этот раз нойон хорошо понял, что имеет в виду улем. И он понял также, что Тохучар-Рашид подсказывает ему способ заслужить милостивую похвалу Чингисхана. Субудай хорошо знал любовь повелителя ко всему необычному. А красный человек — это необычно.

«Если Джелаль говорил правду, — подумал нойон, — я сделал глупость».

— Гемибек умер, — сказал он громко. — Один Джелаль может найти дорогу к этому месту. Но он должен завтра отправиться гонцом к великому.

— Послание может подождать, — ответил Тохучар-Рашид.

— Там ли они еще? — с сомнением произнес нойон. — Много дней прошло.

— Повелитель будет недоволен, — повторил улем.

Он нисколько не сомневался, что никаких красных людей Джелаль видеть не мог. Их давно нет на Земле. Но указать Субудаю на его ошибку было выгодно Тохучар-Рашиду.

Результатом этого разговора было то, что утром следующего дня Джелала позвали в шатер нойона.

Субудай долго размышлял над словами улема. И чем больше он думал, тем сильнее становилась его досада на самого себя. Ему казалось теперь, что рассказ Джелала правдив безусловно, а он, Субудай, совершил непростительную ошибку, когда не поверил этому рассказу. Он мог бы иметь в руках верное средство заинтересовать Чингисхана и тем самым отвести от себя любую немилость. И выпустил из рук это средство. А оно нужно сейчас, ох как нужно!

Надо сделать попытку исправить промах. Ну, а если Джелаль говорил неправду, тогда...

Любому ясно, что случится тогда с Джелалем!..

— Расскажи еще раз, — велел нойон молодому воину, когда тот явился перед ним, — что видел ты на лесной поляне.

Джелаль затрепетал. Ему совсем не хотелось еще раз получать плети.

— Смею ли я?

— Говори!

Ослушаться было никак нельзя, и Джелаль повторил свой рассказ.

— Думаешь ли ты, что эти люди еще там?

— Как я могу это знать?

— Сумеешь ли ты найти дорогу?

— Если тебе угодно, найду.

— Бери людей! Теперь ты большой начальник и станешь еще большим, если успешно выполнишь поручение. А вернувшись с удачей, отправишься гонцом к великому кагану. — Субудай помолчал и добавил: — Твоя судьба в твоих руках.

Джелаль поклонился до земли. Он понял, что означали слова «вернувшись с удачей». Их грозный смысл был ясен. Неудача — это конец всему.

— Если только они еще там, — умоляюще сказал он.

Субудай сдвинул брови. Узкие, сильно скошенные глаза его сверлили Джелала.

— Если ты рассказал правду... — медленно произнес нойон.

— Мог ли я солгать!

«Без джиннов возвращаться нельзя, — подумал Джелаль. — А как их взять?»

— Иди! — сказал Субудай. — Докажи, что не солгал мне. И еще. На месте не должно остаться никаких следов. Никто не должен рассказывать о твоем набеге.

Это было уже вполне ясно.

КАТАСТРОФА

Летняя ночь коротка. Но, хотя солнце давно уже взошло, стояло еще раннее утро, когда далеко позади остались уничтоженные, стертые с лица земли, родные поселки. Монголы ничего не сожгли. Они разбросали жалкие избы поселян по бревнам. Пройдет зима, и весною высокие травы скроют под собой место трагедии, и никто не заподозрит даже, что было здесь когда-то людское поселение.

Исчезла за горизонтом темная линия леса, где находилась священная Поляна и откуда, до последней минуты, ожидали люди спасения.

Не помогла Поляна. Перун и его слуги не пришли на помощь и не спасли никого.

Трудно идти, когда руки связаны за спиной, но стоит только замедлить шаг — и аркан сдавливает шею, грозя задушить совсем. Конец аркана в руках могучего монгола, специально приставленного стеречь еще более могучего пленника. Но в таких условиях что может сделать даже богатырская сила?

Монголы спешали. Пленницы, хотя и не были связанны, как Чеслав, едва поспевали за лошадьми. Отстающих подгоняли свирепыми ударами камчи.

Джелаль торопился уйти как можно дальше, чтобы четыре белолицых джинна не смогли их догнать.

Правда, полной уверенности не было. Говорят, что джиннам расстояние не помеха. Но, может быть, эти джинны не сумеют определить направление? По внешне-му виду они не похожи на обычновенных джиннов. Джелаль надеялся только на это.

Четверо не вмешались, а пятый джинн покорно следил за ним.

Все получилось удивительно удачно для молодого военачальника.

Джелаль тщательно продумал план нападения, но все же не ожидал столь легкой и полной победы. Отряд не потерял ни одного человека.

Неслыханная удача! Сам великий каган мог бы похвалить Джелала за ум и воинское искусство.

К первому поселку монголы подошли поздно вечером. Заря еще не погасла, но было уже настолько темно, что из второго поселка, хорошо видного днем, никто ничего не мог заметить.

Большинство жителей уже спало, а те, кто еще бодрствовал, не смогли оказать никакого сопротивления внезапному нападению.

Людей убивали в постелях.

Глухой ночью покончили со вторым поселком. И уже близко к утру пришла очередь третьего.

Напасть в темноте, поочередно... Джелаль гордился своей выдумкой.

В его распоряжении находилось около сотни молодых и сильных воинов. Избы разрушались быстро. Конечно, проще было поджечь их, но и тут Джелаль проявил мудрость. Пожар не мог остаться незамеченным, и тогда ни-

кого не удалось бы застать врасплох. А битва — это неизбежные потери.

Джелаль ехал впереди отряда, упиваясь своим торжеством, совершенно забыв о вчерашнем...

А вчера ему было совсем не до торжества...

Жестокий страх терзал Джелала, когда он приблизился к цели. Он не знал, здесь ли еще пятеро джиннов, без которых нельзя возвращаться к курению Субудай-ноиона. А если они и здесь, то как заставить их следовать за собой? Не уничтожат ли рассерженные джинны отряд и самого Джелала?

Перед выступлением в поход он был еще раз позван к нойону. Субудай уточнил задание. Ему нужны были не четверо белолицых, а один только красный джинн. На осторожный вопрос, что делать с остальными, нойон так красноречиво посмотрел на Джелала, что и без слов все стало ясно.

Но приказать легко, а как выполнить? Если это действительно джинны, — то попробуй убей их! Они сами убьют тех, кто нападет на них. Или превратят в диких зверей. Говорят, бывает и так.

Может быть, удастся уговорить джиннов? Если привести с собой всех пятерых, Субудай-нойон не будет разгневан. Но не привести ни одного... Джелаль боялся даже думать о том, что произойдет с ним в этом случае.

А надежда на то, что джинны еще здесь, была совсем слабой!

Но все обернулось наилучшим образом.

В двух первых поселках джиннов не оказалось. Зато в третьем, схваченный одним из первых, Чеслав на вопрос Джелала ответил, что белые джинны ушли на Поляну и вернутся разве что к утру.

Он назвал их слугами, а чьими слугами, Джелаль так и не понял.

Чеслав говорил спокойно и добродушно. Он узнал Джелала, не так давно бывшего его гостем, и не подозревал о том, что ждет жителей поселка в самом ближайшем будущем.

— А где красный джинн? — спросил Джелаль.

— Он не джинн, — ответил Чеслав. — Рени здесь.

По знаку Джелала шестеро воинов неожиданно набросились на Чеслава.

Силы были слишком неравны!

Удача сама шла в руки. Четверо джиннов на поляне, далеко отсюда. Пятый, и самый нужный, здесь!

Воины рассыпались по поселку.

Удар меча или полет стрелы не слышны в соседних избах. Тем более что они отделены друг от друга огородами. Криков не было, — люди умирали не успев проснуться. В этом поселке Джелаль приказал не брать пленниц. Красный джинн не должен услышать их крики и проснуться раньше времени.

Осталась одна изба Чеслава. Возле нее собрался почти весь отряд. Самого хозяина, со связанными руками и заткнутым ртом, держал на аркане самый сильный из воинов.

Чеслав был нужен Джелалю. Только с ним можно было говорить на языке кипчаков, который Джелаль знал достаточно хорошо. Кроме того, гигант был завидным пленником. Так же как молодых девушек, его можно выгодно продать в Хорезме. Джелаль предназначал Чеслава в подарок нойону, который, конечно, не разгневается за одно-единственное нарушение своего приказа.

Чеслав давно уже понял, с какой целью явился отряд воинов Чагониза, и стоял неподвижно, с застывшим лицом. Но внутри него бушевала ярость.

Он считал, что сам виноват в гибели односельчан, и его мучила совесть.

Долгие годы в поселках ежедневно ожидали нападения половцев. Оружие всегда было наготове. По ночам выставляли караульных. Никому бы не удалось застать поселки врасплох. Но за последнее время все изменилось. Сам Чеслав убедил всех, что половцы, захваченные Чагонизом, не представляют больше никакой опасности. А о том, что сами воины Чагониза могут напасть не хуже половцев, ему не пришло в голову. И люди постепенно привыкли считать себя в безопасности. Караульных больше не выставляли, оружие ржавело в клетях, никто не запирал двери на ночь. Авторитет Чеслава стоял высоко, его слушались во всем, и он не должен был допустить такого легкомыслия.

И вот смерть ходит по поселку и косит жизни. Ходит по его вине!

Когда этот самый монгол появился здесь в первый раз, он, Чеслав, должен был понять, что отряд может вернуться. Но не понял и не принял никаких мер!

Мучительные раздумья Чеслава не отражались на его лице. Он казался спокойным. Жизнь давно научила его скрывать свои чувства.

И он увидел, как воины вывели из избы Рени и Ладу. Только их! Зловещее значение этого факта было ясно: никогда больше он не увидит своей жены и Любавки. Но даже в этот момент великого горя Чеслав сумел заставить себя быть внешне спокойным.

Он знал: обычай Востока требует приводить из похода пленниц. Значит, осталось в живых десятка три молодых девушек. Его последний долг — попытаться спасти их. А для этого надо сжать зубы и молчать.

Ладу оставили в живых потому, что воины знали: ее крики уже никто не услышит, они не опасны. А девушка достаточно красива.

Но Лада молчала. Сильный характер отца сказывался в ней. Она не видела смерти своей матери и младшей сестры, ее и Рени вывели из избы раньше, чем это случилось. Это было счастьем для Лады.

А сделали это, конечно, не из жалости, а только потому, что воины боялись джинна.

Только приказ Джелаля, которого нельзя было ослушаться, заставил их войти в избу, где находился страшный джинн.

Рени спал один, пришельцы, в очередном приступе тоски, удалились в свою камеру. Он проснулся от света горящей лучины и увидел возле своей постели трех монголов.

Воины не бросились на Рени. Джелаль приказал обращаться с ним почтительно. Знаками его попросили одеться.

Рени повиновался, ничего не понимая. Надев привычную уже одежду, он вышел вслед за воинами.

Изба была полна монголов. Бледная Лада, совсем одетая, стояла у печи. Борислава сидела на постели, прижимая к себе Любаву. На ее лице застыл ужас. Чеслава не было.

Рени и тут не понял истины. Ему показалось, что Ладе не угрожает никакая опасность, и это его успокоило. Он не мог догадаться о том, что происходит на его глазах. А если бы и догадался, то был совершенно бессилен, не обладая могуществом своих друзей.

В других местах девушек хватали и за волосы выта-

скивали из избы. Ладу не трогали из страха перед Рени, волшебная сила которого могла проявиться при малейшем гневе.

Пока что джинн был спокоен и как будто не угрожал. Его и Ладу вывели почти вежливо.

Джелаль вздохнул облегченно. Вот он — красный джинн! Приказ Субудая выполнен! Теперь надо уходить, и как можно скорее!

Он приветствовал джинна цветастой речью, в которой уверил его в своем глубоком уважении. Он сказал, что полон почтительности и не причинит джинну никакого вреда. Но просит, почтительно просит, чтобы джинн последовал за ним.

Джелаль был уверен, что джинн понимает его слова. Он сам слышал на поляне, как джинны говорили с Чеславом на его, Джелаля, языке. Правда, сегодня пришлось говорить с Чеславом на языке кипчаков, хитрый русс все еще скрывал знание языка монголов. Ничего, он заговорит в свое время!

Рени ничего не понял и не ответил. Но Джелаль и не ждал ответа. Джинн молчит — значит, согласен.

Воины принялись за разрушение.

Только тут Рени почуял что-то неладное. Он увидел, как Лада кинулась к связанному Чеславу и как один из воинов грубо оттолкнул ее.

И Рени все понял. Первым его побуждением было броситься на обидчика, но он тут же осознал свое полное бессилие. Он понял, почему так почтительно обращались с ним самим, — эти люди считали его одним из пришельцев и боялись его. Но ведь он не был пришельцем! Он так же беззащитен, как Чеслав и Лада.

«Но они этого не знают, — тотчас же подумал Рени. — И если я хочу помочь Ладе и ее отцу, я не должен проявлять слабости».

С трудом Рени заставил себя равнодушно отвернуться.

О, Moor! Почему нету здесь могущественных друзей, почему именно в эту ночь они ушли на Поляну! Если бы они были здесь, все были бы спасены!

Но пришельцев не было, они находились в лесу и ничего не знали!

Монголы торопились как могли. Бревна и доски летели по всему поселку. Трупы оставались под развалинами.

Начинало светать. Жуткая картина разрушения при

свете казалась еще ужаснее. Лада сидела на земле, закрыв лицо руками. Даже Чеслав закрыл глаза, не в силах смотреть на это зрелище.

Рени подвели лошадь. Он сел в седло спокойно и уверенно, хотя до этого никогда в жизни не только не ездил верхом, но и самую лошадь увидел впервые только здесь, в поселке.

Он твердо решил показывать полное согласие ехать куда угодно, — ведь он не был пришельцем и не мог противиться. Но этого никто не должен знать.

Он ехал рядом с Джелалем и не видел Чеслава и Ладу, которых гнали позади.

Потом к отряду присоединились другие воины, гнавшие большую группу девушки из соседних поселков, очевидно тоже разрушенных.

Отряд оказался очень многочисленным.

Джелаль несколько раз пытался заговорить с джинном. Но Рени, не зная языка, молчал. Джелаль подумал, что джинн не хочет говорить с ним. Он не обиделся, но сильно встревожился. Уж не сердится ли джинн? А что, если он вдруг передумает и повернет назад, к другим джиннам? Что делать тогда? Джелаль был совершенно уверен, что убить джинна нельзя.

Но Рени не выказывал никакого намерения повернуть обратно, и Джелаль понемногу успокоился. Видимо, джинну интересно — куда и зачем его везут. Видимо, он уверен, что всегда сможет вернуться к своим, когда захочет этого.

«Только бы довезти его до куреня, — думал Джелаль. — А там пусть сам нойон заботится о дальнейшем».

На остановках для Рени разбивали шатер. Даже сам Джелаль спал на голой земле, не говоря уж о воинах или пленниках. Но возле шатра всегда стоял караул.

Джелаль приказывал сторожить джинна не потому, что тот мог убежать ночью, — он считал, что удержать его все равно нельзя, — а только для того, чтобы Субудай-нойон не мог упрекнуть Джелала, если такое несчастье все-таки случится.

Каждое утро он просыпался в тревоге и облегченно вздыхал, увидя, что пленник на месте.

Может быть, Рени и смог бы убежать, воспользовавшись суеверием монголов, но ему даже в голову не приходило, что это возможно. Кроме того, его удерживала на-

дожда спасти Ладу и Чеслава. Об остальных он не думал: спасти всех было уже явно нельзя.

Джелаль боялся погони со стороны четырех белолицых джиннов. Рени хорошо знал, что пришельцы не смогут выручить их. Надеяться можно было только на себя и Чеслава.

Они оба были очень сильны, и сила могла выручить их. Но пока что ни малейшей возможности к бегству не представлялось. Слишком многочисленны и бдительны были их стражи. Может быть, там, куда их ведут...

Рени с нетерпением ожидал конца пути. И старался запоминать дорогу. Степь была однообразна, но кое-какие ориентиры попадались — там овраг, тут одинокое дерево или группа кустов.

Очень мешала невозможность поговорить и посоветоваться с Чеславом, которого Рени даже редко видел. Сколько ни мал был запас русских слов, Рени был уверен, что сумел бы договориться с отцом Лады.

Судьба девушки мучительно тревожила Рени. Лада находилась в толпе пленниц, с которыми обращались очень плохо и почти ничем не кормили. И нельзя помочь любимой!

Несколько раз он порывался знаками попросить Джелала, чтобы Ладу отделили от остальных и присоединили к нему, но каждый раз ясный ум восставал против безумного намерения. Это могло погубить все. Говорить с Джелалом так, как это делали пришельцы, Рени не мог, а обнаружить свое неумение означало сразу показать, что он, Рени, и пришельцы не одно и то же. Единственная защита, и, следовательно, возможность помочь Ладе в будущем, заключалась в суеверном страхе перед ним воинов и самого Джелала. Пока его считают равным пришельцам, Рени мог надеяться что-то предпринять, а превратившись в обыкновенного пленника, будет совершенно бессилен.

И он упорно молчал, принимая все знаки почтения к себе как должное.

ДОРОГА В РАБСТВО

Погода щадила пленных. Ни разу не пошел дождь, и земля была сухой и теплой. Если для монголов, одетых в ватные халаты и чапаны, спать на голой, мокрой земле было еще терпимо, то для девушек, на которых были

только тонкие платья из домотканого полотна, это означало бы верную простуду. А болезнь ввлекла за собой смерть, — воины не стали бы церемониться с заболевшей и ставшей вследствие этого обузой пленницей. Ее прикончили бы, не моргнув глазом.

Их гнали в рабство, а рабов не считают людьми.

Хотя солнце ласково грело днем, а ночи были теплы, многие еле шли, выбившись из сил уже на следующий день. Горе от гибели близких, отчаяние, голод и удары камчой, быстрота перехода — все это не могло не скаться. И две девушки остались позади в добычу воронам.

Джелаль понял, что, если он хочет сохранить оставшихся, надо двигаться медленнее. И он приказал перейти с рыси на шаг. Погони со стороны белолицых джиннов как будто можно было уже не опасаться.

На третий день к вечеру отряд подошел к берегу реки. Широкая, спокойная, она, по-видимому, была глубока.

Рени никогда не видел таких рек. В стране Моора они были узки, но стремительны и бурны. Через них переко дили по мостам.

А как поступить тут? Через такую не перекинешь моста!

Рени с любопытством ждал, что будет дальше. Было ясно, что монголам надо переправиться на другой берег. Но как они это сделают?

Видимо, Джелаль немного сбился с прямого пути. Он не стал переправляться здесь, а повел своих воинов дальше, вдоль берега.

Шли до ночи, а когда стемнело, остановились на поч лег.

Как всегда, для Рени поставили шатер, и он лег на постланный ковер.

Но ему не спалось. Мысль, что между ним и лесом, где находится Поляна, лежит река, не давала покоя. Эта преграда казалась Рени непреодолимой.

Может быть, попытаться убежать сейчас?

Он встал и подошел ко входу, завешенному пологом. Сквозь узкую щель ему виден был караульный монгол. Воин не спал. Он знал, что, если заснет, Джелаль прикажет сломать ему спину. И потому не рисковал даже пристесь на землю.

Совсем близко кучками спали другие воины.

Рени понял, что бегство не удастся, надо терпеть и ждать.

Он снова лег и незаметно для себя заснул.

Только взошло солнце, отряд двинулся дальше. Перед самым выступлением Джелаль, как и в предыдущие дни, пришел к джинну, чтобы разделить с ним утренний достархан. По-прежнему они не говорили друг с другом, — Рени потому, что не знал языка, а Джелаль потому, что думал — джинн не хочет говорить с ним.

Остальным пленникам не дали ничего, их скучно кормили только вечером.

Шли недолго. На противоположном берегу показался лес. Именно здесь отряд перешел реку в первый раз. Отсюда было уже близко до куреня, и Джелаль хорошо помнил дорогу.

Началась переправа.

Вернее было сказать, что началась трагедия для пленниц.

Ни лодок, ни плотов у монголов не было. Через такие реки, шириной не более четырехсот шагов, они привыкли переправляться не слезая с седел. И на этот раз поступили так же.

А пленницы? Пусть плывут сами, как умеют.

Но девушки не умели плавать. Возле поселков протекала река, но она была настолько мелка, что ее переходили вброд, не замочив колен, в любом месте.

Их погнали к воде, как стадо.

Чем бы это окончилось, неизвестно, скорее всего все пленницы утонули бы, избавившись от рабской участи, если бы не вмешательство Чеслава. Случайно оказавшись близко от Джелая, он объяснил ему положение вещей.

Джелаль очень удивился: ему еще не приходилось видеть человека, не умеющего плавать, но он не хотел терять ни одного лишнего пленника, ведь их можно выгодно продать. И Джелаль приказал воинам помочь девушкам.

Воины знали только один способ такой помощи. Они велели пленницам ухватиться за гриву лошадей и, не раздумывая больше, направили их в реку.

На девушках были длинные платья, ни одна не догадалась его снять, да они и не сделали бы этого, даже если бы и поняли опасность.

В результате шестеро утонули в реке, а пятеро захлебнулись и умерли на том берегу. Остальных удалось спа-

сти. Лада не пострадала только благодаря физической силе, которой не было у ее подруг.

Джелаль потерял еще одиннадцать человек и был в ярости. Но самая большая неприятность ждала его впереди.

И виноват в ней был он сам.

Пленниц переправляли первыми. Остальные ожидали на берегу. Джелаль плохо помнил первую переправу и хотел проверить скорость течения, потому что в отряде было много выночных, тяжело нагруженных лошадей.

Если за гибель пленницы его никто не будет ругать, то за гибель воина или выночной лошади нойон сильно разгневается. Военачальник должен беречь отряд и терять людей только в битве. И лошадей также. Потери на мирной переправе — это позорно!

Джелаль внимательно наблюдал за переправой передового отряда. Течение, хотя и спокойное, было очень быстрым. Лошадей сильно снесло вниз. Они выбрались на берег шагах в пятистах от места, напротив которого вошли в воду. Значит, надо подняться вверх по течению, выночных лошадей снесет еще больше.

Решение было правильным. Но Джелаль допустил ошибку, приказав захватить с собой последнего пленника, то есть Чеслава.

Он не знал, что могучий русс превосходно умел плавать. Знай об этом Джелаль, он оставил бы Чеслава возле себя.

А Чеслав, давно уже понявший, что ничем не сможет помочь несчастным девушкам находясь в плена, стремился освободиться во что бы то ни стало. Он понимал, что единственный шанс на спасение заключается в помощи других, свободных, людей. По берегам реки должны быть поселения. Их надо найти и организовать погоню за отрядом монголов. Только так можно отбить пленниц.

Переправа давала ему, быть может последнюю, возможность бегства.

И он решился.

Теперь или никогда! Смерть или свобода, а с нею и надежда спасти дочь и остальных девушек!

Приказ Джелала переправить его вместе с выночными лошадьми оказал огромную помощь плану Чеслава.

Ему развязали руки, но оставили аркан на шее. Пе-

реправляться предстояло с тем же конвоиром, который был специально к нему приставлен и стерег его все эти дни.

Но что могла значить веревка аркана, хотя и очень крепкая, из конского волоса, для могучих рук Чеслава, ставших свободными...

Он не снял с себя даже обуви. Это могло вызвать подозрение. Никто не должен заподозрить, что он отличный пловец.

И когда группа воинов с выручными лошадьми на по-воду спустилась к реке, Чеслав замешкался, получив за это удар камчи. Но цели своей он достиг. Они вошли в воду последними. И поплыли вследствие этого самыми крайними, с левой стороны.

Конвоир был грузен, его лошадь плыла тяжело. Чеслав держался одной рукой за гриву и плыл рядом, как ему было приказано. И то, что произошло, было для всех полной неожиданностью.

Середина реки!

Пора!

Набрав в грудь побольше воздуха, Чеслав внезапно нырнул. Одним движением он разорвал аркан и поплыл под водой против течения.

Конвоир не сразу заметил бегство пленника. А когда понял, было уже поздно.

Чеслав вынырнул на поверхность в тридцати шагах от лошади, которая, конечно, не смогла бы его преследовать. Наоборот, ее сносило все дальше. Монгол схватился за лук, но едва не свалился в воду при резком движении. Понимая, что это не пройдет ему даром, он скинул чепан и бросился вплавь догонять беглеца.

И на берегу поняли не сразу. Те, кто переправился раньше и мог бы легко перехватить Чеслава, когда он достигнет берега, ничего не видели, потому что находились слишком далеко. Крики Джелаля до них не долетали. А те, кто был с ним, ничего не могли предпринять. Несколько всадников пустились было по берегу, чтобы броситься в воду выше по течению и плыть наперерез, но и они скоро поняли бесплодность своей попытки.

Мощными взмахами могучих рук Чеслав быстро приближался к противоположному берегу, где в густой чаще леса ему было обеспечено спасение. Стрелы не могли достать его на таком расстоянии.

И так же мощно плыл за ним монгол-конвой. Он знал, что только эта погоня, на глазах у всех, может спасти его самого. Страх перед гневом Джелала удваивал его силы.

Они достигли берега почти одновременно.

Чеслав вышел из воды и обернулся. И только тогда увидел преследователя.

Все, кто находился на другом берегу, почти напротив этого места, стали свидетелями эпического поединка, вероятно, первого в истории будущей вековой вражды двух народов.

Монгол был вооружен мечом, русский — безоружен. Оба были богатырями. Но монгол вступал в борьбу только из страха, а русский защищал не себя, а других, которых стремился спасти.

Это решило исход.

Чеслав не стал ждать нападения, а бросился на противника первым. Ему удалось схватить руку с мечом и предотвратить удар. Началось состязание в силе мускулов. Оба были утомлены борьбой с течением реки, но монгол устал больше. Ему пришлось догонять Чеслава, он сумел почти догнать его, но затратил на это гораздо большие сил, чем Чеслав.

Меч выпал из его руки.

Теперь схватка пошла на равных. И окончилась очень скоро.

Зрители увидели, как Чеслав схватил противника за пояс и оторвал его от земли.

У Джелала вырвался крик ярости. Его воины подхватили этот крик, и протяжный вопль разочарования пронесся над рекой. Все поняли, что схватка подошла к концу.

Несколько мгновений Чеслав стоял неподвижно, словно набираясь сил. Потом он размахнулся врагом, точно поленом, и швырнул его в реку.

Монгол исчез под водой и... не выплыл.

Тяжелая борьба лишила его последних сил.

Чеслав постоял, ожидая — не появится ли противник снова. Затем он поднял меч и скрылся в чаще.

Ищи его там!

Все заняло не больше десяти минут.

Рени с восторгом следил за всеми перипетиями этого смелого бегства. Всей душой он хотел бы оказаться

вместе с Чеславом, но не умел плавать. А если бы даже и умел, то все равно не двинулся бы с места. Лада оставалась в пленах, и только он один, как он думал, мог теперь спасти ее.

Джелаль сорвал гнев на воинах, оказавшихся рядом с ним, избив их камчой. Он видел радость джинна и с удовольствием отхлестал бы и его за эту радость. Но не осмелился.

Озлобленный и хмурый, он приказал переправляться всем остальным.

Потеряно четырнадцать пленников и один воин — самый могучий, лично известный пойону. Субудай не похвалит за это Джелала.

Тем более, только он и виноват в том, что случилось.

Не потерять бы еще и джинна!

Джелаль сильно тревожился. Не вздумает ли Рени последовать примеру Чеслава? Конечно, джинну нет нужды спасаться вплавь. Он может просто повернуть коня и уехать обратно. Его не задержишь! Но, может быть, этот джинн еще настолько молод, что его соблазнит эффективность такого бегства? Может быть, он захочет присоединиться к Чеславу и действовать с ним вместе? Поступки людей понятны людям, а как понять поступки джиннов? Как их предвидеть?

Джелаль вполголоса, чтобы джинн не услышал, отдал распоряжение. И, будто случайно, Рени оказался со всех сторон окруженным монголами. Его лошадь плыла в середине.

А Рени и не думал о бегстве. Переправа на спине лошади захватила его своей новизной. Это было совсем особое ощущение, и оно ему понравилось. Правда, вода была неприятно холодной.

Бегство Чеслава, а особенно то, что он при этом убил одного воина, отягчило участь пленниц. Хотя они явно не могли убежать, Джелаль приказал привязать их друг к другу.

Теперь передвижение по лесу стало для них гораздо труднее. Приходилось прорыгаться сквозь густой кустарник, которым сплошь зарос этот лес. Очень скоро руки и ноги девушек покрылись кровью, платья изорвались.

Рени ехал впереди, рядом с Джелалем, и не видел этой картины. Он, конечно, не выдержал бы и бросился

на помошь Ладе. Чем бы это окончилось, трудно сказать; скорее всего, окончилось бы плохо для самого Рени.

На второй день после переправы показалась другая река. Она была так широка, что Рени принял ее сперва за море. Здесь уже невозможна была переправа на лошадях.

Но переправляться и не было нужды.

На берегу стояли многочисленные шатры, окруженные кольцом телег и повозок.

Это был курень Субудай-нойона.

Восточная мудрость гласит, что для властителей самое страшное — «потерять лицо». Это выражение, характерное для туманных формулировок Востока, на Западе звучит гораздо прозаичнее — «попасть в смешное положение».

И то и другое достаточно неприятно.

Субудай-нойон не был властителем. Но здесь, в походе, он был первым лицом и до тех пор, пока великий каган не назначит преемника покойному Гемибеку, оставался главным военачальником. Он был уверен, что гнев Чингисхана давно прошел и что никакого преемника не будет. А это означало, что Субудай вернется ко двору тем, кем и был, — любимцем повелителя и прославленным полководцем.

Тем более опасно «потерять лицо».

А такая потеря угрожала Субудай-нойону. В курене все знали, с какой целью ушел отряд Джелала. Об этом позаботился Тохучар-Рашид, наслаждавшийся предстоящим ему торжеством.

Улем был совершенно уверен, что Джелаль вернется ни с чем. Никаких красных людей он видеть не мог, следовательно, не мог и доставить такого человека в курень. А когда отряд вернется и окажется, что весь поход был затеян в погоне «за воздухом», Субудай очутится в глупом положении. Весь курень будет смеяться.

У Тохучар-Рашида не было никаких причин ненавидеть Субудай-нойона, но так уж устроены головы придворных, что они не могут простить человеку, если он является любимцем повелителя. Зависть нисколько не менее сильное чувство, чем ненависть. Унизить любимца, выставить его в смешном, а еще лучше в глупом виде — это приятно.

Кроме того, Тохучар-Рашид имел основание опасаться за свою жизнь. Убийство Гемибека, если оно раскроется, могло дорого обойтись нойону. А он не знал — поверил ли улем в естественную смерть. Простая осторожность должна подсказать Субудаю, что устраниТЬ улема — в его интересах.

История с красным джинном могла стать надежным оружием Тохучар-Рашида. Достаточно намекнуть нойону, что он, улем, всегда готов опровергнуть любые измышления по этому поводу, — и сам нойон позаботится о сохранении жизни Тохучар-Рашида. Он хорошо знает, что слово улема имеет вес при дворе великого кагана.

Завидя Субудаю, Тохучар-Рашид тем не менее хотел иметь его в числе своих друзей.

А общая тайна — надежная основа дружбы.

Можно еще написать письмо к кому-нибудь из окружения великого кагана и поставить нойона в известность, что письмо будет показано Чингисхану, если Тохучар-Рашид не вернется.

Но это на крайний случай, если появятся явные признаки опасности.

Улем с нетерпением ожидал возвращения Джелаля, конечно, с пустыми руками.

Субудай-нойон ожидал его с таким же нетерпением. Но с противоположной надеждой.

Красный человек — это было единственное, что он мог привезти из своей разведки и хоть немного ослабить неизбежное неудовольствие Чингиса.

И каждый день отсутствия Джелаля отягчал участь, которую готовил ему нойон в случае безрезультатного возвращения.

Нить, на которой висела жизнь Джелаля, становилась все тоньше.

Он боялся, что потеря большого числа пленников и одного воина вызовет гнев нойона. Но что могли значить эти потери в сравнении с тем, что стало самым главным, — успешным выполнением основной задачи.

И прием, оказанный вернувшемуся Джелалю Субудай-нойоном, превзошел самые смелые его мечты.

Нойон был в восторге.

— Я доволен тобой, — сказал он Джелалю. — Ты доказал, что достоин большой награды. Я так и скажу повелителю мира.

О подробностях похода и о потерях нойон не спросил ни слова.

— Покажи мне своего джинна, — сказал он в заключение.

Джелаль с поклоном откинулся на полог шатра.

Рени стоял в плотном кольце воинов, смотревших на него во все глаза. Никто еще не видел такое странное существо.

Перед Субудаем кольцо зрителей распалось.

Тохучар-Рашид вздрогнул от неожиданности.

Этот человек удивительно походил на описанных древними авторами обитателей погибшей Атлантиды. Его лицо, обрамленное длинными черными волосами, походило на эллинские статуи. Обнаженное до пояса тело отливало цветом меди. Рост и могучее сложение также отвечали преданиям.

Как мог оказаться здесь атлант? Этот древний народ, владевший когда-то чуть ли не всем миром, давно уже исчез с лица земли!

Но Тохучар-Рашид почему-то сразу поверил, что перед ним действительно атлант, как бы невероятно ни было его появление.

Субудай-нойон не думал ни о какой Атлантиде. Он вообще не задумывался о том, кто это. Он видел только, что перед ним необычное существо и, джинн он или нет, Чингисхан не может не заинтересоваться. А это означало: повелитель будет благодарен Субудаю.

Нойон обратился к Рени с обычной на Востоке цветистой и вежливой фразой.

Рени молчал. Он догадался, что этот человек — главный начальник, но не понял ни слова, да и давно уже решил, что молчание ему выгодно. Ведь пришельцы всегда молчали.

— Джинн не хочет говорить с нами, — сказал Джелаль. — Он молчал всю дорогу. Только с одной пленницей он говорил, да и то очень мало. (Джелаль имел в виду несколько слов, сказанных Рени сегодня при въезде в курень, когда он оказался рядом с Ладой и успокоил ее относительно отца, которого девушка нигде не видела.) А он знает наш язык, — прибавил Джелаль.

— Не думаю, — сказал Тохучар-Рашид. — Он молчит потому, что не понимает. А эта девушка говорит по нашему?

— Нет, о великий посол! Джинн говорил с ней на ее языке.

— Значит, ее язык он понимает. С ним можно будет говорить в Хорезме. Там найдется толмач.

— Будет так, — решил нойон. — Отведите его в шатер Гемибека. Он пуст. Бросьте ему и девушку. И корьмите его хорошо.

И, словно потеряв всякий интерес, Субудай повернулся к Рени спиной и ушел в свой шатер.

Стоять перед этим хотя бы и джинном и молчать — недостойно военачальника.

— У него есть имя? — спросил улем.

— Да, о великий посол. Джинна зовут Рени, — ответил Джелаль. — А его девушку зовут Лада.

Рени отвели в шатер Гемибека. Слова Субудая восприняли как приказ и если не бросили, то втолкнули в тот же шатер и Ладу.

К Рени относились, как к гостю, а не пленнику.

ПАМЯТНАЯ НОЧЬ

Рени понимал, что его привезли на временную стоянку и, следовательно, повезут куда-то еще дальше. Найти обратную дорогу с каждым днем будет труднее. Монголы, очевидно, переправятся и через эту реку, во много раз более широкую, чем первая. Рени видел у берега два больших плота.

А как одолеть эту преграду на обратном пути?

Ждать больше нельзя, надо бежать немедленно!..

В шатер вошли слуги нойона. Они принесли вечернюю трапезу. Рени не обратил на них никакого внимания.

Слуги раскинули достархан, поставили блюда и кувшин. Потом они поспешно удалились, из страха перед джинном, войти к которому их заставил только приказ Субудая.

Рени был голоден, но не притронулся к еде. Лада, вконец измученная, спала мертвым сном, и ему было жаль будить ее. Они поедят позже, вместе...

Там, за рекой, могут находиться другие, еще более многочисленные соплеменники людей, захвативших их в плен. Бежать станет вообще невозможно. А участь, которая ждала его и Ладу, не вызывала у Рени никаких со-

мнений. Пленников обращают в рабство. Он видел, с какой жестокостью гнали сюда девушек из поселков.

Представление о пленниках, как о рабах, было привито Рени с детских лет. Он сам был рабом, хотя и уроженцем страны Моора, рабом по происхождению, но какая разница!

Нет, снова ощутить на лбу обруч раба, снова стать бесправным и угнетенным, да еще в чужой стране, — нет, никогда!

Плана побега у Рени не было. Прежний, составленный еще в дороге, рухнул из-за отсутствия Чеслава, сила которого входила существенной деталью в этот план.

Нового Рени придумать не мог. Да вряд ли он и существовал.

Если бы Рени был один, задача стала бы гораздо легче. Он мог прорваться силой и скрыться во мраке ночи. Воины боятся его и вряд ли осмелились бы преследовать. А если бы и осмелились, он мог потягаться с ними в быстроте бега. Лошади расседланы и привязаны, снарядить их в погоню не так просто, — это требует времени. У него была бы возможность оторваться от преследователей.

Но Лада не может бежать, как он.

Оставалось одно, и Рени принял решение попробовать поступить именно так. Дождаться самого темного времени, которое наступало перед рассветом, и ползком выбраться за круг повозок. Может быть, их не сразу заметят?

Но нужно оружие. Без борьбы он не позволит привести себя обратно. Он будет биться насмерть за себя и Ладу. Или они прорвутся вместе, или вместе умрут.

Рабами ни он, ни Лада не станут!

Нужен меч!

Рени не обольщался своим теперешним положением. Он понимал, что его мнимая «волшебная» сила, существующая только в умах окружающих, просуществует недолго. Рано или поздно «волшебник» будет разоблачен. Значит, надо спешить, пока его боятся и это в какой-то мере может помочь бегству.

Рени поднялся и подошел ко входу в шатер.

Его не караулили. Никого не было возле его шатра. Сбудай-нойон считал бегство из охраняемого со всех сторон куреня невозможным.

Ночь уже раскинула свой звездный узор. Типина

изредка нарушалась протяжными криками караульных. Кое-где слабо горели костры, возле которых кучками спали воины. Те, кто поддерживал огонь, дремали сидя.

Рени подумал: «Надо дождаться того момента, когда уснут все и костры погаснут. К утру это обязательно случится».

Рени медленно шел по куреню, высматривая в темноте — не лежит ли где-нибудь снятое на ночь вооружение. Он несколько не боялся, что его могут увидеть. Испугаются, и только.

Воины спали одетыми, и оружие находилось при них. В походе надо всегда быть готовыми.

Но меч нужен во что бы то ни стало!

Рени увидел воина, спавшего отдельно от других. Монгол лежал на спине, раскинув руки, и громко храл. Колчан со стрелами находился под его головой, лук на груди. А меч, видимо, откинутый во сне, лежал немного в стороне, правда очень близко к телу.

Рени осмотрелся по сторонам. Как будто никто за ним не наблюдает. Медленно и осторожно он вытянул кривое лезвие из ножен. Монгол не шевельнулся.

Сделано! Теперь он вооружен, а в его руках этот меч — грозное оружие. Дорого поплатятся те, кто вздумает задержать их.

Правда, этот меч не то что бронзовые мечи его родины. Он слишком легок, но выбирать не из чего.

Рени вернулся в свой шатер. Теперь падо подождать нужного часа, разбудить Ладу и приступить к действиям.

Странное спокойствие овладело Рени. Он знал, что шансы на успех ничтожно малы. Воинов много, а он один. Но он знал и то, что никогда не откажется от попытки. Лучше смерть, чем рабство!

В согласии Лады сомневаться не приходилось. Она последует за ним с радостью.

Рени прилег. Надо отдохнуть и набраться сил.

Он лежал неподвижно, зная, что спать нельзя и что он никогда не заснет против своей воли.

Перед ним, как живые, встали лица его четырех друзей, которых он уже отличал друг от друга с такой же легкостью, как раньше мог отличить Гезу от Дена. Рени все еще не знал их имен, но ему было известно, что имена у них есть. Вот только сообщить их пришельцы еще

не могли. Но это будет со временем. Если они только увидят их!

У Рени и Лады был один путь — на Поляну, к пришельцам. Обстоятельства изменились, и Ладе некуда деться. Не может быть, чтобы и теперь пришельцы отка-зались взять ее с собой в будущее. Они не могли бросить на произвол судьбы несчастную девушку, потерявшую всех своих близких и ставшую бездомной сиротой. Рени достаточно знал своих друзей, их характер и образ мыслей, чтобы быть совершенно уверенным — пришельцы не способны на такую жестокость!

Но там ли они еще?

Вернувшись утром в поселок и не найдя его, увидя только развалины и трупы, пришельцы могли решиться на немедленный уход отсюда. Ведь они не знают, что произошло, куда делись те, кого нет среди мертвых. Будут ли они чего-то ждать, потеряв кров и пищу? Они имеют полное право бросить его. Догадаться о том, что для него не стало иного выхода, как только слова присоединиться к ним, пришельцы никак не могут.

Сколько же времени в его распоряжении? Когда уйдут его друзья, если не ушли до сих пор? Может быть, они собираются уходить из этой эпохи именно сегодня?

Но эта мысль не долго тревожила Рени. Школа пришельцев не прошла для него даром. Он не понимал сути, но знал внешние признаки действия неведомых ему законов. И он подумал, что все это не так уж и важно для него и Лады. Все дело заключалось только в том, чтобы найти Поляну и камеру. Пусть там нет уже его друзей, пусть они уже удалились в будущее. Они последуют за ними, так же, как последовал он сам в стране Моора. Теперь он не повторит ошибки, и они не лягут на ложа, чтобы не подвергнуть опасности себя и пришельцев.

Значит, в его распоряжении сколько угодно времени.

Рени не знал, что такой путь, казавшийся ему простым и само собой разумеющимся, уже невозможен. Машина пришельцев не могла дважды остановиться по одной и той же «аварийной» причине. Ее саморегулирующиеся автоматы исключили эту возможность, внеся изменения в свою же схему. И теперь, когда машина придет в «движение», никто уже не сможет открыть дверь камеры снаружи. Ошибка, допущенная людьми, исправлена.

К своему несчастью, Рени не мог этого знать. Но, к

счастью для себя, не собирался задерживаться в курене.

Время от времени он вставал и выглядывал наружу. Костры еще горели, и предутренняя темнота не начинала сгущаться. Значит, рано. Он снова ложился.

И вот, когда он лежал, устав от своих мыслей и уже ни о чем не думая, произошло то, чего Рени давно ждал, к чему был готов, но не мог и надеяться, что это случится столь скоро и своевременно.

Он внезапно почувствовал сильнейший удар, потрясший его, как судорога, схватившая одновременно все мускулы тела. Словно увлекаемые мощной сжимающейся пружиной, согнулась спина, сами собой подтянулись к голове колени, руки изогнулись так, что Рени показалось — сломаются локтевые суставы. Резкая боль пронзила Рени.

Это продолжалось две или три секунды. Боль исчезла так же быстро, как и возникла, «пружина» разжалась, тело выпрямилось, и Рени ощущил блаженный покой и какую-то необычайную, ни с чем не сравнимую легкость. Казалось, что с него внезапно спала гнетущая тяжесть, которая, незаметно для него, давила до сих пор на его тело.

Он торжествующе и радостно улыбнулся.

Наконец-то!

И как раз тогда, когда нужно!

Теперь он свободен. Теперь не страшны ему ни мечи, ни стрелы, ни руки стражей, как бы сильны они ни были. Он неуязвим, никто и ничто не сможет задержать его. Незачем чего-то ждать, он может уйти, когда ему вздумается. Просто уйти, совершенно открыто!

Рени хорошо знал, что означает испытанное им ощущение. Пришельцы подготовили его к этой неизбежной минуте, давно и подробно рассказали о симптомах, сопровождающих момент наступления полной проницаемости.

Невидимый и неощутимый процесс изменения тканей его тела закончился!

Теперь он стал подобен Дену и самим пришельцам.

В радостном возбуждении Рени вскочил. Ему хотелось немедленно что-то делать, что-то предпринять. И... убедиться окончательно!

Его взгляд упал на меч, лежавший на ковре, у его ног. В шатре было совершенно темно, но полог Рени оставил откинутым, и даже при тусклом свете звезд стальное лезвие едва заметно поблескивало. А может быть, это был

отблеск не звезд, а костра, горевшего шагах в пятидесяти, прямо напротив.

Рени поднял меч.

Это был единственный способ.

Нет, мудрые друзья не могли ошибиться. То, что он только что испытал, полностью соответствовало их словам. Пришельцы описали все так подробно и точно, что это не могло быть случайным совпадением.

Убедиться необходимо. От этого зависит слишком многое.

Рени медленно вытянул вперед левую руку.

Только в последний момент, когда остановить разящий удар было уже невозможно, мелькнула боязливая мысль, что все-таки могла произойти ошибка: полная проницаемость еще не наступила и он попросту отрубит себе кисть руки. Но движение было настолько молниеносным, что Рени не успел даже зажмуриться.

Он хотел видеть, и увидел!

Увидел больше, чем рассчитывал.

Сверкнувшее лезвие просвистело в воздухе, и острый его конец вонзился в землю, пройдя сквозь неосторожно выдвинутую вперед ногу Рени.

Он ничего не почувствовал. Кисть руки осталась на месте, так же как и ступня.

Доказательство было получено!

Рени нервно рассмеялся. Видимо, его вера в пришельцев действительно безгранична, если он осмелился на такой опыт!

Теперь уходить! Немедленно, ничего не ожидая! День или ночь, — это уже не имело никакого значения.

Рени бросился к спящей Ладе и... внезапно остановился.

Безумец! Как он мог не сообразить сразу. Ведь ничего не изменилось, все трудности бегства оставались, как и раньше. Он свободен, но Лада... она была в том же положении, и все опасности побега грозили сей по-прежнему!

И даже хуже! Его не могли теперь убить, но ее могут. Умереть вместе или вместе же вырваться на свободу никак нельзя. Возможно только второе. Но разве есть уверенность в успехе? Шансы оставались прежними.

Ее могут убить, а он обязательно останется жив!

Рени с ужасом подумал о таком финале. Бежать нельзя! Он не в силах рисковать жизнью Лады.

Одной только Лады!

А не бежать?

Ясный ум Рени тотчас же подсказал ему другой выход из создавшегося положения.

Его считают волшебником. Теперь он имеет возможность доказать им, что он действительно «пришелец», а не обычный человек.

Лада должна бежать немедленно, а он сам должен остаться и помешать погоне за ней. А потом он уйдет, и никто его не задержит.

Они встретятся на берегу, где происходила переправа, и отправятся на поиски Поляны.

А если за Ладой все же погонятся?

Нет, этого не может быть. Суеверие людей, взявшим их в плен, слишком велико. Он, Рени, поразит их ужасом.

Он хорошо помнил рассказ Дена.

Рени осторожно дотронулся до плеча спавшей Лады. Жалко будить, но медлить нельзя.

Лада сразу открыла глаза. Он не видел этого, но почувствовал, что она проснулась. Ее руки нежно обняли его шею.

— Рени! — пропелала Лада.

Он вздрогнул от внезапно мелькнувшей мысли и мягко отвел ее руки, хотя ему хотелось прижать ее к себе.

В его распоряжении было слишком мало слов. Поймет ли Лада? Жестов не видно в темноте.

— Сейчас, — сказал он. — Иди со мной.

— Куда?

Рени не знал слова «бежать». Как же объяснить ей?

— Там, — сказал он. — Река. Там Чеслав. Туда, сейчас.

По-видимому, Лада поняла, о чем он говорит. Она встала.

— Иду, — сказала она. — Иду, Рени.

Он облегченно вздохнул.

Взять с собой меч? Рени подумал, что это совершенно бесполезно. Если его план не удастся, то никакой меч им не поможет.

Костер все еще горел напротив входа в шатер. При его слабом свете Рени указал Ладе на блюда. Пусть подкрепится перед дорогой. Сам он не мог есть от волнения.

Одно дело верить рассказу Дена, даже подтвержден-

пому пришельцами, и совсем другое самому решиться на рискованный шаг. Полной уверенности у Рени не было почему-то. А несколько минут назад он без колебаний ударил себя мечом по руке.

Они вышли из шатра. Ночной мрак сгустился еще плотнее, как это всегда бывает перед рассветом. Многие костры уже погасли. Казалось, что в курене спят все, но Рени помнил о часовых.

Они беспрепятственно дошли до повозок.

С внешней стороны ограждения горел костер, и возле него сидело двое воинов. Они не спали. Совсем близко маячил силуэт всадника.

К этому месту Рени подошел намеренно. Ему нужны были свидетели бегства Лады. Выбраться никем не замеченной она все равно не могла. Действовать открыто — в этом заключался его план. Действовать на глазах у стражей.

Единственный шанс — вызвать ужас воинов.

Еще в шатре, перед тем как разбудить Ладу, Рени сбросил с себя всю одежду, оставшись в одной только узкой набедренной повязке, которую он не снимал никогда, нося ее по привычке.

Едва они миновали кольцо повозок, их заметили. Оба воина вскочили. Всадник, оказавшийся караульным начальником, тотчас же направил коня к костру.

Трое против одного безоружного Рени.

— Туда! — Рени протянул руку в сторону, откуда пришел отряд Джелала. — Туда! Река!

Она замешкалась в страхе перед тремя вооруженными людьми.

— Туда! Скорей!

Его голос прозвучал с такой повелительной силой, что Лада подчинилась. Она верила в силу своего возлюбленного. Он сумеет справиться и с тремя. И догонит ее. Она бросилась бежать.

Караульный начальник резко повернул коня.

Медлить было нельзя!

Рени быстро подошел к костру и босыми погамиступил прямо в середину. Сноп искр поднялся вверх, казалось, к самому небу.

Он ничего не почувствовал, кроме тепла, — ни ожога, ни боли, ничего.

Ден говорил правду!

Бронзово-красная фигура джинна стояла среди пла-
мени!

Рени не видел, что делают стражи, но был уверен в
эффектности такого зрелища.

Заметив, что повязка на бедрах начала дымиться, он
вышел из костра.

Оба воина лежали на земле лицом вниз. Вдали смутно
виднелась удаляющаяся, бешено несущаяся лошадь. Ка-
раульный начальник мчался не за Ладой, а в совершенно
другую сторону.

БЕГСТВО

Чеслав достиг берега Волги раньше отряда Джелаля.
Он не мог подумать, что монголы откажутся от преследо-
вания, и, опасаясь погони, бежал сколько хватало сил.
А отряд продирался через лес медленно, задерживаемый
пленницами, которые не могли даже идти быстро.

Джелаль остановился на почлег в обычное время, а
Чеслав ни разу не останавливался. Он шел всю ночь.

Под утро он увидел монгольский курень. Прижавшись
к земле, чтобы его не могли заметить, Чеслав пересчи-
тал повозки и понял, что в курене не меньше пятисот
воинов. Это было много. В том, что отряд направляется
именно сюда, сомневаться не приходилось. Значит, для
того, чтобы освободить пленниц и Рени, надо собрать не
меньший отряд.

Отчаяние охватило его. Нечего и думать о таком ко-
личестве воинов.

Но энергичная натура Чеслава не позволяла ему отка-
заться от попытки спасти хотя бы дочь. Он направился
в сторону от куреня, на север.

Есть ли тут какие-либо поселения, Чеслав не знал.
Они должны быть, но где? Может быть, до них надо идти
несколько дней?

Но прошло всего три часа, и Чеслав заметил вдали
большой поселок. Чем ближе он подходил, тем более зна-
комым казался он ему. Да, он был уже в этом месте. Был,
когда пробирался домой из половецкого пленя. Могут
найтись знакомые, это облегчит задачу.

Его заметили. В это неспокойное время люди всегда
опасались неизвестных. Пятеро всадников направились
в сторону Чеслава.

Они были хорошо вооружены и, очевидно, намеревались захватить его, что вполне соответствовало желанию самого Чеслава.

Он остановился.

Всадники окружили его. Все пятеро были молоды и увешаны оружием с головы до ног.

Это удивило Чеслава. Чего опасались эти люди?

— Куда держишь путь? — спросил один.

— К вам, — ответил Чеслав.

— Кто тебя послал?

— Никто не посыпал. Я пришел к вам за помощью.

— Против кого?

— Против воинов Чагониза.

— Ты идешь от их становища, — сказал тот, кто, видимо, был старшим. Его лицо было сурово. — Можно ли тебе верить?

Вот опо что! Эти люди знают о близком соседстве монголов и думают, что он послан ими. Его принимают за изменника, продавшегося врагам.

Вся кровь хлынула в лицо Чеслава. Но он сдерживал гнев. Эти люди правы!

— Я прошел мимо становища, — спокойно возразил он. — Моя дочь в плену у воинов Чагониза. Они разрушили наш поселок и убили всех, кроме молодых девушек. Я сам был в плену, но бежал. Отведите меня в свой поселок. Может быть, там найдется кто-нибудь, кто знает меня.

— Отдай меч!

Чеслав протянул свой трофеи.

— Не наш, — сказал тот же юноша. — Откуда он у тебя?

Как ни спешил Чеслав, ему пришлось подробно рассказать всю свою историю.

Рассказ произвел впечатление. Молодые воины видели, с каким богатырем они имеют дело. И поверили.

Чеславу предложили сесть позади кого-нибудь на крупного коня. Он отказался:

— В этом нет нужды. Поселок близко.

Он пошел рядом с конями.

Как и предполагал Чеслав, в поселке его узнали. Нашелся человек по имени Светозар, который вместе с Чеславом находился в плену у половцев и бежал одновременно с ним.

Чеславу рассказали: вот уже год, как весь поселок и другие, находившиеся поблизости, живут в постоянном ожидании нападения. Появление воинов Чагониза было замечено сразу, но они почему-то ни разу не появились здесь, хотя становище находилось совсем близко. Целый год жители не выпускают из рук оружия. Почему монголы не нападают, никто понять не может.

Известие, принесенное Чеславом, взбудоражило всех. Выходило, что монголы прекратили бездействие и принялись за разрушения и убийства. Очень скоро может настать очередь и их поселка.

Несколько человек тотчас же поскакали в соседние поселения — предупредить.

Но Чеслав не думал об обороне, он хотел сам напасть на монголов.

В поселке было более ста человек, способных носить оружие. Еще такое же количество можно было набрать у соседей. Этого было мало, чтобы напасть на курень, но достаточно для осуществления плана, тут же предложенного Чеславом.

С ним согласились. Эти люди всегда были готовы окказать помощь своим соотечественникам. Тем более что освободить предстояло двадцать русских девушек, угнанных в рабство.

О Рени Чеслав не сказал ни слова. Ему могут не поверить, а это поставит под сомнение и весь его рассказ.

Зверское уничтожение трех мирных поселков и их жителей глубоко задело свойственное русским людям чувство справедливости. За что?! И уже к вечеру в распоряжении Чеслава оказалось сто шестьдесят хорошо вооруженных людей. Их могло быть и больше, но не хватило оружия.

Судьба Субудай-ноиона и его отряда была решена. Монголы напали первыми. Кровь за кровь!

План Чеслава был прост. Со слов Джелаля, который, скучая в дороге, разговаривал иногда с пленником, он знал, что отряд собирается уйти за Волгу. Чеслав знал обычаи восточных народов в военном походе. Монголы не станут переправляться через реку все сразу, даже если бы это была не Волга, а другая, более узкая река. Ему рассказали о том, что видели разведчики, несколько раз подкрадывавшиеся к куреню. У монголов было всего два сравнительно небольших плота. Переплыть Волгу в этом

месте так, как обычно поступали монголы, то есть на лошадях, было немыслимо.

На другом берегу, напротив куреня, рос лес, подступивший к самой воде. С точки зрения военного искусства Востока, такая позиция была идеальной. Субудай-нойон потому и выбрал ее, что был опытным военачальником. В случае нападения и битвы его воины будут знать, что отступать им некуда. Они будут драться насмерть.

Русские воеводы поступали наоборот, — они предполагали иметь реку не позади, а впереди себя. В этом скрывался различный подход к задачам войска. Монголы думали о нападении, русские об обороне.

В данном случае Субудай-нойон должен был поступить по-русски. Ведь его послали не завоевывать, а только разведать. Он находился в чужой и почти неведомой стране. Но сила привычки оказалась сильнее.

Если бы монголы ограничились своей первоначальной задачей и не напали сами, их бы никто не тронул. Ошибочный выбор позиции не сыграл бы никакой роли. Но они пролили кровь! И этим погубили себя.

Нападая, надо знать, на кого нападаешь. Субудай-нойон не знал характера руссов и был спокоен. Ему и в голову не приходило, что добродушные и невоинственные люди, населявшие эту страну, а именно так характеризовали руссов все, кто побывал в их стране, способны на беспощадную месть. Джелаль скрыл бегство Чеслава, опасаясь гнева Субудая и воспользовавшись тем, что нойон не расспрашивал его о подробностях похода. Знай об этом Субудай-нойон, он, возможно, принял бы меры, но он был уверен, что о расправе с одинокими поселками никто не знает: все оставшиеся в живых находились у него в руках.

На том берегу не было никаких поселений, — это Субудай знал точно...

Чеслав объяснил задачу. Дело заключалось только в том, чтобы незаметно переплыть реку и устроить в лесу засаду. Монголы будут уничтожены по частям. Ширина Волги и лес — это гарантировало успех. На противоположном берегу ничего не увидят и не услышат. Каждая группа переправляющихся будет уверена в безопасности. На всякий случай Чеслав выделил двадцать человек и обучил их. Переодетые в одежду тех, кто приплывет первыми, эти двадцать человек будут изображать собой

монгольских всадников и маячить на берегу. Заметить обман можно будет только высадившись, а тогда уже будет поздно.

Чеслав понимал, что наибольшая трудность заключалась в том, что плоты должны каждый раз возвращаться на другой берег. Те, кто будет на них грести, не должны ни о чем догадаться. Начинать действовать можно только тогда, когда плоты отойдут достаточно далеко. Но в этом поможет лес, он многое скроет в своей тени.

План был обсужден в мельчайших деталях, и ночью отряд Чеслава переправился через Волгу. Жители поселка питались в основном рыбой, и у них было много лодок. Пришлось сделать всего четыре рейса.

Было еще темно, когда Чеслав привел своих людей к нужному месту. Оно находилось ниже лагеря монголов. Плоты будут сносить течением могучей реки.

Отряд приготовился к длительному, может быть многодневному, ожиданию. Но возмущенные и озлобленные люди готовы были ждать сколько бы ни понадобилось.

Никто не подозревал, как своевременно была устроена засада...

Именно в это утро Джелаль отправился гонцом к Чингисхану.

Субудай-нойон лично осмотрел пленниц и выбрал четырех из них в подарок повелителю. Остальных он велел продать в Хорезме, а деньги, которые будут за них получены, подарили Джелалю.

Гнать пленниц пешком было бы слишком долго, гонец должен торопиться, и Субудай выделил Джелалю несколько легких повозок и пятерых всадников для конвоя.

Маленький отряд выступил, едва взошло солнце...

Часовые, выставленные Чеславом вдоль берега, сразу подняли тревогу. Зоркие глаза даже на таком расстоянии заметили отчаливший плот.

Заснувшие было люди вскочили и приготовились к встрече.

Неужели переправа началась так скоро?!

Чеслава смущило, что плот один. Если монголы решали совершить разведку, прежде чем переправляться всем отрядом, дело могло обернуться полной неудачей. Кто может знать, какими сигналами разведчики должны сообщить, что путь свободен!

Но он решил, что, если это действительно разведка,

то можно заставить ее начальника сообщить сигналы. Вынудить его, ни перед чем не останавливаясь! Чеслав знал, что его люди одобрят самые крутые и жестокие меры.

Кровь за кровь! Насилие за насилие!

Очень скоро стало ясно, что место засады выбрано правильно. Плот должен достичь берега именно тут. Люди затаились среди кустов и деревьев.

Чеслав обладал прекрасным зрением. Когда плот находился еще на середине реки, он различил на нем лошадей, повозки (значит, это не разведка) и... платья девушек.

Он задрожал от радости. Спасибо Перуну и всем богам Востока и Запада, — монголы переправляли пленниц первыми!..

Субудай-нойону доложили, что плот вернулся. Течение было очень сильным, и на обратном пути пришлось волочить плот вдоль берега. Джелаль и его воины запрягли повозки и тронулись в путь. На том берегу все спокойно.

— Еще три дня, и мы пойдем за ним, — сказал нойон.

В это время пленницы были уже свободны, а Джелаля и его воинов зарывали в лесу.

Нойон отпустил тех, кто был в его шатре, и прилег. Все идет хорошо! Он не будет спешить в походе. Вернувшись от великого кагана Джелаль найдет его еще в Хорезме. Субудай считал, что время работает на него. Чем позже попадет он на глаза повелителю, тем лучше.

Но вздрогнуть не удалось.

Явился озабоченный Джогатай и сообщил странные вещи. Пропал Хори, начальник караула. Его нет нигде. С двумя часовыми что-то случилось. Один найден мертвым, а второй сошел с ума.

— Кто мог его убить? — спросил нойон.

— Он просто умер, — ответил Джогатай. — От неизвестной причины. Ни одной раны на нем нет. А второй совсем помешался.

— Куда же делся Хори?

— Следы его лошади ведут в степь. Он умчался из куреня во всю прыть своего коня. — Джогатай понизил голос и произнес почти шепотом: — Уж пе проделка ли это джинна?

— А где он? — Субудай приподнялся на ложе.

— Думаю, что в своем шатре.

— Проверь!

Джогатай поспешил удалился.

Субудай в волнении ожидал его возвращения. Не убежал ли красный человек? Непонятное бегство караульного начальника и смерть двух часовых (сошедший с ума — все равно что покойник) открыло ему путь. Если так, это вновь ставило нойона в очень неприятное положение. Ему хорошо был известен недоверчивый ум Чингисхана. Бездоказательному рассказу он не поверит. Если не показать джинна, живым или мертвым, нечего и думать заинтересовать повелителя. А значит, нечем смягчить его неизбежный гнев.

Куда делся собака Хори?!: Покинуть свой пост — это хуже, чем убежать из битвы. Наказание одно — смерть.

Джогатай вернулся. С ним вместе в шатер вошел Тохучар-Рашид.

— Ну? — спросил нойон.

— Джинн в шатре, — ответил начальник нукеров. — Пропала куда-то его девушка. Нет ее нигде.

Но Лада нисколько не интересовала нойона. Он вздохнул с облегчением. Красный человек на месте!

— Что ты думаешь обо всем этом? — спросил Субудай, обращаясь к улему. Еще не успокоившись, он забыл прибавить вежливое обращение.

— Не знаю, что и думать, благородный нойон, — ответил Тохучар-Рашид. — Очень странно все это.

— Я велю сломать спину Хори, — свирепо сказал Субудай. — Пусть только вернется.

— Сперва надо узнать от него, что произошло, — рассудительно заметил улем. — Хори убежал от ужаса. И от того же ужаса один воин умер, а второй сошел с ума. Кто знает, может быть, и Хори умчался помешанным.

— Увидим! Позови ко мне красного человека, которого зовут Рени, — приказал нойон Джогатую. А когда тот ушел, прибавил: — Джелаль утверждал, что этот Рени знает наш язык, но не хочет говорить. Я заставлю его!

— Я этого не думаю, — сказал улем.

— Увидим! — с угрозой в голосе повторил Субудай. В третий раз вошел Джогатай.

— О великий нойон, — сказал он, — джинн не захо-

тел идти со мной. Мне кажется, он решил покинуть курень.

Субудай вскочил и выбежал из шатра.

Он сразу понял, что верный нукер прав. Обнаженная бронзово-красная фигура джинна уже приближалась к повозкам ограждения. Воины провожали его глазами, не трогаясь с места, оцепенев от удивления.

— Аллыб-барын!

Голос Субудая сорвался на визг.

Воины обернулись. Рука нойона указывала на джинна. Приказ относился к нему.

Несколько человек бросились на Рени.

То, что происходило затем, осталось никому не понятным. Сильные руки хватали джинна, а он продолжал спокойно идти, не ускоряя шага и не оборачиваясь. Воины падали, не встречая сопротивления хватаемого ими тела. Им казалось, что джинн скользок, как рыба. Они не замечали, каким мощным усилием Рени вырывался из их рук. А о том, что руки просто проходят сквозь его тело, воины догадаться не могли.

Субудай-нойон тоже ничего не мог понять и, топая ногами, визжал на весь курень. Он видел, что джинн уходит и что его воины не могут почему-то остановить его. Мысль, что единственная надежда на милость повелителя уходит из его рук, лишила нойона самообладания. Он бросился за Рени сам, на бегу вытаскивая меч из ножен.

Воины разбежались, увидя искаженное лицо и обнаженный меч нойона.

Субудай легко догнал медленно идущего Рени:

— Стой, собака!

Рени не обернулся.

Нойон занес меч. Живым или мертвым красный человек должен быть показан Чингисхану.

Молнией блеснул дамасский клинок...

Тохучар-Рашид побежал за нойоном. Он успел подхватить тело Субудая, падавшее на землю. Потрясение было так сильно, что Субудай-нойон, испытанный воин, лишился чувств.

Воины не видели, как меч прошел сквозь шею красного джинна. Они могли подумать, что нойон промахнулся. Но Тохучар-Рашид все видел.

Никто больше не пытался нападать на Рени, — наоборот, ему поспешило уступали дорогу.

И пока улем и сбежавшиеся слуги приводили в чувство Субудай-нойона, Рени прошел кольцо повозок, и вскоре красный силуэт растаял в степном мареве.

ФИНАЛ

Рени мог уйти из куреня еще ночью, вслед за Ладой. Задержать его было некому. Но он остался. И возвратился в свой шатер.

Он понимал, что задержка доставит Ладе лишние и мучительные волнения, по соображениям, заставившие его это сделать, были сильнее заботы о спокойствии девушки. Они вполне могли разойтись в темноте и не сразу найти друг друга. Кроме того, расстояние до реки было довольно велико, и Рени рассчитывал, что сумеет еще догнать Ладу.

Он помнил, что пришельцы придавали огромное значение тому, чтобы люди не забыли о них, чтобы память о «волшебниках» сохранилась на тысячу лет. И он решил помочь им в этом. А для того чтобы это сделать, нужно было поразить не только трех караульных, но и весь курень. Воинам могли не поверить, надо, чтобы все увидели волшебную силу джинна...

Рени шел быстро, но до самого вечера так и не увидел Лады. Его это не слишком удивило: девушка была сильна и вынослива, страх должен был заставить ее не идти, а бежать. Они увидятся завтра, на берегу реки, в том месте, где происходила памятная переправа.

Лада должна была понять Рени именно так. Больше идти некуда. Найти дорогу нетрудно. Следы лошадей отряда Джелала сохранились достаточно отчетливо.

Когда стемнело, он расположился на ночлег прямо на голой земле.

Ночь наступила теплая, ароматная, пахнувшая неизвестными Рени цветами. Он лежал на спине, бездумно глядя на звезды. Они были такими же, как на его родине. Только они одни и остались неизменными.

Строго говоря, это было не так. За одиннадцать тысячелетий вид звездного неба изменился, но Рени не мог этого заметить. В его эпоху люди еще не научились видеть звезды как созвездия, они казались беспорядочно рассыпанными блестящими точками.

Погони Рени не опасался. Лады с ним еще пет, а запачит, нет и никакой опасности. Он может спокойно заснуть. Даже сонному ему никто и ничего не может сделать.

Он усмехнулся. Думал ли он когда-нибудь, мог ли думать, что превратится в существо, против которого беспомощны стрелы, мечи и копья.

И так будет всю жизнь. До самой смерти он неуязвим для любого врага.

До самой смерти!

Рени вздрогнул. Отчетливая и страшная в своей беспощадной ясности мысль заставила его стремительно выпрямиться.

Для любого врага! Нет, не только. Для любого друга останется он до самой смерти непонятным, пугающим, непостижимым существом!

Он вспомнил, как сегодня ночью Лада обняла его и он испугался, что она сделает это слишком сильно и ее руки войдут в его тело!

Он испугался этого! И было чего испугаться. Ничего, кроме ужаса, не возбудило бы в Ладе такое открытие, недоступное ее пониманию. Только ужас, а может быть... и отвращение!

Во всех, кто будет его знать, среди кого он будет жить, до самой смерти не встретит он ничего, кроме ужаса перед ним.

Спокойная и счастливая жизнь с Ладой невозможна!

Рени совершенно забыл, что решил вместе с Ладой покинуть эту эпоху, что она сама, пройдя через камеру пришельцев, станет подобной ему самому.

В его ушах неожиданно и отчетливо прозвучали не так давно слышанные слова. Будто сам его учитель оказался рядом и повторил их: «Очень скоро ты поймешь, что я хочу этим сказать. Ты забыл, забыл, что твоя судьба не может быть счастлива в эту эпоху».

Так сказал ему мудрый друг, предвидевший неизбежное наступление этой минуты, в одно мгновение развеявший нелепые, детские мечты!

«У меня не хватит слов объяснить все Ладе, — подумал Рени. — А вести ее навстречу такой судьбе, не объяснив заранее, что ее ждет, — бесчеловечная жестокость. Да и не может она идти таким путем, она женщина. Стать проницаемой для нее равносильно отказу от жизни вообще. Никогда Лада не согласится на это. Значит,

остается одно — оставить ее здесь, пожертвовать своим счастьем. Здесь, в своей эпохе, она найдет другое счастье. А я должен идти своим путем. Пришельцы во всем были правы».

Рени упал на землю и долго лежал так, во власти безысходного отчаяния.

Утренний холод заставил его встать и пуститься в дальнейший путь.

Он шел уже не торопясь. Спешить было незачем. Решение принято, — одно, единственно возможное решение.

Но как невероятно трудно осуществить его!

О возможности погони Рени не думал. Так же как и о голодае.

Он подошел к реке около полудня.

И первое, что увидел, выйдя на берег, была могучая фигура Чеслава, поджидавшего его здесь.

Судьба иногда бывает милостива и поворачивает события так, как бессознательно хотят люди.

Чеслав оказался у реки не случайно. Освобожденные пленницы рассказали ему о том, что Лада и Рени остались в курене монголов. Они добавили, что Ладу поселили в одном шатре с Рени, которого считают колдуном и к которому относятся почтительно.

Чеслав сам видел отношение Джелали к Рени и понимал, чем это вызвано. Он не сомневался, что юноша, любящий его дочь, сделает все для ее спасения. Но что именно? Ведь Рени не знает, что на этом берегу монголов ждет засада, он будет стремиться к бегству на том берегу, до начала переправы.

Чеслав поступил так, как подсказывало ему беспокойство отца за дочь. Ему казалось, что если он сам окажется поблизости, то Ладе будут грозить меньшие опасности при бегстве. Взяв с собой несколько человек, он вернулся в поселок, доставив туда и освобожденных девушек. Местные жители, хорошо знавшие окрестности куреня, посоветовали приближаться к нему с запада. Чеслав так и сделал. И ночью встретил Ладу.

Он тотчас же отправил ее в поселок, а с нею и всех своих спутников, присутствие которых стало теперь не только не нужным, но и опасным. За Рени может быть погоня, а один Чеслав легче спрячется от глаз монголов, чем группа всадников. Задача заключалась только в том,

чтобы встретить Рени и отвести его в тот же поселок. А самому вернуться к отряду, на тот берег.

Чеслав хотел обязательно лично участвовать в уничтожении воинов Чагониза. Только это могло утолить жажду мести.

Он ждал Рени всю ночь.

Вот он, наконец!

— Я давно жду тебя, — сказал Чеслав, не подумав о том, что Рени его не поймет.

Но Рени понял.

— Где Лада? — спросил он.

— Она в безопасности, — ответил Чеслав, удивленный тем, что Рени заговорил по-русски. — Идем!

Рени отрицательно покачал головой. Он не знал слова «безопасность», но чутьем понял, что Лады здесь нет. Чеслав ждет его давно, — значит, он встретился с Ладой также давно и она куда-то ушла. Да и не мог отец оставить дочь в таком месте, где каждую минуту может оказаться погоня. О том, что погони не будет, знал только Рени. По крайней мере он так думал.

— Я не пойду с тобой, — сказал он. — Прощай!

Слова были непонятны Чеславу, но жест достаточно ясен. Рени отказывается идти в поселок.

— Куда же ты пойдешь?

Они говорили на разных языках, но почему-то понимали друг друга.

— Я вернусь к моим друзьям. — Рени протянул руку к западу, где находился лес и Поляна.

— Но ты вернешься?

— Нет.

— Но Лада...

Чеслав увидел, как по темно-красной от загара щеке Рени скатилась слеза.

— Лада! — прошептал Рени.

В этом слове прозвучали бесконечная любовь, муха, отчаяние.

Рени повернулся и подошел к воде. Чеслав кинулся за ним.

Он не мог понять, что случилось. Почему Рени уходит от него и девушки, которую любит? Что с ним произошло?

Рени обернулся и протянул руку.

Хотел ли он оттолкнуть Чеслава или только помешать

ему в намерении схватить себя? Обычай рукопожатия не был известен в стране Моора. Но Чеслав понял его жест именно так. Он порывисто сжал руку Рени.

Могуче, как весь он, русский богатырь, было пожатие руки Чеслава. Он знал, что Рени силен почти так же, как он сам, и не боялся причинить ему боль. Но ему показалось, что он схватил пустоту. Пальцы сжались, не встретив сопротивления. Рука Рени опустилась.

Чеславу показалось, что юноша испуганно посмотрел на свою руку. Потом он повернулся и бросился в воду.

Совсем недавно Рени думал о том, как же перепрavitься через реку не умея плавать. А сейчас он ни о чем не думал и ничего не опасался. Утонуть — значило избавиться от мучительной боли расставания... навсегда.

Инстинкт самосохранения можно преодолеть только силой воли. У Рени ее сейчас не было. Его руки непроизвольно пришли в движение, и сила мускулов легко удержала его на поверхности воды. Если бы он думал, как надо плыть, то не смог бы удалиться от берега даже на несколько шагов. Но он ни о чем не думал и поплыл. Поплыл, как начинают плавать дети, не думающие о возможности утонуть, как плавают животные, которых никто этому не учит.

Чеслав следил за ним, по-прежнему ничего не понимая. Смутное ощущение чего-то необычайного не оставляло его. Он знал, что рука Рени *была* в его руке, но как-то странно высокользнула из нее.

Он видел, как Рени достиг противоположного берега, почти напротив, и, выйдя из воды, пошел, почти побежал, в степь. Его фигура становилась все меньше и наконец скрылась.

Чеслав вздохнул. Бедная Лада! Но он скажет ей, что Рени обещал вернуться, что он ушел к четырем «слугам Перуна», чтобы проститься с ними или привести их с собой. Удар будет смягчен ожиданием, беспокойством, а затем и неизвестностью. Лада никогда не узнает, что Рени просто бросил ее. Она молода и полюбит другого.

Но что же все-таки произошло с Рени?..

Чеслав в задумчивости долго стоял на берегу. Потом он направился к лошадям, спрятанным в густой чаще. Одна лошадь была его, вторая предназначалась для Рени.

Берег опустел.

Плавно катила свои воды река, стремясь к далекому

морю, куда уплыли двенадцать трупов погибших здесь людей. Никакой самый проницательный глаз не смог бы обнаружить следов разыгравшейся трагедии.

Тишина и покой.

Так прошло несколько часов.

Но вот послышался шум, топот копыт и звон оружия. Из чащи леса вылетело пятьдесят всадников. Высокий толстый человек руководил ими.

Джогатай, верный и преданный, как собака, получил жесткий и категорический приказ нойона — догнать, привести обратно, а если это окажется невозможным, уничтожить Рени!

Сутки потребовались Субудаю, чтобы окончательно прийти в себя, осознать все, что случилось, и... забыть о том, что видели его глаза и испытала рука. Он не понимал, как мог промахнуться и вместо Рени ударить мечом по воздуху. А потеря сознания была в его глазах позорна для воина. Обмороки — удел женщин. Нойон был уверен, что весь курень смеется над ним.

И безудержная, туманящая мозг ярость овладела нойоном. Десять воинов, не сумевших задержать Рени, валялись за кольцом повозок со сломанными спинами. Тохучар-Рашид, зная, что в подобном состоянии восточные деспоты способны на самые бессмысленные поступки, скрылся из куреня, приказав своим нукерам, если нойон спросит, сказать ему, что улем забыл передать Джелалю послание к своим родным и отправился на тот берег догнать отряд.

Тохучар-Рашид был мудр и знал, что человеку, против которого затаились злоба и опасение, пельзя находиться на глазах нойона, пока его безумная ярость не пройдет...

Посылать в погоню за одним человеком пятьдесят было совершенно бессмысленно, но Джогатай не посмел ослушаться, и пятьдесят воинов ускакали из куреня буквально через две минуты после получения приказа.

Монголы мчались карьером.

Следы Рени были легко найдены на берегу. Но тут же были обнаружены и другие следы. Джинн находился здесь не один. Человек, бывший с ним, повернулся в лес.

Кто он?

К счастью для Чеслава, Джогатай не очень задумался над этим вопросом. Кто бы ни был второй человек, нойон ничего не сказал о нем. Джинн переплыл реку, а этот

второй вернулся назад. Пусть идет куда хочет. Джогатаю до него нет дела.

Он первым пустился вплавь через реку.

На другом берегу следы были еще отчетливее. Джинн пошел прямо на запад.

Вперед, за ним!

КУРГАН

Истекали последние дни, назначенные пришельцами для возвращения Рени. Если он не вернется за это время, придется покинуть его здесь, продолжать путь в будущее без него.

Им было жаль своего молодого спутника, которого они искренне полюбили, но ждать дольше они не могли!..

Тяжелые испытания выпали на долю пришельцев.

Картина, представившаяся их глазам, когда, ничего не подозревая, они вернулись в поселок, после ночи, проведенной в камере, показалась им бессмысленным кошмаром. Они не были подготовлены к подобному жуткому зрелищу и никогда не могли бы даже вообразить возможности такого ужаса. Среди развалин, зарубленные или пронзенные стрелами, лежали перед ними мужчины, женщины, дети.

Потрясение было так сильно, что даже пришельцы, люди ясного ума и сильного характера, не выдержали. Они бросились прочь.

Бежать, бежать в будущее, сейчас, немедленно!

Но пошатнувшийся разум успокоился и пришел в нормальное состояние еще по дороге к Поляне.

Пришельцы вернулись.

Они знали историю своей планеты. Когда-то, в далеком прошлом, их родина видела такие картины. Они поняли, что здесь произошло нападение враждебного племени, нападение неожиданное, потому что ни одного трупа, кроме жителей поселка, не было. Битвы не произошло, поселяне были застигнуты врасплох.

Трупов Рени и Чеслава они не нашли. А о Ладе пришельцы совсем забыли.

Значит, Рени жив. Его и Чеслава не убили, а взяли в плен. И увезли куда-то, вероятно, связанными.

Высоко развитое чувство гуманности и уважения к человеку не позволило пришельцам оставить трупы валяться

ся среди развалин и стать добычей диких зверей и птиц, которые уже летали над бывшим поселком в огромном количестве.

И четверо ученых взялись за неприятную и непривычную им работу.

Целый день повадобился им, чтобы собрать всех убитых в одно место, сложить гигантский костер и сжечь трупы.

Чтобы не чувствовать ужасающего смрада горящего мяса, они сразу отправились в другой поселок, где про- делали то же самое. На это ушел еще один день.

Потом они пошли в третий поселок.

Все это время они питались тем, что находили на огородах.

Покончив наконец с тяжелой обязанностью, они вернулись на Поляну.

И здесь поразил их второй удар, еще более неожиданный и страшный...

Смерть друга!

Смерть товарища и спутника по дороге времени!

Тот, кто был учителем Рени, кто был самым старшим из них, внезапно скончался. Настолько внезапно, что остальные трое не успели принять никаких мер. Точно сразил человека удар молнии.

Пришельцы не были бы крупными учеными, если не смогли бы понять причину этой смерти.

Это было еще страшнее, чем самый факт!..

Отправляясь в свой рискованный путь, они считали, что лучшей защитой от насильственной смерти на чужой и незнакомой планете, где могли встретить их не друзья, а враги, является проницаемость. На их родине умели ее вызывать, но еще не испытывали на практике. Влияние проницаемости на жизненные процессы в живом организме не было изучено.

Они четверо пошли на это, сознавая, что идут на большой риск. Но ведь и все их путешествие на Землю было сплошным риском!

И вот с беспощадной ясностью встала перед ними жестокая истина.

Товарища убила проницаемость!

Никакого сомнения в этом не могло быть. Симптомы смерти были очевидны.

Троим стало ясно, что они обречены. Неумолимая

смерть ожидает их, по всей вероятности, в ближайшее время.

Спасение было только в одном, но у них не было никаких средств прибегнуть к единственному способу — вызвать депронациаемость!

Никаких!

Это могли сделать только будущие люди Земли!

В том случае, если развитие науки окажется достаточным через тысячу лет.

Но отправляться в это будущее надо было как можно скорее!..

Трое пришельцев не кипулись в камеру!

Больше того! Они остались на Поляне еще на пять суток.

Инстинкт самосохранения не смог преодолеть сознания ответственности за жизнь еще одного человека. Ведь они сами сделали Рени проницаемым!

Он должен был вернуться!

Они точно знали, когда закончится процесс изменения тканей в теле Рени. А когда он станет таким же, какими были они, то получит и полную возможность освободиться. Никто не сможет насилино задержать его.

Рени вернется!

И какая бы опасность ни грозила им самим, пришельцы знали: они не уйдут в будущее без Рени, пока есть хоть малейшая надежда спасти и его от неизбежной смерти. Смерти, в которой виноваты были они!..

Опасаясь, что Рени не сможет быстро найти Поляну, пришельцы приняли меры указать ему путь.

Потянулось время ожидания, тяжелое время для пришельцев...

Пепел четвертого костра не давал забыть...

Рени шел на запад, никуда не сворачивая, час за часом. Он совсем упустил из виду, что отряд Джелала почти сутки двигался берегом реки, пока не дошел до места переправы. А сам Рени пошел от этого места прямо.

Приметы дороги, которые он тщательно запоминал, ни разу не попадались на его пути. Местность была совершенно незнакома. Но Рени не обращал на это внимания. Он почему-то твердо верил, что найдет Поляну. Мысли о покинутом счастье, оставшемся позади в образе Лады,—

счастье, в одно мгновение ставшем недостижимым, невозможным, превратившемся в пожизненное несчастье, не давали ему сосредоточиться и сознательно искать путь. Он шел наугад, инстинктивно выдерживая направление на запад.

Шел день и всю ночь.

Он не замечал голода, еще не подточившего его силы, хотя не ел уже двое суток. И двое суток не спал. Он шел и шел, как автомат.

Те, кто его преследовал, были на лошадях. Но они устали и остановились на ночь, тем самым увеличив расстояние до преследуемого на ту же величину, которая была между ними в начале погони. Джогатай не мог и подумать, что Рени совсем не остановится.

Слепая судьба снова отнеслась милостиво к беглецу. В первый раз она избавила Рени от непереносимо тяжелого свидания с Ладой, от мучительного прощания с ней. Теперь она направила его шаги по правильному направлению, которое сократило ему путь к Поляне по крайней мере на два дня. Джелаль, не зная местности, пошел кружным путем, что и заставило его следовать к перевправе берегом реки. Рени, еще менее знакомый с дорогой, пошел кратчайшим путем.

И когда ночь одела все непроницаемым мраком, Рени достиг леса, в котором находилась нужная ему Поляна, не зная, что этот лес именно тот самый, а не другой, попавшийся случайно на его дороге. Он подумал, что этот лес другой, потому что помнил о трех днях пути с отрядом Джелала, а он сам шел всего один день.

Здесь Рени решил наконец отдохнуть несколько часов. Менять направление он не хотел, а продираться в темноте сквозь лес было неразумно.

Но его мучила жажда.

Рени остановился и прислушался. Где-то близко шумел ручей. Он направился в сторону этого звука.

Неожиданно посветлело. Рени понял, что вышел на Поляну. Под ногами зашелестела мягкая трава. Ручей протекал где-то здесь.

Вскоре Рени увидел его. Струйки воды искрились и поблескивали.

Но кругом темно, как и должно быть ночью, когда нет луны. Откуда же этот блеск?

Рени огляделся и неожиданно увидел справа и немно-

го впереди, над деревьями, словно зарево далекого пожара или, более близкого, огромного костра. Но это зарево не имело красноватого оттенка, оно было белым и показалось Рени удивительно знакомым.

Где он видел такой свет?

И вдруг Рени вспомнил: отблеск белого света, ложившийся на город, когда в доме Дена всыхивал черный шар.

Точно такой же шар, какой находился в камере приспельцев.

Догадка заставила его мгновенно забыть об усталости, жажде, обо всем на свете.

Друзья не ушли!

Они ждут его, для него вынесли из камеры черный шар!

Это он, загадочный и непонятный, указывает Рени путь!..

Всадники все же продвигались вперед быстрее и почти догнали Рени. Они оказались на опушке леса через несколько минут после того, как он направился к ручью.

И они также увидели справа от себя белое зарево.

Оно не было похоже на лунную или солнечную зарю, пожар или костер. Оно ни на что не было похоже. Оно было непонятно и пугающе.

Нукер был храбр и ничего на свете не боялся. Но если бы он даже и испугался, то все равно выполнил бы приказ своего хозяина, которого, как верный пес, не рассуждая, слушался.

По его приказу воины срезали смолистые ветви и зажгли их. При свете этих факелов следы Рени снова были найдены. Они вели в глубь леса.

Лесная чаща — это не степь. Находить в ней следы труднее. Джогатай решил не останавливаться, а продолжать преследование. Если джинн вошел в лес для того, чтобы переспать ночь, они найдут и захватят его сонного.

Отряд спешился, лошадей приходилось вести на поводу.

Продвигались медленно. Когда вышли на поляну, обнаружили, что джинн повернул в сторону загадочного зарева.

Неужели именно туда он и стремился? Такое предпо-

ложение могло испугать кого угодно, но Джогатай не боялся и джиннов.

А воины не смели показать страх.

Вскоре факелы стали уже не нужны. Белый свет усиливался с каждым пройденным шагом. Он пробивался сквозь толщу леса и освещал дорогу.

Воины невольно замедлили шаг. Не будь с ними начальника нукеров Субудай-нояона, они повернули бы обратно.

Все ярче и ярче освещался их путь. Деревья и заросли стали видны, как днем. Свет слепил глаза. Словно огромный клубок светящегося тумана появился впереди них.

Джогатай остановился.

Он не боялся, но не мог понять. Что же это такое?

С чувством облегчения остановились и его воины.

И вдруг... свет погас. Мгла окутала лес, и после яркого света глаза не могли различить ничего. Полная темнота.

Это было уже чересчур загадочно даже для бесстрашного Джогатая.

Отряд простоял на месте до рассвета.

Солнце прогнало ночные страхи, лес стал самым обыкновенным, как все другие леса, и не пугал ничем.

Монголы пошли дальше.

И вот перед ними удивительная картина...

Кольцо поваленных стволов окружало поляну. На ее середине тускло блестел непонятный предмет, точно высокий пень гигантского дерева. На нем — деревянная фигура.

Никого! Тот, кого они преследовали, куда-то исчез. Но, может быть, он миновал поляну и углубился дальше, в лес?

Джогатай отдал приказ.

Опытные в таких делах воины осмотрели завал со всех сторон. Следов не было нигде, только на самой поляне, внутри завала. Но следов было много, и они принадлежали разным людям, а не одному только джинну. Его следы вели прямо к «пню».

Джогатай внимательно осмотрел странный «пень», блестевший, как металлический. Он заметил едва видную щель — что-то похожее на вход.

Значит, джинн там, внутри «пня».

Но не может же он сидеть там все время. Рано или

поздно выйдет! Джогатай постучал рукояткой меча. Никакого результата. Из «пня» не раздавалось ни звука.

Пятьдесят воинов затаились вокруг завала.

Они ждали, но никто не выходил. Так прошел весь день.

Джогатай был упрям. Всю ночь горели факелы, всю ночь его люди снова не спали.

Наступило утро.

Странное убежище джинна все так же было закрыто, и безмолвие ничем не нарушалось. Казалось, внутри «пня» вообще никого нет. Но следы не могли обманывать опытных следопытов. Джинн там!

Могло ли прийти в голову монголам, что те, кто заперся в «железном пне», давно уже «покинули» его, уйдя в будущее!

Прошел еще один день.

— Пусть будет так! — сказал Джогатай.

Он отдал новый приказ.

Началась тяжелая работа. И продолжалась три дня. «Пень» скрылся из глаз. В лесу вырос высокий курган. Там, в земле, умрет от голода и жажды или задохнется упрямый джинн!

Приказ Субудая выполнен!

Годы сменялись десятилетиями, десятилетия — веками.

Лесной курган зарос деревьями. Завал сгнил и рассыпался в прах.

Лес разросся и захватил места, где когда-то находились поселки беглецов. Поляна оказалась в непролазной чащобе.

Над Русью шло время.

ЭПИЛОГ

Проближался короткий вечер тропиков.

Бесощадное солнце экватора опустилось почти до горизонта, ослабив жгучий огонь своих лучей. Тени пальм легли на еще горячую землю причудливой паутиной.

Небо было безоблачно, а океан спокоен и неподвижен.

Здания города остались позади. Два человека шли быстрым шагом по узкой тропинке, змеившейся у самого берега, повторявшей все его извилины.

Оба были одеты во все белое.

Последние дуновения бриза приятно обвевали их лица и обнаженные выше колен ноги, еще хранившие палящий зной дня. Скоро прекратится и этот слабый ветер, сменившийся закатным штилем, предвестником прохладного ночного ветра, накапливающегося сейчас среди низких холмов и колоссальных зданий гигантского планедрома,

Полвека назад остров Сан-Паулу служил главной базой, куда со всех концов Земли огромные планелеты доставляли бесчисленные грузы «ЭПРА». Отсюда они шли нескончаемым потоком на дно Атлантического океана, где круглые сутки не прекращалась работа строителей.

Замерла жизнь дна. Погасли ослепительные прожекторы, создававшие на поверхности океана ясно видимую в темные ночи тысячекилометровую светящуюся полосу. В подводном мраке застыли на века огромные трубы, поддерживающие и питающие коллекторные плиты, неустанно подогревающие «печку» Европы — Гольфстрим. И остров Сан-Паулу, с городом и планедром, выстроенными той же «ЭПРА», остался памятником грандиозному делу, осуществленному людьми.

Замер остров, превратившись в обычный населенный пункт, заброшенный на самую середину беспредельного океана. Рейсовые планелеты изредка оживляли своим появлением исполинский порт, рассчитанный на прием сотен воздушных лайнеров. Скучно и мертвое окружали его просторные здания, в которых никто не жил.

Бывший в течение четверти века центром внимания всей земли, остров снова превратился в ничего не значивший клочок суши.

Но не надолго.

Ученые точно установили, что Сан-Паулу является частью Атлантиды и что гора, вершиной которой он был, возвышалась именно на том острове, на котором была расположена страна Моора, родина Рени — пришедшего к современным людям атланта.

И интерес к острову вспыхнул с новой силой...

Два человека торопились.

— Меня беспокоит, когда Рени не возвращается слишком долго, — сказал Тиллак.

— Он любит одиночество, — отозвался Ким. — А что именно тебя тревожит?

Ученый ничего не ответил.

Ким не повторил вопроса. В сущности, он и не нуждался в ответе, хорошо зная опасения не Тиллака, а всего населения Земли.

Поведение Рени внушало тревогу...

Прошло несколько месяцев после памятного дня, когда открылась дверь цилиндра и четверо людей, пробывших в нем двенадцать тысяч лет, закончили поражающее воображение путешествие по времени.

Четверо вступили в новую, вторую жизнь!

Все, что их окружало, было незнакомо и чуждо им. Но если трем пришельцам жизнь современной Земли могла чем-то напоминать их первую жизнь, то для атланта Рени в ней не было ничего, хотя бы отдаленно напоминающего прошлое.

Ничего! Ни одной черты!

Родиной пришельцев была их планета. И родина ждала их.

Родиной Рени была страна Моора. И ее не существовало.

Трое пришельцев были предками современных жванцов, и на родной планете могли жить их прямые потомки.

Рени не мог найти на Земле ни одного человека, близкого ему по крови.

Атлант был один!

На пороге камеры пришельцев встретили их братья. Рени увидел чужих. Сознание, сформированное в рабо-

владельческом обществе, не могло сразу воспринять попытке о единстве человечества.

Современный мир не пугал Рени. Подобно своим спутникам, он с интересом, без тени страха, всматривался в незнакомую ему жизнь, но ни разу не задал ни одного вопроса.

И одно только это настораживало!

Жвановцы опасались «страха настоящего». Его не было у Рени. Но было другое, с каждым днем становившееся отчетливее и яснее, — отчужденность!

В умственном отношении атлант не вызывал опасений. Было очевидно, что он может освоиться в новой среде, занять свое место в обществе новых современников.

Весь вопрос был в том, сможет ли Рени преодолеть внутренний кризис, почувствовать в окружающих людях своих братьев, полюбить их так, как они полюбили его. Сумеет ли он забыть прошлое.

Пока что отчужденность не уменьшалась, а увеличивалась.

Пришельцы покинули Землю, и Рени не выразил желания сопровождать их. Это можно было расценить как любовь к Земле, но Тиллак, которому было поручено наблюдение за психикой атланта, заявил, что поступок Рени объясняется проще и опаснее — равнодушием. Ему были одинаково чужды и Земля и планета жвановцев.

— Кризис обостряется и становится глубже, — сказал Тиллак.

Оставшись один, Рени вынужден был заговорить. И оказалось, что он достаточно хорошо владеет древнерусским языком, чтобы быть понятым.

И первое, что он сказал, был вопрос — может ли он переселиться на территорию своей родины, жить там, где находилась страна Моора?

Пришельцы признались, что так и не решились сообщить Рени о гибели его родины, о чем они догадывались по тому факту, что оказались в резервной камере.

Вопрос Рени поставил близких к нему людей в очень затруднительное положение. Сказать правду — означало во много раз уменьшить шансы на быстрое «излечение» Рени, означало усилить переживаемый им кризис. Не сказать — еще хуже! Рени не смог бы попять, почему ему отказывают в его естественном желании почувствовать под ногами родную почву.

Но отвечать было надо. И Рени сказали полуправду:

— Твоя родина опустилась в воду. От нее остался небольшой остров. Если ты хочешь, то можешь жить там.

И Рени, сопровождаемый Тиллаком, ученым-специалистом по славянским языкам, и Кимом, к которому почему-то чувствовал симпатию, оказался на Сан-Паулу.

Какое впечатление произвело на него полное отсутствие чего бы то ни было напоминающего прежнее, осталось неизвестным. Он ничем не выразил своих чувств.

С утра до вечера, не обращая внимания на палиящий зной, бродил атлант по берегу океана, в одиночестве, отказываясь от общества даже Кима. И каждый день трое «опекунов» с трепетом ожидали его возвращения.

Кризис мог закончиться двояко. Либо Рени его преодолеет, и тогда все пойдет естественным путем, либо... Но люди Земли боялись и думать о том, что может тогда произойти.

— Самоубийство не исключено, — сказал Тиллак...

Солнце опустилось совсем низко. Еще немного, и оно скроется за линией горизонта. Тропическая ночь окутает остров непроницаемым мраком. Как тогда найти Рени?

Где он? Почему сегодня не пришел в обычное время?

Даже всегда хладнокровный Ким начал волноваться.

— Вот он! — облегченно вздохнул Тиллак.

На конце узкого мыса застыла бронзово-красная статуя. Голова Рени была низко опущена, и во всей его фигуре, в позе, во всем чувствовалась безысходная печаль.

О чем он думал, глядя на волны, поглотившие его родину?

Какое решение он принял?

Человек и его время неразделимы!

Ни в прошлом, ни в будущем человек не может быть счастлив. Его счастье — в настоящем, каково бы оно ни было. В том, с чем он связан бесчисленными нитями с момента рождения, в том, что создало и сформировало его сознание и восприятие окружающего мира.

И вне этого мира для человека нет и не может быть подлинной жизни.

Разум человека живет в среде, которой он создан.

И эта среда для него единственная!

ОГЛАВЛЕНИЕ

Книга первая Машинка времени

Часть первая

«Фантаст»	7
Найдено	11
«Сpirаль времени»	18
Рукопись Даира	23
Неожиданность	30
Идея	36
«Железный пень»	43
А что дальше?	49

Часть вторая

База № 16	57
«ЭПРА»	63
Закладка трубы	70
В плену	77
Старая загадка	85
Наконец-то!	93
Третья загадка	99
Они живы!	106

Часть третья

Поиски	115
Второй цилиндр	123
Решение близко!	130
Открытие	140
Испытание	148
Начало эры	153
Контакт	160

Часть четвертая

На родине пришельцев	171
Жван	177
Планеты-сестры	185
Планеты-сестры (продолжение)	193
Последняя задача	201
«Технический вопрос»	206
Эпилог	212

Книга вторая Витки спирали

Часть первая

На заре цивилизации	217
Верховный жрец	224
Рассказ Дена	231
Что было двенадцать лун назад	239
Черный шар	248
Пришельцы	255
Рени	265

Часть вторая

Два разговора	275
План Доба	283
Накануне торжества	290
Смерть Дена	298
Как спасти Рени?	307
Приговор Гезы	315
Прощание	323
В цилиндрической камере	331

Часть третья

Алыб-барын!	341
Беглецы	349
Что видела Любава	356
Вторая встреча	363
«Слуги Перуна»	371
На «остановке»	378
На «остановке» (продолжение)	384
Отказ	391
Решение Рени	396

Часть четвертая

Посол великого кагана	405
Поручение	412
Катастрофа	421
Дорога в рабство	428
Памятная ночь	438
Бегство	446
Финал	454
Курган	460
Эпилог	467

СПИРЛЬ ВРЕМЕНИ

ГЕОРГИЙ МАРГАРИНОВ

